

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Институт стран Азии и Африки

**ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

Тезисы докладов научной конференции

(Москва, 16 апреля 2018 г.)

Москва
ТЕЗАУРУС
Языки Народов Мира
2018

УДК [008+32/34+8/9](5/9)(06)
ББК 71(5+6)+63.3(5+6)+66/67(5+6)+81(5+6)
Л75

Утверждено к печати
Учёным советом ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова

Ответственный редактор:
д.филол.н. Н. С. Кулешова

Л75 Ломоносовские чтения. Востоковедение : Тезисы докладов научной конференции (Москва, 16 апреля 2018 г.) / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки ; [отв. редактор Н. С. Кулешова]. — М. : ТЕЗАУРУС; Языки Народов Мира, 2018. — 360 с.

ISBN 978-5-98421-344-8

Предлагаемое издание представляет собой сборник тезисов докладов профессоров, преподавателей и научных сотрудников ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, а также приглашённых специалистов из ряда ведущих академических институтов и общественных организаций г. Москвы, подготовленных для научной конференции «Ломоносовские чтения. Востоковедение» (Москва, 16 апреля 2018 г.).

Тезисы печатаются в авторской редакции и с одобрения заведующих соответствующими кафедрами и руководителей подсекций.

УДК [008+32/34+8/9](5/9)(06)
ББК 71(5+6)+63.3(5+6)+66/67(5+6)+81(5+6)

ISBN 978-5-98421-344-8

© ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018

Содержание

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

<i>Вигасин А. А.</i> Название письма кхароштки	13
<i>Грачёв М. В.</i> «Хаято» и «эмиси» при императорском дворе в эпоху Хэйан	15
<i>Никольская К. Д.</i> Налог на бездетность по-индийски, или Добро пожаловать в ад!	17
<i>Попова Г. С.</i> Герои древнекитайских мифов в Шуцзине («Канон записей»)	19
<i>Ульянов М. Ю.</i> Жрецы-музыканты группы <i>ши</i> 師 периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): должностные обязанности и место в культуре	22

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

<i>Бектимирова Н. Н.</i> Деятельность оппозиционных сил в современной Камбодже: сильные и слабые стороны.....	26
<i>Волчкова Е. В.</i> Гуань Цяочан (1801–1860) и живопись «европейского стиля» в Гуанчжоу XIX века	28
<i>Жигульская Д. В.</i> Община езидов в Турции: со времен Османской империи до наших дней	30
<i>Каимова А. С.</i> Проблема «тайваньской идентичности» в политике Цай Инвэнь в первые годы ее президентства (2016–2018)	32
<i>Коняшкина Т. А.</i> Внешний фактор в джангалийском движении: младотурки и большевики в Гиляне	34
<i>Литилина И. Н.</i> Политические перспективы в Таиланде	36

<i>Наливайко О. А.</i> К вопросу о японской медицине в эпоху Мэйдзи (1868–1912)	37
<i>Новакова О. В.</i> Формула развития вьетнамского коммунистического движения в первой половине XX в.	39
<i>Подоплелов С. А.</i> Анклавные территории в пограничном споре Индии и Бангладеш (правовые аспекты)	42
<i>Сафронова А. Л.</i> Научно-аналитические центры Индии: специфика развития	44
<i>Симонова-Гудзенко Е. К.</i> Географическое сочинение японского мыслителя Фукудзава Юкити (1835–1901)	47
<i>Спектор И. Б.</i> Смена столицы Британской Индии в 1911 году: новый этап колониальной политики	49
<i>Сучков Г. В.</i> Малайзия на пороге выборов: последние месяцы перед схваткой	51
<i>Тертицкий К. М.</i> Китайская Кяхта и ее название	52
<i>Фурсов К. А.</i> Роль западных спецслужб в распаде колониальной системы	55
<i>Шарова А. Б.</i> Библиографическая основа географического сочинения Утида Масао "Ёти сиряку"	57
<i>Шлыков В. И.</i> Эволюция партийной системы Турецкой Республики во второй половине 1940-х – 1970-е гг.	59
<i>Шлыков П. В.</i> Концепт «турецкой модели» в сравнительно-исторической перспективе: от евроинтеграции к девестернизации	62

Политология

<i>Арсанова Т. Е.</i> Образовательные проекты Юнеско на Ближнем Востоке и политические последствия их реализации	66
<i>Ахтамзян Н. А.</i> Сирийский кризис в зеркале немецких СМИ	69
<i>Кулешова Н. С.</i> Политические проблемы евразийской интеграции	72
<i>Кутюва Е. А.</i> Некоторые проблемы развития АСЕАН на современном этапе	75
<i>Пархимович В. Л.</i> Трансформация института главы государства в странах Азии в конце XX – начале XXI века	78
<i>Романова И. А.</i> Деятельность Японского Фонда (Japan Foundation) как инструмента в политике «мягкой силы» Японии	81

<i>Сергеева А. А.</i> Китайская диаспора в реализации концепции «Один пояс – один путь»	85
<i>Смирнов Д. А.</i> XIX съезд КПК об идейно-политических аспектах нового этапа развития КНР	86
<i>Солодовник Д. М.</i> ЮНЕСКО и ее Новый Евразийский проект	88
<i>Стрёмовская А. Л.</i> Миротворческая деятельность Африканского союза	92

Языкознание

<i>Аганина Г. Р.</i> Фонетическая система арабского языка в арабской лингвистической традиции и ее связь с системой графических знаков	96
<i>Бессонова Е. Ю.</i> Игровые технологии, направленные на запоминание лексики аутентичных новостных текстов на японском языке	98
<i>Берзигиярова М. П.</i> Ломаное множественное число в «Книге» Сибавайхи: модели-партнеры и модели-конкуренты	100
<i>Быкова С. А.</i> Диалектизмы в индустрии туризма в Японии	102
<i>Вихрова А. Ю.</i> Явление ретрофлексии в современном китайском языке и диалекте китайского языка Гоюй	105
<i>Воронцова М. В.</i> Образовательные концепции и методы преподавания иностранных языков: история и современность	107
<i>Громова А. В.</i> Диалектальная топонимия остана Фарс	109
<i>Закрыжевский М. Ш.</i> Переключение языкового кода в Египте: причины и механизмы	112
<i>Захарьин Б. А.</i> Индоарийский в Тихом океане: фиджийский хинди	114
<i>Зиза М. В.</i> О возросшей актуальности и проблемах при обучении аудированию на английском языке	116
<i>Иванов В. Б.</i> «Основные типы персидских предикативных безглагольных фразеологизмов»	119
<i>Иванова О. А.</i> Влияние экстралингвистических факторов на репрезентацию <i>der Fremde/ Чужого</i> в немецких СМИ	121
<i>Клюкина Е. В.</i> Лексический прайминг – теория и практические выводы	124

<i>Крнета Н.</i> Женская речь в японском языке и «ролевой язык» – где провести границу?	126
<i>Курочкин В. Г.</i> «Особенности употребления речевых оборотов с лексемой сокуро: в бизнес коммуникации»	129
<i>Лебедев В. В.</i> Арабский глагол в атемпоральных синтаксических позициях. Противоречие между субстанцией и функцией предикативных структур в системе литературного арабского языка (Вопросы теории арабской грамматики)	131
<i>Левченко Е. Н.</i> Синтаксическая структура в японском предложении: диахронический анализ	133
<i>Мяо Чюнь</i> Плеоназм как способ словообразования в китайском языке (на материале двусложной количественной единицы с сочинительной синтаксической структурой)	136
<i>Нечаева Л. Т.</i> Соединительное союзное слово <i>мата</i>	138
<i>Павловская О. А.</i> Не царское это дело? Особенности изучения иностранных языков российской элитой	141
<i>Панина Е. В.</i> Тексты СМИ на хинди и их лексико-семантическая специфика	142
<i>Порхомовский М. В.</i> Год турецкого языка в Турции	143
<i>Сафронова В. Б.</i> Франкофония в Канаде: социолингвистический аспект	144
<i>Силаева О. Р.</i> Неологизмы в современном английском языке	147
<i>Софронов М. В.</i> Референция в диалектах Центральной Равнины Китая	150
<i>Тихонова М. В.</i> Германистика в историческом и предметно-методологическом контексте	154
<i>Фролова Е. Г.</i> Языковая ситуация в мусульманских районах Филиппин и роль образования в ее формировании	156
<i>Халютин М. Е.</i> Перевод как средство развития основных видов речевой деятельности на 4 курсе бакалавриата ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова	158
<i>Хохлова Л. В.</i> Семантика «легких» глаголов в языке хинди	161
<i>Шихзаманова Л. Э.</i> Обратная связь от студентов как вспомогательное средство для подготовки и проведения занятий	163
<i>Шихзаманова Т. Н.</i> К вопросу о методе «погружения»	165

Литературоведение

<i>Акимушкина Е. О.</i> Эволюция жанра <i>шахрашуб</i> в поэзии на фарси и урду XVIII–XIX веков: творчество Назира Акбарабади	168
<i>Аксенова А. В.</i> Влияние прерафаэлитов на ранний период творчества У. Б. Йейтса	170
<i>Бакланова Е.</i> Традиционное и новое в тагальской прозе Макарио Пинеды (1912–1950)	172
<i>Барабоскин К. Е.</i> Классификация литераторов в трактате <i>Луньхэн</i> («Весы суждений») Ван Чуна (I в. н.э.)	174
<i>Башелешивили Л. О.</i> Обстоятельственные добродетели и их агиографические истоки	176
<i>Волкова К. Б.</i> Оригинальная адаптация трагедии У. Шекспира «Отелло» королем Вачиравудом	178
<i>Гурия А. Г.</i> Поэт-мятежник в современной поэзии хинди	180
<i>Давыдова А. А.</i> Принцип «отражения жизни» в понимании Нацумэ Сосэки и его отличия от метода реализма	182
<i>Ершова Ю. С.</i> Изображение виртуальной реальности в романах индонезийской писательницы Деви Лестари	184
<i>Колесникова Н. В.</i> Новое явление в мировой культуре: писатели-иммигранты афро-азиатского происхождения	186
<i>Кукушкина Е. С.</i> Творчество Бидина Субари: начало и конец реализма в малайской драматургии?	188
<i>Никольская С. В.</i> Феномен заглавия в современной китайской литературе	190
<i>Оганова Е. А.</i> Проблема страха в современной турецкой драматургии	193
<i>Осипова К. Т.</i> Искусство красноречивых высказываний на примере трактатов ал-Вашша '«Китаб ал-мувашша» и «Китаб ал-фадил»	195
<i>Поспелова М. К.</i> Жанр «Стихотворение в прозе» в литературе Китая. Первые десятилетия XX века	197
<i>Рейснер М. Л.</i> Романические истории в религиозно-мистических поэмах Фарид ад-Дина 'Аттара (XII в.)	200
<i>Репенкова М. М.</i> Язык текстов современной турецкой детективной прозы	202

<i>Садокова А. Р.</i> Японский мифологический богатырь Ямато-такэру и культ горы Митакэсан	205
<i>Сафронов В. В.</i> Категории описания «Современной арабской поэзии»	207
<i>Семенов И. И.</i> Возникновение риторики и поэтики в Китае	208
<i>Сёмина А. И.</i> Категория «тахаллус» в турецких <i>кыт'а</i> XV–XIX вв.	211
<i>Стрелкова Г. В.</i> Первый рассказ хинди «Она сказала» Ч. Ш. Гуллери, его перевод на русский, экранизация и литературное продолжение	213
<i>Таирова И. А.</i> Суфийские мотивы в творчестве И. А. Бунина	215
<i>Фролова М. В.</i> Дангдуг и мораль: рассказ «Одержимые танцы» Интан Парамадиты (2008)	218

Африканистика

<i>Гришина О. А.</i> Применение методов корпусной лингвистики для анализа экономических медиатекстов на суахили	220
<i>Громова Н. В.</i> Жанр «загадка» и его структурно-семантические особенности в языке суахили	222
<i>Кравченко С. Л.</i> Структурные типы фразеологических оборотов в амхарском языке	225
<i>Милюкова О. Э.</i> Омонимия и полисемия в языке кереве	227
<i>Порхомовский В. Я.</i> Формирование терминологических систем в младописьменных языках Африки в зеркале перевода (<i>Работа подготовлена при поддержке РФФИ, грант №16-04-00373 "Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций", 2016-2018</i>)	230
<i>Ренжин А. П.</i> Калькирование как один из способов пополнения словарного состава современного амхарского языка	232
<i>Суетина Ю. Г.</i> Различия в переводах Библии на язык хауса (Евангелие от Матфея)	235
<i>Урб М. Р.</i> Фразеологизмы языка африкаанс с компонентом цветообозначения	238
<i>Шатохина В. С.</i> Синтаксические структура пословиц и поговорок суахили (к вопросу о модальности)	241

Экономика стран Азии и Африки**Круглый стол «Проблемы качества экономического роста в странах Азии и Африки»**

<i>Бойцов В. В.</i> Экономический рост в современной Малайзии: основные факторы и итоги	245
<i>Бочарова Л. С.</i> Альтернативная энергетика как новое направление экономического развития ОАЭ	247
<i>Карзанова И. В., Касимовская Е. Н.</i> Открытые инновации как драйвер экономического развития: опыт китайских компаний	250
<i>Матюнина Л. Х.</i> Теневые банки развивающихся стран: особенности развития (2011–2016 гг.)	252
<i>Мельянцева В. А.</i> Важнейшие составляющие, факторы и ограничители долговременного экономического роста арабских стран в глобальном контексте	255
<i>Сучкова А. А.</i> Международный туризм – инструмент инклюзивного развития в странах Африки	257
<i>Тимонина И. Л.</i> К новому качеству роста: две структурных трансформации японской экономики	259
<i>Ульченко Н. Ю.</i> Турция: проблема смены парадигмы экономического роста	261
<i>Цветкова Н. Н.</i> Качество экономического роста и инновации: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг в странах Азии и Африки	264

Религии, философия и культура на Востоке

<i>Башелешвили Л. О.</i> Епитимьи в памятниках древнегрузинской литературы	266
<i>Бочковская А. В.</i> Гуру-грантх в современной Индии: пространство единения и раскола	268
<i>Волхонский Б. М.</i> Об этноботаническом подходе к анализу текстов традиционных культур (на примере «Дхаммапады»)	270
<i>Дулина А. М.</i> Легенда о «невесте солнца» Оохирумэ. Вариации японского «императорского мифа»	272
<i>Захарьин Б. А.</i> «Ранжирование» покойников и соответствующие поминальные обряды в Индии эпохи вед	273

<i>Кириллина С. А.</i> ал-Мадина ал-Мунаввара / Медина Пресветлая: опыт визуализации основных сакральных объектов	275
<i>Краюшкин Н. Р.</i> В поисках духовного знания: дамаский суфий ‘Абд аль-Гани ан-Наблуси и его путешествие по Великой Сирии 1693 г.	277
<i>Кудряшова А. В.</i> Японская традиционная культура «Путь Чая» в рисунках и гравюрах «нисики-э» конца XIX – начала XX вв.	279
<i>Курочкин В. Г.</i> Дзиун Онко: и его критика учения буддийских школ эпохи Эдо	282
<i>Орлов В. В.</i> Шерифы-воины, шерифы-миротворцы: социально-политическая инверсия в традиционном марокканском обществе	284
<i>Петров И. А.</i> Характерные черты индусской общины Хайдарабада	286
<i>Соловьева Д. В.</i> Взаимоотношения марокканского двора и суфийских обитателей (XVII – начало XIX вв.): динамика и тенденции	288
<i>Старикова М. Н.</i> Дискуссия о мусульманской «формуле развода» в современной Индии	290
<i>Хохлова Л. В.</i> Касты в сикхской общине Индии и в диаспоре	292
<i>Якушев М. М.</i> Кофе в описаниях русских паломников XVIII – первой половины XIX в.	295

**Круглый стол «Актуальные проблемы
Центральной Азии и Кавказа»**

<i>Акинина О. Г.</i> Исламский университет «Нур» в Казахстане	298
<i>Али Арамджу (Иран).</i> Баха’ ад-Дин Накшбанд и вопрос Зикра (пения) в братстве Накшбандии	301
<i>Гаджиева А. А.</i> Концепт «рука» и его отражение в арабском, казахском и русском языках (на материале фразеологизмов)	303
<i>Ганич А. А.</i> Педагогическая деятельность азербайджанского просветителя Рашид-бека Эфендиева	305
<i>Жигульская Д. В.</i> Роль Ахмед-бека Агаева в развитии концепции тюркского национализма	308

<i>Зайцев И. В.</i> Исламские рукописи в Астрахани	309
<i>Исмаилова Л. Г.</i> Азербайджанские пословицы: происхождение, синонимы, перевод	310
<i>Кадырбаев А. Ш.</i> «Революция трех округов»: образование и крах Восточно-Туркестанской республики. 1944–1949	314
<i>Караев Т. М.</i> Истины прошлого – ключи к пониманию настоящего, а может и будущего...	317
<i>Касимовская Е. Н.</i> Культурные ценности современного Казахстана: переходный характер и направления эволюции	320
<i>Кореев Т. К.</i> Хивинское историописание XIX в. как продолжение тюрко-иранской хроникальной традиции	322
<i>Махаматов Т. М.</i> Экзистенциалистская философия Чингиза Айтматова	326
<i>Рахаев Д. Я.</i> Д. С. Клдиашвили и грузинское национальное движение в конце XIX – начале XX века	328
<i>Сыздыкова Ж. С.</i> Узбекистан: новая парадигма в региональной политике	331
<i>Хулхачиева Ж. С.</i> Коммуникативно-деятельностный подход к обучению кыргызскому языку (на примере УМК по кыргызскому языку)	334

Экология культуры Востока

<i>Бессонова Е. Ю.</i> К вопросу взаимодействия с аудиторией японских средств массовой информации	337
<i>Ермаков К. В.</i> Чхве Икхан (1897 – ?) как исследователь идей корейского конфуцианца Чон Дасана (1762–1836)	339
<i>Зайцев В. Н.</i> Фактор этнокультурной идентификации в политической истории Ирана 1918–2018 гг.	342
<i>Курочкин В. Г.</i> Кукай (774–835) – японский каллиграф и философ языка	346
<i>Машкина О. А.</i> Императорская экзаменационная система (Кэцзюй) и современные вступительные экзамены (Гаокао) в Китае: эволюция и трансформация	349
<i>Victor Pogadaev, PhD, Jean Michel Severy, MA P. Ramlee and Leonid Utesov: parallels of creativity</i>	351

<i>Семенов И. И.</i> «Храбрость» юн как основа этики в учении Мэнцзы	352
<i>Спектор Н. Е.</i> Поликультурное образование: хобби или необходимость?	354
<i>Хайруллин Р. З.</i> Целостность и эгоцентричность мировоззрения народов Севера	356

История, источниковедение и историография древнего и средневекового Востока

А. А. Вигасин

Название письма кхароштхи

С III в. до н.э. в северо-западной Индии получил распространение шрифт, который принято называть *кхароштхи*. Направление письма (справа налево) и близость начертания знаков к арамейскому заставляет предполагать, что *кх.* сложился не ранее конца VI в. до н.э., когда возникли персидские сатрапии Гандара (Гандхара) и Хинду. Арамейское письмо использовалось в канцелярской практике Ахеменидов. Но потребность в создании собственного письма для передачи среднеиндийских языков могла возникнуть, скорее, после освобождения Панджаба и Синда от персидской власти (IV в. до н.э.).

В нескольких санскритских и пракритских текстах содержатся перечни видов письменности. Они имеют искусственный характер: рядом с греческим или китайским мы обнаруживаем не только региональные разновидности (письмо дардов и т. п.), но и фантастические шрифты богов, якшей, нагов и т. д. Могут присутствовать также знаки-символы на монетах, печатях (*mudrālipi*) или документах разного рода (*lekhalipi*). На первом месте в этих списках стоит основное письмо – *брахми*, а на втором или третьем – *кх.* Название шрифта рукописная традиция воспроизводит по-разному: санскр. *kharoṣṭrī*, *kharoṣṭī*, *kharoṣṭhī*, пракр. *kharuṣṭī*, *kharoṣṭī* (см. *Pāiasaddamaḥṇavo*, s.v.). Предлагая этимологию, большинство исследователей исходило из очевидного созвучия с санскр. *khara* («осел»). Вслед за средневековыми авторами говорили об «ослиных губах» (*khara+oṣṭha* – будто бы указание на форму знаков) или об «осле и верблюде» (*khara + uṣṭra* – будто бы указание

на страну, где распространены именно эти животные). Предлагалось также видеть в окончании слова иранское *pōst* – «шкура» («ослиная шкура», из которой можно изготовить пергамент). Обилие вариантов написания слова и этимологические игры с его истолкованием указывают, очевидно, на то, что его происхождение следует искать за пределами индоарийских языков. По этому пути идут исследователи, усматривающие в *khara* не «осла», а «империю» (из авест. *χšaθra*). «Имперское письмо» звучит неплохо, но, во-первых, непонятна вторая часть слова, а во-вторых, *кх.* никогда не было «имперским письмом» персидской державы. Исходя из того, что шрифт возник на основе арамейского, А. Людвиг там же искал и происхождение названия *кх.* Он указывал на древнееврейское *hārōšēf* (*Gravierung, Skulptur*), однако не смог найти родственное арамейское слово со значением «письменность». К тому же *кх.* является лишь определением к *lipi* («письмо»), а потому не может само иметь такое же общее значение.

Исследователи всегда исходили из санскритской формы слова, хотя иногда высказывалось мнение, что мы имеем дело с санскритизацией пракритской лексики. Списки 64 видов письма содержатся в санскр. «*Лалитавистаре*» (10) и в «*Махавасту-авадане*» (*Senart, I, c.135*). Судя по тому, что в обоих текстах упоминается письменность гуннов (*hūṅalipi*), данные фрагменты нельзя датировать временем ранее середины I тыс. Практические варианты с 18 видами письма («*Паньяванасутта*», «*Самаваянгасутта*») могут быть более ранними. Нельзя ли связать пракритское *kharuṭṭī* с греческим *χάρτης? Kha*, безусловно, соответствует *χα* (ср. *khalīnam* из *χαλινός*). В среднеиндийских языках сочетание двух согласных нередко разделяется каким-либо гласным (к примеру, санскр. *arhanto* дает *aruhanto, arahanto* или *arihanto* – *Hemacandra, Siddhahemaśabdānuśāsana, 2.111*), а *parihartavyam* превращается в *pariharitavam* – Pischel, § 135). Может происходить церебрализация *t* (*pratimā = paṭimā*), нередко встречается удвоение *ṭ* (*sphuṭeḥ = phuṭṭi*). При переводе на санскрит *ṭṭa* способно дать *sta* или *ṣṭa, ṣṭha* (*Hemachandra, VIII.4.258; 2.34: paloṭṭa = paryasta, iṭṭā = iṣṭā* или *iṣṭhā*) – именно это мы и видим в названии *кх.* Санскр.

kharoṣṭrī может быть вызвано народной этимологией наподобие названной выше (пракр. *uṭṭa* «верблюд» = санскр. *uṣṭra*). Первоначальное значение *χάρτης* – «свиток папируса, пергамента либо металлической полоски, содержащей письменный текст» (*Chantraine, s.v.: rouleau de papyrus, rouleau de plomb*). В северо-западной Индии писали на ткани, на бересте, на серебряных полосках, которые сворачивали в трубочку. В остальных областях Индии материалом для письма служили пальмовые листья, которые свитком быть не могли – их складывали и прошивали как листы книги. Если название *кх.*, действительно, происходит от греческого, оно не могло появиться ранее активных индо-греческих контактов во II в. до н.э. Богатейшее собрание лексики, производной от *χάρτης* в разных языках (*charta, carta, die Karte*, карта, хартия и древнерусское харатья – пергамент, грамота), возможно, следует пополнить еще одним номером.

М. В. Грачёв

«Хаято» и «эмиси» при императорском дворе в эпоху Хэйан

В период Хэйан отношение придворных к *хаято* и *эмиси* характеризуется некой противоречивостью.

С одной стороны, *хаято* и *эмиси* – варвары, которые обитают на дальнем пограничье, а их «природа отлична от обычных простолудинов». Они вероломны, склонны к воинственности, алчности и обману. Даже покорившись облагораживающему влиянию японского императора, у них все еще сохранялся «зловредный нрав», что требовало разработки методов благотворного воздействия на варваров с целью их духовного преобразования. Небужданный темперамент *хаято* и *эмиси* был порождением «злотворного дыхания» земли (безраздельное и ничем не компенсируемое влияние вредоносных сил сделало их такими, как они есть). Запечатленный в японских исторических документах «портрет» варва-

ров в целом может быть охарактеризован следующим образом: людская наружность, но сердце зверя; беспощадны, словно «тигр или волк»; взгляд, как у ворона; они обряжаются в шкуры диких кабанов и оленей; собранные в пучок волосы заколоты стрелой, покрытой ядом; при себе всегда носят ножи и пики; имеют страсти нападать на мирные деревни, убивать простых обывателей, грабить и торговать людьми, аки домашней скотиной; в них сокрыт «злобный дух», способный пожирать людей. В период Хэйан слово *эмиси* ассоциировалось с угрозой, а люди, совершающие самые богомерзкие поступки, сравнивались с *эмиси*.

В то же самое время (несмотря на непредсказуемость, непокорность и бешеный нрав варваров) источники эпохи Хэйан красноречиво свидетельствуют, что церемонии с участием *хаято* и *эмиси* являлись неотъемлемой частью ритуальной жизни двора. Во время «высочайшего выезда» *хаято*, расположившись на горах, у рек и перекрестьях дорог, должны были по пути движения императорского кортежа выражать почтение божественному правителю, имитируя вой собак. *Эмиси* были обязаны регулярно пребывать в столицу для участия в Молебствии пробы нового урожая. В 1032 г. потомки плененных *эмиси* приняли участие в церемонии шествия белых коней, приуроченной к циклу новогодних ритуальных мероприятий. Хотя сановники отмечали, что *эмиси* (и их шатры) представляют собой удручающее зрелище, церемония прошла в полном соответствии с существующим регламентом, став залогом стабильности на следующий год. Участие варваров в ритуалах интронизации считалось неукоснительным. К примеру, во время вступления на престол императора Тоба (прав. 1107–1123) *хаято* поднялись со своих мест и, приветствуя государя, лаяли по-собачьи, трижды издав протяжный звук, как того требовали правила церемониала.

Насколько строго соблюдался регламент во время проведения церемоний с участием *хаято* и *эмиси*? Наглядный пример содержится в дневнике Правого министра Фудзивара Санэсукэ. Во время вступления на престол государя Сандзё (прав. 1011–1016), когда сановники-кугё проследовали во внутреннюю часть дворцо-

вого комплекса, дабы узреть императора, присутствующие на церемонии главы родов *хаято* должны были, приветствуя нового правителя, лаять по-собачьи. Однако в этот раз ничего подобного не произошло и *хаято* остались сидеть, не проронив ни звука. Растерянные сановники проявляли беспокойство, ибо несоответствие правилам во время интронизации представлялось недопустимым и несло угрозу стабильности правления. Чтобы хоть как-то исправить сложившееся положение, некоторые царедворцы стали собственным примером побуждать остальных чиновников имитировать собачий лай, но сие мало напоминало предписанные регламентом действия *хаято*. Обескураженные придворные пребывали в замешательстве. Один из них в изумлении воскликнул, что происшествие чревато тяжкими последствиями, ибо лаять по-собачьи должны именно *хаято*, а никак не старшие служащие дворца. Такое вопиющее отклонение от существующих правил сулило опасность и стало причиной панических настроений во дворце, а позднее связывалось со странностями царствования Сандзё.

К. Д. Никольская

Налог на бездетность по-индийски, или Добро пожаловать в ад!

В Махабхарате есть назидательный сюжет об отшельнике Джараткару, принявшем обет бездетности и затем, убедившись воочию, какова участь предков бездетного в потустороннем мире, изменившем решение (I.13). Действительно, как и в любом традиционном обществе, в древней Индии очень трепетно относились к теме рождения детей (лучше – сыновей). Начиная с ведийской эпохи, пожелание рождения потомства – тема № 1 в контексте обсуждения семьи и образа благочестивого человека.

Необходимость иметь сына, как и в других ранних культурах, объясняется рядом обстоятельств – от экономических (тема наследования и т. п.) до ритуальных (совершение погребальных цере-

моний для отца и шраддхи – регулярных жертвоприношений предкам). В этом индийская традиция не оригинальна: сходную логику мы можем обнаружить в древних памятниках и других регионах. Однако есть одно существенное отличие. Пожалуй, только индийские тексты рассматривают бездетность как религиозное прегрешение. Родивший сына освобождается от долга перед предками (Вишну 15.45; Ману IX.106–107 и т. д.). Не имеющий сына – лишен пути на небо (Гаруда-пурана II.3.10). Сын нужен потому, что спасает отца от ада (Гаруда-пурана II.24.10; Ману IX.138 и т. д.). Эта мысль постоянно обнаруживается в текстах и даже подкрепляется традиционной индийской этимологией: сын (putra) спасает отца от ада «Пут», а потому называется «put-tra» (Ману IX.138, Mbh I.68.38 и т. д.). Тексты недвусмысленно демонстрируют: место того, кто вовремя не позаботился о продолжении рода, в аду.

Сведения о преисподней (pataka), с одной стороны, обнаруживаются в текстах ведийского периода (Атхарваведа II.14), с другой стороны, никак не могут считаться стройными и достаточно проработанными. Несмотря на многократное появление в источниках (дидактика, пураны), они содержат массу противоречий: нет единства ни в вопросе числа адов (7, 21, 28 и т. д.), ни в их описании. Дислокация их тоже не вполне ясна: очевидно, они территориально привязаны к Ямапуре (город, в котором правит Яма, бог смерти) и помещены внизу, т. к. уже в Атхарваведе называются «подземным домом». Относительно согласованным выглядит лишь список названий в источниках (Ману IV. 88–90, Яджнавалкья III. 222–224 и т. д.). В самых общих чертах тексты сообщают нам и о «предлагаемых услугах»: река Вайтарани, полная крови и нечистот, в которой тонут грешники, дороги, покрытые колючками и пылающие огнем, избивание грешников, распиливание их тел на куски, варка в котлах с кипящим маслом и т. п. (Гаруда-пурана II. 23, Ману XII. 75 и далее). Принципиальным отличием от привычного нам христианского ада является только то, что, совершенно ожидаемо для индийской культуры, пребывание

грешника в аду носит, скорее, «дезинфекционный» характер: после примерного наказания он возрождается в новом облике, которое тоже зависит от его деяний в прошлом рождении (Ману XII.16–22, 54).

Индийская дидактика в вопросах посмертной доли довольно отчетливо проговаривает два момента: в какой из многочисленных адов за свои прегрешения попадает человек (Ману III.249; IV.80–81, 165, 197, 235 и т. д.) и какие последствия его проступки затем будут иметь в следующем рождении (Ману XI.51–52; Вишну 45.12, 14, 20; 52.15 и т. д.). Бездетные в этих перечнях не фигурируют. Примерных наказаний для них тексты не предлагают. Какова же тогда логика помещения их в преисподнюю, да еще в специальное ее «отделение» (Пут)? Почему ад Пут не содержит «инструментов» для наказания виноватых? Объяснение может быть простым. Отсутствие детей – грех уже потому, что несостоявшийся отец оставляет не только себя, но и своих предков без шраддхи. Шраддха – это то, что получает покойный на том свете в качестве пропитания (Гаруда-пурана II.4 29). Отсутствие своевременной шраддхи грозит умершему голодом в его посмертном существовании (Гаруда-пурана II.24.11, 32). Если этим ограничиваются его страдания в нараке, значит, ад Пут по своему назначению может расцениваться как некая богадельня при царстве Ямы.

Г. С. Попова

Институт востоковедения РАН, Отдел Китая

Герои древнекитайских мифов в Шуцзине («Канон записей»)

Шуцзин («Канон записей») – древнекитайский письменный памятник, являющийся сборником речей, приписываемых правителям периодов Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.) и Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.), а также легендарным и мифическим персонажам. Он состоит из четырех частей: *Юй-шу* («Записи [вре-

мен Шуня из] Юй»), *Ся-шу* («Записи Ся»), *Шан-шу* («Записи Шан») и *Чжоу-шу* («Записи Чжоу»).

Время записи глав второй-четвертой частей, по нашему мнению, относится к VII в. до н.э., позднее в VI в. до н.э. были добавлены главы первой части. Впоследствии во II в. до н.э. *Шу-цзин* был включен в состав конфуцианского «Пятиканония» (*У-цзин*).

Два первых раздела *Шуцзина* посвящены речам и деяниям мифических персонажей. Составители этих разделов историзировали мифы, описав взаимоотношения их героев в рамках централизованного управленческого аппарата. Помимо этого, в шанском и чжоуском разделах также есть фрагменты текста, содержащие сведения о мифических персонажах и сюжетах, не подвергшиеся историзации.

Все упоминаемые в *Шуцзине* герои древнекитайских мифов могут быть разделены на три группы:

1) Известные по другим письменным источникам, сохранившие свои имена, но представленные как правители и чиновники:

Яо 堯 – божество полуострова Шаньдун; Шунь 舜 – божество царства Чу; Юй 禹 – божество жителей бассейна Янцзы, усмиритель потопа; Чжу (Дань-чжу) 丹朱 – в *Шуцзине* сын Яо, вероятнее всего, божество, связанное со стихией огня; Гун-гун 共工 – бог разливов, имя которого в *Шуцзине* также обозначает должность руководителя общественных работ; Гунь 鯀 – божество жителей южной части Китая, связанное со стихией воды; народ *сань-мяо* 三苗 – крылатые чудовища, населявшие землю до людей; Хоу-ци 后稷 – первопредок чжоусцев, возможно, божество-покровитель земледельцев; Се 契 – первопредок шанцев; Гао-яо 皋陶 – зооморфное существо, основной функцией которого было восстановление справедливости; Чуй 垂 – возможно, покровитель ремесленников-оружейников, в *Шуцзине* его атрибутом являются бамбуковые стрелы; И 益 – изобретатель колодца; Хоу-и 后羿 – культовый герой, одним из основных деяний которого является изоб-

речение лука и стрел, покровитель охотников; Чи-ю 蚩尤 – великан-колдун, с его именем связывают изготовление оружия из железа; Чун 重 и Ли 黎 – боги-демиурги, создавшие мир и отделившие Небо от земли.

2) Персонажи, чьи имена были видоизменены в процессе историзации мифа:

Сихэ 羲和 – первоначально богиня солнца, в главе 2.4 *Инь чжэн* Си и Хэ – два чиновника астролога, в главе 1.1 *Яо дянь* – четыре брата-астронома: Си-чжун, Си-шу, Хэ-чжун и Хэ-шу;

Куйлун 夔龍 – первоначально бог грома Куйлун («Безобразный дракон»), зооморфное божество, представленное в образе одноногого дракона. В *Шуцзине*: Куй – жрец-музыкант, Лун – глашатай.

3) Персонажи, по контексту являющиеся героями мифов, однако неизвестные по другим древнекитайским письменным памятникам. Помимо *Шуцзина* они упоминаются в текстах начиная с Западной Хань (202 г. до н.э. – 8 г. н.э.) в той роли, которая была отведена им в *Шуцзине*. О них можно судить только исходя из иероглифов, обозначающих их имена:

Фан-ци 放齊 (букв. «излучающий беспристрастие») – встречается только в *Шуцзине* и *Шицзи* («Исторические записки»); Хуаньдоу 驩兜 (букв. «головной убор для веселья») – в более поздних по отношению к *Шуцзину* памятниках упоминается редко и всегда как помощник Яо и Шуня; Дун-хоу (букв. «Государь Востока») – возможно, речь идет о солнце, упоминается в памятниках только начиная с Западной Хань; Шу Цян 夔斯 (букв. «пика и топор») – упоминается только в *Шуцзине*; Бо-юй 伯與 (букв. «Дядюшка Юй») и Чжу Ху (букв. «красный тигр») – как мифические персонажи встречается только в *Шуцзине*; Сюн Пи 熊羆 (букв. «[медведи] сюн и пи») – это словосочетание всегда, кроме первой части *Шуцзина*, используется в качестве указания на храбрость воинов, скорее всего, никогда не являлось обозначением героя мифов; Бо-и как мифический персонаж встречается только в первой части *Шуцзина*, в остальных памятниках периода Чжаньго (453–221 гг.

до н.э.) – имя человека, жившего в XI в. до н.э.; Инь 胤 в *Шуцзине* упоминается в контексте, позволяющем предполагать, что он является героем мифов, в качестве одного из его атрибутов упоминается платье для ритуальных танцев в главе 4.22 *Гу мин*, других сведений о нем нет; Дуй 兌 и Хэ 和 – неизвестные по другим источникам мифические персонажи, атрибутом первого является клевец-гэ, атрибутом второго – лук.

В главах второго-четвертого разделов *Шуцзина* сведения мифического характера эпизодичны и отрывочны. Главы первой части *Шуцзина*, составленные в конце периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.), являют собой пример реконструкции древней истории путем рационализации мифов, при которой мифические персонажи утрачивали характерные для них черты и способности, превращаясь в чиновников. В главах первой части прослеживается желание собрать в рамках одного административного аппарата, возглавляемого божеством-императором, мифических персонажей из различных областей территории, населенной *хуася*. Рационализация мифов в дальнейшем была воспринята многими философами периода Чжаньго, что отразилось в созданных ими произведениях (*Лунь-юй*, *Мэн-цзы*, *Сюнь-цзы* и др.). Недостаток сведений о героях мифов отдельных областей мог привести к искажению их имен. Кроме того, *Шуцзин* сохранил имена мифических персонажей, которые не попали в другие дошедшие до нас письменные памятники и, следовательно, сведения о них были утрачены.

М. Ю. Ульянов

**Жрецы-музыканты группы ши 師 периода
Чуньцю (771–453 гг. до н. э.): должностные
обязанности и место в культуре**

1. В период Чуньцю ши 師 – это одна из групп жрецов-музыкантов, входящая в большую категорию священнослужителей, объединенных названием гу 瞽, слепых исполнителей сакральных

мелодий и песнопений, которые обеспечивали музыкальное и песенно-поэтическое сопровождение религиозных и ряда дворцовых церемоний.

О таком значении иероглифа *ши*, характерным для рассматриваемого периода, говорится в *Го юй* («Речи Чжоу», часть 1). В эту группу входили собственно жрецы *гу* 瞽, жрецы *ши* 師, а также жрецы-музыканты более низкого положения, объединяемые названием *гун* 工: слепые без зрачков – *соу* 瞶 и слепые со зрачками, но с бельмом, – *мэн* 矇. В контекстах проведения религиозных церемоний упоминаются и «музыканты» *юэ* 樂. Жрецы каждой из этих групп, по-видимому, специализировались на исполнении произведений определенных жанров. Среди всех жрецов категории *гу* в источниках чаще всего упоминаются именно *ши*.

2. В рассматриваемый период внутри группы *ши* по старшинству выделялись: старшие жрецы-музыканты *даши* 大師 и младшие жрецы-музыканты *шаоши* 少師. Но в случаях, когда конкретизация старшинства была не существенна, слово «*ши* 師» использовалось в качестве общего названия всех жрецов этой группы.

3. Жрецы *ши* специализировались на игре на каком-либо музыкальном инструменте. На ударных: *гу* 鼓 (барабан), *тао* 鼗 (барабанчик), *цин* 磬 (литофон, играть на литофоне *цицицин* 擊磬); на струнных щипковых: *цин* 琴 (цитра) и *се* 瑟 (гусли); на духовых: *гуань* 管 (флейта), *юй* 竽 (свирель), *шэн* 笙 (губной органчик). Во время церемоний за каждым из *ши* был «закреплен» какой-либо инструмент, но некоторые из них владели различными инструментами. Например, известный жрец-музыкант *ши* Сян из царства Лу, который обучал Конфуция игре на струнном инструменте *цин*, во время церемоний играл на ударном инструменте – литофоне.

4. В источниках есть сведения о жрецах-музыкантах *ши* царств Вэй, Цзинь, Лу, Ци. Более всего данных о *ши* из царства Лу. Самый ранний из них: о жреце-музыканте *ши* по имени Цунь 存, который жил при луском Сюань-гуне (608–591 гг. до н.э.), самые поздние: о живших в V в. до н.э. младших современниках Конфуция (551–479 гг. до н.э.) Чжи 摯, Мян 冕, И 乙. Больше все-

го сведений о жреце-музыканте *ши* Куане 師曠 из царства Цзинь, который жил в VI в. до н.э. во времена цзиньского Дао-гуна (572–558 гг. до н.э.) и Пин-гуна (557–532 гг. до н.э.).

5. Основные задачи жрецов-музыкантов *ши* были связаны с **храмовой** культурной средой. Они предполагали создание литургических и иных музыкальных и песенно-поэтических произведений и их исполнение во время церемоний; сохранение, упорядочивание и передача в этих произведениях сказаний мифического и легендарного характера о деяниях божеств, культурных героев, предков государей правящей династии и пр. Как и жрецы других категорий, они участвовали в сохранении представлений о религиозной «картине мира», в том числе о сакральном пространстве мира невидимого, о населявших его божествах, духах и сверхъестественных существах, а также в накоплении и осмыслении рациональных знаний об окружающем мире.

6. **В дворцовой среде.** Исполняли церемониальные мелодии своих царств во время проведения придворных ритуалов. Исполняли музыкальные произведения во время каждой из трех ежедневных трапез государей. Старший жрец-музыкант *ши* царства проверял качество звучания колоколов, изготовленных придворными мастерами. Некоторые из них, входя в свиту государей царств, сопровождали их во время поездок, участвовали в обсуждении политических вопросов. В редких случаях назначались на высокие государственные должности, например, *ши* Куан в царстве Цзинь был назначен на должность первого министра.

7. **Культурная «миссия».** Судя по всему, именно жрецы этой группы являлись основными передатчиками религиозных представлений и протонаучных знаний из храмовой среды, сначала в дворцовую, а затем и отделившуюся от нее во второй половине VI в. до н.э. «интеллектуальную» среду, которую образовывали учителя, ученики и выпускники неэлитарных массовых, чиновничьих и связанных с ними философских, школ. Исполняя произведения вне храмовой среды и, особенно, обучая игре на музыкальных инструментах некоторых «мирян», жрецы-музыканты выполняли задачу духовного просвещения. Их ученики не только знако-

мились с техникой игры, но, постигая содержание и смысл музыкальных и песенных произведений, получали новые знания о священной истории, мифической картине мира и пр. Общение с ними оказывало сильное влияние на мыслителей второй половины периода Чуньцю. Самый яркий пример – обучение Конфуция у жреца-музыканта Сяна.

Новая и Новейшая история стран Азии и Африки

Н. Н. Бектимирова

Деятельность оппозиционных сил в современной Камбодже: сильные и слабые стороны

Функционирование оппозиционных партий является важнейшим фактором политического процесса в Камбодже с 1993 г. Первоначально главные силы оппозиции объединились в рамках роялистской партии ФУНСИНПЕК. Появление новых игроков на политическом поле было связано с перегруппировкой сил, входивших в эту партийную структуру. Партия Сам Ронгси (ПСР) и Партия прав человека (ППЧ) образовались в результате выхода из ФУНСИНПЕК, а Партия национального спасения Камбоджи (ПНСК) путем слияния ПСР и ППЧ. Структурная рыхлость и внутренняя фракционность длительное время ослабляли мобилизационный потенциал ПНСК.

В последние годы ПНСК значительно расширила и укрепила свои низовые ячейки, установила более тесные связи с местными активистами, стала активнее работать в сельских районах. В результате партии удалось существенно расширить социальную базу своих сторонников, которая включала разные слои городской и сельской молодежи. К 2017 г. ПНСК превратилась в крупнейшую оппозиционную партию, серьезного политического соперника правящей Народной партии Камбоджи (НПК).

Мощнейшим козырем ПНСК являлась разработка социально-ориентированных программ экономического развития, которые отражали «болевые» точки страны: неразвитость социальной сферы, растущее социальное неравенство, нехватку рабочих мест. Важ-

нейшими программными установками партии оставались углубление процесса демократизации, борьба с коррупцией и nepотизмом. Однако наряду с позитивными сторонами в ее деятельности часто наблюдалась недальновидность и неконструктивность.

Так, одним из главных мобилизационных инструментов оппозиции является националистическая, антивьетнамская риторика, находящая широкий отклик у различных слоев городского населения, а также представителей эмигрантских кругов, оказывающих существенную финансовую поддержку партии. Подобная позиция ПНСК способствует тому, что «вьетофобия» продолжает оставаться устойчивым неформальным фактором политического процесса в Камбодже.

Важнейшей концептуальной установкой оппозиции является убежденность в необходимости постоянной помощи Запада в демократизации Камбоджи. Сдерживание авторитарных тенденций власти лидера НПК премьер-министра Хун Сена оппозиция во многом связывает с оказанием давления со стороны мирового сообщества. Лидеры оппозиции используют различные международные форумы для привлечения внимания западных стран к внутренним проблемам Камбоджи. Они неоднократно призывали ввести различные санкции против собственной страны, вплоть до лишения ее места в ООН, считая это единственным путем борьбы с политическим монополизмом Хун Сена.

Чрезмерная заикленность ПНСК на помощи Запада делала ее уязвимой перед властью, которая решительно выступала против всякого вмешательства внешних сил в политический процесс в Камбодже. В результате под предлогом того, что ПНСК, опираясь на поддержку иностранного государства (США), готовилась осуществить в стране «цветную революцию» и ее деятельность представляет угрозу национальной безопасности Камбоджи, власти, прибегнув к судебному манипулированию, добились роспуска своего главного политического оппонента. В итоге оппозиционные силы оказались полностью деморализованными накануне парламентских выборов 2018 г.

Е. В. Волчкова

**Гуань Цяочан (Ламква) и живопись
«европейского стиля» в Гуанчжоу
XIX века**

Гуань Цяочан (1801–1860) являлся самым известным мастером экспортной живописи в Гуанчжоу второй четверти XIX века, а также предпринимателем, во многом определявшим состояние этого сегмента художественного рынка. Более известный на Западе как Ламква (Lamqua – искаж. произношение почтительного обращения *Линь гуань* на китайско-английском пиджине), Гуань Цяочан принадлежал к семье, из которой вышло несколько известных художников. Имея свой живописный стиль, сложившийся под влиянием семейных традиций, он радикально изменил его после обучения у английского художника Джорджа Чиннери (1774–1852), жившего в Макао. Впоследствии, именно использование приемов английского «большого портретного стиля» сделало ему имя и позволило его картинам быть выставленными в Королевской Академии художеств, а также в Париже, Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне еще при его жизни.

Позитивная оценка западными современниками живописного таланта Ламква была небезоговорочна и сопровождалась сожалениями о том, что художнику так и не удалось утратить своеобразный «китайский акцент». Очевидно, что часть комплиментов в его адрес была обусловлена его происхождением из страны, где, по бытовавшему тогда на Западе мнению, художники традиционно не способны к соблюдению пропорций, перспективы и не понимают приемов светотени. Наконец, некоторую скандальность к его известности (в Америке) добавляло его участие в проекте миссионера и врача Питера Паркера, в ходе которого Ламква написал более ста портретов пациентов Паркера с чудовищными опухолями: эти картины вместе с пред- и постоперационными заметками по каждому из случаев должны были продемонстрировать научному со-

обществу необходимость направления в Китай медицинских миссий. Тем не менее, талант и приобретенная известность (а также низкие цены на портреты и копии картин) позволили Ламква стать самым покупаемым китайским художником в Гуанчжоу, а его мастерской – одной из главных достопримечательностей для иностранных посетителей города.

Вклад Ламква в портретную живопись тесно связан с формированием своего рода канона парадного портрета гуандунского купечества. Купцы гильдии *гунхан*, испытывая сильное давление государства и коррумпированной бюрократии, очень зависели от установления и поддержания доверительных отношений с иностранными партнерами. Частью формирования позитивного делового образа китайского торгового дома был заказ портретов его главы в «европейском стиле», которые можно было бы использовать в качестве представительских подарков. В таком портрете важно было передать индивидуальность портретируемого, но также и сообщить воспринимаемые западной аудиторией символы высокого статуса, богатства и нравственных качеств. Структура портретного канона для купцов *гунхан* была заложена картинами бывшего учителя, а затем конкурента Ламква Дж. Чиннери (например, портреты Хоуква (У Бинцзяня) и Моуква (Лу Гуанхэна) – оба написанные ок. 1828 г.), однако Ламква быстро перехватил инициативу, поставив массовое копирование и производство новых картин на поток. Именно он добавляет в парадный портрет элементы, значимые для заказчиков, но неочевидные для европейского зрителя – например, цветы с благопожелательной символикой, читаемые тексты на каллиграфических свитках в интерьере, четко прописанные знаки ранговых отличий.

Основная литература

1. Живопись в Китае: Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Т. 76, № 304, 1848, с. 456–462.
2. *Crossman C. L. The Decorative Arts of the China Trade. Suffolk: Antique Collector's Club, 1991.*
3. *Downing C. Toogood, Fan Qui in China in 1836–37. 3 Vols. London, 1838.*

Д. В. Жигульская

**Община езидов в Турции: со времен
Османской империи до наших дней**

История езидской общины в Турции крайне мало изучена, а имеющаяся информация зачастую субъективна и довольно противоречива. Езиды в Турции традиционно проживали преимущественно в восточной и юго-восточной Анатолии: в городах Батман, Газиантеп, Диярбакыр, Мардин, Сиирт, Хаккяри, Шанлыурфа, Ширнак. Результаты оценки современной численности турецких езидов варьируют от нескольких тысяч до чуть более 400 человек. Тем не менее, очевидна тенденция кардинального снижения их численности, если не угроза полного исчезновения общины в стране. Существенно различаются и данные относительно общей численности езидов в мире, приводимые различными источниками, – этот показатель колеблется от 300 000 до 1 млн человек.

Известно, что после распада Османской империи езиды были разделены в соответствии с границами новых национальных государств: Ирака, Сирии и Турции. Традиционно Османская администрация не признавала езидов ни мусульманами, ни людьми Писания, этот факт привел к крайней обособленности общины.

В докладе внимание уделяется такому частному, но показательному вопросу, как обязательная воинская повинность в Османской империи, от которой взамен за уплату налога (тур. *bedel-askerî*) освобождались христиане и евреи, но не езиды. В этой связи рассматривается *первый текст* (дат. 1873 г.), в котором отмечались основные пункты езидского вероучения, а именно петиция езидов в османский суд. Она состояла из 14 пунктов и указывала на причины, по которым езиды не могут служить в османской армии. Петиция была написана на трех языках: турецком, французском и арабском.

После образования Турецкой Республики государственная политика была направлена на создание гомогенной социо-политиче-

ской системы, путем ассимиляции немусульманских меньшинств и суннификации мусульман. Со второй половины XX в. езиды Турции постепенно покидали страну и переезжали преимущественно в Германию. В 1980-х гг. насчитывалось около 60 000 езидов в Турции. Массивная миграция была спровоцирована политическими, религиозными и экономическими трудностями. Сегодня можно говорить лишь о небольшом количестве езидов в деревнях и окраинах Мидьята, Вираншехира, Нусайбина, Бисмиля, Чинар и Бешири.

Основные положения доклада можно резюмировать следующим образом:

1. Езиды в Османской империи, а затем в Турции традиционно представляли собой «меньшинство в меньшинстве» и подвергались дискриминации.

2. Зачастую предпринимались попытки либо их ассимиляции, либо маргинализации на основании различных претензий к особенностям вероучения езидов.

3. Численность езидов в Турции стремительно уменьшается, вероятен даже прогноз их полного исчезновения в обозримом будущем.

4. В целом, история езидского сообщества в Турции изучена весьма поверхностно и бессистемно. Полученные сведения разрознены, во многом друг другу противоречат, часто – необъективны и даже предвзяты. При этом вопрос сохраняет академическую и практическую значимость, злободневность и заслуживает всестороннего исследования.

Основная литература

1. *Açıkyıldız B.* The Yezidis: The History of a Community, Culture and Religion. London-New York, 2010, 283 p.
2. İslâm Ansiklopedisi // *Yezidiyye*, cilt: 43, 2013, ss. 525–527.
3. *Telimen M.* Anadolu'nun damgalınmış halkı: Yezidiler. Süleyman Demirel Üniversitesi. Batman University. Journal of Life Sciences, Volume 1, Number 1, 2012, ss. 963–971.

А. С. Каимова

**Проблема «тайваньской идентичности»
в политике Цай Инвэнь в первые годы ее
президентства (2016–2018)**

Проблема «тайваньской идентичности» сегодня является вопросом, который имеет отношение практически ко всем сферам развития острова. Формирование представлений о «тайваньской идентичности», носители которой считают себя не китайцами, а тайваньцами, можно отнести к периоду после Второй мировой войны и рассматривать как следствие тех исторических событий, которые происходили на Тайване во время действия «военного положения» (1948–1987 гг.). Однако широкое распространение подобных представлений стало возможным лишь после его отмены и после прихода к власти сначала Ли Дэнхуэя (президент Китайской Республики в 1988–2000 гг.), а затем Чэнь Шуйбяня (2000–2008 гг.). Период правления последнего характеризовался целенаправленной политикой по изменению самосознания жителей острова в сторону его «тайванизации». Однако сокрушительное поражение ДПП на парламентских и президентских выборах 2008 г. и возвращение к власти партии Гоминьдан (президентом стал кандидат от этой партии Ма Инцзю) было воспринято рядом экспертов как поражение идеи «тайваньской идентичности». Тем не менее подобное мнение не подтверждается объективными данными. Результаты опросов общественного мнения показали, что доля жителей острова, считающих себя тайваньцами, неуклонно росла на протяжении всего срока президентства Ма Инцзю (с 48,4 % в 2008 г. до 58,5 % в 2016 г.).

Говорить о какой-то определенной политике нынешнего президента Китайской Республики Цай Инвэнь в сфере идентичности, пожалуй, преждевременно. Правительство Цай сразу же после вступления в свои полномочия сосредоточилось на реформах социально-экономического характера, прежде всего на априори непопулярной реформе пенсионного обеспечения и диверсификации

экономических связей Тайваня. В политике Цай в области «правосудия переходного периода» на современном этапе акцент также делается больше на ставшую уже традиционной для Тайваня манифестацию демократических ценностей, нежели на проблему «тайваньского самосознания». Тем не менее уже сейчас можно заметить определенные черты поведения действующего президента, которые позволяют нам сделать некоторые выводы относительно ее позиции по вопросу «тайваньской идентичности».

Большинство наблюдателей во время президентских выборов 2016 г. отмечали сдержанность Цай Инвэнь в вопросе о независимости Тайваня. Это позволяло некоторым предполагать отсутствие у нее националистических настроений. Однако, на наш взгляд, подобное мнение не вполне правомерно. Ведь не менее сдержанно Цай Инвэнь проявляет себя в вопросе признания (вернее, уклонения от признания) «консенсуса 1992 г.» и «принципа одного Китая». Во всех своих речах и интервью она неизменно подчеркивает готовность своей администрации к диалогу с противоположным берегом Тайваньского пролива, при этом обязательно выражая надежду на ответную реакцию Пекина в виде более внимательного отношения к позиции тайваньского народа. На наш взгляд, самым фактом своего более частого обращения к внутренним проблемам острова по сравнению с его внешнеполитическими вопросами Цай Инвэнь стремится в том числе продемонстрировать собственное изначальное восприятие Тайваня как независимого государства. Еще одной показательной чертой речей и интервью Цай Инвэнь является отсутствие употребления ею официального самоназвания Тайваня – словосочетания «Китайская Республика». Цай Инвэнь называет остров либо «нашей страной», либо просто «Тайванем».

Таким образом, Цай Инвэнь поддерживает идею «тайваньской идентичности», однако понимание современной ситуации в отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива, а также некоторые особенности личности действующего президента способствуют проявлению ею большей сдержанности в вопросах о статусе Тайваня и «тайваньской нации» по сравнению с ее однопартийцами, в частности с Чэнь Шуйбянем. Это вовсе не свидетельствует

о падении популярности идеи «тайваньской идентичности», которая в целом демонстрирует довольно высокие показатели на протяжении последних лет.

Т. А. Коняшкина

Внешний фактор в джангалийском движении: младотурки и большевики в Гиляне

Развернувшееся в начале 1 мировой войны в прикаспийском Гиляне движение «лесных братьев» под руководством Кучек-хана стало одним из значительных событий в общественно-политической жизни Ирана в 1915–20 гг. Его анклавный характер (повстанцы так и не смогли надежно закрепиться в соседних провинциях и даже полностью контролировать Гилян) не помешал формированию устойчивых связей джангаля с внешним миром.

Важным этапом в становлении джангалийского лагеря стали тесные контакты с представителями младотурецкого правительства через комитет «Эттехад-е ислам», деятельность которого координировалась Стамбулом. В Гилян была командирована группа турецких инструкторов, переправлены несколько партий оружия и боеприпасов. Военные успехи джангалийцев и сочувственное отношение населения постепенно превратили «Эттехад-е ислам» в единственную устойчивую власть провинции.

С деятельностью комитета связано и появление программных материалов джангаля – небольших текстов тезисного характера. Основными целями борьбы гилянских партизан объявлялось освобождение страны от иностранного гнета, соблюдение исламской законности, создание «правительства честных патриотов», защита межджиса и трона. Впрочем, последнее требование отсутствует в период тесного сотрудничества джангаля с турками. Позиции трона Султан-Ахмад шаха были сильно поколеблены бурными политическими событиями 1915–16 гг. – формированием Кумского, а затем Керманшахского правительств национального осво-

бождения, объявивших войну Тегерану. Изъятие этого пункта из программы могло быть данью этим обстоятельствам. Во всяком случае, в монархических симпатиях Кучека была пробита заметная брешь: защита трона стала единственным тезисом, которым он поступился, начав в мае 1920 переговоры с представителями советского военного командования.

К 1920 г. попытки Российской Республики установления дипломатических отношений с Ираном застыли на точке неприятия. Затишье в советско-иранских отношениях было нарушено войсковой операцией РККА в апреле 1920 г., завершившейся высадкой десанта в Энзели. «Инцидент в Энзелийской бухте» в результате которого было подписано соглашение с Кучек-ханом, открывал перед большевиками перспективы, которые значительно превосходили его собственно военное значение и создавали дополнительные возможности для удержания в своих руках политической инициативы как в регионе, так и вне его. Но тем не менее вопрос о том, какие конкретно формы может принять советское влияние так и оставался нерешенным. Появление в провинции азербайджанских мохаджеров привело к оттеснению от власти вожда джангаля, и уже к осени 1920 г. новопровозглашенная Гилянская советская республика оказалась в состоянии коллапса. Неопределенность позиции советского партийного руководства спровоцировало настоящую фракционную войну в ИКП «Адалят», результатом которой стали два политических проекта, олицетворенные в правительствах Эхсаноллы и Гейдар-хана. Стерильность классового подхода, отвлеченный характер целей, которые при некоторой разнице демонстрировали оба этих проекта, стало одной из причин гибели «Красной Персии» и обращения к методам традиционной дипломатии.

Основная литература

1. Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). М.: Квадрига, 2009.
2. *Chaqueri C.* The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: birth of the trauma, University of Pittsburg Press, 1995.
3. *Фахраи И.* Сардар-е джангал. Техран, 1344 / 1965.

И. Н. Липилкина

Политические перспективы в Таиланде

В настоящее время в Таиланде сохраняется военное правление – все представительные органы власти (парламент, правительство) сформированы директивным путем и укомплектованы главным образом из числа кадровых или вышедших в отставку военных, лояльных нынешнему режиму. Исполнительная власть осуществляется назначенным на этот пост премьер-министром генералом Праютом Чаночой, одновременно возглавляющим Комитет Национального Спасения, который в 2014 г. совершил военный переворот и который до сих пор осуществляет функции по надзору за всеми ветвями власти. После переворота военные неоднократно заявляли, что гражданское правление будет восстановлено в обозримом будущем, однако до сих пор перспективы проведения выборов не совсем ясны. Под давлением европейских стран и США, которые увязывают развитие их отношений с Таиландом с необходимостью восстановления демократических институтов, военные власти пообещали провести выборы в конце 2018 г. Одновременно с этим в национальных СМИ военные лидеры высказываются не столь однозначно и допускают, что выборы могут быть в очередной раз перенесены на более поздние сроки. Главное для военных – не допустить к власти те силы, которые поддерживают свергнутого ими бывшего премьера Таксина Чиннавата, и сохранить свои позиции в управлении страной. В этой связи можно предположить некоторые возможные сценарии развития событий:

1. Выборы проводятся в ноябре 2018 г., и на них, как и на всех предыдущих выборах, побеждает какая-то протаксиновская партия, поскольку экс-премьер по-прежнему пользуется поддержкой подавляющей части населения. В этом случае наиболее вероятным станет попытка сформированного этой партией правительства договориться с военными во избежание с их стороны силовых действий, как это произошло в 2006 и 2014 гг.

2. Выборы проводятся в назначенные сроки, но военные не допускают победы протаксиновских сил. С помощью администра-

тивных мер и благодаря конституционным поправкам, принятым в период военного режима в пользу небольших партий, именно они получают большинство в парламенте и формируют лояльные военным парламент и правительство.

3. Выборы проводятся в назначенные сроки, но военным не удается провести в парламент лояльные им партии, или победившая партия не изъявляет желания договариваться с военными. В этом случае принятая военными конституционная поправка дает возможность с помощью подконтрольного им Сената назначить на пост премьера любого человека, необязательно депутата. В этом случае наиболее вероятной кандидатурой на пост премьера является нынешний премьер Прают, который, судя по его высказываниям, не планирует участвовать в выборах.

4. С случае, если ситуация выходит из-под контроля военных, возможен новый переворот. Переворот возможен также со стороны военных, не входящих в правящую группу.

5. Выборы могут быть перенесены на год, а то и на более длительный срок.

В предполагаемых сценариях невозможно учесть два существенных фактора: общественную активность и позицию нового короля. В стране действует цензура, сохраняется запрет на публичные выступления и политическую деятельность, таким образом все политические процессы загнаны вглубь. После снятия жесткого давления они могут проявиться в самой непредсказуемой форме. Что же касается короля, то в стране невозможна публичная дискуссия на эту тему. Так что с этой стороны также могут возникнуть любые неожиданности.

О. А. Наливайко

**К вопросу о японской медицине в эпоху
Мэйдзи (1868–1912)**

В отечественных и западных исследованиях, затрагивающих такие темы, как история медицины или эволюция медицинских знаний в Японии, особое внимание уделяется периоду Мэйдзи (1868–1912).

Поскольку именно во второй половине XIX века в Японии появляются первые больницы западного типа, открывается первый медицинский отдел при Министерстве образования (1872 г.), приглашаются в университеты иностранные специалисты: военный хирург – Бэнжамин Мюллер (1822–1893), врач и антрополог Эрвин Бэльц (1849–1913), агрохимик и физиолог Оскар Кельнер (1851–1911) и др. Иными словами, с наступлением эпохи Мэйдзи в рамках переориентации Японии на методы академической науки был взят курс на освоение основ западной медицины.

Первые медицинские знания в Японию еще в конце XVI века принесли португальские миссионеры, а в период изоляции страны последователи *рангаку* продолжили знакомство с европейской медициной, однако до эпохи Мэйдзи в Японии господствовала китайская традиция, в основе которой лежала концепция жизненной энергии *ци* (яп. – *ки*), и под «медициной» понимали прежде всего фармакологию (кит. – *кампо*:). Интересно, что после распространения западной медицины во второй половине XIX в. некоторые принципы китайской традиции продолжали существовать, даже несмотря на официальный запрет *кампо*: в 1895 г. Многие идеи, высказанные неоконфуцианским философом Кайбара Экикэн (1630–1714) в труде «Наставления о здоровом образе жизни» (*Ёдзё:кун*, 1713), были переосмыслены в эпоху Мэйдзи, когда формирование здоровой нации стало одной из приоритетных задач национальной политики. Таким образом, затронутые Кайбара Экикэн темы правильного питания, пользы и вреда продуктов, гигиены нашли отражение в работах просветителей нового времени, связывающих эти понятия с западной культурой питания. В рамках проводимого под лозунгом «Цивилизация и Просвещение» политического курса вестернизации употребление в пищу ингредиентов и блюд иностранной кухни фактически стало означать принадлежность к «цивилизации», то есть к Западному миру. Так, непривычные для японцев продукты (молоко, говядина, пиво, шоколад и др.) стали преподноситься как продукты, полезные для здоровья.

Наиболее детально концепция правильного питания была представлена в романе Гэнсай Мураи (1863–1927) «Наслаждение от приёма пищи» (*Куи до:раку*, 1903), где автор впервые употребил термин *сёкуику* – «наука о правильном питании». Цель романа состояла в том, чтобы наглядно продемонстрировать широкому кругу читателей, как западная кулинария может стать неотъемлемой частью повседневной жизни японцев. В романе «Наслаждение от приема пищи» Гэнсай Мураи создает новую концепцию правильного питания, которая сочетает в себе как традиционные идеи, высказанные Кайбара Экикэн почти за два века до издания романа, так и отдельные положения, характерные для европейской системы медицинских знаний.

Основная литература

1. *Мураи Гэнсай*. Куи до:раку (Наслаждение от приёма пищи). Токио: Иванами сётэн, 2005. В 2х тома: 1 том – 590 с., 2 том – 568 с. (на яп.).
2. *Suzuki, Akihito and Mika*. Cholera, consumer and citizenship. Modernizations of medicine in Japan // The development of modern medicine in non-western countries: historical perspective. Ed. by Ebrahimnejad, Hormoz. Abingdon, GB. London: Routledge, 2008.

О. В. Новакова

Формула развития вьетнамского коммунистического движения в первой половине XX в.

1. Распространение марксизма во Вьетнаме и зарождение коммунистического движения в период 1920-х – начала 1930-х годов связано, в первую очередь, с именем Нгуен Ай Куока, будущего Хо Ши Мина. Его пребывание во Франции, общение с видными политическими деятелями левых кругов, вступление в коммунистическую партию Франции (ФКП) в Туре в 1920 г., знакомство с произведениями В. Ленина – все это способствовало формированию марксистских взглядов Нгуен Ай Куока. Необходимо отме-

тить роль большой пропагандистской работы по распространению идей марксизма, которую ФКП проводила среди диаспор народов французских колоний, находившихся во Франции, а также роль Коминтерна.

2. Активизации деятельности вьетнамских революционеров в начале 1920-х годов способствовала обстановка в Китае, где под влиянием октябрьской революции в 1921 г. была создана КПК. Южный Китай становится центром пребывания и подготовки вьетнамских революционеров. В 1925 г. Хо Ши Мином и его ближайшими соратниками была создана в Гуанчжоу первая вьетнамская марксистская организация – «Товарищество вьетнамской революционной молодежи».

5. «Товарищество» официально не входило в состав Коминтерна, но в своей практической деятельности руководствовалось его решениями и поддерживало с ним тесную связь. В те годы Нгуен Ай Куок был официальным представителем Коминтерна в Южном Китае.

6. К началу 1930 г. во Вьетнаме было создано три коммунистические организации: в Северном, Центральном и Южном Вьетнаме. В своем письме от 27 октября 1929 г. Восточное бюро Коминтерна рекомендовало созвать конференцию представителей трех вьетнамских коммунистических организаций с целью их объединения, 3 февраля 1930 г. в Гонконге под руководством Нгуен Ай Куока открылась объединительная конференция вьетнамских коммунистов, была принята резолюция об образовании единой коммунистической компартии Вьетнама.

7. В октябре 1930 г. в Гонконге состоялся I пленум ЦК КПВ, который учел директивы Коминтерна и принял решение о переименовании партии в КПИК.

8. Свой первый съезд КПИК смогла провести только в марте 1935 г. в Макао. Был принят новый Устав 1935 г. (третий по счету), во многом развивающий документ, принятый в октябре 1930 г. на I пленуме ЦК КПВ. В соответствии с новой тактикой VII конгресса Коминтерна, который в 1935 г. одобрил тактику Народных фронтов, наиболее важным решением I съезда КПИК стало реше-

ние о развертывании кампании по созданию единого антиимпериалистического фронта и использовании всех легальных и полуполитических форм борьбы против империализма.

9. Сравнение с Программой фронта Вьетминь, написанной Хо Ши Мином в 1941 г. Эта программа опиралась на национальные традиции Вьетнама: патриотизм и сплоченность нации. Она проникнута идеей единого национального фронта, в ней подчеркивалось, что в борьбе за независимость превыше всего ставятся общенациональные интересы, а не принцип классовой борьбы.

10. Анализ этого периода новейшей истории Вьетнама первой половины XX в. позволяет выявить некоторые принципиально важные моменты в развитии коммунистического движения Вьетнама, а именно совместимость национальных интересов (даже на том раннем этапе действий КПИК, о котором идет речь в данном тексте) с западноевропейской политико-идеологической ориентацией. История Вьетнама постоянно формировалась в двух пространствах: национальном и, условно говоря, мировом. Уникальность же Вьетнама состоит в том, что *формула его национально-государственной идентичности раскрывается в этих двух измерениях: традиционной ментальности и мирообщения (свое и мировое)*. Подобным образом понимаемая идентичность объясняет ее совместимость с идеями коммунизма, прагматического поведения КПИК на всем протяжении ее борьбы за независимость Вьетнама, позволявшего успешно конвертировать навязываемую стране роль объекта в суверенную политическую и культурную субъектность.

Основная литература

1. Программа фронта Вьетминь // 8-й Пленум ЦК КПИК, май 1941 г., Гуанси; Hồ Chí Minh. Toàn Tập, tập 3. HN (Хо Ши Мин, Полное собрание сочинений, т. 3, Ханой), 1983.
2. Устав Коммунистической партии Индокитая (1935) // РГАСПИ. Ф. 495, оп. 154, д. 673, л. 1–5.
3. Trần Huy Liệu, Văn Tao. Tài liệu tham khảo lịch sử cách mạng cận đại Việt – Nam, tập V, Hà Nội, 1958 (Чан Хюи Лиуеу, Ван Тао. Сборники документов по истории революции Вьетнама).

4. *Trần Văn Giàu*. Giai cấp công nhân Việt-Nam. Hà Nội, 1957. (Чан Ван Зяу. Рабочий класс Вьетнама),

С. А. Подоплелов

Анклавные территории в пограничном споре Индии и Бангладеш (правовые аспекты)

История анклавов на границе между Индией и Бангладеш насчитывает более двух столетий. Своим появлением проблема анклавов обязана ряду факторов, обусловленных особенностями политического и экономического развития Южной Азии. Происхождение анклавных территорий на северо-востоке региона тесно связано с историей княжества Куч-Бехар. В конце XVII и начале XVIII вв. под давлением мусульманских администраторов Бенгалии ряд землевладельцев района присягнули на верность правителям из династии Поздних Моголов, а взамен получили права на земли, перешедшие под контроль Могольского государства. В 1713 г. после сокрушительного поражения от могольских войск власти Куч-Бехара были вынуждены признать разрозненные территориальные приобретения империи. Многие зажиточные подданные княжества сохранили верность своему собственному правителю, и находившиеся в их собственности земли остались под контролем княжеской администрации, окружив участки мусульманских землевладельцев; в результате этого образовалась чересполосица. Вмешательство Бутана в дела Куч-Бехара привело к появлению в 1817 г. еще 27 эксклавных владений княжества, окруженных бутанской территорией.

В ходе раздела Британской Индии на два государства в 1947 г. глава комиссии по демаркации границ С. Рэдклифф избрал подход, при котором за основу бралась *тхана* – наименьшая административная единица для определения конфессионального состава населения. В результате территории, внутри которых находились

эксклавы Куч-Бехара, отошли Пакистану, а само княжество вошло в состав Индии.

Проблема анклавов была введена в дискурс международных отношений в Южной Азии индийско-пакистанским соглашением 1958 г. о пограничных спорах, касающихся Восточного Пакистана. Документ предполагал обмен анклавами на спорных участках границы, но не был реализован. В результате событий 1971 г. образовалось независимое государство Бангладеш, унаследовавшее проблему анклавов и приложившее немалые усилия для поисков дипломатического решения. В 1974 г. было подписано соглашение о демаркации сухопутной границы между Индией и Бангладеш, содержавшее пункт о незамедлительном обмене анклавами между двумя государствами. Жителям спорных территорий гарантировалось право сохранить статус-кво и остаться на своей родной земле, если они принимали гражданство того государства, которому передавался данный участок земли. Индия и Бангладеш договорились о возвращении друг другу спорных участков, владение которыми противоречило устанавливаемым границам и основывалось лишь на притязаниях частных лиц. Этот шаг вызвал недовольство значительной части населения анклавов. Подписание соглашения 1974 г. стало не логическим завершением, а началом длительного процесса согласований, политических игр на разных уровнях, оценки возможных рисков и составления дополнительных протоколов с тем, чтобы реализовать достигнутые договоренности.

Главным препятствием на пути к разрешению пограничных споров стала позиция правительств индийских штатов Западная Бенгалия, Ассам и Мегхалая, власти которых препятствовали принятию необходимых поправок к конституции Индии. В октябре 1982 г. состоялся обмен официальными письмами о передаче под контроль правительства Бангладеш коридора Тин-Бигха, соединяющего два бангладешских анклава с «материнской» территорией, но индийская сторона промедлила с ратификацией договоренности, вступившей в силу лишь в 1992 г. Ряд пограничных инцидентов в 1990-е и начале 2000-х годов побудили правительства двух

стран активизировать работу по решению проблемы спорных земель. Работа экспертных комиссий позволила подготовить протокол к соглашению 1974 г., который был подписан в 2011 г.; он предусматривал полный обмен анклавными при гарантии безусловного права населения выбрать гражданство одного из государств и остаться на своей земле либо мигрировать. Противодействие со стороны индийской Бхаратия джаната парти и ряда региональных партий отодвинуло ратификацию документа на четыре года. В 2015 г. соглашение вступило в силу, но исполнение сторонами принятых обязательств столкнулось с многочисленными трудностями и не завершено до сих пор.

А. Л. Сафронова

**Научно-аналитические центры Индии:
специфика развития**

Научно-аналитические, или экспертно-аналитические объединения, называемые «мозговыми центрами» (*Think Tanks*), представляют собой негосударственные исследовательские организации, которые, как правило, сосредотачивают свои усилия на международной политике, а также экономике, социологии, праве и т. п. В политических кругах *Think Tanks* причисляют к «пятой власти» (после законодательной, исполнительной, судебной и СМИ). «Мозговые центры» реализуют программы, направленные на формирование общественного мнения по широкому кругу проблем глобальной политики и национальной безопасности. Они призваны сконструировать имидж конкретной страны и повысить ее роль на международной арене. Наибольшего развития «мозговые центры» достигли на Западе. В Индии, которая занимает 4-ое место в мировом рейтинге подобных организаций (после США, Китая и Великобритании) их число приближается к 300. Научно-аналитические центры начали создаваться в колониальный период как британской администрацией в поисках идеи трансформации Британской

империи в Британское содружество наций, так и представителями местных политических элит и растущего национального бизнеса с целью продвижения идеи будущей независимой государственности Индии и повышения ее престижа в мировом сообществе. После достижения свараджа и образования Республики Индия развитие «мозговых центров» было стимулировано конкретными задачами и вызовами, с которыми сталкивались правительства и общество.

При всем многообразии целевых установок экспертных центров (внутриполитических, экономических, социальных, культурных, профессионально-отраслевых, экологических и т. п.) выделяются организации, концентрирующиеся на международном спектре проблем. По политической ориентации они подразделяются на политически ангажированные (*Think Tanks* при политических партиях и движениях) и декларируемые как политически независимые (как правило поддерживаемые различными бизнес-группами). Значительная часть центров является государственными и выполняет роль «совещательных органов» при Министерстве иностранных дел, Министерстве обороны, при различных международных организациях, через посредство которых Индия позиционирует себя в мировом сообществе (ООН, Содружество наций, Движение неприсоединения, БРИКС, ШОС, СААРК и др.). Они сосредоточены на программах по активизации роли Индии как ключевого игрока в Южной Азии, в Азии в целом и в масштабе формирующегося нового мирового порядка в условиях глобализации. Финансовая поддержка правительства и международных организаций обуславливает выбор тематики исследовательских программ и «привязывает» аналитические центры к столице – Нью-Дели. При этом «мозговые центры», занимающиеся проблемами экономических и социальных исследований, чаще имеют региональную «привязку» и субсидируются неправительственными силами. Среди спонсоров выделяются крупные корпорации, прежде всего промышленная группа «Тата», открывшая свои первые экспертные центры в 30-е годы XX в.

Международные организации и отдельные страны Запада повлияли на характер функционирования научных центров Индии. В колониальный период и на начальных этапах становления индийской национальной государственности преобладало влияние Великобритании и таких британских центров по изучению глобальной политики, как знаменитый Chatham House – Королевский институт международных отношений (The Royal Institute of International Affairs – RIIA, 1920). В Chatham House действует принцип анонимности обсуждений, известный как «Правило Chatham House» (Chatham House Rule). В соответствии с принципом, делегаты и гости семинаров не имеют права разглашать авторство тех или иных мнений за пределами этого центра и как итог представляют коллективный доклад. Принцип призван способствовать открытости мнений и обсуждений и действует лишь на некоторых определённых встречах и семинарах. В последние десятилетия все большую роль играют США, держащие первенство по количеству «мозговых центров» в собственной стране и стремящиеся создать под своей эгидой крупные международные аналитические центры, интернациональные по составу экспертов. Программа «Мозговые центры и гражданские общества» (The Think Tanks and Civil Societies Program – TTCSP), стартовавшая в США в 1989 г., направлена на сбор информации по всем странам и создание единой глобальной сети *Think Tanks*.

Наиболее важными научно-аналитическими центрами Индии, специализирующимися на вопросах глобальной политики являются Индийский совет по международным делам (Indian Council of World Affairs – ICWA, 1943), Центр политических исследований (Centre for Policy Research – CPR, 1973), Международный центр по изучению проблем неприсоединения (International Institute for Non-Aligned Studies – IINS, 1980), Делийская политическая группа (Delhi Policy Group – DPG, 1994), Группа стратегического прогнозирования (Strategic Foresight Group – SFG, 2002) и др. В последние годы наблюдается тенденция к координации их деятельности и проведению совместных форумов.

Е. К. Симонова-Гудзенко

**Географическое сочинение японского
мыслителя Фукудзава Юкити (1835–1901)**

Фукудзава Юкити – японский мыслитель, основатель университета Кэйо, первый президент Токийской академии, был плодовитым писателем. Его полное собрание сочинений составило 21 тт. Особое внимание Фукудзава уделял образованию, именно ему принадлежит идея и составление иероглифического минимума, позволившее Японии стать одной из стран с высоким уровнем грамотности уже в начале XIX в. К наиболее известным и популярным произведениям принято относить «Положение дел на Западе» («Сэйё дзидзё», 1866–1869); «Призыв к знаниям» («Гакумон-но сусумэ», 1872); «Краткий очерк теории цивилизации» («Буммэйрон-но гайряку», 1875); «О децентрализации» («Бункэнрон», 1877) и Автобиографию (1899).

Рассматриваемое в докладе произведение известного философа «Все страны мира» («Сэкай куни дзукуси», 1869) относится к географическому жанру. Оно было написано после поездки Фукудзава по Западным странам, но в отличие от публицистического «Положения дел на Западе», современными исследователями упоминается не часто. В отечественной науке на данный момент обнаружить не удалось даже краткого описания, западные и японские исследователи обратили внимание на данное сочинение лишь в XXI в.

Произведение было написано, чтобы познакомить простых людей, в первую очередь «женщин и детей», с мировой географией. Сочинение молодого автора завоевало популярность, превратилось в бестселлер, и было переиздано в 1872 г., затем в сокращенном виде в 1875 г. После введения обязательного начального образования в 1872 г. сочинение Фукудзава стало школьным учебником.

Мыслителя называли «ниспровергателем основ», однако структура *куни дзукуси* (полный, подробный список провинций [стра-

ны]), ритмическая форма, в которой написана география стран мира, весьма традиционны и были популярны в Японии в XVIII–XIX вв.

Оно состояло из шести томов: 1. Азия, 2. Африка, 3. Европа, 4. Северная Америка, 5. Южная Америка и Океания, 6. Приложения. Источниками работы Фукудзава были географические и исторические труды британских и американских исследователей, основу составила «Система современной географии» крупного американского географа и картографа Августа Митчелла (1792–1868). Исследователь наследия японского философа Акико Утияма выявляет сходство некоторых частей учебника Фукудзава и географии Митчелла. Однако, представляется, что несмотря на некоторые заимствования, автор многое сделал, чтобы превратить текст в доступный, легко читаемый детьми и малознакомыми с дальними странами и культурами соотечественниками. Книги были написаны крупным каллиграфическим почерком, известным по тетрадам с прописями, а ритмический стиль 7–5 слогов позволял читать текст вслух и помогал запоминанию. Текст разделен на две части, основную, написанную крупно, ритмическим стилем и примечания – более строгим почерком и насыщенные информацией. Текст сопровождается иллюстрациями, большая часть которых размещена в примечании. Множество иллюстраций также облегчали понимание. Каждый том завершается картой одного из пяти континентов. Карты представляют особый интерес для исследования. В последний шестой том включен общий очерк, в котором автор объясняет основные понятия географической науки, а также пишет о физической и гуманитарной географии.

Сочинение Фукудзава является адаптированным для восприятия простыми японцами географическим и историческим текстом о странах мира, написанным на основе исследований западных ученых.

Основная литература

1. *Фукудзава Юкити*. Сэкай куни дзукуси (Все страны мира). Токио: Кэйо гидзюку, 1871. URL: http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/bunko11/bunko11_a1835/index.html

2. Фукудзава Юкити Сэкай куни дзукуси дэ сэкай-о манабу (Изучение [географии стран] мира с помощью сочинения Фукудзава Юкити «Сэкай куни дзукуси»). Сост. Сайто Хидэхико. Токио: Минэрва сёбо, 2017.
3. *Akiko Uchiyama*. Assimilation or Resistance? Yukichi Fukuzawa's Digestive Translation of the West // Translation and Translation Studies in the Japanese Context. Ed. Nana Sato-Rossberg, Judy Wakabayashi. London: Bloomsbury, 2012, pp. 73–91.

И. Б. Спектор

Смена столицы Британской Индии в 1911 году: новый этап колониальной политики

В 1911 году британским правительством было принято решение о переносе из Калькутты в Дели резиденции вице-короля и индийских правительственных органов. Дели, бывший до 1857 года резиденцией могольских правителей, вновь стал всеиндийским политическим центром.

Перемещение столицы в XX веке проводилось во многих государствах – например, в России, Турции, Бразилии и т. д. Чаще всего, такие мероприятия сопровождались существенными переменами в политической и общественной жизни данных стран. В Индии мы рассматриваем уникальный случай переноса столицы колониальной администрацией, но события 1911 года оказали влияние и на развитие независимой страны.

К началу XX века Калькутта превосходила все города Британской Индии по населению, экономической и культурной роли. Тем не менее, британская администрация сочла возможным перенести столицу в Дели, уступавший не только Калькутте, но и Бомбею, и Мадрасу. Прежде всего, такое решение объясняется стремлением выстроить линию преемственности между властью Британской империи и Великих Моголов. Символично, что о переносе столи-

цы было объявлено на Делийском дарбаре – мероприятии, посвящённом провозглашению Георга V императором Индии и копированном аналогичные церемонии могольской эпохи.

Помимо выстраивания исторической преемственности, провозглашение Дели столицей было вызвано целым рядом причин – прежде всего, осложнением политической обстановки в Калькутте, становившейся центром национально-освободительного движения. Свою роль сыграли и такие факторы, как уменьшение роли Калькутты в международной торговле и территориальная близость Дели к Шимле – летней резиденции вице-короля.

Перемещение административных органов в Дели, который до этого не был центром даже провинциального уровня, привело к проблемам, связанным с размещением в городе большого количества британских чиновников. В 1910–1930-ые гг., под руководством архитектора Эдвина Лаченса, был возведён комплекс административных зданий, ставший символом британского правления в Индии.

После того, как Дели стал британским административным центром, существенно возросла его роль и в глазах индийских националистов. До 1911 года политическая жизнь концентрировалась в Калькутте, Бомбее и Мадрасе, но с 1910-ых гг. постепенно начало создаваться представление о Дели как об исконном центре индийской политической жизни и столице будущего независимого государства.

Таким образом, решение британской администрации, принятое более ста лет назад, оказало решающее влияние не только на последующее развитие Дели и Калькутты, но и на межрегиональные отношения в независимой Индии и на всю дальнейшую политическую жизнь страны.

Основная литература

1. *Chandra J. P.* Delhi: a political study. Delhi, 1969.
2. *Volwashen A.* Imperial Delhi: the British capital of the Indian empire. London, 2002.

Г. В. Сучков

**Малайзия на пороге выборов: последние
месяцы перед схваткой**

Политическая жизнь Малайзии в 2018 г. ознаменована очередным раундом электоральных баталий, которые согласно букве закона должны состояться не позднее 24 августа и обещают быть напряженными. Одной из самых заметных черт общественно-политического развития страны сегодня по праву считается обострение противостояния двух коалиций: Национального фронта – бастиона действующих властей государства – и оппозиционного Блока надежды (недавно появившегося на свет преемника Народного блока). Национальный фронт переживает далеко не лучшие времена, что красноречиво сказалось на результатах выборов последнего десятилетия. Проправительственные силы, хотя и завоевали в 2008 и 2013 гг. большинство мест в общенациональном парламенте, испытали высокое давление со стороны чувствовавшей себя все увереннее оппозиции (пять лет назад та впервые в истории Малайзии заняла верхнюю строчку в итоговом протоколе по числу набранных голосов). Данная тенденция – усиление оппозиции – отчасти проявилась и на региональном уровне.

В 2018 г. оппозиция входит с относительным оптимизмом: согласно ряду опросов общественного мнения Блок надежды лидирует в предвыборной гонке (вероятнее всего, однако, как и пятью годами ранее, ему не удастся конвертировать победу по общему числу завоеванных голосов – если она и будет одержана – в получение парламентского большинства). Последние годы выдались для Национального фронта чрезвычайно сложными. Власти во главе с премьер-министром Наджибом Разаком оказались в эпицентре ряда громких скандалов, больно ударивших по правительству. Козырем в руках оппозиции может стать возвращение в большую политику Махатхира Мохамеда, одного из главных творцов малайзийского экономического прорыва. Махатхир не просто примкнул к оппозиции, но стал кандидатом на получение поста

премьера в случае триумфа Блока надежды на предстоящих выборах. Фигура Махатхира, всегда вызывавшая горячие споры в обществе, так или иначе способна придать оппозиции дополнительный вес (вместе с тем следует заметить, что вполне возможен и другой сценарий развития событий: бывший глава кабинета, с которым у некоторых его новоиспеченных союзников старые счеты, внесет раздор в ряды Блока надежды; к тому же нельзя забывать и о солидном возрасте этого политика).

Совершенно очевидно, что ближайшие выборы будут отмечены ожесточенной борьбой. Любой из более-менее реальных сценариев развития событий, однако, предусматривает, что в обозримом будущем важнейшие тенденции политического развития останутся прежними, т. к. пока ни один из лагерей не способен получить решающее преимущество.

Основная литература

1. *Bernama* (Куала-Лумпур, информационное агентство).
2. *New Straits Times* (Куала-Лумпур, периодическое издание).
3. *Utusan Malaysia* (Куала-Лумпур, периодическое издание).

К. М. Тертицкий **Китайская Кяхта и ее название**

Точность имеющихся у нас сведений о названиях географических объектов не часто становится предметом исторического изучения, а сведений о часто упоминаемых названиях – особенно. Так, если известно, что столица Италии по-русски называется «Рим», а по-итальянски – Roma, то вряд ли кто-то будет проверять как первое, так и второе утверждение. Иногда, однако, именно из-за такой кажущейся ясности реальное положение вещей может длительное время оставаться вне поля зрения исследователя. Это относится и к названию китайского населенного пункта, располагавшегося напротив российской Кяхты на границе между Российской и Цинской империями и обычно именуемого в отечественных публикациях «Маймачен».

Оба этих поселения, российское (Кяхта) и цинское, появились там после заключения Кяхтинского договора (1727), когда в эти места была перенесена сначала значительная часть торговли между двумя странами, а затем и почти она вся. Центром российского поселения стал расположенный на некотором удалении от границы город Троицкосавск, а примыкавшая непосредственно к границе Кяхта получила статус торговой слободы. Название свое она получила по протекавшей там реке Кяхте (монг. Хиагт). Расположенное напротив нее по ту сторону границы цинское поселение, как уже говорилось, в русских текстах стало именоваться «Маймачен» или близкими к нему по звучанию названиями (Маймачэн, Маймачин, Маймачины или Маймадчины; часто они писались через дефис: Май-мачин, Май-ма-чен, Майма-чен). При этом обычно пояснялось, что оно представляет собой искаженное воспроизведение китайского слова *маймайчэн* (букв. «торговый город»). Данное название можно встретить в текстах путешественников, дипломатов и синологов XVIII–XX веков и даже в работах последних десятилетий, включая статьи и книги тех исследователей, чья научная компетентность и добросовестность не вызывают сомнений. Оно также вошло и в справочники. Так, еще в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» говорилось: «Маймачи(е)н (по-кит. торговое место) – в Монголии общее название торговых предместий, которые обыкновенно стоят отдельно от городов и обнесены деревянной стеной; в них живут купцы, без семейств. В частности, М. называется кит. слобода, расположенная в Монголии у русской границы, насупротив Кяхты» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XVIII. СПб., 1896. С. 381).

Внимательно прочитав это объяснение, однако, нетрудно увидеть, что данное название обозначало такую «слободу» не только напротив Кяхты, а использовалось и для обозначения подобных кварталов в других городах. Если мы обратимся к запискам российских исследователей Монголии, то найдем там упоминания или описания маймайчэнов в Урге, Улясутае и Кобдо.

Естественно, возникает вопрос: почему эти поселения именуются по названию соответствующих городов (ургинский май-

мачэн, улясутайский маймачэн и т. д.), а у маймайчэна, распложенного напротив Кяхты, такого названия нет? Ответить на него можно, обратившись к китайским документам того времени. В них это место именуется не «Маймайчэн», а *Цякэту*, что представляет собой транскрипцию того же монгольского топонима *Хиагт* (Кяхта). Именно под этим названием данный населенный пункт фигурировал в китайских географических описаниях, в цинских официальных документах, а также в названиях должностей чиновников и государственных структур Цинской империи. Главой этого поселения считался китайский чиновник, занимавший должность *цякэту чжанцзин* (кяхтинский джангин) и назначавшийся туда пекинским Лифаньюань (Палатой по делам вассальных территорий) на три года. Само слово *Цякэту* (Кяхта) цинскими чиновниками XVIII – первой половины XIX веков, соответственно, воспринималось как название китайского поселения, а в документах Цинской империи можно встретить словосочетание «наша местность *Цякэту* (Кяхта)». Торговая же часть этого поселения была, таким образом, «цякэтуским» или «кяхтинским маймачэном».

Следует отметить, что установившегося названия для российской Кяхты у цинских подданных, судя по всему, тогда не было. Так, китайские купцы и в последующие времена именовали российскую Кяхту «передним лагерем» или «передней деревней» (*цянь инцзы*), а Троицкосавск – «задним лагерем» или «задней деревней» (*хоу инцзы*), а китайские чиновники вообще могли в официальном донесении (1845) назвать Кяхту и Троицкосавск просто «русским городом». Интерес же китайских ученых к этим местам возник, по-видимому, лишь в середине XIX века, когда Китай начал устанавливать контакты с окружающим миром и осваивать иностранную географическую литературу. С течением времени название *Цякэту* стало использоваться в китайской текстах уже для обозначения обоих приграничных поселений – как цинского, так и российского, а после отделения Монголии от Китая и уничтожения «Маймачена» – преимущественно, для обозначения российской Кяхты.

Таким образом, название «Маймачен» представляет собой экзоним или экзотопоним, то есть наименование, данное извне, а происходит оно от названия, в реальности обозначавшего лишь часть поселения и ошибочно распространенного на все поселение в целом. В связи со всем вышесказанным правильнее было бы в соответствующих работах именовать это поселение «китайской Кяхтой», а его торговую часть – «кяхтинским маймачэном», приводя при этом соответствующие пояснения.

К. А. Фурсов

**Роль западных спецслужб в распаде
колониальной системы**

Одним из главных процессов в истории афро-азиатского мира XX в. был распад колониальной системы. Изучен он неплохо, но есть важный аспект, который по ряду причин долго игнорировали, – фактор спецслужб (колониальных метрополий, сверхдержав и некоторых других государств). Без его учёта и изучения научное понимание деколонизации невозможно. Ряд работ о деятельности спецслужб в колониях после Второй мировой войны появился лишь в последнее время. Сегодня назрела необходимость провести первичное обобщение материала – дать типологию ролей спецслужб в деколонизации и попытаться найти закономерности в выборе спецслужбами той или иной роли.

В распаде колониальной системы спецслужбы играли три основные роли: охранительную (цель – законсервировать статус-кво), подрывную (разрушить чужие империи) и трансформирующую (опять же сохранить позиции державы, но при этом «обмануть историю», адаптировать господство к необратимым изменениям). Охранительная роль состояла в пресечении любых угроз имперскому господству (например, борьба британской МИ-5 с иммиграцией евреев в Палестину, с восстанием коммунистов-китайцев в Малайе и греческим движением *энозис* на Кипре). Подрывную роль спецслужбы играли, как правило, в отношении чуж-

жих политических структур (например, возможное дезинформирование американской военной разведкой Британии и Франции в ходе Суэцкого кризиса, в результате чего те промедлили с применением силы против Египта). Трансформирующая роль была сыграна главным образом в Британской империи, где правящие круги метрополии предпочли «оседлать» события и поставить центробежные тенденции себе на службу. МИ-5 «обволакивала» национальных лидеров Индии, Малайи, Ганы, Кении и других получавших независимость стран и обеспечивала их сотрудничество в будущем.

Для каждой спецслужбы (британской МИ-5, французской SDECE, голландской NEFIS, португальской PIDE, американского ЦРУ и др.) некоторые роли были характерны более прочих. Как правило, чем большее число ролей играла спецслужба, тем полезнее она оказывалась для своего государства. В разных империях и на разных этапах на первый план выходили разные роли. Нельзя сказать, что, столкнувшись после 1945 г. с мощными центробежными тенденциями, колониальные державы лишь пытались заблокировать или затормозить их. Иные державы – главным образом Британия, с меньшим успехом Франция – приняли во внимание «ветер перемен» и старались идти в ногу со временем, выбрав то, что можно назвать «просвещённой деколонизацией». Выделенные и описанные в докладе роли спецслужб в деколонизации существовали не изолированно, а чередовались или даже переплетались.

Типологию ролей спецслужб в деколонизации уместно соотносить с типологией систем колониального управления (прямая и косвенная). Определённые роли коррелировали с той или иной системой. Для спецслужб империй, где преобладало прямое управление (Французская, Португальская), более характерна охранительная роль, тогда как в империи с сильным элементом более гибкого, косвенного управления (Британская) спецслужбы и роль в основном играли более гибкую – трансформирующую. И косвенное управление, и соответствующая ему трансформирующая роль спецслужб в деколонизации иллюстрируют концепцию «мяг-

кой силы» американского политолога Дж. Ная. Выведенная корреляция не случайна и во многом определяется степенью централизации государственных структур в метрополии. Парадоксом среди колониальных империй выглядит Нидерландская, где власти успешно сочетали прямое и косвенное управление, но деколонизацию осуществили провально.

А. Б. Шарова

Библиографическая основа географического сочинения Утида Масао «Ёти сиряку»

В конце периода Токугава (1603–1868) – начале эпохи Мэйдзи (1868–1912) мир открывает Японию, и знакомство с другими странами становится для нее необходимым и желаемым, чтобы избежать участи превращения в колонию, и стать современным государством, встать в один ряд с ведущими мировыми державами. В это время начинают довольно активно издаваться учебники, справочники и энциклопедии по мировой географии. Одним из первых подобных трудов было географическое сочинение Утида Масао «Ёти сиряку» («Краткое описание мира» 1871–1880).

Утида Масао (1839–1876), ученый-западник, преподаватель, переводчик, писатель и советник по вопросам западной культуры и истории начала периода Мэйдзи. Самым выдающимся его произведением считается сочинение по мировой географии «Ёти сиряку», настоящий бестселлер эпохи Мэйдзи: по данным Министерства образования только за первые несколько лет издания было напечатано порядка 150–200 тысяч экземпляров. Географическое сочинение Утида Масао снискало такую популярность, что даже было названо одной из «трех [выдающихся] книг эпохи Мэйдзи» (*мэйдзи но сансё*).

При написании «Ёти сиряку» автор опирался на ряд зарубежных учебников, которые он приобрел во время своего пребывания в Европе. В предисловии к первому тому Утида Масао указывает

следующие фамилии: Маккей, Голдсмит и Крамерс. Рассмотрим перечисленные сочинения и возможные влияния и заимствования.

Александр Маккей (1815–1895) служил священником, однако с детства увлекался географией, что впоследствии позволило ему познакомиться с известными учеными своего времени, войти в научные круги. Ему принадлежат несколько пособий по географии, таких как: «Учебник по современной географии, математической, физической и политической» (1861), «Азы современной географии» (1864), «Основы современной географии» (1865), «Первые шаги в географии» (1869), «География Британской империи» (1874) и других. Японские исследователи полагают, что Утида Масао использовал в своем географическом сочинении именно учебник 1861 года, частично заимствуя оттуда содержание и структуру описания стран.

Перу Рев. Дж. Голдсмита (1767–1840) (настоящее имя – сэр Ричард Филипс) принадлежит «Введение в географию, для использования в школах и [изучения] молодыми людьми. Иллюстрирован картами» (первое издание – 1824 г.; второе дополненное издание – 1843 г.) Эта книга представляет собой простой в использовании учебник, в котором на одной-двух страницах приводятся только самые основные сведения по каждой из стран. Возможно, Утида Масао частично заимствовал из этого справочника карты.

Якоб Янсон Крамерс (1802–1869) – автор «Справочника по географии, статистике и истории» (1850), двухтомника, довольно хорошо известного в Японии еще в конце периода Токугава. Вероятнее всего, Утида Масао использовал в своем сочинении предложенную голландским автором общую структуру описания стран.

Объяснить популярность «Ёти сиряку» можно и наличием довольно большого количества иллюстраций. В основном они были взяты автором из французского журнала «Вокруг света», однако Утида Масао имел особенность иногда немного изменять их, так, что получались фактически новые изображения. Кроме этого в качестве иллюстраций автор также пользовался фотографиями.

Сочинение по мировой географии «Ёти сиряку» Утида Масао являлось значимым произведением для периода Мэйдзи. Оно было

призвано познакомить читателей с другими странами, дать весьма полное представление об их географии и истории. При написании «Ёти сиряку» автор опирался на европейские учебники и журналы, а также использовал такой актуальный для своего времени изобразительный источник как фотографии.

Основная литература

1. *Утида Масао*. Ёти сиряку. URL: http://archive.wul.waseda.ac.jp/kosho/ru02/ru02_03306/ (дата обращения: 15.02.2018) (на яп.).
2. *Исияма Хироси*. Утида Масао «Ёти сиряку» но сэйрицу [Утида Масао. Создание «Ёти сиряку»] // Нихон эйгакуси кэнкю:кай кэнкю: хо:коку [Доклады японского исследовательского общества по истории англо-ведения]. № 71, 1967, с. 6–11. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/jeiken1964/1967/71/1967_71_6/_pdf (дата обращения: 14.02.2018) (на яп.).

В. И. Шльков

Эволюция партийной системы Турецкой Республики во второй половине 1940-х – 1970-е гг.

В докладе комплексно анализируется динамика и основные детерминанты эволюции партийной системы Турции в период, охватывающий три десятилетия «экспериментов с демократией» – от перехода к многопартийной политической системе в середине 1940-х гг. до всплеска политического насилия 1970-х гг. Ключевой исследовательский вопрос – каковы факторы циклического развития партийно-политической системы Турции и ее тяготения к модели с доминантной партией, которые прослеживаются на протяжении всей новейшей истории Турции вплоть до 2000-х гг.

После окончания Второй мировой войны партийно-политическая система Турции в своём развитии прошла несколько этапов. Начальный период формирования многопартийной системы (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.) характеризовался сохранением многих черт, унаследованных от эпохи единоличного

правления Народно-республиканской партии. По сути, первые элементы многопартийности в Турции появились еще при младотурках, однако партийная борьба всегда была монополизирована «официальной партией правящих элит». Долговечность партийной традиции в Турции доказала своё значение как важного фактора в относительно высоком уровне институционализации партийной системы со времени перехода к многопартийности.

Ключевые особенности партийной традиции в Турции: ориентация партийных элит на политический конфликт и элитарный стиль официальных партий, негативно влиявший на развитие партийной системы. Уже при младотурках экстремальный антагонизм между правительством и оппозицией определял характер политической жизни в стране. Когда почти сорок лет спустя вновь возникла конкурентная партийная система, аналогичная тенденция проявила себя и в антагонизме правительства и оппозиции, принявшей черты «игры с нулевой суммой». Это создало сложности как для режима, так и для оппозиции: ни одна из сторон не высказывала готовности к компромиссу и это, в конечном счёте, привело к военному перевороту 1960 г. Все это исключало институционализацию конкурентного противостояния политических партий.

Развитие партийно-политической системы в Турции определялось внутри-элитными конфликтами (они лежали в основе и межпартийной, и внутрипартийной борьбы, равно как и появлении новых партий), «социальные расколы» и «классовые конфликты» были вторичны, что резко контрастировало с западноевропейской моделью партийного строительства. Вызвано это было лавинообразным характером перехода к многопартийности, низким уровнем социальной дифференциации и классовой поляризацией – всего того, что обеспечивало структурирование западно-европейских партийных систем.

В основе межпартийной борьбы в Турции лежали фракционные конфликты в рамках существующих политических элит, а также внутри-элитные расколы в парламентской группе правящей НРП и личное соперничество. В целом в 1940-е и 1950-е гг. сте-

пень идеологической дифференциации оставалась невысокой, особенно среди главных конкурентов: НРП и Демократической партией (ДП). Расхождения между НРП и ДП не носили идеологического характера. Подобная не-идеологическая природа политической конкуренции и всеохватная ориентация партий отражали слабость горизонтальной политической солидарности.

Несмотря на наличие двух главных партий, соперничающих за дидерство, турецкая партийная система была лишена согласованности и умеренности, характерных для двух-партийной системы. Наоборот, интенсивность фракционных расколов на уровне как элит, так и масс формировало не-идеологическую политическую биполярность, подрывая стабильность режима.

С запретом ДП после переворота 1960 г. ее электоральная база распалась на три части: между Партией справедливости (ПС), Партией новой Турции (ПНТ) и Республиканско-крестьянской национальной партией (РКНП). Вероятно, более важным являлась настойчивость армии, чтобы НРП участвовала в формировании коалиционных правительств.

За исключением начала 1960-х гг., когда автономия избирательного процесса была подорвана, и партийная система действовала под принуждением армии, существовала тенденция в направлении однопартийного доминирования в Турции. Парламентские выборы 1973 г. стали поворотной точкой в развитии электорального процесса. Впервые с 1950 г. доминантной политической партии не удалось сохранить контроль над правительством. Степень фрагментации турецкой партийной системы существенно возросла. Увеличение числа парламентских партий демонстрировало значительный отход от модели, установившейся в период монопольного доминирования НРП и ДП 1946–60 гг.

Рост фрагментации партийной системы в Турции объяснялся рядом объективных факторов:

- влиянием армии и военной элиты на конкуренцию партий (после переворота 1960 г.);
- переходом от простой мажоритарной системы к пропорциональному представительству в 1961 г.;

- расширение электората и изменение электорального поведения;
- увеличение идеологического разрыва между левыми и правыми.

Растущая радикализация турецкой политической жизни вызвала идеологическую поляризацию политических партий, проявившейся на нескольких уровнях:

- ~ партийные элиты из соперничающих идеологических лагерей были вовлечены в процесс взаимной делегитимации,
- ~ широкое использование политического насилия и привлечение экстремистских групп.

В отличие от фрагментации, которая в условиях доминантной партийной системы стимулирует ротацию правящей элиты, поляризация, наоборот, затрудняет этот процесс, поскольку ограничивает возможности формирования коалиции среди оппозиционных партий с соперничающими идеологическими ориентациями.

В Турции переход от доминантной партийной системы к умеренному плюрализму в 1960-е и 1970-е гг. не привел к исключению из власти «доминантной» ПС, вернувшейся к власти после краткого пребывания в оппозиции. Таким образом, партийная система Турции в 1970-е гг. пережила лишь «периферийную» перестройку, не слишком изменившую ее суть, что позволило ПС не только вернуться во власть, но и сохранить полу-доминирующую позицию.

П. В. Шльков

Концепт «турецкой модели» в сравнительно-исторической перспективе: от евроинтеграции к девестернизации

В докладе представлены результаты сравнительно-исторического анализа феномена «турецкой модели» в трех измерениях: как пример мобилизационной модернизации как образец сочетания либеральной демократии и ислама и как парадигма девестернизации.

Турция – одна из самых вестернизированных стран Ближнего и Среднего Востока, своей новейшей историей заставляющая отойти от шаблонных интерпретаций кипплинговской дихотомии Востока и Запада. На заре XX столетия именно Турция одной из первых встала, говоря языком Кемаля Ататюрка, «на путь европейской цивилизации», во многом определив вектор общественно-политического процесса во всем регионе: модель кемалистских реформ как эффективных радикальных модернизационных преобразований в 1920-е гг. стала примером для подражания и ориентиром для Ирана и Афганистана, а в 1950-е гг. для Египта, Туниса и других ближневосточных стран. В 1990-е гг. обаяние турецкой модели посткемалистского синтеза туркизма и либерализма сделало Анкару ориентиром и центром притяжения для политических элит постсоветских республик Центральной Азии и Кавказа. В начале 2000-х гг. западные лидеры ставили в пример Турцию как уникальный образец исламской демократии – альтернативы радикальному исламизму. В конце 2000-х гг. сочетание высоких показателей экономического роста, демократических реформ и защиты исламских ценностей дало импульс дискуссии о «турецкой модели» как примере для мусульманских стран Ближнего Востока, погружавшихся в пучину «арабских революций». Вместе с тем, обзревая в ретроспективе последние два десятилетия, можно прийти к выводу о том, что развитие «турецкой модели» представляет собой отнюдь не линейный процесс. Характеризуясь в 1990-х гг. стремлением к демократизации, катализатором которой была перспектива полноправного членства в Европейском Союзе (ЕС), эта модель постепенно приобрела черты девестернизации и авторитарного отката в 2010-х гг. Сегодня причинами такой трансформации выступает обострение всего комплекса внутривосточных проблем – от курдского вопроса до международного терроризма – и курс правящего режима на консолидацию личной власти Реджепа Эрдогана.

Давний член НАТО (1952) и Совета Европы (1949), ОЭСР (1961) и ОБСЕ (1975), верный союзник и проводник интересов Запада в регионе – Турция за минувшее столетие глубоко интегрировалась в политэкономическое пространство Запада, причем не только как участник международных организаций и многолетний кандидат на вступ-

ление в Евросоюз, но и как страна, по сути, представляющая Запад на Ближнем Востоке и являющаяся примером того, как его политико-цивилизационные ценности могли бы быть инкорпорированы в процесс развития стран с мусульманским населением. Однако сегодня этой включенности Турции в общеевропейское пространство все больше сопутствуют десекуляризация, социокультурная экспансия исламских движений, активизация турецких и в целом мусульманских диаспор в Германии, Франции, Нидерландах, США, Австрии, Швейцарии.

В результате процессы, разворачивающиеся в современной Турции, и связанные с ними фундаментальные внутривнутриполитические проблемы, приобретают широкий международный резонанс. Более того, теперь они самым непосредственным образом затрагивают будущее развитие и безопасность Европы, для которой «турецкий вопрос» больше не ограничивается проблемой вступления Анкары в ЕС. Он приобретает существенно более сложные измерения и диктует необходимость более пристального внимания к траектории политического развития современной Турции.

Становясь все менее предсказуемой для западных партнеров и перестав выполнять роль «витрины либеральной демократии с исламским лицом» на Ближнем Востоке, Турция тем не менее не утратила привлекательности для стран региона. При всей неоднозначности шагов Реджепа Эрдогана во внутренней политике, обаяние силы играет свою роль. Взятый Эрдоганом с начала 2010-х гг. курс на консолидацию власти по всем направлениям, методы реализации которого с каждым годом становятся все жестче, не привел к коллапсу режима. Наоборот, он создал новый внутренний баланс сил, в рамках которого была полностью уничтожена старая система сдержек и противовесов (прежде всего, в лице армии и военной элиты). С одной стороны, в этом можно было бы увидеть движение к новой современной форме политического устройства, в рамках которого военная элита не обладает политической субъектностью и где формируется новый общественный договор власти и социума. С другой стороны, открытым пока что остается вопрос, кто теперь будет выполнять роль балансира в условиях высокой степени персонификации власти и

ослабления светской институциональной компоненты политической системы Турции.

В русле общемировой тенденции на авторитарный откат Турецкая Республика демонстрирует формирование новой модели отношений общества и государства, в рамках которой правительство, с одной стороны, проводит курс на системное ослабление демократических институтов, а с другой, культивирует в массовом сознании убежденность, что соблюдение нового общественного договора и сохранение всех благ, которыми обладают граждане, целиком и полностью зависит от конкретной политической партии и даже конкретных политических деятелей, от того, сохраняют ли они в своих руках рычаги управления страной или нет. Как это ни парадоксально, подобный подход персонификации государства и подмены общественных институтов вызывает не отторжение, а чувство сопричастности. Более того, он формирует новый формат политического участия, символом которого можно считать многомиллионные митинги в поддержку не демократии, а Эрдогана осенью 2016 г.

В международном плане за последнее десятилетие Турция превратилась в гораздо более самостоятельного геополитического игрока, но при этом менее предсказуемого, уже не соответствующего представлениям США и ЕС о том, какую Турцию они хотели бы видеть в качестве «модели» для мусульманских стран Ближнего Востока, переживающих кризис собственной государственности. Турция теперь уже не «остров стабильности», а источник новых, зачастую непредсказуемых импульсов регионального масштаба.

Политология

Т. Е. Арсанова

Образовательные проекты ЮНЕСКО на Ближнем Востоке и политические последствия их реализации

На современном этапе существенно возрастает взаимодействие цивилизаций как базового принципа международной жизни. Однако, взаимодействие, взаимное уважение и понимание наций и религий возможно лишь при определенном уровне образованности населения стран. Вопросы межкультурного и межрелигиозного взаимодействия неоднократно обсуждались в рамках Генеральной Ассамблеи ООН, например, Инчхонская декларация Образование – 2030 посвящена обеспечению всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни, подтверждает концепцию всемирного движения за образование для всех.

Образование играет большую роль в общественном развитии, выполняя при этом важную стратегическую функцию. Развитие образовательной сферы, образовательная политика составляют основу национальной стратегии для устойчивого стабильного развития государства. Образование является инструментом формирования самого эффективного и мощного ресурса – человеческого потенциала, что важно для любой страны. Приоритетами в деятельности ЮНЕСКО являются: развитие африканского континента; достижение гендерного равенства; свободный доступ к образованию и возможность получать новые знания, вне зависимости от возраста.

Образование играет ведущую роль в становлении человека, обеспечивая экономическое благополучие и установление соци-

альных связей. ЮНЕСКО, сотрудничая с правительственными органами стран-участниц и частным сектором, создает необходимые условия для доступности образования всех социальных групп, вне зависимости от пола, национальности и вероисповедания.

В последнее десятилетие страны Ближнего Востока и Северной Африки инвестируют значительные ресурсы и политический капитал для привлечения большего числа детей в школы. Но и сегодня впечатляющим является тот факт, что доля детей, не посещающих школу все еще велика в странах рассматриваемого региона, в начальных школах доля обучающихся снизилась практически в два раза. Но в последние годы, прогресс существенно замедлился. 4,3 миллиона детей начальной школы и 2,9 миллиона детей младшего среднего возраста до сих пор не посещают школу. Если мы включим год дошкольного образования, который является фундаментом, на котором будет построено будущее обучение ребенка, – то получаем ошеломляющие цифры – 12,3 миллиона детей в 20 странах.

Кто эти дети? В целом, они являются самыми бедными, мальчиками и девочками, которые живут в сельских районах, это те, кто живет в общинах национальных меньшинств. Это миллионы детей, чьи жизни были разорваны на части, а их школы были разрушены конфликтами. Это большое количество детей младшего среднего возраста, в основном мальчиков, которые ежегодно бросают школу. Причины происходящих процессов имеют социально-экономические основания. Почему дети не ходят в школу? Иногда это нищета и плохая инфраструктура – бедные семьи не могут позволить себе отправлять своих детей в школу, или школы слишком далеко, или образование в них – низкого качества, с плохо подготовленными учителями. Иногда дети бросают школу из-за телесных наказаний в классе, языковых трудностей или дискриминации. И еще одна не менее важная причина заключается в том, что иногда семьи не признают ценность образования, особенно для их дочерей. Результаты проведенных исследований в девяти странах MENA в рамках Инициативы в отношении детей, не посещающих школу, показывают сложный спектр накладывающихся

друг на друга проблем, которые требуют от всех: правительств, ООН, НПО и международного сообщества, а также специалистов в области образования, здравоохранения и социального обеспечения детей – совместной и системной работы, чтобы выдвинуть новые и инновационные идеи для привлечения большего числа детей в школы.

ЮНЕСКО реализует свои программы там, где они наиболее необходимы, особенно среди наиболее уязвимых и маргинализированных групп. Организация выступает за наиболее эффективную государственную политику и правовые изменения на национальном уровне.

Среди проектов ЮНЕСКО также следует назвать и проект в области мобильного обучения на Ближнем Востоке и в Африке (АМЕ). Во-первых, в регионе проводится ряд мероприятий на основе проектов, многие из которых являются мелкомасштабными и экспериментальными в своей области. Во-вторых, недавние социальные движения в АМЕ были обусловлены широким использованием мобильных телефонов и социальных сетей. В-третьих, потребители выделили мобильные телефоны для различных индивидуальных, персонализированных целей. Мобильное обучение направлено на расширение образовательных возможностей в отдаленных районах. Мобильное обучение позволяет повысить качество образования, открывая новые возможности для неформального, индивидуального и ситуативного обучения.

Успех реализации образовательных проектов ЮНЕСКО зависит от рациональной политики государств, от наличия эффективных механизмов ее осуществления, поэтому организация выступает за увеличение государственных расходов на образование: не менее 4–6 % валового внутреннего продукта и/или не менее 15–20 % общих государственных расходов, отмечая при этом необходимость сотрудничества в области образования.

Опубликованные за годы деятельности отчеты ЮНЕСКО в области образования свидетельствуют о том, что данное направление в работе организации остается приоритетным, одновременно подчеркивая значимость образовательной составляющей для соци-

ально-экономического и культурного развития любого государства. Это подтверждает контент-анализ опубликованных отчетов. Социально-политические последствия реализации образовательных проектов в условиях быстро развивающегося мира, информационно-коммуникационных технологий имеют большое значение для стабильного развития стран региона.

Основная литература

1. Инчхонская декларация Образование – 2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни ED/WEF2015/MD/3 Оригинал: английский.
2. UNESCO Armed Conflict and Heritage (ENG).
3. *Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е.* Международные отношения в XXI веке. International Relations in the XXI Century / Е. П. Бажанов, Н. Е. Бажанова. М., 2011.

Н. А. Ахтамзян

Сирийский кризис в зеркале немецких СМИ

Конфликт в Сирийской арабской республике находится в центре внимания немецкого правительства и общественности с начала кризиса в 2011 г., активно освещается и комментируется средствами массовой информации. Несмотря на незначительность собственно военного участия Германии в рядах антиигиловской коалиции во главе с США (6 самолетов «Торнадо» с разведывательными целями и ограниченный контингент военных для обслуживания, а также фрегат в Средиземном море для сопровождения французского авианосца), Германия стремится играть важную роль в решении проблем ближневосточного региона.

СМИ называют это «собственным средним путем» страны: предпочтение дипломатическим способам решения конфликта, организация мирных конференций и содействие проведению переговоров и встреч между сторонами конфликта, а также между

США и Россией в Женеве и Вене, Берлине и Париже; гуманитарная миссия – прием огромного числа беженцев из региона и размещение их на территории Германии, а также обустройство лагерей беженцев в приграничных районах Сирии (в Турции). Министерство иностранных дел ФРГ оценивает немецкий вклад в сирийский кризис с 2012 г. в 1,357 млрд евро, поступивших в Сирию и соседние страны по программам ООН.

Журнал «Шпигель» в августе 2016 г. под рубрикой «Наконец понятно!» изложил свое видение причин и хода гражданской войны в Сирии, а также места и роли различных участников и сторон конфликта. В целом этот подход мало отличается от распространенного на Западе, однако есть и своя специфика.

В свойственной западной прессе манере вся вина за причины и начало гражданской войны, ее жесточенность, жертвы и беженцев возлагается на президента Сирии Башара Асада, которого неизменно называют не по его официальной должности, а правителем (властителем) Сирии, а его переизбрание на руководящий пост летом 2014 г. – мнимым.

Доходит до абсурдных утверждений о том, что на начальном этапе кризиса Башар Асад сам выпустил из тюрем джихадистов, которые стали ядром Исламского государства, о том, что официальное сирийское правительство и поддерживающая его Россия борются не с Исламским государством (ИГ), а только с мятежниками – противниками Асада, и даже, что «Асад и ИГ имеют в сирийских мятежниках общего противника». При этом тут же встречаются и прямо противоположные утверждения о том, что ИГ нужен Асаду, чтобы «реабилитироваться на международной сцене», представ борцом и победителем террористической организации! Кстати, в немецкой прессе редко встречается обозначение противников Асада как «оппозиции», их именуют «мятежниками» (изредка и в кавычках – «умеренными мятежниками»), а их действия – восстанием.

Террор и зверства ИГ в отношении мирных жителей, казни заложников (упоминается американский журналист Дж. Фоли) представлены как вторичные, военные действия мятежников – как

ответная реакция на действия властей («режима»). Признавая, что, по данным Human Rights Watch и Amnesty International, «все участвующие в гражданской войне стороны совершают военные преступления и преступления против человечности», авторы материала утверждают, что «список проступков Асада длиннее, т. к. он со своим государственным аппаратом и органами безопасности имеет возможности, которых нет у других милиций (вооруженных формирований)».

Такая трактовка, нагнетание негатива в отношении Б. Асада, приписывание ему различных «задокументированных» злодеяний (якобы, намеренные бомбардировки медицинских учреждений, убийство врачей и разрушение системы здравоохранения – чтобы они не могли оказывать помощь мятежникам, применение пресловутого «химического оружия» – после официальной его ликвидации) призваны оправдать принятые на Западе с начала конфликта безапелляционные требования: «Асад должен уйти!» и «Будущее, конечно, без Асада»... Однако и в эту позицию время (а точнее, вероятно, успешные действия российской армии в Сирии) внесло свои коррективы. Как обобщил тогдашний министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер, согласно «Шпигелю»: «Не будет перемирия без Асада. Не будет будущего для Сирии с Асадом», то есть с ним все-таки придется договариваться.

Россия предстает страной, которая реализует в регионе свои «великодержавные амбиции», борется за геостратегические сферы влияния с США и стремится любой ценой закрепиться и сохранить свое присутствие на Ближнем Востоке (военно-морские и авиационные базы). Решающая роль (или хотя бы активное участие) российской армии в разгроме ИГ игнорируется; «жесточайшими противниками ИГ», по версии «Шпигеля», являются коалиция во главе с США, курдская милиция и... сирийские мятежники.

Бомбардировки российскими ВКС военных объектов ИГ рассматриваются исключительно в контексте «продолжающихся бесчисленных страданий» и многочисленных жертв среди гражданского населения, а также как причина беженцев, наводнивших страны Ближнего Востока и Европу. По данным издания (со ссыл-

кой на Верховного комиссара ООН по делам беженцев), с апреля 2011 г. по середину 2016 г. Европа приняла более 1 млн беженцев, половина которых искала защиту в Германии.

Основная литература

1. Almut Cieschinger, Claudia Niesen, Raniah Salloum. Assad, IS, Rebellen: Die Fakten zum Krieg in Syrien. 10. August 2016. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/krieg-in-syrien-alle-wichtigen-fakten-erklaert-endlich-verstaendlich-a-1057039.html> (дата обращения: 11.01.2018).

Н. С. Кулешова

Политические проблемы евразийской интеграции

В современных условиях развития, когда санкции западных стран имеют целью повлиять на внешнеполитический курс РФ, очень важно конструктивное взаимодействие государств и механизмы сотрудничества.

Современные интеграционные процессы на евразийском пространстве имеют специфику. Объективный анализ действующих на постсоветском пространстве интеграционных проектов позволяет выявить факторы способствующие и препятствующие реализации интеграционной стратегии.

Общая история, которая подразумевает социально-политическое, культурно-языковое единство, а также единый народнохозяйственный комплекс выступает фактором интенсификации интеграционных процессов в этом регионе. Совершенно очевидно, что перспективы интеграционных процессов зависят от внутренней политической ситуации в каждой стране-участнице и от общей геополитической обстановки в мире.

Политическую значимость интеграции подчеркивают и существующие подходы к современным проблемам интеграции, среди которых следует выделить три группы исследователей. Первая группа в качестве главного в интеграции определяет экономический аспект (Ю. Шишков, Н. Захарова). Представители второй

группы рассматривают интеграцию, прежде всего, как политический феномен (И. Бурганова). Наиболее взвешенным, на наш взгляд, является подход представителей третьей группы, которые рассматривают интеграцию как процесс, в котором экономическая и политическая составляющие неотделимы (М. Максимова, Ю. Борко, О. Буторина).

Безусловно, главной задачей интеграции на евразийском пространстве остается углубление экономического взаимодействия, которое должно служить как повышению конкурентоспособности государств-участников, так формированию более широкой интеграции на фундаменте ЕАЭС.

Осуществление стабильной политики на всем евразийском пространстве возможно лишь на основе согласованных национальных законодательств государств-членов, которые должны включать и современные требования интеграционной деятельности. В рамках действия интеграционного объединения формируется определенное правовое пространство, которое включает национальные законодательства государств-участников объединения, и иные уровни права в рамках религиозных, этнических, местных и профессиональных сообществ. Деятельность интеграционного объединения осуществляется при помощи международно-правовых инструментов объединения.

Отличие современного этапа развития заключается: в интенсификации процессов регионализации, в продолжающемся развитии некоторых экономических трендов, в возрастании политической нестабильности на международной арене и переформатировании мирового порядка, и появлении новых центров силы.

Важным определяющим фактором является превращение Китая и Индии в лидеров мирового экономического роста, а также появление новых мировых центров экономического развития в Азии и Латинской Америке, которым, как и США проигрывают экономически слабые государства – члены Евразийского экономического союза, что обусловлено прежде всего сырьевой направленностью их экспорта, уровнем износа основных производственных фондов, созданных еще в советское время, снижением объе-

мов разведанных и прогнозных запасов полезных ископаемых, усилением влияния экологических факторов, неразвитостью транспортной инфраструктуры на постсоветском пространстве.

Актуальными проблемами евразийской интеграции остаются следующие проблемы: сокращение отставания от передовых мировых тенденций; выравнивание уровня развития стран-участников; участие бизнеса с его потенциалом в формировании и реализации различных проектов, в том числе научных, научно-технических проектов.

В этих условиях Российской Федерации принадлежит ведущая роль в региональных экономических проектах; она выступает за гармонизацию интеграции на основе принципов международной торговли. В своей интеграционной стратегии РФ приходится учитывать такую особенность как размещение природно-ресурсного потенциала основных источников сырьевых ресурсов в основном в отдаленных районах северных и восточных областей со сложными природно-географическими условиями и слабо развитой инфраструктурой, что существенно повышает издержки природопользования и снижает конкурентоспособность российских сырьевых ресурсов на мировом рынке.

К вызовам глобального и регионального масштабов следует отнести: усиление глобальной конкуренции, охватывающей традиционные рынки товаров, капитал, технологии, рабочую силу, системы национального управления, развитие человеческого потенциала.

Система мер по реализации интеграционной стратегии должна учитывать и усиление роли инноваций в социально-экономическом развитии стран и возрастание роли человеческого капитала как основного фактора современного экономического развития. Именно качество профессиональных кадров, уровень их социализации и кооперации определяет уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики.

Формирование единого информационного пространства, создание базы для совместного развития кадрового и технологического потенциалов, реализация транзитных возможностей госу-

дарств – членов Евразийского экономического союза являются неотъемлемыми элементами масштабного интеграционного процесса.

Основная литература

1. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 08.02.2018).
2. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 года № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 08.02.2018).
3. Directive 2009/28/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the promotion of the use of energy from renewable sources and amending and subsequently repealing Directives 2001/77/EC and 2003/30/EC. URL: <http://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2009/28/oj> (дата обращения: 08.02.2018).
4. Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/>

Е. А. Кутовая

Некоторые проблемы развития АСЕАН на современном этапе

50-летний юбилей Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) был отмечен в Маниле в присутствии первых лиц десяти членов АСЕАН, а также руководителей государств-партнеров Ассоциации – США, Австралии, Индии, Японии, Канады, РФ, РК, КНР, Новой Зеландии и ЕС.

Страны АСЕАН сегодня образуют ёмкий рынок с населением около 630 млн чел. и объёмом внешней торговли в 2,5 млрд долл., ВВП свыше 2,5 трлн долл. (седьмое место в мире). Пятидесятилетняя история деятельности Ассоциации стран Юго-Восточной Азии демонстрирует, что АСЕАН удалось стать одним из ключевых механизмов в обеспечении региональной безопасности. За период с момента создания Ассоциации регион действительно

достиг прогресса в области политической и экономической модернизации и мирного развития. Сформирована особая нормативная культура общения участников Ассоциации (так называемый «путь АСЕАН»), создана сеть диалоговых партнерств с внешними государствами. Институт партнерства, который был создан членами АСЕАН по поддержанию отношений с внешними государствами, за время своего существования выдержал испытание временем, показал свою жизнеспособность. Асеановцы являются участниками Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП).

31 декабря 2015 г. провозглашено создание триединого Сообщества АСЕАН, состоящего из сообщества безопасности, экономического и социально-культурного сообществ. Хотя Сообществу АСЕАН предстоит ещё долгий путь к достижению общих ценностей и позиций по многим вопросам, тем не менее сам факт его создания, к которому не сразу пришли страны региона, весьма показателен.

АСЕАН является составной частью и обладает статусом «движущей силы» таких азиатско-тихоокеанских диалоговых форматов по вопросам безопасности как АРФ, ВАС, СМОА+. Принцип асеаноцентричности или лидирующей роли АСЕАН – главный принцип, на основе которого члены Ассоциации строят свои отношения с другими государствами. АСЕАН правомерно рассматривать не только как регионального, но и глобального игрока и как явного претендента на самостоятельную роль в формирующемся многополярном мире.

В настоящее время серьезнейшим фактором, осложняющим обстановку в регионе, является угроза терроризма, которая возросла после поражения ИГИЛ на Ближнем Востоке. Только в Индонезии насчитывается до 200 000 сторонников ИГИЛ. Возвращающиеся домой боевики способны содействовать существенной дестабилизации жизни населения Юго-Восточной Азии. Яркое свидетельство этому – события в г. Марави на юге Филиппин в 2017 г., где при проведении военных действий в течение 154 дней погибло 1 100 человек.

Сегодня продолжают изменения в геополитическом балансе сил в Юго-Восточной Азии. Речь идёт в первую очередь о подъёме позиций КНР и определённом ослаблении влияния США в регионе. Странам АСЕАН за последние годы в целом удалось выстроить систему сдержек и противовесов между Вашингтоном и Пекином. Однако при том давлении, которому они продолжают подвергаться, проблема сохранения единства АСЕАН и идеи асеаноцентричности могут оказаться под угрозой. Показательно, что в экономике страны АСЕАН всё дальше идут по пути интеграции с Китаем, а в политике и социокультурной сфере ориентируются на США.

Появился термин, который в настоящее время с наибольшей частотностью звучит в выступлениях президента Трампа и других представителей его администрации, – Индо-Тихоокеанский регион. Госсекретарь США Тиллерсон подчёркивает при этом: «Индо-Пасифика, включая весь Индийский океан, западную часть Тихого океана и страны, которые их окружают, будет наиболее важной частью земного шара в XXI веке». Следует отметить, что отдельные положения провозглашённой президентом Джоко Видодо внешнеполитической концепции Индонезии, где Индонезия позиционирует себя как центр морского региона, который охватывает полностью пространство между Азией и Австралией, а также системы двух океанов – Тихого и Индийского, отчасти коррелирует с подобным американским подходом.

Когда представители США говорят о «свободной и открытой Индо-Пасифике», в первую очередь подразумевается их негативное отношение к китайской инициативе «Один пояс – один путь». Ход реализации китайского проекта «Один пояс – один путь» в перспективе может привести к его сопряжению с оформлением нового формата евразийского сотрудничества – АСЕАН – ШОС – ЕАЭС. При этом именно АСЕАН может быть наделена статусом его движущей силы. Весьма существенно, что подобное сопряжение азиатско-тихоокеанских и евразийских форматов в свою очередь придаст импульс развитию трансконтинентальных транспортных коридоров (в том числе Экономического пояса шелкового пути, Транссиба, Северного морского пути и др.).

Проект «Один пояс – один путь» стал заявкой на определение параметров развития глобализации по-китайски. В силу географических причин для государств ЮВА ключевое значение приобретает его составная часть – Морской шелковый путь. В политических кругах стран региона с большим вниманием и интересом изучают и примеряют на себя основные принципы и положения китайской концепции.

Рассмотрение проблем региональной стабильности невозможно без анализа участия государств АСЕАН в решении проблем Южно-Китайского моря. Значимость этой акватории становится тем более очевидна, т. к. в случае возможного кризиса на Корейском полуострове именно через ЮКМ придёт подкрепление американским ВС в Северо-Восточной Азии. Пока эффективность подходов решения проблемы остаётся низкой. Но безусловно большим шагом вперёд на пути решения проблемы, к которому долго шли, стало заключённое в августе 2017 г. соглашение о договорённости между АСЕАН и Китаем об официальном старте переговоров по Южно-Китайскому морю. По прогнозам они должны начаться в 2018 году.

В. Л. Пархимович

**Трансформация института главы
государства в странах Азии в конце
XX – начале XXI века**

На рубеже веков политические изменения привели к трансформации формы правления в целом ряде азиатских государств, затронувшей институт главы государства (статус, компетенция, порядок избрания, срок полномочий).

Страны Центральной Азии и Кавказа, обретая независимость, перешли от института коллегиального главы государства (Президиум Верховного Совета) к единоличному президентскому правлению. Первыми должность президента в союзных республиках СССР учредили в 1990 году Узбекистан (24 марта) и Казахстан (24 апреля). Попытки некоторых стран Центральной Азии и Кав-

каза перейти к парламентской форме правления, сократив компетенцию президента и усилив властные полномочия главы правительства, успешно завершились только в Грузии. В Армении в 2018 году предстоит переход к парламентской системе с «сильным» премьер-министром и «слабым» президентом. Установление новой формы правления в Армении может способствовать преодолению раскола в обществе и началу диалога между властью и оппозицией.

Весьма сложной конституционно-правовой и политической проблемой для Турции являлся вопрос о соотношении полномочий президента и главы правительства, ответственного перед парламентом. Усиление (ослабление) института главы государства в этой стране было связано с личными качествами президента, его авторитетом в обществе. Правовая основа изменения формы правления заложена конституционной реформой 2017 года. Переход от парламентско-президентской республики к президентской в Турции завершится в 2019 году. К этому времени существенно расширятся полномочия главы государства, а пост премьер-министра будет упразднен.

Некоторые страны кардинально изменили форму правления (республиканскую на монархическую, монархическую на республиканскую). В 1993 году в Камбодже было восстановлено монархическое правление. А Непал в 2008 году предпочел республиканской институту главы государства монархическому. В значительной мере эти трансформации объясняются личным фактором: возлагавшимися на камбоджийского принца Сианука надеждами в деле национального примирения и крайней непопулярностью короля Непала Гьянендры. Государства Бахрейн трансформации института главы государства коснулись незначительно. В 2002 году титул эмира этой страны был повышен до королевского, соответственно страна приобрела статус королевства.

В Пакистане и Бангладеш укрепилась парламентская система правления, институт главы государства утратил прежнее значение, расширились полномочия ответственных перед парламентом правительств, премьер-министры этих стран стали полноценными политическими лидерами. Тенденция ограничения полномочий гла-

вы государства стала следствием причастности некоторых президентов этих стран к отстранению от должности глав правительств, пришедших к власти в результате всеобщих выборов.

Страны с социалистической формой правления сохранили присущее им своеобразие в организации института главы государства. В КНДР должность президента не подлежит замещению после смерти в 1994 году Ким Ир Сена («вечный президент» с 1998 года). Полномочия главы государства перераспределены между председателем Президиума Верховного Народного Собрания (высшее должностное лицо республики) и председателем Государственного Совета КНДР. Должность президента в 1992 году восстановлена во Вьетнаме. Однако политически лидером в этой стране остается генеральный секретарь ЦК правящей Коммунистической партии. В Китайской Народной Республике председатель КНР является политическим лидером с 1993 года, когда на этот пост был избран генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь. С этого времени обязанности председателя КНР и высшего руководителя КПК совмещает одно лицо. Тем не менее некоторые полномочия главы государства сохраняет за собой Постоянный Комитет Всекитайского Собрания Народных Представителей КНР.

Несмотря на многочисленные трансформации института главы государства в странах Азии в рассматриваемый период они привели только к двум случаям полной смены формы правления (Камбоджа и Непал), а в основном ограничились переходом от коллегиального института главы государства к единоличному, от парламентско-президентской республики к президентской или парламентской системе правления.

Основная литература

1. Конституции государств Азии / Под ред. Т. Я. Хабриевой. В 3 тт. М.: Норма, 2010.
2. Сапронова М. А. Высшие органы государственной власти арабских республик. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.

И. А. Романова

**Деятельность Японского Фонда
(Japan Foundation) как инструмента
в политике «мягкой силы» Японии**

На современном этапе «мягкая сила» (*soft power*) является важным ресурсом внешней политики государств, претендующих на то, чтобы играть значимую роль на международной арене. Среди них выделяется Япония: страна ежегодно занимает первые строчки в международных рейтингах, призванных оценивать «мягкую силу» государств по широкому спектру показателей.

Успешной сферой приложения «мягкой силы» Японии на международной арене является «внешняя культурная политика», которая является неотъемлемой частью государственной политики. Как отмечается в правительственных кругах Японии, культура не только представляет огромный интерес внутри страны, но и способствует обеспечению национальных интересов за границей. Считается, что она является важной частью усилий Японии по созданию своего положительного образа в мире и улучшению понимания страны международным сообществом.

Большую роль в распространении японской культуры за рубежом играет Японский фонд международных культурных обменов, или Японский фонд (*Japan Foundation*), созданный в 1972 г. при Министерстве иностранных дел. Фонд является специализированной организацией с бюджетом в 100 млрд иен (приблизительно, 1 млрд 250 тыс. долл.), основная цель которого – распространение японской культуры и японского языка, а также поддержание японоведения за рубежом. Фонд насчитывает 23 зарубежных отделений и представительств в 21 стране мира. В настоящее время Японский фонд является одним из крупнейших культурных инвесторов в мире. В рамках проведения национальной политики он целенаправленно реализует продуманную стратегию инвестирования в позитивный имидж Японии за рубежом, включая и Россию.

Культурные программы Фонда призваны способствовать обеспечению лучшего понимания японских ценностей и культуры. Так, Фонд сотрудничает с крупными и местными музеями для проведения выставок как крупного, так и малого масштаба. Для ознакомления зарубежной аудитории с японскими видами искусства Японский фонд ищет пути продвижения как традиционных, так и современных национальных танцев, музыки, живописи, театральных постановок. Работники Фонда занимаются организацией концертов и приглашением артистов из Японии для выступлений на зарубежных сценах. Фонд оказывает поддержку зарубежным создателям документальных фильмов о Японии, отбором фильмов для кинофестивалей японского кино, а также организацией трансляций японских телепередач за границей. Японская литература пропагандируется благодаря переводам, публикациям и участию в международных книжных ярмарках. Уделяется большое внимание проведению лекций, посвященных различным аспектам культурной жизни Японии, на которые приглашаются ведущие японские специалисты. Несмотря на то, что Фонд занимается продвижением и японской поп-культуры, нужно отметить, что все же приоритетным направлением для него по-прежнему является традиционная японская культура.

Фонд заявляет, что он не ограничивает свою деятельность географическими рамками, однако распределение грантов по странам свидетельствует о том, что среди них все же преобладают Китай, Южная Корея, страны Юго-Восточной Азии и США.

В рамках осуществляемой Японским фондом политики значительное внимание уделяется языковой политике: распространение японского языка за рубежом расценивается в Японии как важный ресурс «мягкого воздействия», усиливающего культурное влияние страны в мире. В Японии периодически звучат призывы придать японскому языку статус международного, сделать его языком ООН. По мнению ряда специалистов в области изучения японского языка, утверждение японского языка в качестве международного – один из путей превращения страны в действительно вели-

кую державу». В программном документе Фонда подчеркивается, что чем больше людей в мире изучают японский язык, тем глубже становится их понимание Японии.

В целях увеличения числа изучающих японский язык Фонд финансирует проекты в более чем 190 странах мира, в том числе и в России. В 26 государствах работают подчиненные Фонду институты и центры японского языка. Фонд направляет преподавателей японского языка за рубеж, организует стажировки по повышению квалификации в области преподавания японского языка для иностранных преподавателей, оказывает поддержку институтам японского языка за рубежом, оказывает помощь в проведении экзамена на знание японского языка (определение уровня – *нихонго норёку сикэн*), участвует в разработке и распространении учебных материалов, а также занимается сбором и анализом информации о преподавании японского языка за пределами Японии.

По последним данным, опубликованным в 2011 г., в 2009 г. 3,65 млн человек изучало японский язык в 133 странах и регионах мира (в это число не вошли те, кто изучает японский язык самостоятельно). Данный показатель стал на 22,5 % выше аналогичного показателя за 2006 г., в котором японский язык изучало 2,97 млн человек. За указанный период увеличилось число и институтов по изучению японского языка, в частности, на 9,4 %. В 2009 г. их в мире насчитывалось 14 925. Число преподавателей японского языка также возросло: в 2009 г. их число составило 49 803, что оказалось выше аналогичного показателя за 2006 г. на 12,4 %.

По результатам уже упоминавшегося выше исследования за 2009 г., первые позиции по числу студентов, преподавателей и институтов японского языка занимают страны Восточной Азии: соответственно, 57 % (2 079 894), 54,5 % (27 142), 44,1 % (6 583). На втором месте находятся страны Юго-Восточной Азии: 24,9 % (908 246), 16,6 % (8 277), 19,5 % (2 913). Таким образом, основное число изучающих японский язык – 81,9 %, т. е. около 3 млн человек – проживает в странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

Третье место по изучению японского языка занимают страны Океании: 8,3 % (302 141), 5,8 % (2 880), 9,7 % (1 442). За ними следуют страны Северной Америки – США и Канада: 4,6 % (168 732), 8,6 % (4 280), 9,6 % (1 429), среди которых США занимают лидирующие позиции: 141 244 изучающих японский язык, 3 541 преподавателей японского языка и 1206 институтов японского языка.

На первом месте по числу изучающих японский язык в мире находится Южная Корея – 26,4 % (964 014). Далее следуют: Китай – 827 171, Индонезия – 716 353, Австралия – 275 710, Тайвань – 247 641 и т. д. По числу институтов японского языка первое место в мире – 25,5 % (3 799) – также занимает Южная Корея. А вот по количеству преподавателей японского языка первая строчка в мире – 31,3 % (15 613) – принадлежит Китаю.

Несмотря на явный интерес к японскому языку, число изучающих японский язык (официально учтенных) в России находится пока на низкой отметке и составляет всего лишь 0,3 % (около 10 000) от общего числа изучающих японский язык в мире. В последние годы к странам, где изучают японский язык, прибавились еще несколько, а именно: Черногория, Оман, Катар, Уганда, Габон, Центральноафриканская Республика.

Таким образом, в целом, деятельность Японского фонда по распространению и пропаганде японской культуры и японского языка за рубежом можно оценивать как вполне успешную и эффективную с точки зрения «мягкого воздействия» Японии на международной арене.

Основная литература

1. Железняк О. Н. Культурная политика Японии на современном этапе // Япония наших дней. 2009, № 2, 70 с.
2. Казаков О. И. По пути «мягкой силы» // Россия в АТР. 2012, № 3(24), с. 51.
3. The Japan Foundation. URL: http://www.jpjf.go.jp/e/about/outline/img/Pamphlet_e.pdf
4. URL: <http://www.jpjf.go.jp/e/japanese/survey/result/index.html>

А. А. Сергеева

**Китайская диаспора в реализации
концепции «Один пояс – один путь»**

Реализация концепции «Один пояс – один путь», выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 года, включена в список важных задач, поставленных перед правительством Китая. Данный проект также внесен в план 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) и призывает к выработке новых механизмов региональной экономической интеграции, стимулированию экономического роста вовлеченных стран, содействию международному сотрудничеству, что способствует миру и устойчивому развитию. Данная инициатива является мощнейшим драйвером в осуществлении китайской цели «Двух столетий» и «Китайской мечты». Обладая богатой и влиятельной диаспорой, в китайских политических и экспертных кругах стала популярной идея привлечения зарубежных китайцев к данной инициативе. Однако надо понимать, что зарубежные китайцы прежде всего преследуют свои экономические интересы и их взаимодействие с КНР выстроено по принципу обоюдовыгодных взаимоотношений. Действительно, *хуацяо хуажэнь* ведут активную коммерческую деятельность и занимают прочные позиции в бизнес-среде как по линии ЭПШП (Экономического пояса Шелкового пути), так и «Морского Шелкового пути» в регионе ЮВА, где благодаря многолетнему присутствию, талантам и связям китайским эмигрантам удалось сосредоточить в своих руках наиболее доходные сферы экономики принимающих стран. При этом вряд ли находят практическое подтверждение опасения по поводу использования ресурса китайской диаспоры как инструмента и проводника интересов пекинского руководства. Активное участие зарубежных китайцев в политической жизни стран проживания обуславливается стремлением использовать свое положение для отстаивания интересов своей общины, а не для проведения политики КНР.

Основная литература

1. *Афонасьева А. В.* Роль зарубежных китайцев в развитии северной ветки Экономического пояса Шелкового пути // Проблемы Дальнего Востока. № 4, 2016 г.
2. Цяоу гунцзо янцзю. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/syinc.shtml>

Д. А. Смирнов

XIX съезд КПК об идейно-политических аспектах нового этапа развития КНР

На состоявшемся в октябре 2017 г. XIX съезде КПК произошло серьёзное обновление идеологической платформы партии и высшего звена партийной иерархии. Съезд проходил в важный исторический момент завершения выполнения взятого на себя партией обязательства превратить Китай в общество «средней зажиточности» к 100-летию создания КПК в 2021 г.

На съезде была поставлена задача перехода к новому долгосрочному этапу развития, нацеленному на превращение страны к 100-летию образования КНР в 2049 г. в «могучую модернизированную социалистическую державу», занимающую лидирующие позиции в мире и отвечающую чаяниям китайской нации о воплощении в жизнь исторической «китайской мечты» о сильном и справедливом государстве.

Съезд обозначил следующие идейно-политические аспекты стратегии реализации «идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи».

На первое место поставлено неукоснительное соблюдение принципа «твёрдого» соблюдения партийного руководства «во всей работе», что означает неразрывную связь курса на превращение Китая в высокоразвитую державу – глобального лидера с сохранением существующей модели общественно-политического устройства, основанной на монополии КПК на власть, что рассматривается в качестве гарантии общественно-политической стабильности, реализации принципов социальной справедливости и мобили-

зации всех ресурсов страны на завершение процесса социалистической модернизации. Отсюда вытекают задачи укрепления самой правящей партии путем «всестороннего устрожения» внутрипартийного управления, партийной дисциплины и внутрипартийного контроля, «укрепления способности партии к самоочищению, самосовершенствованию» и «поддержанию кровных связей» с народными массами».

Поставлены задачи «отстаивать систему основных ценностей социализма», «марксизм... и общий идеал социализма с китайской спецификой», осуществлять «творческое внедрение и инновационное развитие» китайской традиционной культуры, «наследовать революционную культуру, развивать передовую социалистическую культуру», «активнее возвращать китайский дух и китайскую силу, формировать китайские ценностные представления, способные служить народу духовным ориентиром».

Особое внимание уделяется «всестороннему соблюдению принципа верховенства закона в государственном управлении». Обеспечение «органического единства партийного руководства, положения народа как хозяина страны и верховенства закона в государственном управлении» объявлено на съезде «необходимым условием развития политического строя социализма».

Поставлены задачи сохранения и совершенствования системы собраний народных представителей, института многопартийного сотрудничества и политических консультаций, функционирующего под руководством КПК, института районной национальной автономии, а также института «низового народного самоуправления», развития «социалистической консультативной демократии», расширения форм и каналов развития демократии. То есть пока речь идёт о постепенном совершенствовании деятельности сложившейся системы политических институтов, а не о каком-то глубоком её реформировании, чего можно было бы ожидать в условиях далеко зашедшего процесса социальной дифференциации китайского общества. Но здесь на первый план явно выходит задача не допустить дестабилизации общественно-политической обстановки в стране. В этой связи особое внимание уделяется даль-

нейшему ужесточению борьбы с коррупцией, в которой больше «не должно быть запретных зон», и «решительному пресечению» попыток формирования внутри партии «группировок интересов». Этому же служит и произошедшее на съезде укрепление позиций Си Цзиньпина как «ядра» пятого поколения китайского руководства. Съезд по сути усилил личную власть Генерального Секретаря ЦК КПК, обязав всех членов партии «добиваться единства взглядов и действий на базе идей Си Цзиньпина» и включив эти идеи в Устав партии, впервые после Мао Цзэдуна персонифицировав в Уставе вновь выдвинутую идейно-теоретическую концепцию с её создателем ещё при его жизни.

Д. М. Солодовник

ЮНЕСКО и ее Новый Евразийский проект

ЮНЕСКО является единственным специализированным учреждением системы ООН в сфере международного, культурного и образовательного сотрудничества. Она обладает полномочиями разрабатывать нормативные акты в указанных областях. В настоящее время, учитывая сложнейшую, во многом критическую международную ситуацию, характеризующуюся локальными войнами, приобретающими ярко выраженный этнический и религиозный характер, культура все теснее переплетается с мировой геополитикой, становится источником межцивилизационного соперничества, а также проводником как транснациональных глобальных политических интересов, так и национальных. Усиливается опасность использования западной цивилизацией силового фактора воздействия на традиционное общество (в декабре 2017 г. президент США подписал стратегию национальной безопасности США – «Мир через силу», а в октябре 2017 г. США вышли из ЮНЕСКО). Роль ЮНЕСКО в мировых процессах сегодня по налаживанию межкультурного и цивилизационного диалога во имя культурного разнообразия против унификации традиций и спосо-

бов мышления соответствует общепланетарным интересам. На протяжении всей своей истории ЮНЕСКО последовательно отстаивает идеи укрепления диалога между цивилизациями (Конвенции ЮНЕСКО 1954, 1972, 2003, 2005 гг., особенно всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г.). В документах 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН и ЮНЕСКО культура впервые рассматривается в качестве способа достижения целого ряда сформулированных Ассамблеей «Целей в области устойчивого развития» (ЦУР):

- ЦУР № 4 – призывающая использовать потенциал образования для поощрения Культуры Мира и осознанной ценности культурного разнообразия;
- ЦУР № 16 – призывающая к уважительному отношению к культурному разнообразию, способствующему межкультурному взаимодействию и установлению мира;
- ЦУР № 17 – призывающая к развитию всестороннего партнерства в интересах мирового устойчивого развития (www.unesco.org курьер ЮНЕСКО, Множество голосов – один мир).

Кроме того, еще на международном конгрессе 2013 г. в Китае была принята Ханчжоуская Декларация, которая так и называется – «Обеспечение центральной роли культуры в политике устойчивого развития». Всемирный форум по образованию, организованный ЮНЕСКО в Южной Корее (май 2015 г.), принял очень важную Инчхонскую декларацию, которая сформулировала новую повестку дня в области образования вплоть до 2030 г., где прямо указывается на необходимость разработки новых междисциплинарных инициатив и учебных курсов, поощряющих тесное международное сотрудничество, диалог культур и цивилизаций, основанных на взаимоуважении, равноправии и доверии народов друг к другу. Таким образом, сегодня политическая линия ЮНЕСКО ясно формулирует тезис о том, что сохранение межкультурного согласия приобретает первостепенное значение для человечества. По сути, деятельность ЮНЕСКО по всестороннему развитию диалога между цивилизациями является альтернативной линией на попытку США сохранить гегемонию однополярной модели ми-

роустройства при открытом силовом векторе внешней политики Вашингтона, которая напрямую угрожает национальной и культурной идентичности многим странам и народам.

Определяющим направлением деятельности ЮНЕСКО в решении глобальных проблем развития мировых культур является сегодня реализация стратегии по сохранению всемирного, культурного и природного наследия. Характерна в этой связи новая инициатива ЮНЕСКО по включению маршрута «Великого Шелкового Пути» в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Соответствующее решение было принято в Катаре (Доха) 22 июня 2014 г. на заседании 38 сессии комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО (соответствующая заявка была подана Казахстаном, Китаем и Киргизией). «Великий Шелковый Путь» сыграл большую роль в развитии экономических и культурных связей народов Евразии. В рамках своей инициативы и Международного Десятилетия Культур (2013–2022 гг.) ЮНЕСКО запустило уникальную онлайн платформу под названием «Шелковый путь», которая способствует более глубокому пониманию разнообразия и взаимосвязей культур и народов на этих маршрутах. В октябре 2016 г. эту инициативу ЮНЕСКО полностью поддержала Россия. Вопросы сохранения и продвижения маршрутов «Великого Шелкового Пути», проходящих на территории России обсуждались в ходе международного семинара в апреле 2017 г. в городе Булгар (Татарстан). В Стратегии Государственной культурной политике РФ до 2030 года, озвученной президентом В. В. Путиным, ставится задача войти в пятерку лидеров по количеству объектов Всемирного Наследия, что бесспорно придаст стимул развитию околообъектной инфраструктуры, окажет положительное влияние на развитие социально-экономической составляющей не только в республике Татарстан, но и в ряде других регионов России: в Алтае, Саратовской, Астраханской, Волгоградской и других областях.

Сегодня «Великий Шелковый Путь» связывает Азию и Европу, объединяет около сорока стран. Он не только не потерял своего социально-культурного значения, но и при реализации данного

мегапроекта происходит не только межкультурный диалог, но и серьезное экономическое, политическое взаимодействие стран как на региональном, так и на международном уровнях.

Так в мае 2017 г. в Баку проходило 3-е заседание международной сети онлайн-платформы ЮНЕСКО «Шелковый путь», в котором приняли участия Афганистан, Азербайджан, Китай, Египет, Индия, Болгария, Иран, Ирак, Япония, Казахстан, республика Корея, Монголия, Россия, Испания, Таиланд, Турция, Узбекистан. По мнению многих экспертов, отмечавших кризисное состояние мировых проблем, высказывались мысли о том, что сегодня человечество могут спасти большие межконтинентальные инфраструктурные проекты.

Характерно, что среди российской общественности, академической науки последние несколько лет активно обсуждается концепция солидарного развития Евразии. (Ее инициировал в том числе и ректор МГУ – академик В. А. Садовничий). Этот проект называется Транс-Евразийский пояс развития (ТЕПР). Речь идет по утверждению одного из авторов идеи Ю. Громыко (Директора института опережающих исследований им. Шифферса) о формировании инвестиционно-экономического пространства нового типа совместно с Европой и Азиатскими странами, «но не только как транспортной магистрали «Великого Шёлково Пути», а прежде всего как коммуникативной супер инфраструктуры взаимодействия разных государств, разных религий и разных цивилизаций для новых производственных мощностей и строительства новых поселений и городов» (www.erazvitie.org, Большие проекты: Транс-Евразийский пояс «Razvitie»).

Китай сегодня также прикладывает огромные усилия по превращению своей концепции Экономического Пояса «Великого Шелково Пути» («Один пояс – один путь») в целях расширения взаимовыгодного сотрудничества в энергетике и инвестиционно-финансовой сфере, в сельском хозяйстве и других областях между странами, через который проходил когда-то «Великий Шелковый Путь».

Таким образом, под эгидой ЮНЕСКО сегодня происходит не только постоянное взаимодействие культур на просторах Большой Евразии, но и объективно выстраивается континентальный мегапроект, способствующий серьезному финансово-промышленному прорыву многих государств, да и человеческой цивилизации в целом. Этот мегапроект реализуется на огромном континенте от Атлантики до Тихого океана и от Арктики до Индийского океана, где Россия в полной мере может использовать свои преимущества геополитического положения и экономических возможностей.

Основная литература

1. Резолюция A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», принятая 70-й Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2015 г.).
2. Среднесрочная стратегия на 2014–2021 гг. 37 C/4, утверждена на 37 сессии Генеральной конференции. Резолюция 37 C/1, решение 194 сессии Исполнительного Совета – EX/18.
3. Официальный сайт ЮНЕСКО. – URL: <http://www.unesco.org>.
4. Юрий Громыко. Большие проекты: Транс-Евразийский пояс развития «Razvitie». URL: <http://erazvitie.org/article/pojas-razvitie>.

А. Л. Стрёмовская

Миротворческая деятельность Африканского союза

С момента своего создания Африканский союз уделяет большое внимание предупреждению и урегулированию конфликтов в Африке. С этой целью, в частности, в 2004 г. был создан Совет мира и безопасности Африканского союза. Данный совет наделен правом использования не только традиционных механизмов мирного урегулирования конфликтов, таких как посредничество, но также может проводить «операции по поддержанию мира» и оказывать гуманитарную помощь [3; 224]. Помимо этого, был создан Совет мудрецов, представляющий собой «консультативный орган Совета мира и безопасности, состоящий из пяти авторитетных

африканцев», а также Континентальная система раннего оповещения и Африканские резервные силы [3; 224].

К наиболее крупным миссиям Африканского союза можно отнести миссию в Бурунди, Дарфуре и Сомали [2].

В целях прекращения гражданской войны в Бурунди, в ходе которой происходили вооруженные столкновения «между солдатами-тутси и повстанцами-хуту» [1; 43], в 2000 г. было подписано Арушское соглашение о мире и примирении [2]. В связи с тем, что некоторые повстанцы-хуту бойкотировали соглашение, посредники стремились обеспечить достижение заключения соглашения о прекращении огня [2]. В результате, Африканский союз принял решение провести миротворческую операцию в Бурунди в 2003–2004 гг., которая стала первой «операцией, полностью организованной Африканским союзом» [2]. Миротворческая деятельность Африканского союза в Бурунди, в частности, включала защиту «политиков, которые вошли в переходное правительство» [2]. Вместе с тем, реализовать деятельность миссии было довольно сложно из-за многих проблем. Одна из них – значительная нехватка материальных ресурсов, что препятствовало оказанию помощи по разоружению и демобилизации [2]. Тем не менее, как отмечает Г. Хадиагала, присутствие миссии в Бурунди было важным и способствовало возвращению к нормальной жизни страны [2]. Однако позднее, в мае 2015 г., в Бурунди была предпринята попытка государственного переворота и ситуация снова ухудшилась. Причиной стало желание президента баллотироваться на третий срок, что не разрешено Конституцией [2].

Помимо этого, «в 2003 г. Африканский союз был приглашен выступить посредником по урегулированию конфликта между суданским правительством и двумя группами повстанцев – Суданской освободительной армией и Движением за справедливость и равенство» в регионе Дарфур [3; 224]. В результате этого конфликта тысячи людей вынуждены были «покинуть свои дома», многие были убиты. Позднее США и другие назвали эти убийства геноцидом. Вместе с тем, Африканский союз «выразил обеспокоенность гуманитарным кризисом», но не назвал эти убий-

ства геноцидом [3; 224]. Переговоры с участием Африканского союза привели к заключению «соглашения о прекращении огня в 2004 году» [3; 224]. Была создана Миссия Африканского союза в Судане. Как отмечают М. Карнс, К. Мингст и К. Стайлз, только небольшая часть войск этой миссии была обучена для проведения миротворческих операций. Миссии не хватало также «оборудования и логистической поддержки» [3; 225]. НАТО обеспечивало транспортировку войск миссии Африканского Союза воздушными средствами, а «Европейский Союз предоставлял финансирование» [3; 225]. Тем не менее, мир не был достигнут. В связи с этим в 2007 году было принято решение о трансформации миссии в совместную миссию ООН и Африканского союза в Дарфуре [3; 225].

По мнению М. Карнс, К. Мингст и К. Стайлз, в отличие от операции в Дарфуре, миротворческая операция Африканского союза в Сомали достигла определенного успеха. Миссия Африканского союза в Сомали была создана в 2007 г. и существует до сих пор. Несмотря на то, что данная миссия считается полностью операцией Африканского союза, некоторые международные организации (ООН, НАТО и ЕС) оказывали помощь [3; 225].

В целом, анализируя миротворческие операции Африканского союза, Тамар Гатнер выделяет ряд проблем. Среди них: «нехватка ресурсов», оборудования, «логистической поддержки» и недостаточная численность миротворческих войск [2]. Кроме того, как пишут П. Уильямс и А. Бутелис, в случае сотрудничества ООН и Африканского союза не всегда взгляды обеих организаций совпадают. Так, например, в 2011 г. точки зрения членов Совета безопасности ООН и Совета мира и безопасности Африканского союза сильно различались по вопросу реагирования «на кризисы в Ливии и Кот-д'Ивуар и финансированию Миссии Африканского союза в Сомали» [4; 256].

В заключение следует отметить, что Африканский союз проводит большую работу по урегулированию конфликтов в Африке. Вместе с тем, эта работа не всегда оказывается эффективной и связана с рядом проблем.

Основная литература

1. *Садовская Л. М.* Бурунди: итоги межэтнического противостояния // Азия и Африка сегодня. № 2, 2013, с. 43.
2. *Gutner, T.* International Organizations in World Politics. Sage, 2017. Kindle edition.
3. *Karns, M., Mingst, K., Stiles, K.* International Organizations: the Politics and Processes of Global Governance. 3rd ed. Lynne Rienner Publishers, Inc., 2015.
4. *Williams, P., Boutellis, A.* Partnership Peacekeeping: Challenges and Opportunities in the United Nations-African Union Relationship // African Affairs. Vol. 113, No. 451, 2014, pp. 254–278.

Языкознание

Г. Р. Аганина

Фонетическая система арабского языка в арабской лингвистической традиции и ее связь с системой графических знаков

В отличие от других культур, в которых главным источником нормирования языка служил письменный сакральный текст, для арабов с самого начала появления у мусульман священного откровения Корана очень важной была устная форма его бытования. Это выражалось в обязательной для каждого мусульманина его рецитации, образцом которой, согласно традиции, служил пророк ислама. Этим объясняется ранний интерес к регламентации орфоэпической нормы в корановедческой науке о чтении Корана и разработке вопросов звукоучения в традиционной арабской грамматике.

Звучащий Коран, поэзия и «чистая» речь некоторых бедуинских племен как источники формирования представления о языковой норме – свидетельство ориентированности лингвистических штудий на звучащую форму речи.

Вопреки существующему в лингвистике мнению, будто в арабской лингвистической традиции «вопросы звучания рассматривались через призму письменности», письменный аспект речи рассматривался как подчиненный звучащему. В каноне грамматических трактатов раздел о письме вообще отсутствовал, а в сочинениях по рецитации Корана он преимущественно касался случаев расхождения количественного состава единиц графики и звучания.

В основании подобной точки зрения могут лежать два поверхностных факта: 1 – привязка числа единиц, включенных арабскими грамматистами в фонетические классификации, к числу письменных знаков алфавита (по их собственным декларациям,

число графических знаков и фонетических единиц практически совпадает: 28 графем и 28 / 29 единиц звучания); 2 – использование одного и того же термина «харф» для обозначения единиц звучащей речи и графики. Что же на самом деле?

Арабское письмо отражает не фонемный состав арабского языка, а его просодическую систему, минимальной единицей которого является мора, передающаяся в арабской традиции термином «харф». Поэтому *харф* как единица письма является коррелятом моры, а не фонемы.

С точки зрения звукового состава мора это неделимый в плане просодии комплекс согласный-гласный (Cv), в том числе и с нулевым гласным (Cø), а также часть долгого гласного, или геминат гласного, т. е. мора с нулевым согласным (øV). Морный характер арабского письма означает, что число графических знаков должно составлять сумму количества согласных фонем (28) и геминатов гласных (3), т. е. 31 единицу. Численное расхождение единиц графики (28) и просодии (31) объясняется использованием в системе письма «матрес лекционис», когда для графического отображения долготы гласного используются знаки, передающие консонанты. Графемы *вав* и *йа*, отображающие глайды [w] и [y], передают одновременно и долготу гласных [u] и [i] соответственно. Долгота же гласного [a] передается графемой *алиф*, что в отличие от двух первых является ее основной графической функцией, поскольку использование этой графемы для письменной передачи ларингального согласного *хамза* (гортанная смычка) строго лимитировано позиционно. Если сопоставить систему графики и консонантный состав арабского языка, то картина выглядит следующим образом: 28-и согласным соответствуют 27 графем, поскольку *хамза* передается диакритическим значком. (Двадцать восьмая графема *алиф* передает только долготу гласного [a]). Графическое отражение вокализма касается только геминатов трех гласных, представляющих собой, как уже было сказано, самостоятельные просодические единицы и использующие на письме графему *алиф* и две графемы *вав* и *йа* в качестве «матрес лекционис». Как же решался вопрос соотношения графической и фонетической систем в арабской языковедческой традиции и в науке о рецитации Корана?

Первая дошедшая до нас фонетическая классификация основателя арабской филологии Ал-Халила ибн Ахмада (ум. 791) включает 29 единиц: среди которых 25 согласных, три гемината гласных (*алиф*, *вав*, *йа*) (28) и включенная в эту группу *хамза* (29), что дает основание интерпретировать ее как сглаженный вариант гортанной смычки, приближающей ее с точки зрения артикуляции к гласному в его кратком варианте. В классификации Сибавайхи (ум. 796) – 30 единиц, среди которых харфы *вав* и *йа* рассматриваются только как консонанты (28), *алиф* – как гласный (29) и к ним добавлен назализованный аллофон фонемы [n] (30). Классификация авторитетного ученого в области рецитации Ибн ал-Джазари (ум. 1429) насчитывает 33 единицы: 28 согласных, соответствующих перечню Сибавайхи, 3 гемината гласных, содержащихся в классификации Ал-Халила, и 2 назализованных варианта носовых фонем [n] и [m].

Опорой для описания звукового состава арабского литературного языка представителями классической арабской науки послужила система графических знаков. При этом арабские ученые разработали полноценную фонетическую теорию, используя в качестве единицы описания мору (*харф*) двух типов, охватывающих консонантный и вокалический состав арабского языка, представленный геминатами трех гласных фонем.

Е. Ю. Бессонова

**Игровые технологии, направленные
на запоминание лексики аутентичных
новостных текстов на японском языке**

Игровые технологии в процессе обучения японскому языку имеют большое значение и часто востребованы как на начальном, так и на продвинутом этапе обучения. В докладе остановимся на игровых технологиях тренировки памяти и быстрого запоминания значительного объема лексических единиц в ограниченный промежуток времени. В современном мире большую роль играют средства массовой информации, в том числе представленные Интернет-

ресурсами. В рамках обучения японскому языку обращение к новостным и информационным Интернет-источникам стало частью образовательного процесса. Актуальность информации и новостной фактор определяют введение значительного объема новой лексики, которую необходимо быстро запомнить. Обычно запоминание начинается с ключевых слов и лексики, часто повторяющейся в рамках выбранной темы. Для запоминания лексики может быть использована форма построения цепочек слов или словосочетаний. После прочтения или прослушивания новости или информационного текста (один или два раза) преподаватель называет слово (словосочетание) на русском языке, а студент переводит слово на японский язык. При заминке с ответом отвечают другие студенты, что приветствуется в рамках выбранной игровой технологии. Второй студент переводит следующую предлагаемую преподавателем лексическую единицу, после чего вспоминает и повторяет предыдущее слово. Каждый последующий студент переводит по одному слово и повторяет произнесенные ранее слова. Цепочка состоит из пятнадцати-двадцати лексических единиц. Последний студент повторяет все слова с переводом. Далее слова должны быть записаны в правильном порядке в тетрадах, один из студентов записывает слова на доске. Иногда практикуется скоростное повторение цепочки, что вносит соревновательный момент, существуют и другие варианты работы с заученной в цепочке лексикой. Основные задачи при использовании данной технологии: тренировка памяти, усвоение большого объема лексики за короткий промежуток времени, вовлечение в работу всей группы студентов.

Другим видом игровой технологии с теми же задачами является работа с выученным в качестве домашнего задания небольшим по объему новостным текстом. После заучивания текста работа проходит по следующей схеме. Первый студент рассказывает текст наизусть (группа помогает, если происходит заминка), для второго студента группа называет начальные фразы предложений из текста, студент предложения произносит полностью, для третьего студента группа называет слова по-русски, студент услышанное слово переводит на японский и произносит предложение из

текста с этим словом, для четвертого студента слово произносится по-японски, следующий студент рассказывает текст в обратном порядке, в завершении данного вида работы один из студентов рассказывает текст наизусть. Также можно замерять время, которое тратят студенты на выступление с выученным текстом, что привносит в работу соревновательный характер. Необходимо отметить, что предложенные формы игровых технологий не занимают много времени на уроке, проходят в позитивной обстановке, заученные в ходе данной работы лексические единицы переходят в активный словарь студентов.

М. П. Берзигиярова

**Ломаное множественное число в «Книге»
Сибавайхи: модели-партнеры и модели-
конкуренты**

Как известно, один из способов образования множественного числа имен в арабской языковой системе предполагает изменение словообразовательной модели единственного числа (т. н. *jam' taksīr* «ломаное множественное», далее – ЛМ). Основную сложность для описания формообразования ЛМ представляет отсутствие универсального деривационного механизма, детерминирующего выбор модели множественного числа для каждой отдельно взятой модели единственного числа. Ситуация усугубляется наличием большого количества дуплетных форм плюралиса для многих лексем; наличие двух-трех альтернативных моделей ЛМ представляет собой вполне заурядный случай.

Первое в арабской грамматической традиции системное описание форм ЛМ, учитывающее указанные особенности числовой парадигмы, предложено в «Книге» Сибавайхи (VIII в.) [1: 175–203]. Деривационный механизм, лежащий в основе образования ЛМ, задан в трактате таким образом, что позволяет не только установить предпочтительную модель множественного (одну или несколько) для каждой отдельно взятой модели ед. числа, но и объяснить появление в ряде случаев дуплетных числовых форм.

Описание системы форм ЛМ строится в «Книге» как исчисление всех возможных вариантов образования мн. числа от всех существующих в языке моделей ед. числа имен. Связь между парными числовыми формами устанавливается на уровне моделей и обеспечивается их морфологической структурой. Алгоритм выбора предпочтительной формы ЛМ учитывает также мощность называемого множества, функциональные характеристики имени (субстантив или атрибут) и наличие формальных дефектов производящей основы.

Вся система ЛМ, включающая около четырех десятков моделей, интерпретируется при этом как нацеленная на сохранение словообразовательного многообразия форм ед. числа при образовании множественного. Количество потенциально реализуемых моделей ЛМ для отдельно взятой модели ед. числа прямо пропорционально частоте производящей модели [1: 178] и лежит в пределах от одной до 7–10 моделей [1: 175–203].

Особые отношения устанавливаются не только между парами соотносительных моделей единственного и ЛМ, но и между самими моделями ЛМ, равно как и между моделями ед. числа. Для двух тождественных по количеству харфов, «весу» и наличию / отсутствию добавочного харфа (*'iddat al-ḥurūf wa-z-zina wa-z-ziyāda*) моделей вводится особый статус «сестер» (*ukhtān*) [1: 179, 181, 193].

На основе подобных «родственных» отношений формируются партнерские отношения между моделями, предполагающие их сходное функционирование. Для моделей-партнеров ЛМ использование одной из них в качестве парной к конкретной модели ед. числа допускает одновременное использование ее партнера. Так, статус партнеров (*sharikān*) получают на постоянной основе формы *fī'āl* и *fu'ūl* [1: 186]; для каждой конкретной лексемы при этом может быть задействована одна из них либо обе одновременно, например, *furūkh / firākh* «птенцы» [1: 175].

Для моделей-партнеров ед. числа предусмотрена возможность заимствования какой-либо формы ЛМ из арсенала партнера. Так, модель ед. ч. *fu'āl*, располагая сразу тремя собственными формами ЛМ, заимствует четвертую – *fu'ul* – у своей «сестры» *fī'āl* [1: 193].

Подобные партнерские отношения обуславливают широкое функционирование дуплетных числовых форм, наличие которых страхует всю систему ЛМ от возможных сбоев морфонологического порядка при образовании мн. числа.

Партнерские отношения допускают и некую конкуренцию между моделями: так, мн. ч. *fī'āl* является более частотной парой для ед. ч. *fa'al*, чем *fu'ūl* [1: 177]; мн. ч. *fu'ūl*, в свою очередь, чаще используется для ед. ч. *fu'l* [1: 180].

Наряду с партнерскими отношениями в системе форм числа действуют и отношения своеобразной конкуренции между моделями, имеющими различную словообразовательную структуру. Жесткая конкуренция существует среди моделей малого множества: для каждой отдельной модели ед. числа реализуется, как правило, какая-то одна из них. Так, Сибавайхи констатирует, что модели *af'ul* и *af'āl* «не являются партнерами ни в чем» [1: 186]; их одновременное функционирование для одной модели ед. числа нуждается в дополнительном обосновании [1: 193–194].

Основная литература

1. Сибавайхи. Китаб. Т. 2. Каир: Булак, 1317 г.х.

С. А. Быкова

Диалектизмы в индустрии туризма в Японии

В последние годы в индустрии туризма в Японии широко распространилось употребление диалектальных форм в целях привлечения гостей в соответствующую префектуру или город. Постеры с надписями на диалекте можно увидеть в аэропортах, на железнодорожных станциях, в автобусах и магазинах сувениров. Это, несомненно, свидетельствует об изменениях в статусе диалектов в японском обществе и отношении к ним у носителей японского языка. Процесс переоценки диалектов в послевоенный период был достаточно долгим, страна преодолела путь в несколько десятиле-

тий от т. н. «диалектального комплекса», который не допускал коммуникации на диалекте, к признанию территориальных диалектов как народного достояния, неиссякаемого источника, обогащающего общий язык. Ныне владение родным диалектом и употребление его в соответствующей ситуации не только вполне приемлемо, но, как это подтверждает использование диалектизмов в индустрии туризма, оказывается весьма креативным и полезным делом. Несколько ранее наиболее яркими доказательствами осознания важности сохранения диалектов являлись издание учебников и учебных пособий по различным диалектам, радио- и телепередачи на диалектах, появление диалектальных форм в речи персонажей современных пьес и т. д.

Использование диалектальных форм в индустрии туризма преследует чисто коммерческие цели и оказывается весьма эффективным в условиях переосмысления японским обществом отношения к диалектам. Яркими примерами такого употребления диалектизмов могут служить постеры на железнодорожных станциях, надписи на которых представляют региональные эквиваленты для общепонских выражений *ирассяй* или *китэ кудасай* («добро пожаловать», «приезжайте»). Так, в преф. Акита на вокзале туристов встречается постер с надписью *Ёттэтан сэ*, в Киото – *Окоси ясу*, в Наре – *Оидэ ясу*, в Тояме – *Корарэ*, в Фукуоке – *Ё: кин сияттэ нэ*, в Оита на Кюсю – *Оидэ:* на Окинаве – *Мэнсо:рэ*. Превратившись в catch phrase, выражения, привлекающие внимание посетителей, подобные приветствия порой приобретают более развёрнутую форму, например, *Оидэ массэ Ямагути э! Ямагути дантай* («Добро пожаловать в Ямагути! В [нашу] организацию в Ямагути!»), как это было сделано организаторами 66-го Всеяпонского спортивного форума, проводившегося в преф. Ямагути в 2011 г. Впоследствии все крупные мероприятия, проводившиеся в этой префектуре, обязательно сопровождались использованием этой развёрнутой формой приветствия. В 2012 г. здесь началась Кампания по развитию регионального туризма под лозунгом *Оидэ массэ! Ямагути ия: канко: ко:рю: кямпэ:н* («Добро пожаловать! Приглашаем участвовать в кампании по туристическому обмену в год

Ямагути»). В тот же год на здании филиала Токийского центра туризма в преф. Ямагути появилась вывеска *Оидэмассэ! Ямагутикан* («Добро пожаловать! Центр в Ямагути»). Другой пример использования диалектальных форм связан с употреблением их в изданной в период Кампании по развитию регионального туризма Программой мероприятий, где приглашение *Оидэмассэ!* было напечатано на обложке, а в самой Программе действовал персонаж Тёруру, привлекавший гостей на различные встречи. Тёруру получил такое прозвище благодаря диалектальной форме *ситёру*, которая является местным эквивалентом формы длительного вида *ситэ иру* «делает [в настоящее время]» глагола *суру* «делать».

Более того, местные органы самоуправления, осознавая важность и эффективность привлекательной и нестандартной рекламы, ныне разрабатывают стратегию привлечения туристов с помощью специальных изданий под названием «Хо:гэн ни ёру омотэнаси» («Гостеприимный приём с помощью диалекта»). Первой к разработке таких необычных путеводителей приступила администрация преф. Акита, которая дважды, в 2013 г. во время Кампании по привлечению туристов, и в 2014 г. в ходе проведения 29-го Всеяпонского фестиваля культуры, выпускала «Справочник по приёму гостей в Аките», где в одном из разделов разъяснялось, какую цель преследует использование диалектальных форм для приёма гостей из других регионов. Авторы утверждали, что диалект притягивает людей, поскольку позволяет проникнуться истинным пониманием особенностей родной для них префектуры, что лишь «оказание гостеприимного приёма» с использованием диалекта Акиты даст гостям ощущение истинного духа этой области. Издания, о которых идёт речь, адресованы прежде всего туристам, поэтому в них включены мини-словари диалектальной лексики префектуры с переводом слов на стандартный язык и названия блюд местной кухни с разъяснением их особенностей. Так, из словаря можно узнать, что эквивалентом стандартного *комбанва* «добрый вечер» в Аките является *о-бан дан су*, слову *кавайи* «милый, хорошенький» здесь соответствует *мэнкой*, слову *отто* «муж» – *одо*, *окаасан* «мать» – *аба*, *кодомо* «ребё-

нок» – архаизм *вараси* и т. д. Разумеется, всё вышесказанное вовсе не означает, что жители регионов Японии используют диалектальные формы во всех ситуациях, чёткое различение формальных ситуаций коммуникации, в которых используется «общий язык» кё:цу:го, и неформальных, в которых коммуникация осуществляется на диалекте, сохраняется. По-видимому, активное использование диалектальных форм в туристическом бизнесе позволяет сделать вывод о некотором расширении сферы неформальной коммуникации на диалекте.

А. Ю. Вихрова

**Явление ретрофлексии в современном
китайском языке и диалекте китайского
языка Гоюй**

Такие термины как ретрофлексный (переднеязычный нёбный), палатализованный, велярный используются как в фонетическом описании, для отображения артикуляции согласной, так и в фонологии, для классификации согласных внутри системы. Если эти термины применяются к фонологической стороне языка, учитываются только контрастирующие признаки, в то время как фонетические детали могут быть опущены. Понятие ретрофлексия восходит к латинскому *retro* «назад» + *flectere* «загнуть». Л. Р. Зиндер в своей работе «Общая фонетика» рассматривает ретрофлексные согласные как подкласс переднеязычных, при которых кончик языка загнут вверх и назад. Далее он дает полную характеристику этих согласных: «Ретрофлексные образуются при загнутом вверх и назад переднем крае или кончика языка. Следовательно, смычка осуществляется прижатием нижней стороны кончика языка к небу. Спинка языка при этом значительно опущена вниз; увеличение объема ротового резонатора обуславливает характерное для этих согласных относительно низкое положение верхних частот спектра. Этот тип согласных широко представлен в языках Индии».

Количество инициалей в пекинском путунхуа и тайваньском Гоюе совпадает, а консонантная система делится на три груп-

пы глухих переднеязычных фрикативных звуков: непридыхательные аффрикаты, придыхательные аффрикаты и фрикативные. Все эти свистящие звуки встречаются только в позиции инициали. Альвеоло-палатальные [tɕ, tɕ h, ɕ] встречаются только перед медиалами [i, y], в то время как альвеолярные [ts, tsh, s] и ретрофлексные [tʂ, tʂ h, ʂ] обычно предшествуют другим медиалам и ядерным гласным. Множество прошлых экспериментальных исследований и научных работ подтверждает, что ретрофлексная глухая аффриката [tʂ] (в пиньинь zh), ретрофлексная глухая придыхательная аффриката [tʂ h] (в пиньинь ch) глухая ретрофлексная фрикативная согласная [ʂ] (в пиньинь sh) постепенно исчезают в тайваньском гоюй, превращаясь в твердые свистящие [ts] (в пиньинь z), [tsh] (в пиньинь c), [s] (в пиньинь s) соответственно.

Тайваньский профессор Дун Чжунсы, занимающийся языками Тайваня и влиянием других языков на него, в своей работе продемонстрировал 6 видов образования ретрофлексных звуков в тайваньском Гоюй, которые имеют изменчивый характер коронального места образования преграды в зависимости от диалектного происхождения человека и последующей гласной. Карен Чун в 2006 году описала вариативность ретрофлексных реализаций в тайваньском китайском языке: «Степень отведения языка (кончика) может значительно варьироваться (как и в пекинском «мандарине», но в разном масштабе) от сильно отведенных, до палатально-альвеолярных [tʃ], [tʃ h], [ʃ] и в конечном счете до дентальных, которые почти не отличаются от зубных / апикальных звуков z – [ʒ], c – [tʃ h], s – [ʒ]». С фонологической точки зрения, усиленная нейтрализация непридыхательных аффрикативных сибилант связана с двумя другими сибилантами. Огубленные гласные заднего ряда, следующие за ретрофлексными или альвеолярными сибилантами, обычно способствуют появлению ретрофлексного сибиланта. Социолингвистические исследования показали, что индивидуальные и контекстуальные факторы влияют на частоту использования ретрофлексных согласных в тайваньском языке. Женщины, молодежь, образованные люди и те, кто говорит на тайваньским «мандарине», а не на диалекте миньнаньхуа, обычно исполь-

зуют нормативную форму произношения ретрофлексных звуков. Кроме того, формальная речь или в серьезное содержание разговора обуславливают более частое применение нормативного произношения. Чун в своей работе отмечает, что полная ретрофлексизация социально маркирована, в отличие от промежуточных форм, которые являются базовыми для всех групп людей в обычной жизни. Гиперкоррекция (т. е. неправильное замещение) не редкий случай в тайваньском диалекте современного китайского языка, что указывает на сознательные ассоциации говорящего с собеседником и стилем общения в языковой общности.

Основная литература

1. Зиндер Л. П. Общая фонетика. Высшая школа, 2-е изд., 1979.
2. Chung, K. S. (2006). Hypercorrection in Taiwan Mandarin. *Journal of Asian Pacific Communication* 16(2), pp. 197–214.
3. Li, Ying-Shing. "Lexical Effects in Phonemic Neutralization in Taiwan Mandarin." *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* [Электронный ресурс], 38 (2012), pp. 307–326.

М. В. Воронцова

Образовательные концепции и методы преподавания иностранных языков: история и современность

Появление новых стандартов, создание новых образовательных концепций, активное продвижение компетентностного подхода, создание профессиональных стандартов – все это обуславливает необходимость поиска новых подходов в преподавании иностранного языка, который активно включается во все образовательные стандарты при неизменном или даже сокращенном количестве часов. Такая ситуация предполагает поиск и использование самых эффективных методов и подходов к преподаванию. На развитие новых методов преподавания иностранных языков в значительной степени влияют открытия в смежных областях знания – в прикладной лингвистике, нейролингвистике и психологии. В истории

преподавания иностранных языков было много методов, каждый из которых был продуктом своего времени, отражал развитие прикладных дисциплин на определенном этапе и потребности общества в овладении и использовании иностранного языка. В XX в. были тщательно разработаны и развиты следующие образовательные концепции, повлиявшие на развитие методик преподавания – бихевиоризм, когнитивизм, конструктивизм и коннективизм. Каждая из этих концепций повлияла на появление новых подходов к преподаванию языка или корректировке старых. Существенным открытием в области прикладной лингвистики, изменившим во многом подход к преподаванию грамматики, являлся структурный подход. Функциональный подход к описанию языковых структур также активно используется при создании максимально эффективного описания языка в учебных целях. Нейролингвистика и психология, в первую очередь, эксперименты, связанные с работой памяти и внимания, изменили отношение к преподаванию грамматики и формированию словаря обучающегося.

В истории преподавания иностранных языков было разработано несколько методов, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки: грамматико-переводной метод, так называемая монастырская традиция, так как живые языки изучались (и изучаются) так же, как мертвые: латынь, древнегреческий – прямой метод (*direct method*), структурный, метод чтения, аудиовизуальный метод, ситуативный метод. Каждый из них преследовал цель, формирования определенных навыков или знаний о языке и при этом не мог быть универсальным. Следует заметить, что переход от формально-рациональной традиции (грамматико-переводной метод) к активному владению естественным языком был связан с жестким вторжением прагматического подхода в преподавание иностранных языков. Иностранный язык стал необходим в большом объеме не только филологам, но и специалистам других специальностей не в меньшей степени. Изучать нужно стало то, что необходимо для общения, сбора информации и для осуществления своей профессиональной деятельности. Поэтому переход на коммуникативный подход, включивший в себя в конечном итоге

все достижения предшествующих методов, был связан с другими функциями иностранного языка в современном обществе, с изменением образовательных концепций и стандартов. С точки зрения использования методов коммуникативный подход предлагает преподавателю выбор максимально эффективной технологии, часто созданной предшествующими методами, для формирования определенных профессиональных компетенций, обусловленных стандартов. То, что не входит стандарт, может выходить за рамки данного курса, если не нарушает законов функционирования самого языка. Часто коммуникативный подход упрекают в эклектизме, что, однако, не уменьшает его успешности. Основным признаком коммуникативного подхода является не определенный метод, а ориентация на прагматику. Стратегии решения определенных коммуникативных задач, нейролингвистическое программирование, множественная компетентность, интеграция профессионального контента в преподавание иностранного языка, тренировка стратегий поиска информации, ее представления на иностранном языке в устной и письменной формах – все эти признаки коммуникативного подхода являются определяющими при создании курсов иностранного языка для студентов-нефилологов.

А. В. Громова

Диалектальная топонимия остана Фарс

В настоящее время иранский топонимикон, богатый и весьма неоднородный как в плане хронологической стратификации, так и в отношении структуры и происхождения составляющих элементов, все чаще привлекает внимание иранских и западных лингвистов, в результате чего в персидском языке сейчас уже сложился терминологический аппарат топонимики, был освоен ряд передовых методов данной области лингвистических исследований ([1], [2], [3]). Однако, топонимика Давана, горного селения Даван в 12 км от города Казерун в остане Фарс на юго-западе Ирана, еще не становилась предметом специального систематического изучения.

Источниковой базой предлагаемого доклада является перечень 925 топонимов в «Словаре диалекта давани» [4: 464–486], представленных в транскрипции без персидского перевода и без каких-либо пояснений (с кратчайшим введением в два абзаца).

И в грамматике, и в лексике давани сохранил многие архаичные элементы, что можно видеть на примере разных пластов топонимов. Так, лексема ‘камень’ встречается в них и в исконной форме *bard* и в виде персизма *sang*:

(1) *ovambār-e bardī* ‘каменное водохранилище’ vs. *ovambār-e sang-o šēr* ‘водохранилище камень и кран’;

(2) *berāt-e sangterāšun* ‘(обращенный на восток) склон каменотесов’ vs. *bard-e ahengerun* ‘камень кузнецов’;

(3) *bard-e espe* vs. *sang-e safīd* ‘Белый камень’ (в этой паре характерно использование и разных форм лексемы ‘белый’).

По морфемной структуре топонимы в давани можно разделить на: простые, то есть соответствующие одной словоморфеме (4), и производные, образованные путем аффиксации (имеющие в составе одну лексическую морфему и аффикс) (5) или две лексических морфемы и аффикс (6), композиции (7).

(4) *karv* ‘каменистая почва со слоями аллювиальных пород’; *gāhār* ‘обширный район в гористой местности с большим количеством холмов, имеющих почвенный покров’;

(5) *as-ek* ‘(ручная) мельница’; *karv-ek* ‘определенная часть (место) *karv*’; *gāxār-ga* ‘определенная часть (место) *gāhār*’; *sō-zār* ‘место, где растет много зелени’;

(6) *asiy-ov-ek* ‘водяная мельница’; *šiš-barding-ek* ‘шесть каменных цистерн’ (оба примера содержат суффикс-дими́нтив *-ek*, имеющий также семантику определенности);

(7) *koto-xuna* ‘библиотека’; *ov-ambār* ‘водохранилище’.

Львиная доля многокомпонентных топонимов представляет собой изафетные именные группы, имеющие в своем составе существительное и прилагательное (8), существительное и существительное (9), существительное и причастие (10), существительное и порядковое числительное (11), а также предлог и существительное (12).

(8) ko-y хормо-уі ‘коричневая гора’; eškāt-e do-dar-i ‘пещера с двумя дверями’; tave-y rēp ‘широкая плоская вершина горы’;

(9) ruze-y ko-y seudaminaddin ‘выступ горы Сейд-Аминаддина’; tel-e xosrō ‘холм Хосрова’;

(10) ovambār-e eška:sa ‘разбитое водохранилище’; barding-e terāšīda ‘тесаная каменная цистерна’;

(11) ovambār-e dovvoli ‘второе водохранилище’; bard-e boland-e avval ‘первый высокий камень’;

(12) zer-e de ‘под деревней’; ras-e tol siyā ‘за черным холмом’; ker-e siyal ‘рядом с боярышником’.

Характерной чертой топонимов в давани является превалирование в их семантической структуре имен нарицательных и географических терминов (14), описывающих особенности рельефа местности и связанных с аграрным укладом экономики Давана (15). Среди топоформантов многократно встречаются:

(13) ko ‘гора’ (компонент как минимум 21 оронима), tel/tol ‘холм’ (не менее 67), 36 tāva ‘плоская горная вершина’, 31 bard ‘камень / гора’, 25 tang ‘теснина, ущелье’, 27 dera ‘горная долина’, 19 eškāt ‘пещера’, 16 godār ‘труднодоступный горный перевал’;

(14) 23 ovambār ‘водохранилище’, 22 ō ‘источник’, 21 nesa ‘земля на западном склоне, не попадающая под прямой солнечный свет’, 17 kerōš ‘каменное корыто для приготовления молочных продуктов’ 15 ‘терраса’, 15 mal ‘ровная, орошаемая земля’, 11 barding ‘каменная цистерна’.

Основная литература

1. Assadorian A. On the Systematic Classification of Iranian Toponyms // *American Journal of Linguistics*. 2017, No. 5 (3), pp. 51–56.
2. Mahdi Ahadyān M. Barresi-ye sāxtār-e serfi-ye jāynāmhā-ye ostān-e Hamedan // *Majalle-ye zabān-o zabānšenāsi*. 1389 (2010–2011), No. 12, pp. 129–148.
3. Refāhi ‘Alamdāri F. Mabāni-ye toponimi va negāh-i be toponimhā-ye Irān. Tehrān: Firuz Refāhi, 1393 (2015).
4. Salāmi A. Farhang-e guyeš-e davāni. Tehrān: Našr-e āsār-e Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, 1381 (2003).

М. Ш. Закрыжевский

Переключение языкового кода в Египте: причины и механизмы

Для языковой ситуации в Египте, как и во всем Арабском Мире, характерно явление диглоссии – двуязычия, при котором имеет место употребление двух языковых образований в рамках одного национального языка – Литературного Арабского Языка и разговорного диалекта.

До 1970-х применительно к языковой ситуации в арабских странах изучалась дихотомия «Литературный Язык – диалект», но в 1973 году египетский лингвист Мухаммад Бадави, рассматривая взаимодействие двух языковых образований в Египте, расширил эту схему, включив в нее ряд промежуточных уровней. Каждый из них характеризуется разной степенью влияния литературного языка:

1) Классический арабский («*fusha at-turath*»). Язык арабской литературной традиции и Корана.

2) Современный литературный арабский («*fusha al-‘asr*»). Литературная форма арабского языка (ЛАЯ), используемая при письме и иногда в формальной речи.

3) Язык интеллигенции («*‘ammiyat al-muthaqqafiin*»). Формальный разговорный язык образованного населения. На него серьезное влияние оказывает ЛАЯ.

4) «*‘ammiyat al-mutanawwiġin*». Неформальный разговорный язык образованного населения (среднее образование).

5) «*‘ammiyat al-‘ummiyin*». Разговорный язык неграмотного населения. Вообще не подвержен влиянию ЛАЯ.

Согласно этой классификации, чем выше уровень образования говорящего, тем больше удельный вес литературного арабского языка в его языковом поведении. Вместе с тем Бадави утверждает, что почти каждый египтянин владеет более, чем одним из этих уровней.

В ситуации, когда носитель языка владеет одновременно несколькими его разновидностями, возникает явление переключения

языкового кода, т. е. внезапный мгновенный переход из одного языкового кода в другой в рамках одного речевого контекста. Это предполагает переплетение различных фрагментов речи, принадлежащих разным грамматическим системам и подсистемам.

Другие факторы, определяющие выбор языкового кода

В результате анализа актуального языкового материала удалось установить, что в каждой конкретной ситуации говорящий строит речь, исходя из обстоятельств. *Тематика разговора* имеет большое значение т. к. определенные темы предполагают преобладающее употребление одного языкового кода (например, религиозная тематика). Иногда смена темы может стать причиной смены кода, но подчас границы тем и кодов могут не совпадать. Отчасти это происходит потому, что говорящий может находиться под влиянием предыдущей темы и бессознательно переносить языковой код, в котором она обсуждалась, на следующую.

В случае, если *речь заготовлена заранее*, преобладающим будет тот языковой код, в котором она была составлена, но это не значит, что переключение невозможно. Если происходит отклонение от заготовленного плана речи (таким отклонением могут быть комментарии, пояснения, ремарки, отсылки к личному опыту и т. д.), то, как правило, включится другой языковой код.

Следующий немаловажный фактор – *позиция говорящего относительно аудитории*. В ходе беседы говорящий может выбирать для себя разные роли относительно собеседника. Чтобы обеспечить наибольший уровень комфорта и взаимопонимания, могут употребляться разные языковые коды.

При это переключение языкового кода происходит на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях языка. Что же касается синтаксиса, то на этом уровне идентифицировать переключение кода с литературного на разговорный или в обратном направлении весьма затруднительно, поскольку речь идет о двух вариациях одного национального языка, и если фонетические и лексические расхождения между ними имеют место, то синтаксическая база у них обоих общая.

Основная литература

1. Badawi, as-Said Muhammad, *Mustawayāt al-'arabiyya al-mu'āsira fī Miṣr, Dār al ma'ārif*, 1973.
2. Ferguson, Charles A., *Diglossia*. *Word* 15, 1959, pp. 325–340.

Б. А. Захарьин**Индоарийский в Тихом океане:
фиджийский хинди**

Основу этнической группы фиджийских индийцев составили контрактники из Индии, которых для работы на плантациях в 1879–1916 гг. массово ввозила на Фиджи британская администрация. В последующие десятилетия их ряды пополнились многочисленными новыми приезжими из Индии, и в настоящее время индийцы составляют почти половину населения Фиджи. Переселенцы были в основном носителями диалектов авадхи, бходжпури и магахи, входящих в группу «восточный хинди». Именно эти диалекты, подвергшиеся дополнительному влиянию фиджийского и английского языков, и составили затем основу системы, которую принято называть «фиджийским хинди» (ФХ).

В 1929 г. языком образования в начальных школах Фиджи был объявлен литературный хинди, использующий алфавит «деванагари». Однако лишь незначительная прослойка фиджийских индийцев преуспела в его усвоении, и в итоге сформировалась ситуация двусторонней диглоссии: престижный, но доступный лишь ограниченному «верхам» литературный хинди стал использоваться в ситуациях формальной коммуникации, основным же – исключительно устным! – средством неформального общения остался ФХ [Moag 1979].

Вплоть до 40-х гг. XX в. власти Фиджи противились преподаванию английского языка и коренным жителям, и фиджийским индийцам, но к середине века положение изменилось, и английский постепенно превратился в один из важнейших предметов в школе. ФХ начал быстро насыщаться англицизмами, параллельно в сфере массовой коммуникации стало расти число англоязыч-

ных публикаций. Т. о., наметилась тенденция к изменению сложившейся диглоссии: «верх» стал занимать английский, постепенно вытесняющий литературный хинди, а «низ», как и прежде, сохранился за преимущественно устным ФХ [Siegel 2003: 123].

Структурно ФХ существенно отличен от литературного хинди. В частности, ФХ неэргативен. Почти все определения в нем не имеют согласовательных маркеров. Исключениями являются перфективные причастия от образующего формы континуатива вспомогательного глагола *rah-*: *-ā* указывает на мужской род субъекта, *-ī* на женский, например, *jāt rah-ā* «шел» – *jāt rah-ī* «шла». Категория числа почти полностью разрушена: лишь для некоторых одушевленных имен может использоваться аффикс множественности *-(a)n*: *larrka* «юноша» – *larrka-n* «юноши». В других контекстах число обычно не маркируется: *ek kera* «один банан» – *dui kera* «два банана», *sabb kera* «все бананы» и т. п. Но в 3-ем лице форм прошедшего времени переходных глаголов облигаторно употребляются – в качестве рудиментов преобразованной исторической эргативности – аффиксы, указывающие на число субъекта: *-is* в ед. ч., *-in* – во мн.: *būk paRh-is* «книгу / книги прочел / прочла», но *būk paRh-in* «книгу / книги прочли». Формы 1-го и 2-го лица в настоящем и прошедшем временах не предполагают словоизменительных различий. В будущем времени, маркируемым либо *-ī*, либо (заимствованным из хинди) *-egā*, нейтрализуются различия всех форм и по лицу, и по числу: *kar-ī* или *kar-egā* «я / ты / он / она / мы / вы / они сдела-ю / ешь / -ет и т. п.» – лишь употребление соответствующего личного местоимения позволяет однозначно определить смысл предложения.

Между хинди и ФХ существуют и различия в области лексики. Так, например, *kal* в хинди означает и «вчера», и «завтра»; в ФХ *kal* – только «вчера», а для «завтра» используется *bihān*. Существенно отлична от хинди система сложных числительных в ФХ – сравни, к примеру, хинди *ikkīs* «двадцать один» (из *ek* «1» + *bīs* «20») и аналог того же в ФХ: *bīs aur ek* «21» как «20 и 1».

Генеалогически ФХ следует трактовать как еще один *диалект* из группы «восточный хинди». Согласно основным социолингвистическим критериям, его функциональный диапазон ограничен,

и он едва ли когда-либо сможет претендовать на статус официального языка Республики Фиджи.

Основная литература

1. *Moag, R. F.* Linguistic adaptations of the Fiji Indians // V. Mishra (ed.), *Rama's Banishment*, London: Heinemann Educational books, 1979.
2. *Siegel, J.* Indian Languages in Fiji: Past, Present and Future // R. Sharma, E. Annamalai (eds.) *Indian Diaspora in Search of Identity*, Mysore, India: CIPIL, 2003.

М. В. Зиза

О возросшей актуальности и проблемах при обучении аудированию на английском языке

Понимание иноязычной речи в наши дни приобретает особое значение по ряду причин: в связи с возросшей значимостью получения и обмена информацией непосредственно между собеседниками (в деловом общении, при получении образования, во время научных и культурных контактов); из-за стремительного распространения англоязычных аудио и видео средств информации, ввиду развития интернета и других средств телекоммуникации и т. д. При этом, говорение, как реакция на услышанный текст, представляет собой вторую сторону единого явления, называемого устной речью. Поэтому, развивая один речевой навык, мы развиваем и другой, добиваясь, таким образом, повышения уровня владения языком в целом.

В методической литературе аудирование рассматривается как один из видов рецептивной речевой деятельности, который необходимо систематизированно развивать у учащихся. Согласно исследованиям Н. Ю. Абрамовской, аудирование – это весьма сложный процесс для обучения, так как во время прослушивания задействованы такие процессы, как восприятие на слух и узнавание; внимание; вероятностное прогнозирование; смысловая догадка; сегментирование речевого потока; информативный анализ; завершающий

синтез, предполагающий разного рода компрессию и интерпретацию воспринимаемого сообщения. Чтобы овладеть этим видом речевой деятельности, необходимо приложить немало сил, чтобы добиться интеграции слухопроизносительных навыков, т. е. доведенной до автоматизма способности безошибочного, быстрого, одновременного восприятия и узнавания фонетического кода, и рецептивных лексико-грамматических навыков.

Практический опыт обучения иностранному языку убеждает в том, что аудирование является одним из самых сложных видов речевой деятельности.

С целью повышения эффективности обучения аудированию в методической литературе (Rost (2002)) рассматривается ряд последовательных условий и принципов для реализации этого процесса.

1. Подбирать материал, который будет способствовать росту мотивации и заинтересованности обучающихся.

На любом этапе обучения аудированию (на английском языке) материал должен быть проверен и отредактирован преподавателем, с целью выявления сложных для восприятия отрывков, неизвестной лексики, долготы предложений, особенностью произношения и т. д.

2. Разрабатывать четкие и ясные задания.

Задания по аудированию могут быть двух типов. «Односторонние», когда вся информация идет от внешнего источника, например, с диска, и обучающийся, воспринимая текст на слух, выполняет задание (выписывает ключевые слова, следит за порядком изложения информации и т. д.). «Двусторонние», когда часть информационного текста идет, например, от партнера по группе, а обучающийся должен осмыслить его звучащий текст и дать адекватный ответ в рамках выполняемого задания.

3. Подразделять задания по аудированию на 3 этапа:

А. Задания перед началом прослушивания: снятие языковых трудностей, введение новой лексики, обсуждение особенностей акцента (в английском языке) и т. д.

В. На этапе аудирования прослушивается весь текст. Обучающиеся делают небольшие записи по содержанию, заполняют

пропуски в предложениях и т. д. Основная задача на этом этапе возлагается на понимание общего содержания текста. Возможно повторное прослушивание.

С. На этапе после прослушивания обучающиеся обмениваются мнениями в ответно-вопросной форме, сравнивают записи, излагают краткое содержание устного текстового отрывка, используя ключевую лексику.

4. Делать установку на то, чтобы обучающиеся использовали стратегии «активного прослушивания»

М. Рост (Rost (2002)) выделил основные параметры таких стратегий: а) использование «слушающим» навыка *предсказания*, основанного на жизненных реалиях, чтобы предвосхитить то, о чем будет идти речь у «говорящего»; б) использование, «слушающим» навыка *угадывания*, основываясь на любом объеме имеющихся знаний языка; в) *избирательно* подходить обучающимся к прослушиваемому тексту, выбирая ту информацию, которая нужна для выполнения задания или ответа на вопрос; д) *задавать уточняющие вопросы*, чтобы воссоздать полную «картину» текста при недостаточно полном понимании; е) пытаться *взаимодействовать* с партнером по диалогу, стараясь поддержать беседу или ответить на вопрос теми языковыми средствами, которыми владеет обучающийся.

5. Выделять, объяснять и отрабатывать трудные места аудио текста на этапе перед прослушиванием, с тем, чтобы не только добиться узнавания этих лексических и грамматических конструкций, но и способствовать тому, чтобы обучаемый стал активным их пользователем.

Таким образом, вся работа по обучению аудированию должна привести к появлению уверенности у слушающего понимания иностранной речи на слух, получению от этого процесса удовольствия и удовлетворения.

Основная литература

1. *Абрамовская Н. Ю.* Выявление трудностей при обучении аудированию, обусловленных стилевой принадлежностью звучащих текстов

(На материале английского языка для младших курсов языкового вуза): Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02: Москва, 2000, 166 с., РГБ ОД, 61:01-13/487-7.

2. *Rost, M.* Listening tasks and language acquisition. URL: <http://jalt-publications.org/archive/proceedings/2002/018.pdf>

В. Б. Иванов

Основные типы персидских предикативных безглагольных фразеологизмов

В отличие от русского языка в литературном персидском языке глагол-связка не опускается, и поэтому персидское предложение как правило завершается глаголом. Однако в персидском существует класс безглагольных предложений (БП), в которых глагол не употребляется.

В безглагольных предложениях предикативность на письме может не получить материального выражения. В устной речи предикативность выражается интонацией. Интонационное выражение предикативности в персидском языке наблюдается как в глагольных, так и в безглагольных фразах. Оно заключается в использовании двух интонационных конструкций (ИК): а) ИК-незавершённости; б) ИК-завершения.

ИК-незавершённости заключается в значительном повышении тона на последнем слоге группы подлежащего (большая терция – кварта) и в ощутимой паузе перед группой сказуемого. Эта пауза на письме может обозначаться запятой, в некоторых случаях двоеточием, хотя твёрдых правил по данному вопросу нет. Когда знаки на письме не ставятся, наивный носитель языка произносит её, предварительно проведя интуитивный синтаксический анализ.

ИК-незавершённости в персидском языке выражается гораздо сильнее, чем в русском, английском и многих других европейских языках. Причина этого – то, что персидский язык относится к числу языков со структурой предложения типа SOV (подле-

жащее – объект – сказуемое). В то же время перечисленные европейские языки имеют структуру типа SVO (подлежащее – сказуемое – объект). В этих языках естественным разграничителем составов подлежащего и сказуемого является глагол, и поэтому в сильной интонации необходимости нет. В персидском же языке имена бедны флексией, и, когда носитель начинает фразу, а до глагола ещё далеко, то ему приходится сильно повышать тон, чтобы склеить слова в группу подлежащего. В этом и состоит основная функция ИК-незавершённости, которая несёт большую смысловую нагрузку. Как пример отметим, что персы часто не понимают наших студентов из-за того, что они пренебрегают повышением тона в ИК-незавершённости.

Остальную часть повествовательного предложения оформляет ИК-завершения, которая характеризуется плавным падением тона к его концу (сказуемому). Точно так же интонационно оформляются безглагольные предложения (БП), только там тон падает не на глаголе, а на именных частях речи, которые оказываются в финальной позиции.

В персидском языке БП встречаются в разговорной речи (о чём уже говорилось в нашей статье), в паремиях, поэзии, фольклоре, песнях и рекламе. Разговорные БП удобно исследовать по иранским телевизионным сериалам, где они воспроизводятся персонажами в больших количествах. Мы в течение многих лет фиксировали наиболее воспроизводимые БП в базе данных.

Предложения с нулевой связкой (которые полагаются подвидом БП) нужно отличать от так называемых эллиптических (неполных, усечённых) предложений, в которых глагол может быть, но опускается, потому что он ясен из предыдущей беседы или из складывающейся ситуации.

Например, следующее разговорное выражение возможно как со связкой, так и без неё: *Agar āmad, ke xub ≈ Agar āmad, ke xub-ast* *Если уж он пришёл, то хорошо*. Первый вариант относится к числу усечённых (эллиптических) предложений. Или: *Hājji? Hājji Makke!* букв. *Хаджи? Хаджи в Мекке!* ≈ *Ищи ветра в поле*.

Но есть фразы, где глагол не употребителен: Unā-ro bixiyāl *Бог с ними!* Здесь причина усечения глагола – архаичное употребление послелого -gā.

Пословицы: Āb-e pārsāl-o nān-e pirārsāl букв. *Прошлогодня вода и позпрошлогодний хлеб* ≈ *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* (Причина – союз -o и).

Классическая поэзия: Be nazdik-e man solh behtar ke jang *По-моему, мир лучше, чем война* (Саади) (сравнительная степень наречия). Или: Xāk tafside, havā ātašbār *Твердь в трещинах, воздух раскалён* (Джами).

Лозунги: Pendār-e nik, goftār-e nik, kerdār-e nik] *Добрая мысль, доброе слово, доброе дело.*

Военные команды: Tamās fert! *Конец связи!*

Дорожные знаки: Vogud mamnu! *Проезд запрещён* (кирпич).

Построенные по правилам арабского языка фразы: As-sabr meftāh-ol-farah *Терпение ключ к радости.*

Реклама: Jin-e zanāne bā qeymat-e šegeft'angiz! *Женские джинсы по изумительной цене!*

О. А. Иванова

Влияние экстралингвистических факторов на репрезентацию *der Fremde* «чужого» в немецких СМИ

Информация о происходящих событиях, т. е. текст в событийном аспекте, поступает к современному человеку, в основном, в виде текста online и формирует в сознании пользователя особый фрагмент ментального мира [Кубрякова 2000]. На полученную информацию накладывается категориальная сетка индивидуальной картины мира реципиента, и происходит активация фрейма, содержащего информацию, связанную с входящим объектом [Дейк 2015].

Ситуации, являющиеся значимыми для конкретного лингвокультурного сообщества, освещаются подробнее, снабжаются многочисленными комментариями.

Одним из таких наиболее активно транслируемых событий в немецких СМИ в 2015 г. была кризисная ситуация с беженцами и мигрантами. В связи с проблемами интеграции большого количества людей с иным языком и культурой эта тема остается актуальной и по настоящий момент.

При исследовании образа *der Fremde* в немецком медийном дискурсе нами было зафиксировано 54 антропонима, называющих чужих. Такое многообразие именовании, представляющих собой разные группы иностранцев, показывает высокую степень релевантности вопросов взаимодействия *своих* и *чужих*.

При дальнейшем исследовании была установлена корреляция между экстралингвистическими факторами и языковыми средствами репрезентации *чужих* в СМИ. Поскольку данные анализа затрагивают ценностные ориентиры немецкой лингвокультуры, считаем необходимым рассмотреть более подробно это соотношение.

Часто используемыми для *Fremde* соответствиями являются *Ausländer* – «иностранцы», *Flüchtlinge* – «беженцы», *Migranten* – «мигранты».

В момент кризисной ситуации с беженцами в 2015 г. появляется больше негативных определений для этой группы *чужих*.

Например, метафорические сравнения *der Fremde* с природными катаклизмами, сопровождающиеся нередко дополнительными определениями, которые только усиливали в сознании людей страх перед катастрофой и неуправляемостью ситуацией.

Тем самым происходила активация фрейма «Чужой – плохой, опасный».

Наше исследование на более позднем материале показывает, что после закрытия «Балканского» маршрута движения беженцев в начале 2016 г. характеристика *чужих* меняется. Количество употреблений «водной» метафоры падает, дескрипторы скорости потока являются отражением процесса стабилизации ситуации: *abgeschwächt* – ослабевающий (поток), *zurückgehend* – уменьшающийся и пр. [Иванова 2017].

В связи с появлением праворадикальных организаций, ростом числа поджогов домов пребывания беженцев и мигрантов и прочих проявлений ненависти к иностранцам, *der Fremde* приобретает в прессе всё больше положительных качеств, благодаря чему создается уже *другой* образ *чужого*: активно изучающего немецкий язык, с желанием работать.

С определенной периодичностью возникает и образ *мучеников, жертв* – с целью воздействия на христианские добродетели.

Нами зарегистрированы также метафоры, провозглашающие беженцев ресурсом, необходимым для немецкого общества.

При совершении какого-либо проступка, нарушающего немецкий уклад и порядок, выражается протест против пребывания таких *чужих* в Германии. Если *der Fremde* проявляет любую форму агрессии, он становится *врагом*.

То есть под влиянием экстралингвистических факторов, ситуационного контекста, происходит возврат к фрейму «*Чужой – плохой, опасный, враг*», на основании чего можно говорить о явлении когнитивного рефрейминга [Молчанова 2017].

Таким образом, под влиянием экстралингвистических факторов происходит одновременное восприятие *чужих* как представляющих собой опасность, жертв, необходимого ресурса. Социокультурные факторы оказывают влияние на процессы репрезентации выражающих их значений и интерпретаций. Заданные языком СМИ шаблоны оказывают влияние на ценностную шкалу немецкого социума.

Основная литература

1. Иванова О. А. Антропонимы семантического поля «чужой» в современной немецкой прессе // Вестник МГЛУ (сер. Гуманитарные науки). М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2017, вып. 6 (777), с. 57–66.
2. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь и речевая деятельность. М., 2000, с. 7–25.
3. Молчанова Г. Г. Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации // Вестн. Моск. Ун-та (сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2017, вып. № 3, с. 7–15.

Е. В. Клюкина

**Лексический прайминг – теория
и практические выводы**

В психологии прайминг определяется как *фиксирование установки (эффект предшествования, прайминг)* (англ. *priming*) – это явление имплицитной памяти, при котором обработка воздействия заданного стимула определяется предшествующим действием того же самого или подобного стимула. Действие предшествующего стимула может осознаваться человеком, но также фиксирование установки стимула происходит и при неосознаваемом воздействии предшествующего стимула.

Как формулируют Фаликман и Койфман: «Основной эффект вербального прайминга – ускорение опознания слова в том случае, если ему предшествовало то же слово либо другое, как-либо связанное с ним по смыслу. Доминирующей концепцией в объяснении эффектов семантического прайминга стала модель так называемой «распространяющейся активации» (*spreading activation*). Согласно этой модели, лексические и семантические единицы, используемые в речевой деятельности, активируют также все связанные с ними элементы системы долговременной памяти («внутреннего лексикона» человека). В результате такой активации при последующем появлении какой-либо из прежде активированных единиц доступ к ней будет более быстрым и легким».

Согласно самому общему определению, синтаксическим праймингом (далее СП) называют тенденцию говорящего повторять синтаксическую конструкцию высказывания, произнесенного незадолго до этого. Первым экспериментальным исследованием СП считается работа (Levelt & Kelter 1982), в которой было показано, что голландские продавцы в магазинах на вопрос *Om hoe laat gaat uw winkel dicht?* ('At what time does your shop close?') чаще отвечали репликой *Om vijf uur* ('At five o'clock'), а на вопрос *Hoe laat gaat uw winkel dicht?* ('What time does your shop close?') – репликой *Vijf uur* ('Five o'clock').

Одной из самых значительных фигур в области лексического прайминга является Майкл Хоуи – создатель теории лексического прайминга. Хоуи предложил альтернативную теорию словарного запаса: «по мере того как мы овладеваем словарным запасом, последний обогащается контекстом, с которым мы постоянно сталкиваемся в дальнейшем. Это происходит таким образом, что мы подсознательно ожидаем и копируем эти контексты, когда читаем, пишем, слышим и говорим». Различные виды информации, с помощью которых обогащается лексическая единица, называются его праймингом. В классической модели языка внимание в первую очередь уделяется грамматике, Хоуи же утверждает, что наш «лексикон (словарный запас) полностью и систематически структурирован, а грамматика и семантика в свою очередь всего лишь результат лексической структуры и отличаются от человека к человеку».

Хоуи выделяет следующие проблемы существующих теорий грамматики: они не дают нам убедительных объяснений беглости; не предлагают систематической и всеобъемлющей модели вариативности; не объясняют, как мы понимаем, какое значение имеет в виду говорящий, используя многозначное слово; они не объясняют коллокации.

Согласно теории лексического прайминга центральной является идея идиолекта, т. е. индивидуального словарного запаса, т. к. лингвистический опыт индивидуален и приводит к отличиям в прайминге. Встречаясь с единицей языка, мы отмечаем жанр, стиль, область применения и контекст. Таким образом, у нас не единый язык, а несколько языковых вариантов. Наша способность затем использовать слово в том же контексте, с той же грамматикой, в том же стиле / жанре и означает, что мы знаем это слово.

На практике это означает, что овладение словом означает знание его характерных праймингов, иначе речь будет звучать нескладно. Искусственно созданные тексты не сохраняют естественные прайминги языка. Зубрежка слов списком и механическая отработка грамматических структур не работают, т. к. не дают коммуникативный контекст и социальный аспект. Те, что изу-

чают второй язык, начинают с переноса праймингов из родного (первого) языка. Это может принести пользу, если студенты осознают, что некоторые из этих праймингов параллельны с праймингами изучаемого языка. Неадекватная теория первого языка может привести к плохому знанию второго языка.

Задача преподавателя в свете данной теории – сделать студента исследователем, т. к. мы никогда не перестаем испытывать влияние прайминга. Необходимо использовать связность текста для эффекта прайминга в аутентичном тексте повторение происходит естественным образом. Примерно 9 встреч со словом создают эффект прайминга. Чтение должно быть целенаправленным и переходить в речь и письмо как можно раньше.

Основная литература

1. Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета (сер. 14. Психология). М.: МГУ, 2005, № 3, сс. 86–97.
2. Collins A. M., Loftus E. F. A spreading-activation theory of semantic processing. *Psychological Review* (82), 1975, pp. 407–28.
3. Hove M. *Lexical priming. A new theory of words and language*. Routledge, 2005, 202 p.
4. Levelt, W. J. M., Kelter, S. Surface form and memory in question answering. *Cognitive Psychology*, 14, 1982, pp. 78–106. doi:10.1016/0010-0285(82)90005-6.

Н. Крнета

Женская речь в японском языке и «ролевой язык» – где провести границу?

Подсистема женской речи в японском языке уже на протяжении многих десятилетий привлекает внимание как филологов и социологов, так и простых жителей Японии. Словари особых «женских» слов печатаются начиная уже с XVIII в., а фонетические, лексические, синтаксические и стилистические особенности классифици-

рованы и описаны в учебниках японского языка, общих грамматиках и отдельных исследованиях. Отношение в японском обществе к женской речи неоднозначно. И по сей день многие воспринимают женскую речь как часть культурного наследия Японии. С другой стороны, с 60-х гг. XX в. и возникновения феминизма к ней начали относиться как к пережитку феодальных времен и символу подчиненного положения женщин в обществе. Сторонники первой точки зрения стремятся к сохранению всех атрибутов женской речи, таких как повышенный уровень вежливости, преобладание восходящей интонации и более высокий общий тон и т. д. Феминистки со своей стороны требуют *тю:сэйка* «усреднения», «нивелировки» различий между мужской и женской речью, что рассматривается как один из способов достижения равноправия полов. Следовательно, оба лагеря рассматривают само существование общеупотребительной и всем известной подсистемы женской речи как непреложный факт.

При этом, при реализации идеального объекта, обозначаемого как «женская речь» в повседневной речевой практике жительниц Японии, возникают большие индивидуальные различия. За исключением нескольких самых распространенных особенностей данной подсистемы (таких как интонация и личные местоимения), множество приведенных в научной и учебной литературе характеристик женской речи не находят широкого употребления. Некоторые японки даже не осознают, что они используют речь, чем-то отличающуюся от речи мужчин.

В то же время, в японских масс медиа и популярной культуре широко распространен *якувариго* «ролевой язык». Это речь, которую используют определенные типажи произведений массовой культуры. Сами японцы такую речь не используют в реальной жизни, но тем не менее они прекрасно знают, как должны говорить определенные персонажи. Данные персонажи обладают некоторым набором стандартных, заранее известных качеств, а их речь является индикатором, признаком принадлежности персонажа к тому или иному типу. Например, для речи ученого либо почтенного мудрого старца характерно использование личного ме-

стоимения первого лица *васи*, заключительной модально-экспрессивной частицы *вай*, суффиксов отрицания *н* и *ну*, форм длительного вида «деепричастная форма глагола + *ору*» и т. д. Среди персонажей есть и женские, например *одзё:сама* «девушка из хорошей семьи». Ее речь отличается повышенным уровнем вежливости, частим использованием заключительной частицы *ва* с восходящей интонацией и сочетания частиц *ва нэ*, заключительная форма сказуемого часто имеет вид «деепричастная форма + частица *ё*», либо «связка *да* + частица *ва*». И если перечисленные в начале особенности находят отражение и в речи реальных современных женщин, то подобные формы сказуемого были характерны для речи учениц старшей школы и студенток конца XIX в. – начала XX в. Таким образом эта разновидность *якувариго* представляет сплав в большей или меньшей степени используемых в повседневной речи конструкций и слов, которые ассоциируются с женской речью, и устаревших форм, дошедших до наших дней благодаря тем самым поклонникам классического образа идеальной женщины. На самом деле речь *одзё:сама* во многом соответствует описанному во множестве исследований облику «женской речи», какой она в идеале должна быть. И поскольку она ассоциируется с хорошо воспитанной идеальной японской девушкой, если реальная девушка хочет произвести подобное впечатление, она может использовать элементы стереотипной речи для достижения своей цели. В таком случае происходит смешение «живой» женской речи, т. е. тех ее элементов, которые используются в повседневном общении, и «вымышленной», которая призвана вызывать определенные ассоциации у собеседника.

Можно предположить, что подсистема женской речи в японском языке является набором языковых средств и конструкций, часть из которых женщины используют неосознанно, как элемент своей половой самоидентификации, в соответствии с принятыми языковыми и общественными нормами (например, использование личного местоимения первого лица *атаси*). При этом, для того чтобы создать желаемый образ, например, примерной хорошо воспитанной девушки, женщины используют другие элементы данной

подсистемы, которые в сознании носителя языка ассоциируются с этим образом (например, частое использование заключительной частицы *ва*). В таком случае происходит сближение и смешение понятий «женская речь», как реально используемой речевой системы и «ролевого языка». Границу между ними особенно трудно провести тем, кто не является носителями языка, и в недостаточной степени знакомы со стереотипами, существующими в обществе.

Основная литература

1. *Кинсуй С.* Ватяру нихонго Якувариго-но надзо («Виртуальный японский. Загадка ролевого языка»). Япония: Изд-во Иванами, 2014, 225 с.
2. *Inoue M.* Vicarious Language. Gender and Linguistic Modernity in Japan («Компенсаторный язык. Пол и языковая современность в Японии»). США: Изд-во University of California Press, 2006, 323 с.

В. Г. Курочкин

«Особенности употребления речевых оборотов с лексемой сокуро: в бизнес коммуникации»

В бизнес коммуникации в отношении лица, пришедшего в офис партнёрской компании, нередко употребляют речевые обороты типа:

ご足労 (го-сокуро:),

ご足労いただき (го-сокуро:итадаки),

ご足労いただく (го-сокуро:итадаку),

объединённые общим значением «благодарю, за то, что пожаловали к нам». Ошибочное употребление данных оборотов довольно редко, однако необходимо подробно рассмотреть весь их спектр в тех или иных речевых ситуациях для осуществления более успешной деловой коммуникации.

При употреблении оборотов с лексемой 足労 (сокуро:) и «уважительным» префиксом 御 (го) носители языка, помимо са-

мой благодарности, вкладывают ещё одно значение – «мы вам очень признательны за этот визит, когда сами были бы должны посетить вас». С этим оттенком значения данные обороты встречаются в деловой переписке в форме:

ご足労頂きありがとうございます

(го-сокуро:итадаки аригато:годзаймас);

ご足労頂きありがとうございます

(го-сокуро:итадаки аригато:годзаимасита).

Отдельно стоит упомянуть варианты употребления данного оборота в письменной коммуникации, когда визит ещё не состоялся, но ожидаем. Тогда они приобретают следующую форму:

御足労おかけしますが

(го-сокуро: окакэсимасуга)

«мы доставляем вам некоторые хлопоты тем, что вы должны будете посетить нас» и

ご足労いただき恐縮ですが

(го-сокуро:итадаки кё:сюкюдэсуга)

«право же мне неловко ожидать от вас визита». Подобающей формой вежливости является употребление в письменной коммуникации оборотов:

先日はご足労をおかけしてしまい申し訳ありません

(сэндзицу ва го-сокуро: о окакэситэсимаи

мо:сивакзаримасэн)

«нам нет слов оправдания, доставив вам хлопоты с визитом к нам на днях» и

先日はご足労いただきありがとうございます

(сэндзицу ваг о-сокуро:итадаки аригато:годзаимасу)

«благодарим вас за то, что посетили нас на днях».

Оборот с лексемой 足労 является функционально важным также и при оформлении какой-либо просьбы в отношении вышестоящего лица. В таком случае он имеет форму

ご足労ですが

(го-сокуро:дэсуга)

и употребляется непосредственно перед словами просьбы или переходе к основной теме беседы.

Несмотря на универсальность оборотов с лексемой 足劳 и широкое употребление в бизнес коммуникации, стоит быть внимательными к неподобающим примерам их использования. Основным правилом является запрет на использование этих оборотов в отношении вышестоящих коллег в пределах собственной фирмы. Таким образом важно уяснить, что вышеприведённые обороты всё же являются выражениями вежливости, употребляемые к партнёрам по бизнесу, т. е. сторонним лицам.

Основная литература

1. «Нихонгохё:гэн бункэй дзитэн». Изд-во «J рисати», 2008.
2. «Бидзинэсу кайва масута: ап». Изд-во «Хакутэйся», 2015.

В. В. Лебедев

Арабский глагол в атемпоральных синтаксических позициях. Противоречие между субстанцией и функцией предикативных структур в системе литературного арабского языка (Вопросы теории арабской грамматики)

1. Арабский глагол выражает совокупность двух значений: ВРЕМЯ + ДЕЙСТВИЕ. Время: предшествование / пр., одновременность / наст., следование / буд. Действие: в широком диапазоне от активного воздействия субъекта на объект до состояния. Арабский глагол имеет категории времени, залога, а также рода. Других категорий у него нет.

2. Арабский глагол имеет две основы: основа, выражающая прошедшее время типа *gasama* 'рисовал' и основа, имеющая три словоизменительные формы подобно падежам имени: *yarsumu* 'рисует' = *rassāmun*, *yarsuma* = *rassāman*, *yarsum-rassāmin*. Прямая словоизменительная форма *yarsumu* выражает значение одновре-

менности / наст. Косвенные формы выражают временную неопределенность: они либо обретают значение пр. или наст. под действием модальных частиц, либо подтверждают свою временную неопределенность под действием инфинитивной частицы.

3. Арабский глагол функционирует исключительно в составе предикативной конструкции с жестким порядком слов: глагол-сказуемое + имя-подлежащее. Это – глагольное предложение. Оно противопоставляется именному предложению состава тема-подлежащее + рема-сказуемое. Два типа арабского предложения отражают два типа информации: глагольный – о событии, именной – о состоянии.

4. Предикативное время именного предложения выражается теми же средствами, что и предикация: противопоставлением именных слов в позиции темы и ремы по категории определенности / неопределенности, т. е. всем составом предложения. Предикативное время глагольного предложения выражается в рамках одной синтаксической позиции – глагола-сказуемого. Эта позиция – темпоральная: она определяет время всего предложения. Это единственная темпоральная позиция. Только в ней глагол имеет возможность полностью реализовать свой семантический потенциал: время + действие.

5. Арабский глагол входит в группу слов с признаковым значением. Ее составляют: 1) причастие действительное, 2) причастие страдательное, 3) прилагательное, 4) элатив, 5) глагол. Все члены этой группы способны выступать в одних и тех же синтаксических позициях, выражающих, прежде всего, предикативный, или атрибутивный, или обстоятельственный признак. Глагол и здесь функционирует только в составе глагольного предложения, которое замещает собой ту или иную синтаксическую позицию:

walad ^{un} мальчик НЕОПР	yarsum ^u он-дисвет	‘ <i>рисующий мальчик</i> ’
’al-walad ^u мальчик ОПР	yarsum ^u он-дисвет	‘ <i>Мальчик - рисует</i> ’
jalasa сидел-он	yarsum ^u дисвет-он	букв: Он сидел, рисуя ‘ <i>Он сидел и рисовал</i> ’

Все эти позиции атемпоральны. Глагол (=глагольное предложение) в них функционально эквивалентен причастию или прилагательному.

6. Арабский глагол в составе глагольного предложения, замещающего ту или иную синтаксическую позицию, видоизменяет свою семантическую структуру. Его временное значение, «избыточное» для замещаемой им синтаксической позиции, переходит в «спящий режим», но одновременно актуализируется находящееся в «нерасчлененном единстве» со временем его видовое значение и вся сфера аспектуальности, прежде всего это значение ЗАВЕРШЕННОСТИ и НЕЗАВЕРШЕННОСТИ. Значение же ДЕЙСТВИЯ «сообщает» присущей глаголу признаковости свой «динамичный» характер.

Таким образом, «понижение статуса» языковой единицы с предикативного до номинативного дает ей возможность «мобилизовать» и «активировать» свои системные связи и взаимоотношения. Таким путем разрешается противоречие между субстанцией и функцией предикативных структур в системе литературного арабского языка.

Е. Н. Левченко

Синтаксическая структура в японском предложении: диахронический анализ

Синтаксический порядок слов – 76 % всех языков (по данным WALS) являются языками типа SOV (41 %), либо SVO (35 %), на основе чего можно предположить, что данные синтаксические типы являются наиболее устойчивыми и стабильными по отношению к языковым изменениям, нежели остальные четыре системы. Тем не менее, существует гораздо более сильная диахроническая тенденция для SOV к переходу в SVO, чем в обратном порядке (Vennemann 1974; Newmeyer 2000). Этот факт, в свою очередь,

может свидетельствовать о том, что SVO является наиболее стабильной, тогда как большое количество систем SOV обусловлено другими факторами, но не показателем стабильности (Gell-Mann & Ruhlen 2011).

У японского и корейского, некоторых языков тунгусо-маньчжурской группы, монгольского и турецкого языков есть достаточное количество общих структурных черт, среди которых, кроме фонетики, которая находится за рамками данного исследования, можно указать: предпочтение неглагольных способов заимствования глаголов, преимущественно суффиксальная флективная морфология, синтаксическая структура SOV, фразовая структура GAN, широкое использование конвёрбов, преимущественное использование локатива для притяжательных предикаций, использование аблатива для предикации сравнения.

Нарушение структурного порядка SOV

Префиксальное употребление основы глагола, наблюдаемое в древнеяпонском языке, противоречит установленному для японского языка порядку слов SOV и, возможно, является одним из свидетельств имевшего в то время дуального употребления структур SVO и SOV. Прежде всего необходимо обратить внимание на тот факт, что некоторые глагольные префиксы, о которых пойдет речь ниже, несут эмфатическую функцию. Как, например *ut-i* – инфинитив глагола со значением *бить*, *колотить*. В древнеяпонском использовался в качестве префикса с рядом глаголов.

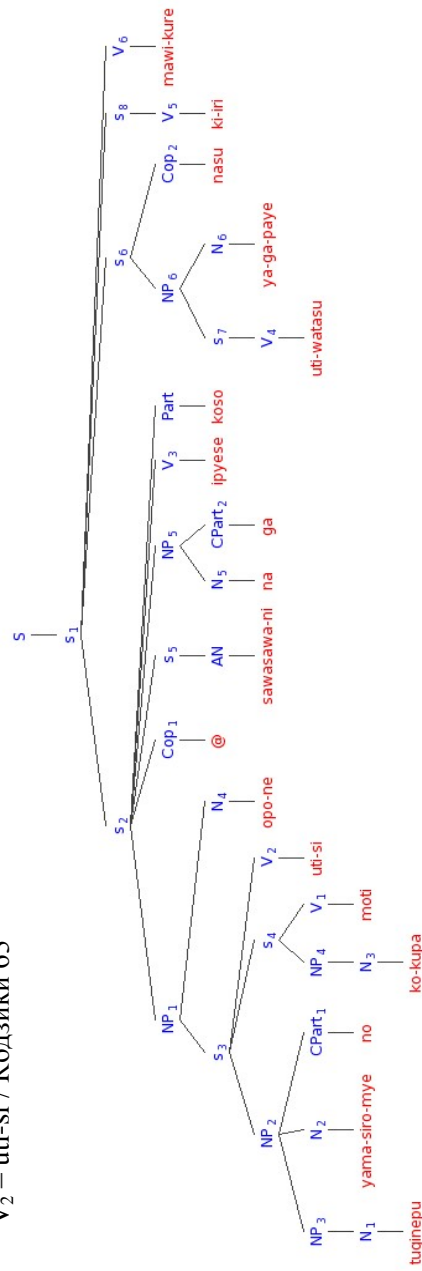
С другой стороны, *aru-i* являясь основой (корнем с флексией инфинитива) глагола *встречать(-ся)*, в древнеяпонском употреблялся в качестве префикса, одновременно являясь и показателем реципрока.

os-i – в сочетании *os-i-ter* считается префиксом. Кроме песен «Кодзики» и «Нихон Сёки», выражение употреблено в Манъёсю 4365.

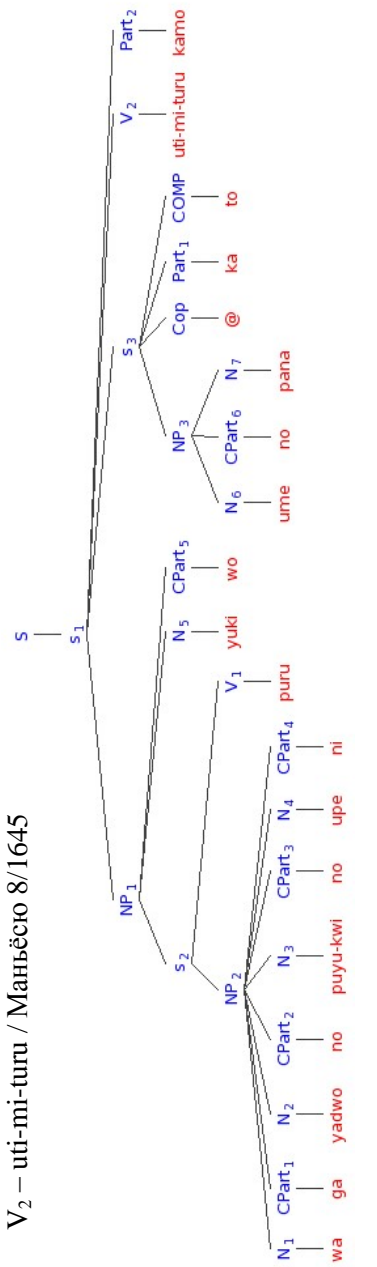
Кроме этого встречалось префиксальное употребление суффиксальных показателей:

стативного *ar-i*-, потенциального *e*-, прохибитивного *na*-.

V₂ – uti-si / Кодзика б3

V₂ – uti-mi-turu / Маньёсю 8/1645

Одно из самых ярких отличий древнеяпонского языка от его классического состояния проявляется в наличии у первого довольно богатой системы вербальных префиксов. Само существование префиксов не характерно для языка с порядком SOV, где функционируют лишь суффиксы. Существование, даже рудиментарной, системы префиксации, может быть косвенным указанием на довольно недавнее оформление SOV в японском языке, обусловленное влиянием соседних местных языков на формирование собственно японского наряду с формированием системы письма, какими мы их изучаем в настоящее время.

Мяо Чюнь

Плеоназм как способ словообразования

в китайском языке

(на материале двусложной количественной единицы с сочинительной синтаксической структурой)

Термин «плеоназм» (羨余) в переводе с греческого языка – «чрезмерность», «избыток».

Как проявляется «плеоназм» в китайском языке?

Элементарной количественной единицей китайского языка является слоговая морфема 字 или однослог. Многосложные количественные единицы образуются сочетанием как отдельных слоговых морфем, так и многосложных компонентов.

Синтаксические отношения между знаменательными морфемами в многосложных лексических китайского языка по своему содержанию строятся по общим правилам китайского синтаксиса (сочинение и подчинение).

Многосложные слова обладают лексическим и грамматическим значением. Лексическое значение многосложных слов, состоящих из знаменательных морфем, как правило, выводится из значений их компонентов; грамматическое значение зависит от структуры грамматического значения морфем, входящих в их состав.

Двуслоги с сочинительной синтаксической структурой представляются собой сочетание двух синтаксически равноправных компонентов с одинаковым грамматическим значением. Например:

1. Двуслоги, состоящие из двух морфем выраженных именем существительными с сочинительной связью между ними.

脸面 liǎn miàn (лицо внешность):

脸 лицо + 面 внешность, лицо

道路 dào lù (дорога, путь):

道 дорога, маршрут + 路 дорога

2. Двуслоги, обе составляющие морфемы выражены прилагательным.

光明 guāng míng (свет, светлый, блеск):

光 светлый + 明 светлый;

古老 gǔ lǎo (старинный; древний):

古 древний + 老 старый.

3. Двуслоги с состоящим из двух глагольных морфем.

帮助 bāngzhù (помогать)

帮 помощь + 助 помощь,

制造 zhìzào (изготавливать, производить):

制 создать + 造 производить.

4. Двуслоги, образованные в результате сложения двух модальных глаголов:

应该 yīnggāi (быть должным; следует):

应 должен + 该 должен;

能够 nénggòu (мочь, быть в состоянии):

能 'мочь' – 够 'мочь'.

5. Двуслоги, образованные редупликацией одной и той же морфемы.

妈妈 māma (мама);

爸爸 bàba (папа);

哥哥 gēge (старший брат).

или наречием:

偏偏 piānpiān (напротив, вопреки);

刚刚 gānggāng (только что).

Мы можем сделать вывод, что «плеоназм» – это одно из проявлений **необходимого** свойства речи, а именно её **избыточности**. Избыточность снижает «информационную нагрузку» сообщения, что благоприятно сказывается на возможности и надёжности его восприятия.

Основная литература

1. *Софронов М. В.* Китайский язык и китайская письменность. Восток-Запад, 2007.
2. *Румянцев М. К.* Фонетика и фонология современного китайского языка. Восток – Запад, 2007.

Л. Т. Нечаева

Соединительное союзное слово *мата*

Связь между сочиненными предложениями в японском языке осуществляется различными способами, в том числе и с помощью союзов и союзных слов.

Соединительные союзные слова используются для выражения одновременно или последовательно происходящих событий, явлений действительности. Рассмотрим подробнее союзное слово *мата*, передающее данные значения.

Союзное слово *мата* имеет значения перечисления, присоединения. На русский язык переводится как «и», «также», «кроме того», «сверх того», «ещё и».

Японские лингвисты и методисты считают, что употребление *мата* в речи (письменной и устной) делает высказывание более естественным. Особенно уместно употребление *мата* при соединении двух предложений [2.658].

Союзное слово *мата* используется при описании одной темы, при этом оно не подчеркивает, не усиливает ситуацию, описываемую в 1-й части предложения или в 1-м предложении, в отличие от *сарани*, *соно уэ-ни*, а указывает на перечисление событий, действий, их параллельность.

Союзное слово *мата* соединяет части предложения или отдельные предложения, имеющие отношение к одной ситуации, при этом соединяемые части находятся в равноправных отношениях.

Союзное слово *мата* не встречается в повелительных предложениях, но может употребляться в вопросительных, например: *Тэ:пу-но нагаса ва, 9 см-но намбай дэсу ка. Мата, нани см дэсу ка. Длина ленты как кратна 9 см? И сколько всего см?*

Союзное слово *мата* может употребляться со всеми частями речи, соединять любые члены предложений, например, именные части срединного сказуемого, выраженные существительными: *Нихон ва бо:эки-синакэря икитэ икэнай куни, мата, юсюцу тайкоку дэ аринагара, иппо:-дэ ва но:самбуцу-ни ойтэ ва хидзэ:-нару юню: тайкоку дэ ару.* Япония – страна, которая не может существовать без внешней торговли, **и** является крупной страной-экспортёром, с другой стороны, значительно зависит от импорта сельскохозяйственной продукции.

В значении перечисления *мата* употребляется внутри предложения с однородными сказуемыми, имеющими форму 2-й основы глагола, форму предикативного прилагательного на *ку*, например: *Судэ-ни кэкон-ситэ ори, мата саннин-но кодомо-га имасита.* Уже замужем, **и** есть трое детей.

В предложении после срединного сказуемого в форме деепричастия на *дэ* слово *мата*, в основном, передаёт значение «опять», «снова», например: «*Фута-о акэтэ, ёкин цу:тё:-о торидаситэ, мата фута-о ситэ, ана-о умэта ва*» *то канодзэ ва итта.* Она сказала: «Открыла крышку, достала банковскую книжку, **снова** закрыла и закопала».

Союзное слово *мата* может соединять также однородные придаточные предложения в составе сложноподчиненного, например: *То-ни сомуйтэ иру ё:на, мата хансэй мо ситэ иру ё:на, гомакаси-но тайдо дэ атта.* Было фальшивое положение, как будто сам нарушаешь **и** как будто сам оцениваешь свою ситуацию. Второй однородный член, соединяемый с помощью *мата*, может употребляться как пояснение предыдущей части или добавле-

ние [3.540], например: *Хигай-га о:кий. Корэ мо **мата** дзю:мин сэйкацу-э-но эйкё:-га тайхэн симтай-сарэру вакэ дэаримасу.* Ущерб большой. И это тоже причина очень беспокоиться о том, как это отразится на жизни граждан.

Союзное слово *мата* в значении перечисления может соединять 1-е предложение, оканчивающееся союзом *си*, со 2-м предложением, внося значение усиления высказывания, например: *Има-но токоро со:ю: ханаси ва маттаку кийтэ оримасэн **си, мата**, со:ю: кото-о кангаэтэ оримасэн.* Сейчас я не слышу эти разговоры **и** не думаю об этом.

Союзное слово *мата* может соединять два независимых предложения, находясь в начале второго, например: *Соно кусури ва тинсэй саё: мо цуёку, фуру-ни ирэрэба, соно ато гуссурито нэмуру. **Мата**, араюру гайсё:-ни ко:ка-га ару.* У этого лекарства сильное успокаивающее действие, если принять ванну, то потом крепко спишь. **А также** оно помогает при различных травмах.

Делая вывод по употреблению союзного слова *мата*, можно сказать следующее.

Союзное слово *мата* имеет значение перечисления, обозначает параллельность событий, действий. Союзное слово *мата* используется при описании одной темы. Союзное слово *мата* употребляется и в разговорной, и в письменной речи. Союзное слово *мата* может употребляться со всеми частями речи, соединять любые члены предложений и предложения. При употреблении *мата* обе соединяемые части находятся в равноправных отношениях. Употребление *мата* в речи (письменной и устной) делает высказывание более естественным.

Основная литература

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Книга 2. М.: «Наталис», 2008.
2. Итикава Ясуко. Дзоку нихонго гоё:рэй бунсё: дзитэн. Токио: «Исэбу», 2000.
3. Сунагава Ю., Симода М., Цуцуи С. и др. Нихонго бункэй дзитэн. Токио: «Курисио», 1998.

О. А. Павловская

**Не царское это дело? Особенности
изучения иностранных языков
российской элитой**

В России в XVIII – начале XX вв. владение несколькими иностранными языками представителями высших сословий было нормой. Галломания, англomanия, «русский языковой патриотизм» попеременно сменяли друг друга. Знание иностранных языков было отличительной чертой российской элиты по нескольким причинам. Во-первых, идеи западничества (еще задолго до своего «официального» закрепления в умах отечественных мыслителей, философов, социологов и политиков) проникли в высшие слои русского общества и проявлялись в различных сферах, а культура повседневности и связанные с ней нормы коммуникации оказались наиболее восприимчивыми к новым тенденциям и моде. Во-вторых, получение образования было продиктовано сложившимися в то время методическими традициями обращения к аутентичным источникам по всем областям знаний (начиная с медицины и юриспруденции и заканчивая искусством). В-третьих, знание иностранных языков служило сословным разграничителем и щитом для господствующей части общества. В-четвертых, представители элит испытывали ежедневную потребность в знании языков при общении с иностранцами, которые занимали видные позиции в обществе. Представитель эпохи и выдающийся мыслитель Н. Я. Данилевский отмечал, что «низший слой остался русским, высший сделался европейским – европейским до неотличимости» (Данилевский: 232). Таким образом в России сложились традиции получения языкового образования, которые претерпевали изменения в зависимости от политической обстановки, личных предпочтений правителей и под влиянием общеевропейских требований в образовании. Наиболее предпочтительные языки, которые изучались в большей степени, это: древние языки (греческий, латинский), романские (в большей степени французский), английский,

немецкий. Каждому языку были отведены свои «сферы влияния». Древние языки в основном изучали представители мужского пола с целью получения знаний в философии, медицине, праве, риторике. Немецкий язык использовался в области военного дела, промышленности, сельского хозяйства, философии, литературы. Английский язык – в сфере литературы, языкознания. Примечательно также отметить, что в царской семье сложилась традиция: до 5–6-летнего возраста, т. е. когда в центре внимания были уход, гигиена, кормление, при детях в основном находились англоязычные няньки. А уже в сознательном 6–7-летнем возрасте (период, когда начиналось формирование ценностей, духовное воспитание и само образование) воспитание полностью переходило к французским гувернерам. Этикет, повседневные виды занятости (переписка, чтение, посещение различных мероприятий), мода (в одежде, в убранстве жилища, в кухне) требовали знания французского языка. В докладе будут рассмотрены некоторые особенности преподавания и использования иностранных языков: от традиционного переводного метода изучения до междисциплинарного подхода.

Основная литература

1. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. 6-е изд. СПб., 1995.
2. *Лабутина Т. Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.
3. *Зимин И. В.* Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2010.

Е. В. Панина

Тексты СМИ на хинди и их лексико-семантическая специфика

По сравнению с прошлыми десятилетиями функция средств массовой информации изменилась, пройдя путь от ознакомительной к воздействующей. Использование двух форм создания образа объективной действительности с помощью языка – открытой и скрытой – определённым образом влияет и на идеи, стереотипы,

образы, которые создают картину мира в средствах массовой информации.

Изменения, происходящие в обществе, практически моментально получают своё отражение в языке: фонетике, лексике, грамматике. Газетно-публицистический стиль представляет для исследования несколько функциональных групп: заголовки, краткие (газетные) сообщения, газетные статьи.

Функционально обусловленные, заголовки на хинди богаты эллиптическими конструкциями, аллюзиями, инверсиями, параллелизмом. Метафоры, гиперболы, риторические вопросы часто нагнетают ситуацию, экспрессивно окрашивая текст и тем самым создавая в сознании реципиента довольно безрадостную картину реальности, которую нужно кардинально менять. Соответствующая лексика (использование санскритизмов, обилие английских слов, употребление аббревиатур), большое количество кратких сообщений, состоящих из трех-четырех сложноподчиненных предложений с разветвленной структурой придаточных предложений, – эти и другие особенности текстов СМИ на хинди анализируются в докладе с точки зрения т. н. «скрытой» языковой формы создания объективной действительности.

М. В. Порхомовский

Год турецкого языка в Турции

Прошедший 2017 год был объявлен в Турции Годом турецкого языка, который проходил под девизом: «Наш язык – это наша сущность». Целью проведения Года турецкого языка было объявлено «сохранение великого наследства, полученного от наших предков, лучшее понимание нашего прошлого и создание нашего будущего» (источник – официальный портал Года турецкого языка <http://turkdiliyili.com>).

В течение 2017 года были организованы различные мероприятия – конкурс «Давайте говорить красиво на нашем красивом турецком языке»; конкурс короткометражных фильмов и конкурс

статей «Наш язык – это наша сущность»; выставка словарей турецкого языка, на которой были представлены около 160 словарей, вышедших в различные годы; выставка книг по тюркологии; выставка книг по истории турецкой литературы.

В различных городах Турции – Стамбуле, Анталье, Эрзуруме, Самсуне, Трабзоне, Мерсине и ряде других – прошли конференции «Наш язык – это наша сущность»; в Стамбуле был организован семинар, посвященный проблемам орфографии и пунктуации современного турецкого языка.

В августе 2017 года вышла серия почтовых марок, посвященных Году турецкого языка. Вместе с Красным крестом Турции была организована кампания «Давайте скажем "стоп" потере крови турецким языком».

Председатель Турецкого лингвистического общества Мустафа Синан Качалин в течение всего 2017 года принял участие в многочисленных теле- и радиопередачах, были опубликованы его статьи в различных периодических изданиях.

Основным научным событием Года турецкого языка стало проведение 8-го международного конгресса тюркских языков в мае 2017 года в Анкаре. В нем приняли участие 266 делегатов из 34 стран. Основная тема конгресса – защита турецкого языка от многочисленных заимствований, в первую очередь, из английского языка и сохранение «чистого» турецкого языка.

Таким образом, можно отметить, что уже почти 100 лет руководство Турции уделяет большое внимание языковой политике.

В. Б. Сафронова

**Франкофония в Канаде:
социолингвистический аспект**

Распространение французского языка в мире обусловлено комплексом различных причин. Это и следствие некогда существовавшей колониальной империи, последствия которой мы можем наблюдать в Северной Африке, а также это результат великого

переселения народов, приведший к появлению большого французского анклава в провинции Квебек, на территории современной Канады. Поступательно развиваясь и последовательно прогрессируя, франкоязычное сообщество Канады уже давно превратилось в самостоятельную, интеллектуальную и культурную единицу.

Однако, за пределами провинции литература, музыка и кино Квебека получили известность, причем довольно широкую чуть более полувека тому назад. Это открытие литературного и художественного таланта канадской провинции совпадает по времени с открытием Квебека как страны, а ее жителей как некоей группы людей, отличающейся от прочих проживающих в Америке своим языком, культурой, традициями. Этому удивительному открытию предшествует целый ряд неожиданных событий: Всемирная выставка в Монреале 1967 года, совпавший с ней по времени визит в Канаду генерала де Голя и его знаменитая фраза «Да здравствует свободный Квебек!», подъем движения индепендантистов (сторонников независимости Квебека) с первых «бомб» 1963 года до октябрьского «кризиса» 1970 г., Олимпийские Игры 1976 года и, наконец, победа Квебекской партии на выборах 15 ноября 1976 года. Вся эта череда обстоятельств создала некую двусмысленность, если не настоящую путаницу в изучение реальной ситуации во «Французской Канаде», Квебеке, и положения ее жителей «Французских канадцев», как они упорно и настойчиво требуют, чтобы их называли. Можно радоваться тому эффекту, который произвели на общественное мнение перечисленные выше факты, но при этом нельзя считать, что именно они откроют миру Квебек во всех его политических, лингвистических и человеческих аспектах.

На первом месте, по сути, стоит вопрос о языке. Не прибегая к истории разговорного французского языка в Квебеке, можно смело говорить о быстрой эволюции лингвистической ситуации в последние десятилетия. Вплоть до начала второй мировой войны, многие иностранцы, будучи проездом в Канаде, с особым удивлением и даже удовольствием отмечали архаичность французского языка этой страны, свойственную лишь некоторым фран-

пузским провинциям (Турэн, Иль де Франс). Лингвистическая ситуация в Квебеке может быть представлена в двойном освещении, о чем говорил в 1885 году историк Виктор дю Блэ: «Отличительной особенностью этого языка является, скорее всего, его архаичность (причем доброкачественная) и защищенность от арго и неологизмов. Это вскоре может привести к тому, что мы вынуждены будем изучать французский Босюэ как мертвый язык. Вместе с тем в этом языке можно встретить много местных англицизмов и варваризмов и это удивляет, поскольку в стране процветает парламентский режим, истинный враг любой литературы.»

Таким образом, автор приведенной выше цитаты указывает в ней на две характерные особенности французского языка в Канаде: присутствие в нем архаичных и диалектных черт и изобилие англицизмов, варваризмов и других форм контаминации. В. дю Блэ указывает на одну из причин такого рода ситуации – парламентаризм, когда провинциальное государство зависит от федерального, что, в свою очередь приводит к многоязычию (полиглотизму), именуемому ныне *билингвизмом*. К билингвизму добавляется *бикультурализм* с целью удлинить и без того двойную правительственную структуру, в которой один из двух, более сильный и многочисленный подавляет другого или ассимилирует его.

Отсюда вывод – старые языковые формы с такой тщательностью, ревностью сохраняемые на протяжении долгого времени «подпорчены» английским языком который их окружает.

Между тем, канадская зависимость Квебека не единственная проблема, поскольку квебекцы напрямую связаны и со страной – основательницей колонии – Францией, а также с франкоязычным сообществом. А посему в основе возникающих время от времени конфликтов, как правило, лежат две проблемы: языковая и культурная. На протяжении долгого времени жители Квебека пытались сохранить все лучшее, что напрямую было связано с Францией: христианские ценности и, конечно же, архаичный язык, долгое время охранявший, по их мнению, Париж от моральной деградации. Именно язык был для них особой формой гордости. Но фран-

пузский язык в Квебеке на протяжении всей своей американской истории тоже постепенно «портился, загрязнялся». И к середине XX века он стал отправной точкой всех тех требований, что выдвигали неонационалисты и индепантантисты, а именно: радикальная приверженность французскому языку Франции или его интернациональному варианту; утверждение автономии или гегемонии разговорного языка в Квебеке, получившего в 60-е годы название жуаль. Оба предложенных варианта указывают на наличие серьезного кризиса, который вполне можно обозначить как врожденный, ведь, по сути, житель Квебека, по своему языку принадлежит к франкоговорящему сообществу, а это означает, что он должен говорить на языке «всех», чтобы быть услышанным. Но с другой стороны, он желает сохранить свою самобытность и с этой целью обращается к языку как средству выражения или отражения своей колониальной зависимости: экономической, политической и культурной. В этом случае язык уже не рассматривается как лингвистическая система, но как инструмент власти, на протяжении двух веков подавлявшей Квебекцев. Отсюда и все недомолвки, выливающиеся подчас в серьезные конфликты и ожесточенные дебаты, относительно французского языка в Квебеке.

Основная литература

1. De Gourmont Remy. Les Canadiens de France. Paris, 1893.
2. Godbout Jacques. Le couteau sur la table. Paris: Éditions du Seuil, 1975.

О. Р. Силаева

Неологизмы в современном английском языке

Неологизм – это слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия. В качестве неологизмов могут также выступать старые, хорошо известные слова, получившие новое значение. Неологизмы часто используются для обозначения изобретений, новых явлений или старых

понятий, оказавшихся в новом культурном контексте. Слово «неологизм» появилось приблизительно в 1800 году и само в то время являлось неологизмом.

Неологизмы обычно появляются в быстро меняющейся культурной среде, где информация быстро и легко распространяется. Они часто образуются при помощи соединения существующих слов, а также присоединением к корням слов необычных или неожиданных суффиксов и префиксов. Неологизмы могут также образовываться при помощи аббревиатур, акронимов и т. н. стяжений (contraction), на пример *smoke + fog = smog*.

Неологизмы быстро входят в язык и становятся популярными при помощи СМИ, сети интернет, *viva voce*.

Вхождение неологизма в язык в качестве полноправной его части зависит от многих факторов, главным из которых, возможно, является принятие его большинством говорящих. Признание неологизма лингвистами и вхождение его в словари также играет в этом процессе не последнюю роль. Важно также, остаётся ли понятие или явление, описываемое данным неологизмом, актуальным.

Однако, неологизм редко становится общеупотребительным словом, если он не имеет сходства с другим, хорошо знакомым словом, имеющим для говорящих особое значение. Когда слово или выражение перестаёт быть «новым», оно перестаёт быть неологизмом. Лингвисты пока не пришли к общему мнению относительно того, насколько «старым» должен стать неологизм, чтобы перестать считаться таковым. Возможно, здесь более важную роль играет принятие данного слова в существующем культурном контексте, чем фактор времени.

Большинство британских лингвистов считают, что появление неологизмов является весьма полезным, они помогают языку расти и меняться. Кроме того, семантическая точность большинства неологизмов, наряду с их простым синтаксисом, часто облегчает понимание для людей, не являющихся носителями языка.

Существует несколько типов неологизмов: *Научные* – слова и выражения, описывающие новые научные открытия. Пример:

quark Технологические – слова и выражения, обозначающие изобретения. Пример: *plugin* Политические – слова и выражения, употребляющиеся в политической риторике. Пример: *youthquake* – бунт молодёжи, молодёжный бунт (слово года 2018) *Поп-культурные* – слова и выражения, пришедшие из медиа-контента или используемые для описания явлений массовой культуры. Пример: *carb* – вредные для здоровья углеводороды. *Заимствованные* – слова и выражения, взятые из другого языка, используемые для обозначения понятий, не имеющих эквивалентного термина на родном языке. Пример: *tusoon* – магнат *Товарные знаки* часто являются неологизмами. Пример: *Kleenex* (ср. Ксерокс в русск. яз.)

Многие неологизмы происходят из популярной литературы. Например, *Generation X* (люди, родившиеся с 1960 по 1965 гг., которые не чувствовали связи с культурными корнями своей страны) из книги Дугласа Коупленда *Generation X: Tales for an Accelerated Culture*. Иногда само имя автора становится неологизмом. Например *Orwellian* (от Джорджа Оруэлла, со ссылкой на его роман *Nineteen Eighty-Four*).

Вот несколько примеров современных неологизмов: *Brexit* – выход Великобритании из состава ЕС; *trumponomics* – экономическая политика президента США Трампа; *alt-right* (*alternative right*) – альтернативные правые (движение сторонников ультраправых взглядов, отвергающих традиционный американский консерватизм); *google* – искать информацию при помощи поисковой системы Google или с помощью любого другого аналогичного средства; *troll* – пользователь интернета, провоцирующий в сети эмоциональную перепалку (чаще всего с переходом на личности); *metrosexual* – мужчина, придающий большое значение своей внешности (физическая форма, одежда, аксессуары) и тратящий на это массу времени и денег; *staycation* – каникулы, отпуск, проведённый дома, в своей стране.

Средства массовой информации играют важную роль в создании и распространении неологизмов. Важно исследовать способы и причины возникновения неологизмов, т. к. с их помощью можно проследивать важные языковые процессы, такие, как процессы

формирования слов. Теоретические выводы исследования говорят о том, что СМИ являются одним из основных видов дискурса, в рамках которого создаются неологизмы, а наиболее часто используемыми структурно-семантическими типами неологизмов являются слова, имеющие новую форму и уже существующее значение.

М. В. Софронов

**Референция в диалектах Центральной
Равнины Китая**

В китайском языке, как и во многих языках изолирующего строя, референция имени нарицательного представляет собой не с единичный предмет, а класс предметов, обозначенных одним и тем же словом. Грамматическим средством индивидуальной идентификации референта является комплекс, состоящий из счетного слова – классификатора / квантификатора в сочетании с числительным или указательным местоимением. Квантификаторы являются стандартными единицами измерения и по содержанию не связаны с референтами. Классификаторы, напротив, связаны с их признаками и свойствами. В национальном языке общий классификатор гэ является служебным словом, которое не содержит указаний на признаки референта соответствующего имени существительного. Специальные классификаторы, напротив, содержат указания на внешнюю форму или иной признак референта. Семантика имени распространяется на классификатор, который может выступать в речи самостоятельно как единица, замещающая любое имя существительное соответствующего класса. Счетный комплекс выступает в роли структурного маркера, создающего грамматическое значение имени существительного от любых единиц с иным грамматическим значением.

В грамматике диалектов Центральной Равнины и соседнего диалектного ареала Цзинь представлена особая подсистема, лежащая в основе устного стиля речи. Эта подсистема хранит черты далекого прошлого китайского языка и помогает раскрыть истоки

общего классификатора гэ- как средства указания на предметную референцию лингвистических единиц китайского языка.

Грамматическое категориальное значение лексических единиц китайского языка определяется в синтаксических конструкциях с грамматически значимым порядком компонентов. Предметная референция выступает как естественная основа выделения имени существительного из нескольких возможных категориальных значений одного и того же слова. Грамматическим средством указания на референтность лексической единицы в диалектах Центральной Равнины являются префиксы при именных и предикативных односложных основах.

В разных частях этой диалектной области насчитывается от трех до восьми таких префиксов, в соседних диалектах Цзинь присутствуют только два. Грамматические функции всех префиксов в принципе одинаковы. Выбор префикса происходит по правилам, требующим отдельного изложения: в любом случае он зависит от качества инициала и слогового гласного основы. В последнем случае нелабиальный слоговой гласный требует в префиксе гласного -э, лабиальный – гласного -у. В примерах, приведенных ниже, используются наиболее частые префиксы бэ-, гэ-, гу-. Словообразовательная функция префиксов состоит в том, что они превращают как именные, так и предикативные односложные основы в двусложные именные единицы с собственной референцией.

Односложные имена существительные способны выступать в речи самостоятельно как односложные слова. При этом их часть выступает в речи только как основа двусложных имен с префиксами: 疙蚪 гэдоу «головастик», 疙蚤 гэцзао «блоха» и т. п. Их основную часть составляют односложные слова без собственного значения: слово ду самостоятельно в речи не выступает, но в сочетании с префиксом гэ- образует двусложное слово гэду 疙都 «кулак» с основой, передаваемой на письме условным знаком – омонимом

со значением «столица». При взаимодействии с префиксом основа сохраняет свое исходное, или приобретает фигуральное метафорическое значение: 星 син «звезда» – 圪星 гэсин «крупинка» или метонимическое значение: 针 чжэнь «игла» – 圪针 гэчжэнь «колочка финикового дерева». Способность имен существительных с префиксами к непосредственному сочетанию с числительными допускает использование счетных комплексов, состоящих из числительного и имен существительных с префиксами, которые выступают как единицы измерения.

Имена существительные с префиксами выступают в актантных позициях субъекта или объекта как обычные имена существительные с собственной референцией. Атрибутивная конструкция состоит из единиц с разными категориальными значениями, собственно атрибутивное отношение которых задано порядком их следования. Смысл префикса здесь состоит в указании на предметную референтность соответствующего члена конструкции. Существительное-определение, обозначающее признак, выступает без префиксов как нереферентное, но определяемое – имя существительное, обозначающее реальный предмет, – всегда выступает с префиксами: 砖圪台 чжуань гэтай «кирпичная ступень», 墓圪堆 му гэдуй «могильный холм». В атрибутивной конструкции с паритивным отношением имя существительное в позиции определения означает целое, имя существительное с префиксом в позиции определяемого обозначает его часть: 瓦圪碴 ва бэча «обломки черепицы» 榆树圪枝 юйшу гэчжи «ветви вяза».

Атрибутивная конструкция с односложным определением-прилагательным и с определяемым-существительным или предикативом с префиксом возможна лишь в ограниченных пределах. Конструкция 热圪瘩 жэ гэда «болезненное состояние (букв. «штука») с высокой температурой» является терминологическим, конструкция 瞎圪捣 ся гэдао «полый беспорядок» – фразеологическим словосочетанием.

Односложные глаголы с префиксами приобретают общее значение отглагольного имени существительного. От глагольных основ со стативной семантикой префикс образует отглагольное имя с реальной предметной референцией: 抓 чжуа «держать в горсти» – 圪抓 гэчжуа «горсть», 截 цзе «резать» – 圪截 «обрезок»: 草圪截 цао гэцзе «объедь» букв. «огрызки травы». От глагольных основ с активной семантикой образуются отглагольные имена со значением соответствующей деятельности, напоминающие герундий индоевропейских языков: 他圪挤佬半天才挤进去 та гэцилао баньтянь цай цицинь цюй «он долго (букв. полдня) (гэ-) проталкивался, и наконец, (без гэ-) протолкнулся внутрь». В герундиальном значении отглагольные имена не допускают никакого глагольного оформления, однако в своем прямом значении в виде однослога и в виде редупликации глаголы с активной семантикой при соответствующем оформлении допускают оформление видо-временным суффиксом -лэ, а также образуют форму однократного действия: 圪搅了圪搅 гэцзяола гэцзяо «перемешал (один) раз» и многократного действия: 你把依圪搜圪搜 ни ба и гэсоу гэсоу «поищи свою одежду».

Односложные относительные прилагательные с префиксом образует отпредикативные имена существительные со значением соответствующего состояния: 晾 лян «сухой, высушенный» – 圪晾 гэлян «усталость».

Односложные качественные прилагательные и глаголы со стативной семантикой с префиксами выступают в грамматических конструкциях в форме редупликаций нескольких видов. Эти прилагательные и глаголы могут выступать как самостоятельные слова, и как единицы речи, не имеющие собственного значения, но приобретающие смысл только в составе редупликации. Редупликации качественных прилагательных с префиксами означают разные степени проявления признака от минимальной: 黄吓哏哏

хуан буцици «нечто желтоватое» до максимальной: 热吓摇摇 жэ бу яояо «нечто с пылу горячее».

Особой функцией префиксов является оформление звукоподражаний, которые в речи представляются как отдельный стандартный слог или как последовательность слогов. Результатом сочетания таких слогов с префиксом является образование, говоря вообще, единицы языка, которой в определенных случаях может быть приписана семантика, и грамматическое значение, которое обычно рассматривается как предикативное.

М. В. Тихонова

**Германистика в историческом
и предметно-методологическом
контексте**

«Германистика – 1) комплекс научных дисциплин, связанных с изучением языков, литературы, истории, материальной и духовной культуры германоязычных народов; 2) область языкознания, занимающаяся исследованием германских языков». [1]

Германские языки – входящая в индоевропейскую языковую семью группа близкородственных языков, на которых говорят сегодня более 600 млн. человек. К современным германским языкам относятся: английский, африкаанс, датский, идиш, исландский, люксембургский, немецкий, нидерландский, норвежский, фарерский, фризский, шведский и др.

Историография германистики включает общие исследования, составляющие основы теоретической германистики, и труды ее основоположников.

В XVII в. возрос интерес германских народов к собственным языкам, к памятникам древней письменности, к обучению на родном языке, к вопросам, связанным с языковым нормированием и формированием литературного языка.

На протяжении XVII–XVIII вв. такие учёные как Дж. Хикс, Ф. Юний, Ю. Г. Шоттель, И. К. Готтшед, И. К. Аделунг и другие

задавали в своих исследованиях направления развития новой науки. В Германии в этот период большое значение приобрела деятельность писателей, грамматистов и лексикографов, которые способствовали формированию немецкого литературного языка и работали над созданием языковых норм.

Благодаря политическим убеждениям и усилиям Я. Гримма и его единомышленников понятие «германистика» (термин из области юриспруденции, относящийся к германскому праву) наполнилось в начале XIX в. новым содержанием – «наука о немецком языке и литературе». [2]

Теоретики индоевропеистики и германской компаративистики Ф. Бопп, Ф. Шлегель, Р. Раск, Я. Гримм, Ф. Потт и другие заложили научные основы сравнительно-исторического языкознания, которое оставалось в XIX в. доминирующим разделом лингвистики.

На качественно новый уровень германистика вышла в конце XIX в. в период расцвета младограмматического движения.

В XX в. происходит перестройка в области теоретического языкознания и германистики в частности, и особая роль в этом принадлежит советским германистам.

Методы изучения германских языков являются отражением и применением на частном материале методов общего языкознания. К традиционным методам относятся сравнительно-историческое и сравнительно-типологическое исследование. Описательные методы дополняются в наши дни экспланаторными и экспандирующими методами.

К современным направлениям в германистике относят лексическую и дискурсивную семантику, лингвистическую прагматику и когнитологию, лингвокультурологию.

В последние годы в результате переосмысления совокупности признаков таких понятий как «язык», «языковая деятельность» германистика рассматривается как часть гуманитаристики и германского культуроведения.

Под германистикой сегодня понимают также целый ансамбль научных дисциплин, предметом изучения которых является немецкий язык, немецкоязычная литература, история и культура немецкоязычных стран в общеевропейском контексте.

В большинстве немецких университетов изучение германистики включает такие основополагающие программные дисциплины как современное немецкое литературоведение, медиевистика, немецкое языкознание, литературоведческая дидактика, преподавание немецкого языка как иностранного и ряд интегрированных курсов, например скандинавистика / нордистика и др. Растет популярность междисциплинарных направлений и программ: «Межкультурная германистика», «German studies», «Культурология» и «Gender studies» на базе германистики.

Основная литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990, 100 с.
2. *Rosenberg R.* Zehn Kapitel zur Geschichte der Germanistik. Berlin, 1981, S. 41–60.

Е. Г. Фролова

Языковая ситуация в мусульманских районах Филиппин и роль образования в ее формировании

Современное положение на юге Филиппин, где традиционно проживают мусульмане, является столь сложным, что его необходимо анализировать с разных точек зрения, включая языковую ситуацию и образовательную политику как часть языковой политики государства. Очевидно, что одной из причин последних трагических событий в регионе является тот факт, что филиппинские мусульмане осознают себя в большей степени мусульманами, чем филиппинцами. Одним из инструментов изменения сложившейся ситуации могла бы стать система образования, которая уже доказала на Филиппинах свою эффективность как способ внедрения новых идей и языков.

Мусульмане составляют около 6% населения Филиппин. Одиннадцать автохтонных языков данного региона имеют более

1 тыс. носителей. Из импортированных языков на юге Филиппин функционируют арабский и английский.

Регион весьма неоднородный и включает в себя от девяти до тринадцати культурно-лингвистических групп, объединенных исламом и арабским языком как языком религии и в целом мусульманской культуры. Сейчас значительную часть местных жителей составляют христиане-мигранты из северных и центральных частей Филиппин, предпочитающие селиться компактно, что способствует сохранению их культурно-языковой принадлежности

Филиппинские мусульмане высоко ценят образование и осознают, что оно является одним из основных легитимных путей к лучшей жизни, однако предпочитают отдавать своих детей в медресе, а не в государственные школы, что объясняется несколькими причинами:

(а) многие мусульмане до сих пор не признают школ с совместным обучением мальчиков и девочек и не принимают идею разделения церкви / мечети и государства;

(б) государственные школы в регионе всегда были катастрофически переполнены и недостаточно оснащены;

(с) в используемых в государственных школах учебниках мусульмане обычно вообще не упоминаются или в них создаются отталкивающие образы мусульман, изображающие их как пиратов, бандитов и грабителей;

(d) в государственных школах языками преподавания являются филиппино и английский и не используются ни автохтонные языки, ни арабский.

На юге Филиппин ни один из местных языков не стал общерегиональным лингва франка. В разных областях региона используются языки других частей архипелага, а именно тагальский, себуано, хилигайнон и илоканский. Вне школы ни английский, ни филиппино не играют никакой роли в повседневной жизни.

Отсутствие общерегионального языка-посредника может объясняться низким уровнем образования местных жителей и слабыми экономическими связями внутри региона. При ускорении экономического развития, ускорятся и интеграционные процессы

в языковой сфере, и тогда один из автохтонных языков может стать региональным лингва франка. Не исключено, что им окажется филипино, внедряемый через систему образования, что будет способствовать более активному участию филиппинских мусульман в общей жизни на архипелаге.

Привлечению мусульман к государственным школам могло бы способствовать признание особой роли арабского языка, который до сих пор не включен в программы, утвержденные министерством образования Филиппин. Кроме того, государству необходимо более тесное сотрудничество со школами-медресе, которые являются частью традиционного исламского образования на юге Филиппин. А более четкое следование официальным программам в отношении выбора языка преподавания, то есть использование местных языков в начальной школе и филипино в средней и высшей, ускорило бы популяризацию филипино как языка-посредника в регионе.

М. Е. Халютина

**Перевод как средство развития
основных видов речевой деятельности
на 4 курсе бакалавриата ИСАА МГУ
имени М. В. Ломоносова**

К какому виду перевода относится Rendering?

Психолингвистическая классификация – зрительно-устный перевод.

Жанрово-лингвистическая классификация – информативный перевод, т. е. перевод текстов научного, делового, общественно-политического характера. **Основная функция** информативного перевода заключается в передаче информации, каких-либо сведений, а не в художественном воздействии. В зависимости от принадлежности оригинала к определённому функциональному стилю различают подвиды, например, публицистический.

На каком материале строится обучение переводу?

Представляется, что работа эта должна строиться преимущественно на текстах общественно-политического, публицистического и художественно-публицистического характера, а также (в части устного перевода) и на материалах бытового характера.

Какова цель занятий по переводу?

1. Занятия по переводу должны преследовать цель пополнения словаря учащихся, обогащения его новыми лексико-фразеологическими единицами.

2. Работа по переводу предоставляет особо благоприятные возможности для овладения синонимикой языка [1].

Точка зрения о том, что на старших курсах вуза можно обходиться без перевода, поскольку студенты знают язык достаточно хорошо, для того чтобы совершенствовать свои языковые знания и умения без посредства родного языка является поверхностной. С ней нельзя согласиться по следующим соображениям:

- во-первых, овладение языком в вузе предполагает нечто большее, нежели развитие умения выражать свои мысли на этом языке. Важно то, как он их выражает, какие языковые средства использует он для выражения своих мыслей, насколько студент владеет всем богатством ресурсов иностранного языка, всем разнообразием средств выражения мысли на этом языке [1];

- во-вторых, перевод, в частности обратный перевод, способствует развитию навыка англоязычного мышления. И те, и другие навыки достаточно востребованы в современной жизни молодых людей. Студенты продвинутых групп постоянно выступают в качестве посредников при приеме иностранных гостей университета или в качестве переводчиков на различных встречах и международных конференциях;

- в-третьих, обсуждение различных вариантов перевода и выбор оптимального варианта из ряда возможных является прекрасным средством овладения стилистическими приемами, свойственными иностранному языку.

Что достигается с точки зрения компетентностного подхода?

Современные исследования представляют **переводческую** компетенцию как совокупность коммуникативной, языковой (лингвистической) и технической (технологической) компетенций. Последнюю из названных можно назвать собственно переводческой [2], которая представляет собой целый комплекс ключевых навыков и умений:

- языковой и речевой навыки употребления и понимания терминов и специальных лексических единиц;
- речевой навык переключения с одного языка на другой;
- умение осуществлять смысловой анализ текста;
- речевое умение находить инварианты исходного текста;
- речевое умение перефразировать.

Языковая компетенция – знание своего языка и иностранного, знания языковых правил и норм.

Коммуникативная компетенция – подразумевает не только владение иностранным языком, но и заведомо продуманный выбор программы речевого поведения.

Социокультурная компетенция или «фоновые знания» – включает в себя знания национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка, их обычаев, этикета, истории и культуры.

Экстралингвистическая компетенция – динамическое единство разноуровневых знаний, т. е. знания об окружающем мире и актуальных событиях. При переводе специально ориентированных текстов необходимо обладать широким научным и культурным кругозором, иметь знания в смежных науках.

Перевод как **вид речевой деятельности** – это вспомогательный вид речевой деятельности необходимый для передачи значения текста средствами другого языка. При переводе говорящий или пишущий всегда имеет дело с конкретными речевыми произведениями, которые он воспроизводит средствами другого языка, с передачей всей совокупности лексико-фразеологических, грамматических и стилистических средств языка в их единстве и взаимодействии, воплощенных в конкретной ткани данного речевого произведения [1].

Основная литература

1. *Бархударов Л. С.* Роль перевода как средства развития устной и письменной речи на старших курсах языкового вуза. Тетради переводчика №3, 1966. [электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/barkhudarov-transl-role.shtml
2. *Подольская И. А., Литвинов А. В.* О проблеме формирования переводческой компетенции у студентов нефилологического профиля обучения [электронный ресурс]. URL: <http://www.nop-dipo.ru/node/271>

Л. В. Хохлова**Семантика «легких» глаголов в языке хинди**

Так называемые «интенсивные глаголы», или «формы категории предельности» (Липеровский 1984), не раз привлекали внимание лингвистов. Эти комплексы образуются сочетанием основы смыслового глагола с частично десемантизированным «векторным», или «легким» глаголом (light verb). Наиболее частотные в списке «легких» глаголов: *lenā* «брать», *denā* «давать», *ānā* «приходить», *jānā* «уходить», *paṛnā* «падать», *uṭhnā* «подниматься», *baiṭhnā* «садиться» и некоторые другие. Если семантически ведущий глагол является предельным, его сочетание с «легким» обозначает завершение действия, при сочетании «легкого» с неопредельным ведущим глаголом маркируется начало действия. Многие авторы подробно анализировали дейктическую функцию «легких» глаголов: так, например, глаголы *ānā* «приходить», *lenā* «брать» обозначают «направленность действия к субъекту», глаголы *jānā* «идти», «уходить» и *denā* «давать» – «направленность действия от субъекта» и т. п. (Hook 1974). Хорошо описаны сочетаемость наиболее частотных смысловых глаголов с «легкими» (Kachru 1980), экспликативная и модифицирующая функции «легких» глаголов, употребление целостных комплексов с отрицаниями (Липеровский 1984).

В данной работе описываются, во-первых, те функции «легких» глаголов в языке хинди, которые до сих пор не привлекали внимание лингвистов, во-вторых, корректируются некоторые

утвердившиеся представления о семантике «интенсивных глаголов», в-третьих, делается попытка проанализировать, какие компоненты семантики глагола, способного к самостоятельному использованию, сохраняются при его употреблении в функции «легкого».

I. Легкие глаголы служат для разрешения полисемии лабильных предикатов, например, *bharnā* 1. ‘наполнять’; 2. ‘наполняться’, ср. *bhar denā* ‘наполнять’; *bhar jānā* ‘наполняться’.

II. Нетипичные сочетания основного и «легкого» глагола корректируют валентность предиката в «имперсональных конструкциях» (термин П. Хука). Например, глагол *mārnā* «бить», как правило, сочетается с переходными глаголами *lenā* «брать» и *denā* «давать». Однако в имперсональных конструкциях употребляется редкое сочетание глагола *mārnā* с непереходным *jānā* «идти», «уходить»:

kyā deś ko lakvā mār gayā hai
 что страна Асс паралич бить идти.Pst.M/Sg быть.Pres.3.Sg
 ‘Что, страну парализовало? – Р. Ноок(www.samaylive.com)

III. Редкие случаи изменения порядка слов, когда «легкий» глагол предшествует основному, служат для маркирования намеренности совершить действие:

bacce ne paṛosī kī khiṛkī par geṇḍ mār
 ребенок Erg сосед Gen окно на мяч.F бить
dī/ de mārī
 давать.Past.F/ давать бить.Past.F
 ‘Мальчик бросил мяч в окно соседей’.

mār dī оставляет признак «намерение» невыраженным: мяч мог попасть в окно случайно, но мог быть брошен намеренно; *de mārī* обозначает, что мальчик бросил мяч нарочно).

IV. Вопреки распространенному среди индологов-лингвистов мнению, что аорист, образованный от интенсивных глаголов, всегда обозначает только завершенное действие, в докладе будет показано, что в некоторых случаях форма аориста от интенсивных глаголов может обозначать незавершенное действие или частичное

изменение объекта. Это возможно при описании гомогенного процесса, который может быть прерван в любом месте и продолжен в дальнейшем, при этом изменения в объекте происходят постепенно:

gītā	ne	gānā	gā	liyā
Гита	Erg	песня.M/Sg	петь	брать.Aor.M/Sg
par	ākhirī	lain	bhūl	gāī
но	последний	строчка	забывать	идти.Aor.F

‘Гита (с)пела песню, но забыла последнюю строчку’

V. Легкие глаголы могут сохранять не только прямые, но и переносные значения основного глагола, от которого они образованы. Например, у *baiṭhnā* «садиться» много метафор с отрицательными коннотациями: «двигаться вниз (о глазах)» = «умирать»; «разоряться (о банках, заводах и т. д.)»; «садиться (о душе)» = «растравиваться и др. В целом «садиться» в функции легкого глагола обозначает внезапность и нежелательность действия.

Основная литература

1. *Липеровский В. П.* Глагол в языке хинди. М.: Наука, 1984.
2. *Hook, P. E.* The compound verb in Hindi. The University of Michigan, 1974.
3. *Kachru, Y.* Aspects of Hindi Grammar. Manohar, 1980.

Л. Э. Шихзаманова

Обратная связь от студентов как вспомогательное средство для подготовки и проведения занятий

Обратная связь от студентов, также известная как фидбэк, имеет особые преимущества, помогает повысить эффективность работы на занятии и раскрывает индивидуальные нужды отдельных студентов, которые необходимо учитывать при работе в группе, состоящей из студентов с разными способностями. Использование опросных листов является одной из наиболее распространённых

ных техник, используемых для сбора информации от студентов об их ожиданиях, потребностях, оценке собственной успеваемости и т. д.

Существуют различные способы получения обратной связи от студентов. Они могут заполнить форму на занятии или онлайн, анонимно или с указанием имени и фамилии, дать устный или письменный отзыв. В данном докладе мы подробно рассмотрим персональный письменный фидбэк от студентов в конце занятия, так как я считаю его наиболее подходящим для работы с группами. Получение обратной связи *на занятии* (5 минут в конце пары) позволяет собрать наиболее актуальную информацию, особенно, если интересуется отзыв о только что проведённом уроке. *Письменная форма* даёт студентам возможность сконцентрироваться на ответе, как следует его обдумать, также этот формат более эффективен в случае с неактивными студентами, которые неохотно высказывают своё мнение в группе. *Фидбэк с указанием имени* студента позволяет узнать больше о его персональных потребностях и переживаниях, что может также быть учтено при подготовке дополнительных заданий для сильных или слабых студентов.

По форме ответа фидбэк от студентов может быть закрытый и открытый. Закрытый формат предполагает выбор из ограниченного числа ответов, например: общие вопросы (да / нет), вопросы с множественным выбором, шкала Ликерта. Открытый формат даёт студентам возможность свободного ответа на предлагаемые вопросы, является более эффективным в отдельных случаях.

Что касается содержания опросных листов, оно варьируется в зависимости от того, какая информация необходима преподавателю в определённом контексте. К примеру, в начале семестра можно собрать фидбэк относительно ожиданий студентов от предлагаемого курса, их оценки собственных сильных и слабых сторон, пожеланий в области типов заданий. Таким образом, учёт их мнений позволит поднять производительность на занятиях и повысить интерес к курсу, а также выбрать наиболее подходящие стратегии проведения занятий. В середине семестра можно провести промежуточный опрос, показывающий, насколько студенты, по их мнению, усвоили пройденный материал. Оценка получен-

ных результатов позволяет выявить наличие проблем до отчётного периода и внести необходимые изменения в план работы на семестр, если требуется. Другой способ – время от времени собирать фидбэк от студентов в конце пары, чтобы понять, насколько был усвоен материал, всё ли было понятно в объяснении, хватило ли времени на отработку материала на практике и т. д.

При составлении опросного листа для обратной связи стоит уделить особое внимание цели: что именно мы хотим получить в результате, и заранее понимать, как эта информация может быть применена в дальнейшей работе с группой. Вопросы должны быть просто и понятно сформулированы, используемый язык должен соответствовать уровню группы. Также можно использовать готовые формы, предлагаемые на сайтах для преподавателей в Интернете, однако необходимо адаптировать их, учитывая выше приведённые рекомендации.

Со стороны студентов, сбор обратной связи вызывает положительную оценку, так как они чувствуют своё активное участие в процессе обучения с точки зрения последующего выбора методов и подходов, а также у них появляется возможность самостоятельно оценить свои успехи и выявить трудности, зная, что их мнение будет учтено. Это повышает эффективность работы и поддерживает позитивную атмосферу в группе.

Основная литература

1. *Scrivener, J.* Learning Teaching. London, Macmillan, 2005.
2. *Davis, B. G.* Tools for Teaching, San Francisco. California, Jossey-Bass Publishers, 1993.

Т. Н. Шихзаманова

К вопросу о методе «погружения»

Среди существующих в настоящее время подходов к обучению иностранным языкам особое место занимает метод «погружения» (language immersion). В отличие от традиционного подхода, в котором язык является предметом обучения, метод «погружения»

предполагает использование иностранного языка как средства обучения. Как аудиторная, так и внеаудиторная работа ведется на иностранном языке. Все современные программы обучения иностранным языкам методом «погружения» восходят к программе, разработанной в Канаде в 60-е гг. XX в., когда англоговорящие родители обратились в органы образования с просьбой создать экспериментальную программу обучения французскому языку с тем, чтобы их дети смогли оценить по достоинству традиции и культуру франкоговорящих канадцев.

Следует различать два вида погружения: immersion и submersion.

Первый вид как метод обучения предполагает наличие в классе учащихся одного уровня владения иностранным языком. Во втором случае один-два учащихся помещаются в класс, состоящий из носителей языка, или, образно выражаясь, их «бросают в воду, чтобы они научились плавать».

Существуют различные программы «погружения» в зависимости от возраста «погружаемых» и степени «погружения».

Различают раннее (начинающееся в 5–6 лет), среднее (в 9–10 лет) и позднее (в 11–14 лет) «погружение».

Что касается степени «погружения», то оно может быть:

1. Полным

Иностранный язык занимает 100 % аудиторного времени. Изучение собственно языка и предметов на иностранном языке интегрированы. Целью является функциональное владение иностранным языком, а также материалом, преподаваемым на иностранном языке. Значительная роль отводится страноведению – учащиеся должны понимать и по достоинству оценивать культуру народа, говорящего на этом языке.

Эти программы характеризуются последовательностью, кумулятивностью, ориентированностью на функциональное владение языком.

2. Частичным

Иностранный язык занимает лишь половину аудиторного времени. Целью является функциональное владение языком (хотя в меньшей степени, чем при полном «погружении») и материалом,

преподаваемым на иностранном языке, а также понимание культуры народа, говорящего на этом иностранном языке.

3. Двусторонним или билингвальным

Если контингент учащихся состоит из носителей двух разных языков, то аудиторное время делится на две части: первая половина урока проводится на одном языке, вторая – на другом. Учащиеся, стараясь, помочь друг другу, естественным образом становятся билингвами.

Следует также упомянуть программы FLES и FLEX.

FLES (обучение иностранному языку в средней школе) предполагает использование 15–50 % аудиторного времени на иностранный язык как таковой и на изучение предметов на английском языке. Целью является приобретение умений и навыков аудирования, говорения, чтения и письма, а также понимание культуры страны изучаемого языка.

FLEX (Foreign Language Experience) предполагает частые регулярные занятия на протяжении короткого периода времени или короткие и/или нечастые занятия на протяжении длительного периода времени. Аудиторная работа почти всегда ведётся на родном языке, лишь 1–5 % времени занимает иностранный язык. Целью данной программы является привитие интереса к иностранному языку для дальнейшего изучения, заучивание отдельных слов и фраз, понимание их на слух, культурологическая информированность и лингвистическая осведомлённость.

Многочисленные исследования в области обучения иностранным языкам методом «погружения» показали, что, хотя учащиеся «раннего погружения» на первом этапе отстают от своих сверстников, носителей языка, в чтении, орфографии и пунктуации, через несколько лет достигают их уровня.

Было также доказано, что обучение иностранным языкам этим методом не имеет негативного влияния на навыки говорения на родном языке, а также когнитивное развитие учащихся.

Литературоведение

Е. О. Акимушкина

**Эволюция жанра *шахрашуб* в поэзии
на фарси и урду XVIII–XIX веков:
творчество Назира Акбарабади**

В настоящем сообщении рассматриваются особенности эволюции жанра *шахрашуб* в поэзии на фарси и урду XVIII–XIX веков, основной акцент сделан на произведениях, написанных в этом жанре Назиром Акбарабади (1735–1830), одним из выдающихся поэтов северо-западной Индии, в творчестве которого можно наблюдать яркие проявления индо-мусульманского культурного синтеза. Несмотря на популярность стихов Назира в Индии, его творчество до сих пор сравнительно мало исследовалось как на его родине, так и за ее пределами (см. работы Н. В. Глебова, А. Д. Зайди). В свете заявленной темы, произведения Назира Акбарабади представляют для нас особый интерес, поскольку, во-первых, поэт писал стихи в жанре *шахрашуб* как на урду, так и на фарси, причем произведения на урду преобладают, во-вторых, количество произведений в изучаемом жанре, по нашим предварительным подсчетам, достигает одной пятой от общего объема его Куллийата (примерно 2,5 тыс. бейтов). Важно определить, какое место стихи Назира Акбарабади в жанре *шахрашуб* занимают среди произведений, созданных в этом жанре на персидском языке в XI–XIX веках, – стихов Масуда Сада Салмана (1046–1121), Мехсити Ганджави (XII в.), Абд ур-Рахмана Джамии (1414–1492), Калима Хамадани (Кашани) (ок. 1593–1650), Сайидо Насафи (ум. ок. 1711) и других поэтов.

Жанр *шахрашуб* представлен в творчестве Назира Акбарабади в двух тематических разновидностях: восхваление красоты и ма-

стерства представителей различных профессий, характерных для города того времени (шире – рассказ о жизни обитателей Дели и Агры), а также описание плачевного положения горожан в связи с разного рода катаклизмами (социально-политическими и экономическими потрясениями, стихийными бедствиями), в более широком смысле это рассказ о бедствии города и страны в целом. В персоязычном творчестве Назира Акбарабади наличествуют исключительно произведения, относящиеся к первой жанровой разновидности. В произведениях, написанных на урду, представлены мотивы *шахрашуб*, относящиеся к обоим жанровым разновидностям, при этом мотивы *шахрашуб* первого типа доминируют. На основании анализа творчества Назира Акбарабади можно предположить, что, создавая свой цикл произведений в жанре *шахрашуб*, он возвращается к «концепции» Сайидо Насафи, восходящей, в свою очередь, к творчеству Масуда Сада Салмана, знаменитого представителя газневидской поэтической школы и фактического основоположника жанра *шахрашуб* в персоязычной поэзии: Назир восхваляет и описывает красоту и атрибуты профессиональной деятельности не только ремесленников и «работников сферы услуг», но и других жителей города, рассказывает о различных городских мероприятиях (ярмарки, празднования мусульманских и индуистских праздников и т. п.). Как и Сайидо, Назир Акбарабади во многом выступает новатором в области топики, формы и метрики. Судя по сборнику стихов, он предпочитает писать свои произведения в жанре *шахрашуб* на урду в строфических формах *мухаммас* и *мусаддас*. Все произведения в жанре *шахрашуб* на фарси им написаны рифмовкой *маснави*.

В дальнейшем нам предстоит проследить взаимосвязь произведений Назира Акбарабади, написанных в жанре *шахрашуб* на урду, с предшествующей поэтической традицией на этом языке, – с аналогичными стихами Мухаммада Шакира Наджи (ум. 1747), Шаха Захир уд-Дина Хатима (1700–1783), Мирзы Сауды (1706–1781), а также проанализировать эволюцию второй тематической разновидности жанра *шахрашуб* в персоязычной традиции.

А. В. Аксенова

Влияние прерафаэлитов на ранний период творчества У. Б. Йейтса

Раннего Уильяма Батлера Йейтса считали непревзойденным лириком. В ту эпоху поэт был творцом поэзии сущностей: небольшие по форме ритмически напряженные стихотворения нередко выражали одну единственную, чрезвычайно насыщенную эмоцию. «Викторианец» по рождению, Йейтс был непримиримым «анти-викторианцем» по воспитанию и собственным литературным вкусам. Он разрушает традиционное представление о монологичности лирики и выбирает форму внутреннего диалога, акцентируя внимание на драматическом дуализме личности.

Отображение двойственности человеческой сути Йейтс видел в поэтах и художниках, участниках прерафаэлитского движения. Родившись в семье художника Джона Батлера Йейтса, он буквально впитывал окружающую его атмосферу утонченной красоты.

Драматический дуализм природы человека связан, в первую очередь, с типом женской красоты, запечатленным на картинах Д. Г. Россетти в образах мечтательных дев. Их главная особенность – совмещение красоты мистической и чувственной. В девственной чистоте ощущалась греховность, в бестелесности – эротичность. Эта двойственность, земное воплощение трансцендентальной идеи Красоты, во многом отвечала культурной ситуации. Чувственные женские образы в ранних стихотворениях Йейтса словно списаны с живописных полотен Россетти.

Чрезмерная «эстетизация» природы прерафаэлитами в конечном итоге приводит к превращению самой жизни в искусство, живого в искусное творение рук человека. Известный художественный критик Уолтер Пейтер (1839–1894) напомнил о введенном Спинозой понятии «сотворенной природы» (*natura naturata*). Согласно Спинозе Природа сама является причиной своего бытия:

«сотворенная природа» совпадает с творящей природой (*natura naturans*), и в качестве таковой она получает дополнительное наименование Бога. Все, что происходит в природе, все ее элементы, все процессы – всё это модусы единой субстанции, связанные каузальной, и только каузальной, связью.

Язык стихотворений Йейтса «Человек, который мечтал о волшебной стране», «Песня скитальца Энгуса» напоминает искусный эклектизм Пейтера, а рассказы «*Rosa Alchemica*» и «Скрижали закона» написаны в традиции Пейтера и О. Уайльда.

«Роза» стала сквозным символом Красоты: у Д. Г. Россети она полна тайного значения, у У. Морриса составляет часть средневековой декорации; в поэтической сказке Уайльда «Соловей и роза» служит аллегорией гибели красоты в прозаическом обществе. У. Б. Йейтс также вынес этот символ в название цикла своих ранних стихов. В них сказалось увлечение Йейтса розенкрейцеровской доктриной, в которой особое значение придавалось розе и кресту, символизирующим обретение чистоты через страдание.

Произведения из поэтических сборников «Роза» 1893, «Ветер в камышах» 1899, наполнены эфемерными образами чувственных мифических дев с распущенными волосами и гибкими телами, а в живописной палитре художника доминируют приглушенные краски и тона.

Однако уже в этих циклах прослеживается определенная оппозиция и неполное совпадение с идеалами прерафаэлитизма: человек по своей природе не единообразен, ему свойственна некая двойственность. Отсюда оксюморонное сочетание Вечной красоты и мук Времени, поиск баланса между обыденным и идеальным.

Основная литература

1. Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX: Проблема взаимодействия литературных эпох / А. П. Саруханян; под ред. А. П. Саруханяна, М. И. Свердлова. М.: ИМЛИ РАН, 2009, 568 с.
2. *Ellmann, Richard Yeats. The Man and the Masks* / Richard Ellmann. London: W.W. Norton and Company, 1978, 336 p.

Е. Бакланова

**Традиционное и новое в тагальской прозе
Макарио Пинеды (1912–1950)**

Макарио Пинеда (1912–1950) – тагалоязычный прозаик сер. XX в., представитель «новой школы тагальского рассказа», в которой на смену сентиментально-дидактической и романтической тенденциям приходит реализм и художественные приемы современной западной литературы. М. Пинеда уже к 1940-м гг. завоевал славу «золотого пера тагальского рассказа» как автор самобытной прозы о филиппинской деревне в мирное время, а также в годы II-й Мировой войны. Его творчеству посвящен ряд работ филиппинских критиков (А. Дисон, С. Рейес). Но в отечественной филиппинистике Пинеда обойден вниманием – исследования и переводы его произведений в печати не выходили. Цель данной работы – дать общую характеристику творчеству М. Пинеды, определить его вклад в развитие тагалоязычной прозы XX в.

1. Тагальская проза (*далее ТП*) в нач. XX в. в своем развитии опирается на испанскую прозу, фольклор и тагальскую романистику, а также англоязычные образцы, ставшие частью образовательной программы, внедренной с нач. 1900-х гг. американскими неокolonизаторами. В 1920-х гг. оформляется жанр рассказа («пионеры» Д. Росарио, А. Афан, С. Панганибан и др.). Подобно тагальским романам нач. XX в. (пера Л. К. Сантоса, В. Э. Пеньи, И. Рега-ладо, Х. К. Бальмаседы), рассказы писались в духе сентиментализма и дидактизма, основной темой была любовь и связанные с ней эмоции; сюжет главенствовал над формой, его развитие часто определялось случаем; в новеллистике заметно влияние Г. де Мопассана, О. Генри, Э. По [San Juan 1974: 95–97].

Приемы западного *нового реализма* рубежа XIX–XX вв., такие как ассоциативные принципы повествования, психологизм, «внутренний монолог», появляются в филиппинской литературе с 1930-х гг. в творчестве «новой школы» англо- и тагалоязычных

писателей, которую возглавило общество «Литература» (А. Абадилья, К. дель Мундо). В числе успешных тагальских прозаиков «новой школы» были Л. Арсео, Б. Батумбакаль, С. Гинигундо, Х. Эдроса-Матуте, М. Пинеда и др.

2. Популярный новеллист, с 1937 г. по 1950 г. М. Пинеда написал ок. 100 рассказов, а также ок. 10 романов (из них доступны 4). Детство на селе (пров. Булакан), работа журналистом в Маниле, партизанский опыт в годы японской оккупации 1942–1945 гг. с ее террором, мародерством в тылу, – все это отразилось в прозе М. Пинеды. В ее основу легло архетипическое противостояние добра и зла, которое раскрывается в 4 темах [подроб. Reyes 1971: 18–22], традиционных для литературы Филиппин нач. XX в.:

1) любовь в разных формах (напр., «Серенада», «Если б в Пинипиге», роман «Небеса любви»), в т. ч. патриотизм как сублимация любви к женщине («Моя родина-филиппинка», роман «Вечный рассвет»);

2) деревня как средоточие жизненной силы и добра vs. город как утрата связи с жизнью, источник зла и пустых иллюзий (напр., «Биография нашей деревни», роман «На небесах, как на земле»);

3) смерть, соединяемая с идеей будущей жизни и перемен («Ради тернового венца», «Каждый увядший цветок»), в т. ч. война как источник смерти физической и духовной («Грабеж в Лонгосе», «С легким сердцем», роман «Миллион песо»);

4) идеализация прошлого Филиппин как основы для совершенствования мироустройства (романы «Айда в наше завтра», «Золото Макилинг» и др.).

Прозе Пинеды, особенно романам, присущи черты *сентиментализма* и *романтизма с элементами реализма*, общие для ТП нач. XX в.; в романе о послевоенном времени «Миллион песо» заметно влияние филиппинского классика к. XIX в. Х. Рисаля. Элементы *костумбризма* в емких описаниях деревенского быта роднят его прозу как с романами нач. XX в., так и с англоязычным творчеством его видного современника Н. В. М. Гонсалеса. При этом в его популярном романе «Золото Макилинг» в романтиче-

ское повествование вплетается *мистицизм*, не характерный для ТП 1 пол. XX в., а «Миллион песо» отмечен *психологизмом* в раскрытии образа главного героя.

3. Основной вклад Пинеды в ТП – его *язык и стилистические приемы нового реализма*. Язык Пинеды отличается простотой, краткостью, стилистической близостью к деревенскому разговорному, отсутствием англоязычных наслоений.

М. Пинеда одним из первых в ТП стал использовать такие *приемы западной литературы*, как: а) невыявленный повествователь «носитель угла зрения» (по Б. О. Корману); б) поэпизодная организация повествования, создание мозаичного эффекта в осмыслении читателем картины произошедшего (влияние У. Д. Стила, Э. Хемингуэя); в) разные типы «внутреннего монолога» героя. Эти приемы наиболее ярко отражены в его лучших рассказах («Соперничество на заливном поле», «Луч на востоке» и др.).

Основная литература

1. Reyes, Soledad S. *Pagpapakilala* / Macario Pineda. Halina Sa Ating Bukas. Manila: St. Paul Publications, 1971, Pp. 17–27.
2. San Juan, Epifanio. *Introduction to Modern Pilipino Literature*. New York: Twayne Publishers, 1974, 234 p.

К. Е. Барабошкин

Классификация литераторов в трактате *Луньхэн* («Весы суждений») Ван Чуна (I в. н. э.)

Литературная мысль Ван Чуна уже становилась объектом рассмотрения (Барабошкин 2015). Теперь же стоит расширить и дополнить имеющуюся классификацию литераторов. Хотя в главах *Чаоци* (О превосходстве и необычности) и *Дуйцзо* (В защиту творчества) обобщаются виды литераторов, однако их различие разбирается поверхностно. Необходимо проследить процесс выделения литераторов из общей массы людей в других главах трактата.

В главе *Чэнцай* (Об измерении таланта), *Лянчжи* (О взвешивании знания), *Седуань* (Признание недостатков) мыслитель говорит о различии между *жушэнами* и гражданскими чиновниками (*вэньли*). Это даёт возможность утверждать, что далеко не всякий труд с точки зрения Ван Чуна может претендовать на звание *вэнь* (литературы).

Сам автор так характеризует этих людей: «*То, что изучают жушэны – Дао, то, что изучают вэньли – дела [управления]*»; «*Жушэны устанавливают основу, а вэньли заведуют [всего лишь] верхушкой*» [Юань Хуачжун, Фан Цзячан 1993: 752]. Получается, Ван Чун разграничивает понятие таланта по области его применения.

В главе *Сяоли* (Об усмотрении (проверке) [истинных] способностей) мыслитель впервые выделяет учёных-литераторов (*вэньжу*), когда пишет, что они превосходят учёных-книжников. Однако *вэньжу* зачастую вообще не стремятся к чиновничьей карьере, а потому бывают забытыми двором. *Вэньли* же бывают очень несведущими в делах литературы и не способны оценить талант по достоинству, привлекая их на службу.

В главе *Бетун* (О различении эрудитов) мыслитель выделяет из массы учёных-литераторов *тунжэней* (эрудитов). Они превосходят всех вышеназванные виды, и потому, если их привлечь к помощи в управлении, то всё государство лишь выиграет. Ван Чун также даёт понять, что распознать *тунжэней* могут одарённые чиновники-меценаты – *вэньли*, сведущие в литературе.

Однако выше всех Ван Чун ставит достойных учёных (*сяньжу*), о которых пишет в главе *Динсянь* (Выявление достойных). В неё же выясняется, что их главное качество – сердечная доброта (*синьшань*). И тут же добавляет, что у действительно достойных «*талант не обязательно высок, но сердце светло, знания не обязательно много, но поступки [их являются] должными*» (Юань Хуачжун, Фан Цзячан 1993: 1699). То есть «достоинство», о которой говорится здесь, относится не к таланту, а к изначальной природе человека, что подробно разбиралось ранее (Барабошкин 2014). Рассуждения об изначальной природе влияют на то, в какой

области и для каких целей будет применён человеком его талант, что поднимает также ранее разбиравшийся вопрос о проблеме красоты и истины, о которой писал ещё Лаоцзы (Семенов 1999: 170).

Подобная классификация помогает увидеть, что понимание литературы и задач литераторов в древнем Китае было значительно сложнее, нежели могло представляться ранее.

Основная литература

1. *Барбошкин К. Е.* Ван Чун (I в. н. э.). Взвешивание суждений. Глава «О превосходстве и необычности» // Перевод и комментарий; Вестник Московского университета (Серия 13: Востоковедение). 2015, № 3, с. 79–91;
2. *Юань Хуачжун, Фан Цзячан.* Перевод «Весов суждений» в трёх томах / Юань Хуачжун, Фан Цзячан // Переводы известных древнекитайских сочинений. Гуйян: Издательство Гуйчжоу Жэньминь Чубаньшэ, 1993, 1861 с.
3. *Семенов И. И.* Лаоцзы. Обрести себя в Дао. М.: Республика, 1999, 448 с.

Л. О. Башелеишвили

Обстоятельственные добродетели и их агиографические истоки

Язык как таковой является достоверным историческим и религиозным источником, средоточием той информации, которая по той или иной причине не отражается в письменных источниках, но «оседает» в идиоматической лексике, помогая расставить все точки над *i*. Грузинский язык чётко «отреагировал» на «обстоятельственные добродетели», придав весьма иронический оттенок таким идиоматическим выражениям, как «насильственное спасение, непреднамеренное спасение и неосознанное спасение» (груз. *zalad sxoneba*), или «спасающий против воли самого спасаемого» (груз. *zalad masxone*). Человек не хочет спасения, быть может, из-за неразумения своего, но его принуждают к этому обстоятельства. И это воспринимается грузинами с большой долей иронии. Симпатии коллективного «Я» народа явно на стороне добровольности,

ведь «вынужденное и насильственное не может быть добродетельно», – писал Григорий Нисский.

Трудно с точностью определить, когда появилось такое ёмкое словосочетание, как *zalad sxoneba*, в народном христианстве, но в агиографии, в том числе и грузинской, есть впечатляющие примеры, доказывающие пользу обстоятельственных добродетелей. Например, в грузинской исторической и агиографической литературе польза принуждения к обстоятельной благодати в деле обращения картвелов расценивается, по сути, как спасение против своей воли. В «Житии Картли», в «Обращении Картли» и в «Житии св. Нино» отмечается, что крещение горцев-язычников имело насильственный характер и против них был направлен «в малости меч». «И взяла [Нино] с собой священника Якоба, прибывшего из Греции, и эристава одного, поехали они и остановились в Цобэни. И призвали горцев: чарталинцев, цилканцев, и проповедовали им Христа. А они ни в какую, и эристав направил на них в малости меч, и из-за страха отдали они им свои идолы для уничтожения. И жители Куарэли, [услышав это] скрылись в Тошэти, но в конце концов их обнаружили, и крестили. Согласно проф. В. М. Лурье, «впервые теоретическое различие двух родов добродетелей» было озвучено египетскими пустынноиками. Сформулировал это различие в 490 г. св. Макарий Юнейший. Как известно, с юношей беседовал св. Палладий, «поместивший затем его рассказ в составленный им “Лавсаик”» (сост. 419–490). История некоего юноши, который, убив своего сверстника, бежал в пустыню, а основанием его спасения (ибо он прославился как подвижник) стало это невольное убийство. В этих кругах, замечает проф. В. М. Лурье, также часто обсуждалась жизнь пророка Моисея (Исх. 2, 12–15), поскольку монахи были уверены, что именно «обстоятельные добродетели» довели Моисея до Синайской горы, т. е. до вершин святости.

Аналогичные рассуждения, согласно В. М. Лурье, прослеживаются и в поучениях Пафнутия Скитского (IV в.), и Иоанна Кассиана. Вопрос о двух добродетелях оказался чрезвычайно острой

дилеммой для Вселенской Церкви. Пафнутий Великий, несомненный авторитет в монашеских кругах, различал «три рода призваний к богоугождению: “непосредственно от Бога”, “через человека” и “от нужды”. Примеры первого – Авраам или преп. Антоний Великий, но наряду с ними и Иуда; в качестве примера второго преп. Пафнутий назвал себя и всех тех, кто последовал примеру преп. Антония; пример третьего – авва Моисей [Мурин]», глава разбойников, т. е. добровольный убийца. Анализируя высказывания старца, учёный приходит к выводу, что для египетских отшельников «существенной разницы между обстоятельствами» не существовало. Мотивы обращения в христианство некоторых грузинских племён насильственным образом и отражение этого факта в литературной агиографии означало то, что для «спасённых против своей воли» было совершено благое деяние, которое открывало им путь к Царствию Небесному. Сочинения грузинских агиографов изобилуют примерами такого рода «Спасение невозможно без нашего произволения, однако наше произволение никогда не имеет инициативы, и в этом смысле добродетели всегда начинаются невольно».

К. Б. Волкова

**Оригинальная адаптация трагедии
У. Шекспира «Отелло» королем
Вачиравудом**

Король Рама VI Вачиравуд (1880–1925 гг.) – крупнейший драматург и основоположник нового театра в Таиланде. Его перу принадлежит около 180 пьес, 143 из которых написаны на тайском и 37 на английском языках. Он стал первым монархом, получившим европейское образование, был поклонником западного искусства, особенно литературы и театра.

Королю Вачиравуду принадлежит ключевая роль в популяризации У. Шекспира в Таиланде (до 1932 г. Сиам). Его ранние пье-

сы относятся к литературным заимствованиям произведений европейской драматургии, в первую очередь, пьес Шекспира – «Венецианский купец», «Ромео и Джульетта», «Двенадцатая ночь». Первым драматическим подражанием стала пьеса «Пхра Ратчавангсан» (1911 г.), сюжет которой автор заимствовал из «Отелло».

В отличие от других стран Юго-Восточной Азии, где вследствие экспансии европейских стран насаждалась западная культура и прежде всего произведения Шекспира, в Таиланде – стране, сумевшей избежать колониальной зависимости и отстоять свою самобытность, с шекспировским наследием была знакома только аристократическая элита.

Вачиравуд стремился сделать тексты своих сочинений доступными массовому зрителю и вывел Шекспира из сферы интересов лишь образованной аристократии, читавшей английского драматурга в оригинале. Это был смелый эксперимент по созданию синтеза «местного» и «иностранный», иными словами, адаптации пьесы для тайской публики.

Известны два теоретических подхода к такого рода заимствованиям: европейский и характерный для литератур с ускоренным развитием. Так, немецкий философ Фридрих Шлейермахер называет такие произведения – переводами, но отмечает два возможных пути адаптации текста: автор перевода либо «подтягивает» своего читателя до адекватного восприятия инонационального произведения, либо приспособливает произведение к рецепции в инонациональной среде.

В пьесе «Пхра Ратчавангсан» Вачиравуд выбрал второй путь – привести писателя к читателю, приспособив текст под театральные вкусы тайской публики.

Традиционно в Таиланде главенствовал танцевальный театр *лакхон*, или, как его часто называют, сиамский балет. И, хотя король был поклонником «разговорного» театра европейского типа, он адаптировал пьесу для танцевальной постановки, привычной тайскому зрителю.

«Пхра Ратчавангсан» – пример умелого приспособления европейских традиций к специфике тайского традиционного театра.

Адаптация «Отелло» почти во всем сохраняет течение шекспировского сюжета, вместе с тем, для облегчения восприятия и усиления сценического впечатления, автор перестраивает пьесу по канонам традиционной тайской драмы, заменяет шекспировские реалии на сиамские, вводит тайские имена персонажей, помещает героев в приемлемые для Сиама сюжетные ситуации. Рама VI в своих адаптациях У. Шекспира использует традиционные тайские стихотворные размеры в качестве связующего звена между «местным» и «иностранным». Пьеса «Пхра Ратчавангсан» была написана излюбленным видом стихосложения Вачиравуда – *клоном*.

«Пхра Ратчавангсан» – пример органичного соединения европейской и национальной специфики, где западный сюжет не вступает в конфликт с традициями танцевального театра. Сочетая в себе инновационные и традиционные черты, адаптация «Отелло» до сих пор пользуется популярностью у тайской публики, большая часть которой не знакома с оригинальным произведением У. Шекспира и считает пьесу короля Вачиравуда самостоятельным произведением.

А. Г. Гурия

Поэт-мятежник в современной поэзии хинди

Тема отношений поэта и мира – одна из сквозных в любой поэзии, в том числе в поэзии хинди второй половины XX – начала XXI в. Образ поэта-мятежника может в ней проявляться по-разному: это может быть и обличитель-борец с социальным злом, и свободный художник, отстаивающий свое право на искусство ради искусства, и просто мыслящий человек, нащупывающий свой путь в новых реалиях городской жизни. Соответственно и его бунт может быть очень разным в своих проявлениях. Линия остросоциальной поэзии была и до сих пор является в поэзии хинди основной. Как реакция на нее во второй половине XX века возникает эксперимен-

тализм, декларирующий свободу поэзии от внелитературных задач. Затем и это движение постепенно изживает себя, его сменяет «новая поэзия»; в стихах большую роль приобретает модернистская проблематика отчуждения. В нынешней же поэзии хинди смешаны элементы, происходящие из разных периодов и направлений; причем у одного поэта в зависимости от выбранной темы могут использоваться разные регистры со своими наборами идей и образных рядов. Перевод стихов ряда поэтов (Вишванатхпрасад Тивари, Судхир Саксена, Лиладхар Мандлои, Кунвар Нараян, Анил Джанвиджай, Нилеш Нил, поэтесса Пушпита Авастхи и др.) дает богатую почву для анализа.

Занимательны оказались и разноприродные корни образа поэта-мятежника: помимо веяний национально-освободительного движения с его патриотической поэзией (и даже идеей социализма), немалое место здесь занимают влияния более старые – и средневековая поэзия *сантов* (напр., Кабир с его философским поиском истины и критикой любого лицемерия), и образ вольнодумца *ринда*, пришедший в Индию из персидской поэзии.

Особый интерес представляет и тот идеал, который противопоставляется бунтующим поэтом противостоящему ему миру. В раннем творчестве поэтов социальной направленности обычно такой стих представляет собой список того хорошего, что будет в новом и прекрасном мире (по структуре – близко к патриотическим песням). Но более проникновенны те стихи, где идеалом выступает не абстрактная утопия, а образы детства, деревенской жизни, простого и пронизанного теплом патриархального мира. Кроме этой общей тенденции есть и особенные, присущие отдельным поэтам образы ценностей – санскритское культурное наследие и гуманистическая философия; сама монументальная фигура борца-бунтаря; всё доброе в мире, что существует вопреки злу; сострадание и кристаллизованная в афористичной форме мудрость и достоинство, нажитые с опытом.

Читая стихи одного поэта разных лет, замечаешь эволюцию его мировосприятия – от юношеского бунта, близкого к идеологии

периода романтизма, – к разочарованию и наконец к примирению с жизнью на тех или иных условиях. К старости у тех, кто начинал с наивных и звучных деклараций, появляются иногда удивительные стихи, в которых отражено пережитое. Особняком здесь стоит монументальная поэма Кунвара Нараяна «Атмаджайи» – «Обуздавший себя»; в образах древнего мифа о Начикете, его грозном отце и боге смерти Яме поэт осмысляет не только отношения молодого мятежника с миром, но и проблему существования смерти, осознание которого заставляет совершенно иначе смотреть и на жизнь.

Тема поэта-мятежника не перестает волновать поэтов и читателей, как и пути выхода из конфликта этого мятежника с действительностью.

Основная литература

1. *Кунвар Нараян*. Цветы дерева ним. М., У Никитских ворот, 2014.
2. *Вишванатхпрасад Тивари*. Жажда жизни. Дели, Шилпайан, 2016.
3. *Лиладхар Мандлои*. И дальше остается океан. Дели, Шилпайан, 2006.

А. А. Давыдова

Принцип «отражения жизни» в понимании Нацумэ Сосэки и его отличия от метода реализма

В XIX веке вместе с открытием страны в Японию начинают проникать новые литературные тенденции. Сентиментализм, романтизм, реализм и натурализм входят в японскую литературу благодаря переложениям и переводам произведений европейской литературы, а также благодаря поиску новых методов изображения и новых тем. Стремление к точному изображению действительности у японских литераторов сделало натурализм одним из самых популярных литературных методов, который обнажал человеческую сущность. Однако со временем позиции стороннего наблюдателя

стало недостаточно, и взгляды писателей обратились к реализму, открывавшему путь к остро социальной критике.

Для докладчика представляет особый интерес вопрос объективного изображения действительности. В отличие от японских прозаиков, поэты *хайку* всегда стремились к этой объективности в передаче момента (нередко хайку сравнивают с набросками). Поэтому понятно, почему реформатор хайку Масаока Сики в конце XIX века, увлечшись живописью, предложил ввести в поэтическую теорию понятие *сясэй* (с кит. «зарисовка», «отражение жизни»). Автор доклада попытается разобраться, с какой целью был введён этот принцип и что конкретно он означает.

Идею учителя подхватил японский писатель, поэт и эссеист Нацумэ Сосэки, который также был литературным критиком и теоретиком. В одном из своих эссе, которое называется *Сясэйбун* («Литература отражения жизни»), Сосэки размышляет на тему ранее упомянутого принципа и предлагает использовать его и в отношении прозы. Тогда возникает вопрос: зачем вводить в теорию прозы термин, эквивалент которого, казалось бы, уже существует (реализм)? В добавок к тому, что эти термины созвучны – они состоят из двух иероглифов и начинаются с одного и того же знака, означающего «отражать», – возникает путаница и в их употреблении. На основе эссе «Литература отражения жизни» докладчик проанализирует содержание термина *сясэй* в контексте прозы и постарается понять, отличается ли он от реализма, и, если да, то каким образом.

Основная литература

1. Дьяконова Е. М. Теория хайку Масаока Сики, изложенная в семи трактатах // Поэтологические памятники Востока: образ, стиль, жанр. 2010, с. 317.
2. Нацумэ Сосэки. Литература отражения жизни. Сясэйбун // Полное собрание сочинений Нацумэ Сосэки. Нацумэ со:сэки дзэнсю: Тикума Бунко, Аозора Бунко. 1988, т. 10. URL: http://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/796_43612.html (дата обращения 10.12.17).
3. Долин А. А. История новой японской поэзии. Гиперион, 2007. URL: http://ru-jp.org/dolin_05.htm (дата обращения 10.12.17).

Ю. С. Ершова

**Изображение виртуальной реальности
в романах индонезийской писательницы
Деви Лестари**

Говоря о современном искусстве, мы видим явную тенденцию его обращения к изображению виртуальной реальности в различных формах. На это указывает, например, то, что многие традиционные виды искусства на данный момент уже имеют электронные версии и аналоги, а также происходит процесс создания произведений сразу в Сети. В связи с этим в эстетике возник новый раздел – виртуалистика, – направленный на изучение нового эстетического опыта и сетевого искусства, а также тенденций их развития. Анализу подвергается виртуальная реальность.

В результате рассмотрения этого феномена как элемента художественно-эстетической сферы была предложена следующая классификация типов виртуальности: естественная виртуальность; паравиртуальная реальность; протовиртуальная реальность; виртуальная реальность; искусство как виртуальная реальность. К естественной виртуальности, например, относится все, что изначально присуще человеческой духовно-психической деятельности и реализуется в сновидениях, мечтах, галлюцинациях, фантазиях, детских играх. «Реальность» наших снов всегда привлекала внимание человека, а в XX в. возник особый интерес к сновиденческим концепциям искусства (З. Фрейд, Ж. Лакан). Напротив, протовиртуальная реальность реализуется в элементах виртуальности, создаваемой с применением компьютерной техники.

Виртуальность и постмодернизм как явления посткультуры находятся во взаимодействии и оперируют общими категориями, создавая симулятивные, часто хаотические миры, с элементами игры. В литературе это находит отражение в сосуществовании реальных и нереальных миров, которые могут свободно сменять друг друга в ризоматическом пространстве постмодернистских художественных произведений.

В серии из шести постмодернистских романов «Супернова» (2001–2016) индонезийской писательницы Деви Лестари виртуальные миры играют важную роль. В каждом из них в том или ином виде имеются отсылки к виртуальной реальности, что в полной мере отвечает отмеченной ранее классификации. Так в заглавном романе виртуальная сеть «оживает» в образе интернет-Мессии Суперновы. В пятой части в сновидениях главного героя реализуется идея естественной виртуальности, вплоть до того, что в какой-то момент становится сложно отличить, где реальный мир, а где мир снов.

Практически в каждом романе имеются отсылки к образу шамана: герои встречают во время своих путешествий помощников, наделенных в той или иной степени признаками шаманов. С их помощью или самостоятельно они употребляют специальные напитки или грибы (например, в четвертом и шестом романе серии) и попадают в некие виртуальные миры, дающие необходимые знания.

В описании виртуальной реальности применяются многие категории, выработанные посткультурой (в рамках авангардно-модернистско-постмодернистского искусства). Виртуалистика оперирует такими понятиями как симулякр, интертекст, деконструкция, пастиш, ризома, ирония и др. Все это необходимые понятия для анализа романов «Супернова».

Данная романная серия реализует в себе концепцию искусства как виртуальной реальности, где весь образно-символический мир восприниматься как своеобразный космос виртуальных миров, и каждый из них по-своему осмысливается конкретным читателем. Таким образом, романы «Супернова» как постмодернистские художественные произведения имеют множество индивидуальных прочтений и текстовых интерпретаций.

Основная литература

1. Бычков В. В. Эстетика. М., 2011.
2. Ершова Ю. С. Творчество современной индонезийской писательницы Деви Лестари: постмодернизм женской прозы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017, т. 3, № 5, с. 23–26.

Н. В. Колесникова

**Новое явление в мировой культуре:
писатели-иммигранты афро-азиатского
происхождения**

В последней четверти XX века в широкой панораме современных литератур появилось своеобразное явление межкультурного и межлитературного синтеза – творчество писателей афро-азиатского происхождения постколониальной волны эмиграции на Запад, создающие свои произведения на языке той страны, которую они выбрали местом своего постоянного обитания. В настоящее время существует пять основных очагов этого культурного феномена: три – в Западной Европе (Великобритания, Франция и Германия) и два – в Северной Америке (США и Канада).

Литераторы-иммигранты восточного происхождения представляют собой пока небольшой, но весьма активный компонент мирового художественного процесса. Два англоязычных представителя этой литературы уже стали лауреатами Нобелевской премии: в 2001 г. – В.С. Найпол (1932 г.р.) и в 2017 г. – Кадзуо Исигуро (1954 г.р.).

Культурный, этнорасовый, социальный «разброс» этих литераторов-иммигрантов очень широк. Но их сближает одно обстоятельство, которое, хотя и не определяет всецело поэтику их творчества, тем не менее, влияет на нее. В формировании их личности – прежде всего, творческой – служили одновременно весьма далекие друг от друга культуры двух цивилизационных комплексов, символически определяемых как «Восток» и «Запад».

Получившие образование в престижных университетах Старого и Нового Света, сформированные его общественной, культурной, бытовой средой, они мыслят и воспринимают мир как люди, проникшиеся западными ценностями. При этом в них сохраняются заложенные с детства социокультурные константы традиции их отцов и дедов, определяющие своеобразие этноса, к которому они принадлежат.

Однако оригинальность этих афро-азиатских иммигрантов заключается в том, что присущие им ипостаси не являются ни подчиненными, ни вторичными по отношению друг к другу. Западное начало и культурный пласт, связанный с восточным наследием, в них не просто соприкасаются, а, тесно переплетаясь, образуют в высшей степени органическое единство, в котором порой бывает невозможно отделить данное судьбой по рождению или приобретенное по образованию.

Художественные произведения, возникшие в «недрах» западной литературы, но созданные иммигрантами афро-азиатского происхождения, порождают естественный вопрос о соотношении текстов писателей с той или иной человеческой общностью. Следуя инерции мышления, по-прежнему определяющей национальную принадлежность художника слова, исследователи (как зарубежные, так и отечественные) исходят из территориального и/или языкового признака, рассматривая творчество этих авторов в «ячейках» отдельных национальных литератур.

Одни исследователи называют их западными прозаиками, потому что они создают свои произведения на европейских языках, и по всем внешним признакам их проза является образцом западной литературы. Однако эти писатели-иммигранты не вписываются в «западный мейнстрим». Учитывая «быт и бытие иммигранта», у них словно другое зрение, другой слух, иная каденция речи.

Другие считают их представителями пестрого мира Востока, поскольку они являются носителями культурной традиции своих отцов и дедов. Но литераторы-иммигранты не вмещаются и в восточную «рамку». Унаследованная от прародителей традиция, присутствуя в их сознании, мироощущении и творчестве, во многом трансформирована временем и пространством. У них – другой исторический опыт, свои особенности формирования и условия существования и поэтому иное отношение к этой традиции.

Эти писатели-иммигранты афро-азиатского происхождения не поддаются однозначной «классификации» по национальному, территориальному или языковому признаку. Они и Восток, и Запад, и

в то же время в полной мере не относятся ни к тому, ни к другому. Вот что сказал по этому поводу в своей книге «Вымышленная родина» Салман Рушди (1947 г.р.) – самый, пожалуй, знаменитый представитель этой литературы: «Мы – индусы, которые переплыли через черные воды; мы – мусульмане, которые едят свинину...»¹.

Эти писатели афро-азиатской волны постколониальной иммиграции являются олицетворением новой реальности, в которой национальная модель все больше уступает место глобальному мировому пространству, процессам транскультурации и более гибким иерархиям. Их художественное творчество представляет собой новое явление в мировой культуре и является наиболее очевидным образцом интеграционных процессов, происходящих в современном мире.

Основная литература

1. *Rushdie S. Imaginary Homelands: Essays and Criticism, 1981–1991.* L., 1992, p. 15.

Е. С. Кукушкина

Творчество Бидина Субари: начало и конец реализма в малайской драматургии?

Литература Малайзии представляет собой пример современной словесности ускоренного развития, и к драматургии это относится больше, чем к какому-либо другому литературному роду. Она зародилась лишь в середине XX в., и ее история представляет собой стремительную смену, а нередко сосуществование разных методов и течений. В течение пяти – десяти лет облик малайской сцены разительно менялся. Театр 1950-х годов был еще сильно связан с народными и переходными зрелищными формами, а в первой половине 1960-х возникло направление, красноречиво названное *современным театром (teater moden)* и тяготевшее к реализму. Уже на рубеже 1970-х у *современного театра* появляется оппо-

нент в лице т. н. *театра своего времени* (*teater kontemporari*), объединяющего спектр течений, которые условно можно обозначить как авангардные.

Подобная «спрессованность» литературного развития требует особого внимания при определении поворотных моментов, когда происходила смена художественных приоритетов и принципов. Представляется, что творчество Бидина Субари (1937–2001), писавшего под псевдонимом Малина Манджа, демонстрирует признаки именно такой переходности.

Бидин начал писать для сцены в середине 1960-х годов, когда в зените славы был главный идеолог *современного театра* Кала Девата (Мустафа Камил Яссин, 1925–2011). Стремясь к точному отражению действительности в своих произведениях, Кала Девата на деле был еще во многом связан с эстетикой традиционного театра. Это выразилось в черно-белых образах персонажей, в обязательных счастливых развязках, в присутствии комедийных героев, тесно связанных со стихией народных зрелищ и т. д.

Бидин Субари в значительной мере преодолел анахронизмы, присущие *современному театру*. Его пьесы во многом стали новым явлением для драматургии Малайзии. Бидин приводит некоторые свои сюжеты не просто к тупику, но иногда к трагедии, отвергая счастливый конец. У него могут полностью отсутствовать положительные персонажи. Смеховое начало в пьесах Бидина сохраняется, однако его носителями более не выступают специальные герои-комики. Практически все, кто появляется на сцене, ведут себя смехотворно.

С одной стороны, этими нововведениями писатель сильно ослабил влияние традиции на драматические произведения, сделав их более реалистическими, чем это удавалось его предшественникам. Его пьесы написаны на жизненные темы, дают достоверные картины повседневности, его герои говорят на сочном разговорном языке и ярко характеризуются через авторские ремарки и диалоги. Однако с другой стороны, в этих пьесах можно усмотреть и намек на движение в сторону постреалистических эксперимен-

тов, которые активно начали на малайской сцене представители *театра своего времени*.

Отсутствие положительного героя лишает пьесы идейного стержня. Неслучайно развязка как таковая может не наступить – например, пьеса закончится потасовкой запутавшихся персонажей, которым так и не удалось решить ни один вопрос. Их поведение часто абсурдно. Сюжет на первый взгляд забавен, но нагромождение нелепых поступков в итоге создает впечатление безысходности, а иногда приводит к гибели героя. По справедливому мнению критиков, смех у Бидина Субари скорее горький, иногда циничный, а картина мира в его произведениях мрачна и часто смутна. Эта сторона творчества литератора роднит его уже не с реалистическим сегментом драматургии Малайзии, а с новыми для нее абсурдистскими и сюрреалистическими тенденциями.

Таким образом, в творчестве Бидина Субари взаимодействуют две художественные доминанты, превращая его в связующее звено между двумя литературными эпохами.

Основная литература

1. Кукушкина Е. С. К проблеме исторической преемственности комического в малайской театральной и литературной традиции: образы слуг-шутов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016, т. 32 (XXXII), с. 170–185.
2. *Malina Manja*. Ayam Jantan Ayam Betina // Malay Literature. 1995, Vol. 8, № 1, P. 102–263.
3. *Solehah Ishak*. The Cockerel and the Hen: Bidin Subari's Reflection of a Brave New World // Malay Literature. 1995, Vol. 8, № 1, P. 264–279.

С. В. Никольская

Феномен заглавия в современной китайской литературе

Заглавие любого произведения неотделимо от текста, но является при этом самостоятельной единицей, несущей о нем информацию.

До сих пор феномен заглавия практически не изучен, хотя о необходимости обратить на него особое внимание заговорили еще в первой трети XX в. применительно к русской литературе. Одним из первооткрывателей этой проблемы стал С. Кржижановский, автор работы «Поэтика заглавий» (1931 г.) [1], основные положения которой разрабатываются современными русистами. Он призывал организовать единый фронт системного изучения заглавия как одной из главных частей художественного произведения. С. Кржижановский называл книгу развернутым до конца заглавием, а заглавие – свернутой до нескольких слов книгой, представлял заглавие важнейшим компонентом композиции, элементом текста и художественно отобранным материалом, определяющим адресованность данного текста конкретному читателю.

Позднее был очерчен круг проблем, связанных с заглавием: следует установить статус, функции и соотношение названия со структурой текста. Так заглавие стало объектом исследования лингвистов, для которых наибольший интерес представлял вопрос о функции заглавия. В первую очередь обращали внимание на номинативную и разделительную функции, ведь тексту надо дать название и выделить из окружающего пространства. Информативная и экспрессивно-апеллятивная функции готовят читателя к восприятию текста, рекламная привлекает к нему внимание.

Заглавия художественных произведений имеют не только явный, но и скрытый смысл. Одни становятся понятными при анализе текста, другие так и остаются загадкой. Особую трудность представляет перевод заглавий. Переводчики китайской литературы иногда вынуждены прибегать к «расшифровке» названия, но тогда оно отражает уже позицию переводчика, а не самого автора. «Удобный» для русского читателя перевод заглавия не всегда соответствует оригиналу. Некоторые названия китайских произведений лаконичны, но многозначны, и найти русский эквивалент практически невозможно.

Выделим несколько моделей заглавий современных китайских рассказов и повестей.

1. Описательная модель, раскрывающая общие контуры сюжета. Юй Хуа «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» («Xu Sanguan mai xue ji»), Цзян Цзылун «Цяо вступает в должность директора завода» («Qiao changzhang shangren ji»). Традиция подобных названий уходит корнями в средневековье.

2. Именная модель, сформированная антропонимом или топонимом. Сюй Кунь «Нюйва», Гу Хуа «Фужунчжэнь». Этот вариант представляет большую трудность для переводчиков, потому что такие названия ничего не говорят иноязычному читателю и не привлекут его внимание.

3. Формульная модель, в основе которой лежит важный символ, отражающий основную проблематику. Чжан Сяньлян «Душа и плоть» («Ling yu gou»), Лю Ичан «Рай и ад» («Tiantang yu diyu»).

4. Афористическая модель, в которой название – это устойчивое словосочетание (чэньюй), пословица или цитата из известного произведения. Чэнь Даньянь «Чувства, как волны» («Xin dong ru shui»), Юй Хуа «Мирские дела, как дым» («Shi shi ru yan»).

5. Концептуальная модель, выражающая внутреннее содержание текста, понятное только при чтении произведения. Мо Янь «Красный гаолян» («Hong gaoliang»), Су Тун «Рис» («Mi»), Чжан Цзе «Тяжелые крылья» («Chenzhongde chibang»). Две последние модели заглавий, на первый взгляд, не так сложны для перевода, но требуют внимательного отношения к самому тексту. Читателю надо обозначить «маркеры», расставленные автором для понимания идеи произведения.

Выбор заглавия – ответственный момент для писателя, ведь удачное название может привлечь внимание и обеспечить произведению успех.

Несмотря на разнообразие моделей и типов заглавий, их объединяет одно – они раскрываются постепенно и являются своеобразными путеводителями по тексту.

Основная литература

1. *Кржижановский С.* Поэтика заглавий «Никитинские субботники». М., 1931.
2. www.padaread.com

Е. А. Оганова

Проблема страха в современной турецкой драматургии

Среди произведений современной турецкой драматургии, в которых проблема страха является центральной, наиболее интересными с художественно-эстетической и философской точек зрения являются пьесы «Страх» (Korku, 1956) Орхана Асены, «Коконь» (Kozalar, 1971) Адалет Агаоглу и «Лавина» (Çığ, 2002) Тунджера Джюдженоглу, рассмотрению которых и посвящен данный доклад.

Для всех трех пьес характерно отсутствие определенного хронотопа, персонажи не названы, тем самым драматурги выводят проблему страха в них на уровень общечеловеческого явления, не связывая его с определенными социально-экономическими, политическими и пр. обстоятельствами. В пьесе О. Асены проблема страха рассматривается в реалистическом ключе, А. Агаоглу – в гротескно-фантазмагорическом, Т. Джюдженоглу – в аллегорическом.

Проблема страха в одноименной пьесе классика турецкой драматургии О. Асены встроена в контекст исследования драматургом проблемы лидерства и сопряженным с ней нравственно-философским, психологическим и социальным метаморфозам личности и общества, являющихся стержневыми во всем творчестве писателя. В анализируемой пьесе О. Асена исследует чудовищные психологические трансформации лидера (Он) некоей тайной организации, находящейся на грани разгрома. На Него объявлена охота, Он тяжело ранен, вынужден прятаться в доме Женщины, которая беззаветно Его любит. В течение пяти драматически насыщенных действий мы наблюдаем за тем, как чувство страха убивает в Нем все те качества, благодаря которым Он повел за собой народ, заставил поверить Ему – в такой степени, что члены тайной организации даже готовы принять смерть, чтобы спасти Его. Драматизм ситуации достигает крайней точки, когда Он готов пойти даже на то, чтобы его Женщину изнасиловали. Женщина принимает единственно верное с ее точки зрения решение – убить Его, чтобы его имя не ассоциировалось с такими мелкими чув-

ствами и устремлениями, которые обуяли Его в последние дни жизни, чтобы его доброе имя не было запятнано этим мерзким липким страхом, который полностью парализовал Его, превратил в жалкое существо. В финале пьесы Женщина убивает Его, с согласия Его матери. В пьесе проблема страха исследуется многопланово: страх Его быть уничтоженным физически, страх Ее быть изнасилованной, страх Матери, что имя ее сына будет обесславлено – страх, который оказывается сильнее природного страха потерять ребенка, и т. д.

В пьесе А. Агаоглу «Коконь» анализируется проблема страха человека перед окружающим его миром, полным агрессии, насилия, в котором таятся нескончаемые угрозы: «ужасы» усиливаются за счет средств массовой информации, с удовольствием муссирующих то или иное отрицательное происшествие – преимущественно такими событиями и наполнен их эфир. Три женщины, коротающие время в общении друг с другом, в своей беседе переключаются с одной темы на другую (от бытовых обстоятельств, до проблем безопасности дома, от атакующих вирусов и бактерий до ужасающих привычек современных детей). Каждая следующая тема, каждый поворот разговора усиливает их страх перед окружающим миром, показывает их духовную пустоту, зияющие черными дырами души. В конце пьесы все три женщины превращаются в коконы – концентрированный символ отчуждения, отстранения человека и от всего того, что происходит во внешнем мире, и от общения с другими людьми, а также символ их внутреннего «выхолащивания».

Пустые, «зашоренные» персонажи пьесы «Коконь», покорно «отупляющиеся» и превращающиеся в неврастеников под влиянием СМИ, производят на читателя (и в особенности на зрителя) тягостное впечатление. Пьеса Т. Джюдженоглу «Лавина», напротив, – жизнеутверждающий гимн победы человека над своими страхами (такой вызов, правда, решаются принять далеко не все персонажи пьесы).

По собственному признанию Джюдженоглу, идея написать пьесу «Лавина» пришла к нему после разговора с известным турецким режиссером Юсуфом Курченли, который поведал писате-

лю о том, что в «Восточной Анатолии, в селении, окруженном со всех сторон массивами гор, местные жители громко не разговаривают, не смеются, не производят ни малейшего шума, потому что звуковые волны могут вызвать сход снежных лавин», и только три месяца в году люди могут выплескивать наружу свои эмоции. Оттолкнувшись от этого рассказа, драматург создает поистине оригинальную пьесу-аллегию (жанр пьесы означен как пьеса-притча), держащую читателя / зрителя в колоссальном напряжении от первой до последней реплики. Основной пафос пьесы можно свести к вопросу самого драматурга, заданного им в предисловии к пьесе: «Лавина – это не только природное явление... может быть, это порождение страха в наших умах...». Страх является центральной нравственной категорией в пьесе, и каждый персонаж пьесы иллюстрирует свое отношение к нему.

Сюжет пьесы строится вокруг преждевременных родов женщины, которую по законам расположенного в горах поселка должны убить до того, как она родит ребеночка, чтобы крик новорожденного не спровоцировал сход лавин.

Отмечу, что пьеса «Лавина» является одной из самых популярных пьес турецкой драматургии, которая ставится во многих странах мира, в том числе в России (более чем 20 постановок), странах постсоветского пространства (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и пр.), балканских странах (Сербия, Болгария, Греция и пр.).

К. Т. Осипова

**Искусство красноречивых высказываний
на примере трактатов ал-Вашиш' «Китаб
ал-мувашиш» и «Китаб ал-фадил»¹**

Средневековая арабская культура хорошо известна трепетным отношением к Слову. В многочисленных рассуждениях крупных фи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Категория прекрасного в арабской литературной традиции» № 16-34-01055.

ологов о красоте речи отмечалась необходимость ясно и звучно формулировать мысль.

Багдадский филолог, знаток исторических преданий и теоретик утонченного поведения Мухаммад ибн Ахмада ал-Вашша' (255 / 869 – 325 / 937) неоднократно призывал «взвешивать каждое слово и отсекал все лишнее». Его перу принадлежало около 20 трудов об изысканности в манерах и речи, из которых до нас дошло четыре. На примере двух изданных трактатов мы рассмотрим рекомендации автора по искусству красноречия и разберем приводимые им образцы высказываний.

«Китаб ал-Мувашша» («Книга расшитого пояса») – самое знаменитое произведение автора. В 56 главах ал-Вашша' последовательно говорит о должном поведении (*адаб*), благородстве (*мурувва*) и утонченности (*зарф*). Теоретические размышления и предписания снабжены большим количеством метких изречений, изящных стихов, поучительных анекдотов. В начале трактата несколько страниц отводится теме рассудительности, умению молчать, контролировать свою речь, ответственно подбирать каждое слово и прислушиваться к мудрым речам других людей. *Зариф* – эlegantный и образованный человек – отличается четырьмя качествами: ясностью изречения, красноречием, целомудрием и воздержанием. Примерами ораторского мастерства выступают фразы в переписке друзей и влюбленных, надписи на перстнях, фруктах, подолах и краях одежды, а также на предметах быта (сосудах, музыкальных инструментах, каламе, монетах), в декоре интерьера. Особенно хороши лаконичные рифмованные изречения на перстнях (напр.: *al-qanā'a kheyrun min aḍ-ḍarā'a* «лучше довольствоваться малым, чем осаждать просьбами», *al-firār qabla-l-ḥiṣār* «убегай, пока не оказался в осаде»). Рафинированный человек следит не только за внешностью, но и за речью. Сила слова встречается и в другом контексте: роковые женщины могут воскресить речами после того, как поразили взглядом.

Другой трактат «Китаб ал-фадил» («Книга достойного») является скорее сборником уместных метких изречений. В 45 главах подобраны риторические высказывания (*balāghāt*) в соответствии

с различными жизненными ситуациями, темами и социальными группами. Всех их объединяют красноречивость и краткость. Сама же книга, по признанию автора, призвана стать альтернативой собеседнику и сотрапезнику для того, кто «разочаровался в людях, потерял интерес в окружении и устал от гордыни и грубости».

Основная литература

1. Al-Washsha'. Kitāb al-Muwashshā, R. E. Brünnov (ed.), Leiden 1886; Fahmī Sa'd (ed.), Beirut, 1985.
2. Al-Washsha'. Kitāb al-Fāḍil fī ṣifat al-adab al-kāmil, Y.W. al-Jubūrī (ed.), Beirut, 1991.

М. К. Поспелова

Жанр «Стихотворение в прозе» в литературе Китая. Первые десятилетия XX века

Стихотворения в прозе как жанр (именно под названием «саньвэньши», буквально – «эссеистические стихотворения») стал известен в Китае в первую очередь благодаря переводческой деятельности литератора Лю Баньнуна, который впервые познакомил китайского читателя со стихотворениями в прозе Р. Тагора и И. С. Тургенева (в 1918 г. в журнале «Новая молодежь»). До Лю Баньнуна иностранная поэзия уже переводилась китайскими литераторами и в конце XIX века, однако, внимание переводчики уделяли рифмованной французской и немецкой поэзии (в статьях китайские ученые предпочитают соотносить такую поэзию с «гэлюйши», т. е. проводится параллель с «уставным стихом», одним из традиционных жанров китайской классической поэзии, что и определяло особенности перевода тех произведений на китайский язык). Интерес к новой поэтической форме – «стихотворению в прозе», кажется вполне оправданным в годы поиска «нового литературного языка» – ведь публикации переводов Лю Баньнуна приходятся как раз на канун литературной революции –

движения 4-го мая – а новая форма предлагала освобождение от пут традиционного стиха, не теряя описательного и рефлексивного начала эссе [Го Яньли].

Одним из зачинателей жанра в Китае по праву считают Лу Синя (1881–1936). Ещё в 1918 году Лу Синем были опубликованы первые «пробы пера» в жанре «стихотворения в прозе»: то были семь прозапоэтических миниатюр, объединённых названием «Разговор с самим собой» («Цзыянь цзыюй»), однако, возможно, сам автор был не вполне доволен тем, каким вышел сборник: те стихотворения в прозе Лу Синя довольно долгое время не включал ни в одно из своих последующих собраний произведений. В 1926 году был опубликован сборник «Дикие травы», включающий в себя 24 произведения, на первый взгляд разноплановых с точки зрения формы, объединённых предисловием (написанным уже позже – в 1927 году) [Лу Синь. Избранные произведения].

Литераторы, изучающие творчество Лу Синя, прежде всего задаются вопросом: какие авторы и произведения оказали влияние на писателя? Существует точка зрения, что исток «веяний», несомненно, сыгравших роль в формировании «Диких трав», следует искать во французской литературе XIX века – а именно в сборнике стихотворений в прозе Шарля Бодлера «Парижский сплин». Трудно говорить о непосредственном влиянии – ведь ко времени написания Лу Синем «Диких трав» стихотворения «Парижского сплина» не были в полной мере переведены на китайский язык [Цинь Чжаоцзи]. Однако, подтверждение подобная точка зрения находит даже в довольно ранних работах: например, об этом ещё в 30-х гг. XX века говорил Ли Субо (1908–1937 – поэт, эссеист, литератор) в статье «О прозаических миниатюрах-сяопиньвэнь» («Сяопиньвэнь яньцзю»): говоря об отточенной форме и тщательной работе с языком произведений и меланхолическом, трагедийном настроении произведений, он соотносит «Дикие травы» Лу Синя и «Парижский сплин» Бодлера, видя очевидное сходство общей атмосферы некоторой безнадежности, подавленности от ощущения разрушенных надежд [Чжунго сяньдай сяопиньвэнь кайточжэ – Ли Субо].

Также существует точка зрения о другом источнике влияния на Лу Синя – «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева. Некото-

рые исследователи обращают внимание не только на общий меланхоличный, даже пессимистичный фон произведений, объединенных в сборники у двоих авторов, но и на некоторые тематические и композиционные переключки отдельных стихотворений в прозе, таких, как «Чернорабочий и белоручка» Тургенева и «Умный, дурак и раб» Лу Синя [Сайна]. Тревога о нравственном состоянии современного общества, о безысходности и отчаянии, буквально витающих в воздухе, переход в сон как сверхчувственный уровень осмысления реальности, составляют канву как «Стихотворений в прозе», так и «Диких трав».

Вопрос о происхождении жанра «саньвэньши» остается открытым: хоть и существует точка зрения о том, что, казалось бы, новый жанр – это «хорошо забытый» старый – а именно ода «фу» или «вэньфу» (прозаическая или свободная ода), тем не менее, более целесообразным кажется искать истоки жанра не только в китайской литературной традиции, но и в мировой, а также сделать вывод, что жанр в его современном виде начал формироваться в 20-е годы XX века, а сборник стихотворений в прозе «Дикие травы» Лу Синя – важнейшая ступень этого формирования, повлиявшая на развитие «эссе в стихах» в китайской литературной традиции в дальнейшем.

Основная литература

1. *Го Яньли*. Лю Баньнун юй саньвэньши фаньи. Цзинянь Лю Баньнун шиши 70 чжоунянь (Лю Баньнун и перевод стихотворений в прозе. На 70-ю годовщину смерти Лю Баньнуна) [электронный ресурс]. URL: <http://news.xinhuanet.com/book/2004-04/27/>
2. *Лу Синь*. Избранные произведения / Сост. С. Хохлова, Вступит. статья Л. Эйдлина. М., 1981.
3. Сайна. Стихотворения в прозе И.С. Тургенева и творчество Лу Синя // Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы. Сборник материалов. М., 2017.
4. *Цинь Чжаоцзи*. Ецао сяньсян таньюань цун Бали юючжун чэнси дэ (Поиск истоков «Диких трав» – преемственность по отношению к «Парижскому сплину») [электронный ресурс]. URL: <http://www.cqvip.com/qk/89728x/201207/1003417606.html>
5. Чжунго сяньдай сяопиньвэнь кайточжэ – Ли Субо (Ли Субо – первопроходец жанра современных «сяопиньвэнь» (прозаических миниатюр))

тью) [электронный ресурс]. URL: <http://www.qdcoo.com/list.asp?id=2057>

М. Л. Рейснер

Романические истории в религиозно-мистических поэмах Фарид ад-Дина ‘Атгара (XII в.)

В истории персидской классической литературы XI и XII век ознаменовались бурным развитием романического эпоса. Широкое распространение получили поэмы-*маснави* о любви, в которых разрабатывались и местные персидские, и заимствованные – арабские и греческие сюжеты. Складывание канона любовно-романической поэмы связано с именем Низами, в чьем творчестве была закреплена концепция индивидуальной любви, положенная в основу данного типа *маснави*. На XII век приходится также становление суфийской дидактической и аллегорической поэмы, обязанной своим появлением Санаи и ‘Атгару.

Поэмы «Язык птиц» (*Мантик ат-тайр*) и «Божественная книга» (*Илахи-нама*), сложенные Фарид ад-Дином ‘Атгаром как обранные повести, наряду с назидательными вставными притчами, содержат рассказы о любви, служившие выражением мистического опыта богоискательства. Некоторые из них представляют собой сюжетно развитые повествования, в которых прослеживается влияние любовно-романической поэмы с характерным набором её жанровых клише. Среди таких рассказов, включенных в *маснави* «Язык птиц», популярна история любви благочестивого шейха Сан‘ана к красавице-христианке. Под названием «Аскет и христианка» (*Парса у тарса*) её неоднократно публиковали в Иране отдельным изданием, т. е. она воспринималась как самостоятельный образец любовной аллегорической поэмы.

В истории, рассказанной ‘Атгаром, обнаруживается ряд типичных мотивов, указывающих на то, что свою аллегорическую повесть автор создавал под впечатлением любовно-романических *маснави*: 1) мотив сна как завязка любовного сюжета; 2) мотив

самопожертвования ради любви; 3) мотив преображающей силы любви. Аллегорический сон главного героя о поклонении идолам при всём своеобразии представляет собой одну из реализаций устойчивого мотива заочной влюбленности, варьировавшегося в классических поэмах о любви: Ширин у Низами влюбляется в Хусрава, увидев его изображение на портрете, а Бахрам Гур находит в тайной комнате дворца портреты семи красавиц, у Джами Зулайха трижды видит во сне красавца Йусуфа и влюбляется в него. Мотив самопожертвования в любви, также имеющий специфическую трактовку у 'Аттара, тем не менее, может быть соотнесен с подвигами каменотеса Фархада во имя любви к Ширин в поэме Низами. Подвиги шейха не требуют богатырских усилий, но не менее впечатляющи, поскольку он преодолевает религиозные препятствия, лежащие на пути его любви, совершая духовное самопожертвование. Любовь шейха Сан'ана ведёт к преображению героини, которая сначала подвергает его испытаниям (заставляет отказаться от собственной веры, пить вино, пасти свиней), но затем, постигнув силу его чувства, сама обращается на путь истинной веры.

Еще один вариант любовно-романического сюжета включен в качестве вставного рассказа в поэму 'Аттара «Божественная книга» (*Илахи-нама*). Он носит название «Об эмире Балха и о том, как влюбилась его дочь» и помещается в главе 21. Это повесть о любви поэтессы, современницы Рудаки, Раби'и Куздари, известной под прозвищем «Краса арабов» (*Зайн ал-'араб*), к рабу её брата, хранителю казны по имени Бекташ. Повесть сконструирована по образцу 'узритских преданий о любви – героиня влюбляется с первого взгляда, её страсть описывается как болезнь, любовь приводит её к трагической гибели. В истории фигурирует нянька-кормилица, наперсница героини (ср. с аналогичным персонажем в поэме Гургани «Вис и Рамин»). Ей девушка поверяет тайну своей любви и просит о помощи. Монолог героини, обращенный к кормилице, представляет собой образец лирического излияния, типичного для жанра любовно-романической поэмы.

В историях, включенных в поэмы 'Аттара, автор, с одной стороны, использует повествовательные возможности сложившегося

канона любовно-романической поэмы, с другой – создает условия для дальнейшего развития этого жанра на основе мистико-аллегорической интерпретации сюжетов.

Основная литература

1. ‘Аттар. *Мантик ат-майр*. ganjoor: <https://ganjoor.net/attar/manteghot-teyr/hodhod/>
2. ‘Аттар. *Илахи-наме*. // ganjoor: <https://ganjoor.net/attar/elahiname/ebkhsh21/sh3/>
3. *Лахути Л. Г.* Маснави Фарид ад-Дина ‘Аттара «Илахи-наме». К проблемам понимания и перевода // Вестник РГГУ (Серия «Востоковедение. Африканистика»). 2011, № 2(64), с. 180–220.
4. *Рейснер М. Л.* «Дидактика любви»: «Десять писем» в поэме Гургани «Вис и Рамин» (XI в.) // Вестник Моск. ун-та (Сер. 13: Востоковедение). 2012, № 2, с. 55–67.

М. М. Репенкова

Язык текстов современной турецкой детективной прозы

Небывалый коммерческий успех современной турецкой детективной прозы (А. Умит, О. Айсу, У. Кыванч, А. Джаныгюз, С. Атасой, Д. Окер, Б. Огуз, Л. Аслан, У. Болат, О. Т. Оздемир, Х. Г. Джошкун и др.) во многом объясняется изменением языковых ценностей в национальном обществе. Поэтому осмысление понятия «современный турецкий детектив» зависит от выявления типовых особенностей языка детективных текстов, имеющих повышенный коммерческий спрос.

Языковые процессы 2000-х гг. во многом определялись общественно-политической и культурной ситуацией в стране. Отход от кемалистских светских ценностей и переориентация государственного курса на политику «мягкого ислама», с одной стороны, резкое сопротивление этому со стороны довольно значительной части национального общества, с другой, оказали сильное влияние на общественное сознание. Размежевание турецкого общества да-

ло толчок либерализации языка художественной прозы вообще и детективной, в частности (оживление конфессиональной / мусульманской лексики и фразеологии, развитие устных диалогических и монологических форм речи, расширение жанрового диапазона). Именно в 2000-е гг. к традиционным формам турецкого детектива (классического, «крутого», детектива-триллера) прибавляются более сложные варианты, заимствованные из других жанров массовой литературы (женский детектив, детектив с элементами научно-популярного эссе, исторический детектив, политический детектив, мистический детектив, «крутой» детектив с элементами эротики, шпионский детективный триллер и т. п.).

В то же время либерализация языка сопровождалась негативным процессом языкового детабуирования детективных текстов, что включало в себя активизацию низкого лексического материала и редукцию высокого. Легализация обцензурных слов и выражений), жаргонизмов и просторечий открыла доступ вербализованной пошлости, хлынувшей на страницы детективов.

Турецкие писатели-детективщики активно заимствовали новые иноязычные слова (в основном из английского и французского языков), вводили в свои произведения инокультурные (западные) речеповеденческие стандарты, ослаблявшие литературоцентризм отечественной культуры, изменявшие вкус соотечественников и все больше погружавшие их в речекультурный карнавал.

Современная общекультурная и языковая ситуация в стране способствовала формированию двух основных типов массового читателя, а соответственно и двух типов детективной продукции, ориентированных на этих читателей. В первом случае определяющим является тяга к национальной традиции, желание насладиться хорошим турецким языком, отстраниться от грубости и вульгарности сегодняшнего дня. Подобные требования читателя заставляют детективных авторов стремиться к стилю интеллектуальному, изысканному, имитирующему литературную традицию. Под этот тип попадают, например, детективные романы А. Умита, автор которых воспринимается читателем как знаток, мастер языка.

Во втором случае определяющим является органическое вхождение читателя в языковой карнавал или желание приобщиться к карнавалу, тяготение к низкому как характерной примете современной культуры, безразличное или даже агрессивное отношение к национальной культурной традиции. Отсюда социальный заказ на боевики, «крутые детективы» и т. п. В этом случае «конъюнктурный языковой вкус» подталкивает детективщиков исполнять социальный заказ, укореняя в тексте сомнительные языковые явления, которые противоречат литературным нормам речи. Авторы оказываются на одном культурно-речевом уровне с невзыскательным читателем. Подобного рода детективы преобладают в современной турецкой прозе. Ф. Унлю, Э. Гюнсель, И. Унвер, Ч. Дикенелли и др. разрабатывают низкие стилистические пласты турецкого языка, активно используют жаргонизмы, обценнизмы, грубо-просторечную лексику и фразеологию. Вульгаризация и бедность лексики вкупе с примитивным синтаксисом, формульностью и клишированностью создает впечатление «литературного низа».

Исследование языковых особенностей политического детектива А. Умита «Кукла» (Kukla, 2002) показывает, что автор, выбирая форму повествования от первого лица, стремится максимально приблизиться к разговорному стилю, к душевной беседе с читателем. Об этом свидетельствует обилие в тексте перифрастических, аналитических и упрощенных грамматических форм, эмфатических повторов и синтаксических перестановок (инверсий), звукоподражаний и эхо-конструкций, фразеологических выражений, пословиц и поговорок. В романе нет серьезных нарушений литературных норм, а употребление обценнизмов и жаргонизмов осуществляется в виде незначительных вкраплений для воспроизведения языкового быта, характерного для соответствующей социальной/профессиональной среды (криминальной, журналистской, полицейской). Нацеливаясь на упрощенный контакт с читателем, А. Умит активно использует готовые речемыслительные формулы (стереотипы, клише), обеспечивающие быстрое восприятие произведения.

Основная литература

1. *Репенкова М. М.* Турецкая литература на рубеже XX–XXI веков. Основные парадигмы. М., 2016.
2. *Черняк М. А.* Феномен массовой литературы XX века. СПб., 2005.
3. *Ümit A. Kukla.* İstanbul, 2007.

А. Р. Садокова

**Японский мифологический богатырь
Ямато-такэру и культ горы Митакэсан**

Ямато-такэру считается в Японии самым известным мифологическим богатырем, совершившим много замечательных подвигов. И хотя рассказ о его «жизни» был зафиксирован еще в первых письменных памятниках VIII в., на протяжении всей истории образ этого богатыря играл значительную роль в разных сферах жизни Японии, в том числе в религии и народной культуре. Именно поэтому большой корпус историй о нем сохранился в произведениях японского фольклора. Легенды и предания о богатыре Ямато-такэру можно встретить практически во всех уголках Японии.

Сюжеты этих фольклорных историй разнообразны, и не всегда в их основе лежит рассказ о подвигах или каких-то значимых деяниях героя. Народная традиция зачастую стремилась «использовать» имя богатыря как «ссылку на авторитет», что является обязательным условием бытования произведений народной сказочной прозы. В народных повествованиях такого рода, почти всегда привязанных к конкретному топонимическому объекту, важен был сам факт присутствия здесь известного богатыря.

Одним из многочисленных мест, связанных с именем Ямато-такэру, является гора Митакэсан, культ которой сложился как раз во многом благодаря связи с этим героем. Речь идет о части национального горного парка Титибу-Окутама, в состав которого входят гора Митакэ (929 м) и ее окрестности. Формально гора расположена на территории Токио, хотя реально находится в достаточно отдаленной горной лесной местности.

Открытая еще в 736 г., она всегда почиталась как святая. Со временем даже сформировалось такое понятие как *митакэ синко* (культ Митакэ). Однако особой популярностью гора Митакэсан стала пользоваться в эпоху Эдо, то есть в первой половине XVII в., когда начала активно культивироваться легенда о посещении в древности этих мест богатырем Ямато-такэру.

Согласно древнему народному мифологическому сказанию, подъехав к горе Митакэсан, богатырь решил поохотиться. Но гора была покрыта непроходимым лесом и он, потеряв дорогу, долго плутал, пока совсем не выбился из сил. Неожиданно перед ним явился белый волк, который не только не набросился на Ямато-такэру, а стал как бы звать его за собой, указывая дорогу. Так белый волк вывел богатыря из леса и привел к храму. Сочтя, что получил помощь от самого Бога горы, Ямато-такэру провозгласил волка главным божеством местного храма и нарек его Божеством Оокути-магами, что значит Истинное Божество Большой пасти. Под этим именем оно до сих пор почитается в этом храме. При этом использовалось и другое имя – Ооину-сама, что означало «Господин (Божество) Большой собаки». Собака однозначно понималась как волк.

Интересно, что в окрестностях горы Митакэсан бытовал и другой вариант этого народного повествования. В нем речь шла о некоем злом горном духе, который специально заманил Ямато-такэру в лес, желая погубить его. Для этого злой горный дух превратился в белого оленя, который стал убегать от богатыря, завлекая его все глубже и глубже в непроходимую чащу. Когда же силы почти покинули Ямато-такэру, перед ним явился белый волк, который прогнал белого оленя и вывел богатыря из чащи.

В XVII в. история о Ямато-такэру и белом волке привлекла огромное число паломников на гору Митакэсан. Стали считать, что Божество Большой пасти спасает от пожаров, воровства и всяких болезней. Более того, полагали даже, что этот бог оберегает не только свою гору, но и всю равнину Канто, что, естественно способствовало еще большей его популярности.

Вскоре это божество начали изображать на амулетах и оберегах. Правда, со временем животное на рисунке все больше напоминало собаку, причем не белого, а черного цвета. Эта традиция сохраняется и сегодня. Черная собака-волк считается символом храма Мусаси Митакэ дзиндзя. Ее изображение можно увидеть на votivных табличках *эма*, на которых прихожане пишут свои просьбы к божеству, на деревянных, бумажных и тканевых амулетах с пожеланием здоровья, долголетия, безопасности в пути, а также на оберегах от бедности и краж.

Как бывает часто с произведениями японской сказочной прозы, они имеют еще и материальное «подтверждение» правдивости рассказа. Так, на горе Митакэсан доказательством истинности событий считаются каменные стражи – «собакольвы» – *комаину*, стоящие за храмом. Там рассказывают, что эти старые каменные изваяния – волки или собаки – и есть прообразы того волка, который спас богатыря Ямато-такэру.

В. В. Сафронов

Категории описания «Современной арабской поэзии»

Blank verse – аш-Ши`р ал-мурсал организация без рифмы с ямбическим размером, характеризуются большим количеством случаев анжамбемана (грамматической и смысловой незавершенности бейта). Нередко отождествляется («приравнивается, сравнивается» -йукабилу) в арабском языке с термином аш-ши`р ал-мурсал. Белый стих название метрических (стопных) стихов без рифмы. Blank verse – стихи со стертой, уничтоженной рифмой.

Free verse – аш-ши`р ал-хурр – Свободный стих. Верлибр – метрические, но не равностопные стихи, упорядоченная система, состоящая из строк различной длины. Строки следуют одна за другой в свободной интонационной модели (ударение, набр свободное). Они делятся на циклически повторяющиеся строфы (вахадат) с применением таких художественных средств как повторе-

ние, синтаксический параллелизм и др. Приветствуется употребление модуляции ритма (candence, тансик ал-ика`, «согласование ритма») в большей степени, чем формальная разбивка на стопы (ат-такти` ат-таф`или аш-шакли). Свободный стих обычно лишен рифмы.

аш-Ши`р ал-мансур – термин, используемый для передачи европейского термина poetry in prose (стихотворения в прозе) или европейской поэзии vese libre.

Касыдат ан-наسر – термин, введенный Адонисом для обозначения того типа поэзии, которая в Европе известна как стихотворения в прозе.

аш-Ши`р ал-мансур напоминает свободный стих: строки различной длины располагаются в столбик, и читатель делает паузу только в случае семантической необходимости. От прозы (т. е. не поэзии) касыдат ан-наسر отличает особая поэтическая стилистика текста. Оба вида данной поэтической техники предполагают внутренний ритм, не соотносимый с традиционной арабской поэзией в метрическом отношении,

аш-Ши`р ат-ат-талак – термин, используемый Амином ар-Рейхани как синоним ши`р мансур.

Ши`р талик – так назвал свои стихи Риф ал-Хури, выполненные технике ши`р мансур.

И. И. Семенов

Возникновение риторики и поэтики в Китае

В Древнем Китае риторика как теория поэзии и прозы прошла долгий путь развития от латентной к эксплицитной форме и вычленению из нее поэтики. Становлению риторики способствовали три основных фактора: 1) переход от ритуальной к текстовой культуре, 2) развитие индивидуального авторства и 3) выделение эстетической стороны словесности.

До недавнего времени наиболее распространенным в науке было положение о полном господстве устного слова в древнекитайской литературной традиции. Но археологические раскопки последних трех десятилетий постоянно вносят новые коррективы в эту концепцию. К ним относится открытие массы ранних бронзовых надписей и рукописей на бамбуковых планках, свидетельствующее о более значительной, чем считалось ранее, роли письма в создании, передаче и сохранении текстов. Например, ставится под вопрос преимущественно устный характер происхождения ранних частей архаического свода поэзии *Шицзин* и в целом – его передачи в периоды Западной Чжоу (XI–VIII вв. до н. э.), Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.), Чжаньго (V–III вв. до н. э.) и Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) (Э. Шонесси). В таком же плане начинают рассматривать развитие философской прозы, характеризуя IV–III вв. как «сдвиг» к доминированию «рукописной культуры» (Й. Генц, Д. Мейер).

Связь словесности с ритуалом в Древнем Китае была тоже отнюдь не статичной и менялась по периодам. Ее наиболее радикальное изменение относится к периоду перехода от архаики к рефлексивному традиционализму в VI–II вв. до н. э., когда началась разработка категории рефлексии. В то время ритуал формально мог не отделяться от словесности, но в ее высшем интеллектуальном слое переосмысливался, менялся качественно, становился конструктивной основой новых идей (в этом проявлялось определенное сходство с древнегреческой философией). В значительной степени на внеритуальной основе, с акцентом на риторико-логические приемы начинала развиваться аргументационная, философско-риторическая проза.

Все это приводит к новой постановке вопроса о проявлении авторского начала в древнекитайской словесности. По одной из наиболее распространенных сейчас точек зрения, считается, что автор в ней замещался авторитетом, и она могла основываться не более, чем на коллективном или композитном авторстве вплоть до II в. до н. э. (М. Керн, Р. Штайнек, Х. Шверман). Но отмеченные выше находки стимулируют новые дискуссии, например, о воз-

возможности индивидуального авторства в отдельных песнях *Шицзина*, относящихся к IX–VIII вв. до н. э. (А. Бикрофт). На мой взгляд, здесь не может идти речь об индивидуальном авторстве в полном смысле, оно находилось как бы на полпути и недалеко от того, что С. С. Аверинцев называл «авторством в себе». Еще более остро встает вопрос об авторстве в философской прозе V–III вв. до н. э. Выкопанные рукописи (IV в. до н. э.), обнаружившие свободу в комбинации устойчивых «текстовых единиц» *чжан* («глав» или «параграфов») в рамках разных вариантов одного текста (В. Болц), свидетельствуют скорее не о «фиктивности» их авторов (М. Люис), а о своеобразии формирования этих памятников, в основе которых было «философское красноречие» (термин Л. Д. Позднеевой) «учителей» *чжуцзы* – основателей школ *цзя*. Ключевым здесь является наличие индивидуальной риторической манеры (определенного сочетания топосов, риторических приемов и т. п.), объединяющей исходную основную часть «текстовых единиц». Новые данные о развитии письма в IV–III вв. до н. э. подтверждают, что одна часть «текстовых единиц» могла создаваться самими «учителями», другая – записываться их учениками и последователями, и эти записи, передававшиеся не только изустно, но и через копирование рукописей, могли сохранять определенную точность даже после их более поздних редакций. Индивидуальное авторство вызревало тогда в авторстве коллективном.

Риторика в своей латентной форме с неотделимой от нее поэтикой зародилась в Китае с первых мыслей о стихах и музыке в периоды Западной Чжоу и Чуньцю. И мы встречаем даже развернутую критику песен *Шицзина*, датированную серединой VI в. до н. э. В возникающих затем одна за другой философских школах, и особенно в конфуцианстве, риторика еще больше упрочила свои позиции. И уже с VI в. до н. э. наметилась ее трансформация из латентной формы в эксплицитную. Конфуций (551–479 гг. до н. э.) рассуждал о стихах *Шицзина* и своей риторической манере, а Мэнцзы (371–289 гг. до н. э.) определял историческое значение риторики, то место, которое он в ней занимал, и исследовал тропеичность как существенный признак поэтической

речи. В течение всего периода Чжаньго значение риторики и поэтики постоянно возрастало. Но они тогда еще не совсем оформились, находились в процессе перехода от латентной к эксплицитной форме своего развития. Эпоха Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) оказалась в их становлении переломным временем. Именно тогда завершился переход риторики латентной в эксплицитную в творчестве Ян Сюна (53 г. до н. э. – 18 г. н. э.), увенчавшийся возникновением поэтики («Большое предисловие» *Да сюй* к *Шицзину*, I в. н. э.), и это закономерно происходило в прямой связи с возраставшим осознанием специфики собственно литературы, которую начали хотя порой и односторонне, непоследовательно, но отличать от других видов письменного творчества.

Основная литература

1. *Literary Forms of Argument in Early China* / Ed. by Joachim Gentz and Dirk Meyer. Leiden; Boston: Brill, 2015.
2. *Shaughnessy Ed. L.* “Unearthed Documents and the Question of the Oral versus Written Nature of the Classic of Poetry”. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 75. 2, 2015, p. 331–375.
3. *Text and ritual in early China* / Ed. by Martin Kern. Seattle: University of Washington Press, 2005.
4. *That wonderful composite called author: Authorship in East Asian literatures from the beginnings to the seventeenth century* / Ed. by: Schwermann, Christian; Steineck, Raji C. Leiden: Brill, 2014.
5. *The Homeric Epics and the Chinese Book of Songs: Foundational Texts Compared.* / Ed. by Fritz-Heiner Mutschler. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

А. И. Сёмина

Категория «тахаллус» в турецких кыт'а XV–XIX вв.

Тахаллус – поэтический псевдоним поэта – категория, заимствованная турецкой литературной традицией из персидской литературы, в которой тахаллус использовался как слово-маркер, обозначающее переход к новой композиционной части стихотворения,

а в некоторых жанровых формах, например, газели, стал частью традиционной концовки.

Данный доклад посвящен исследованию тахаллуса в турецкой *кыт'а* XV–XIX вв. *Кыт'а* (букв. «кусоч», «отрывок») – жанровая форма, известная в ряде литератур Средней Азии, Ближнего Востока, Индии и африканского континента и получившая наибольшее распространение в арабской, персидской, турецкой, азербайджанской, узбекской, таджикской литературах, литературе урду и некоторых других.

В персидских и тюркских поэтиках вопрос о наличии или отсутствии в *кыт'а* тахаллуса не поднимался, однако он уже долгое время является предметом дискуссий турецких литературоведов. Так, например, И. Пала считает отсутствие тахаллуса в *кыт'а* одним из формальных показателей данной жанровой формы; Дж. Курназ и Х. Челтик отмечают, что наличие или отсутствие тахаллуса в *кыт'а* не является признаком, определяющим эту жанровую форму, так как тахаллус редко встречается в *кыт'а* объемом от 2 до 5 бейтов, но появляется в *кыт'а* большего объема. Действительно, по нашим наблюдениям такой маркер, как тахаллус, не является для *кыт'а* обязательным и варьируется в зависимости от времени создания *кыт'а* и ее тематики, а также объема, что подтверждается проведенным нами статистическим анализом текстов *кыт'а* 24 диванов поэтов XV–XIX вв.

В XV–XVI вв. из общего количества *кыт'а*, помещенных в диван каждого поэта, *кыт'а*, содержащие тахаллус, составляли от 5 % до 35 %, в XVII в. – от 23 % до 71 %, в XVIII в. – от 46 до 66 %, а в XIX – от 52 до 94 %. Таким образом, с течением времени наблюдается увеличение удельного веса *кыт'а*, содержащих тахаллус, причем частота употребления тахаллуса резко возрастает к XIX веку.

Между наличием / отсутствием тахаллуса в *кыт'а* и ее тематикой существует четкая взаимосвязь. В результате проведенного нами исследования было выявлено, что большая часть *кыт'а*, содержащих тахаллус, является *тарихами* – стихотворениями-хронограммами, – в которых упоминание тахаллуса наряду со словом «*тарих*» служит традиционным маркером концовки стихотворе-

ния. Однако следует отметить, что наличие тахаллуса в последней строке *кыт'а-тарихов* не носило обязательного характера: *тарихи* без тахаллуса в последнем бейте нередко встречаются в диванах турецких поэтов вплоть до XIX века.

В XV–XVI вв. встречаются случаи использования турецкими поэтами тахаллуса в *кыт'а* иной тематики. Так, тахаллус употребляется в единичных *кыт'а* о поэзии, в которых поэт прославляет свое поэтическое дарование, например, в *кыт'а* Бақы (1526–1600) и Неджати (1460–1508). Тахаллус также встречается в ряде *кыт'а*-прошений у Неджати, Ахмед-и Даи (вторая половина XIV–XV) и Месихи (1470–1512), где он выполняет функцию слова-маркера, композиционно выделяющего просьбу-*талаб*, как это делалось в *касыде*. Также тахаллус употребляется в большом количестве любовных *кыт'а*, которые заимствовали классическую газельную концовку (около 10 % всех любовных *кыт'а*).

Однако анализ всего массива турецких *кыт'а* XV–XIX вв. позволяет заключить, что, несмотря на попытки поэтов в отдельных стихотворениях применить характерные для *касыды* или *газели* приемы, традиции обязательного употребления тахаллуса в *кыт'а*, не являвшихся *тарихами*, не сложилось.

Г. В. Стрелкова

Первый рассказ хинди «Она сказала»

Ч. Ш. Гулери, его перевод на русский, экранизация и литературное продолжение

Автор одного из первых рассказов хинди – Ч. Ш. Гулери – был знатоком санскрита, пракритов, пали; преподавал в Бенаресском университете. Он, вместе с Дж. Прасадом и Премчандом, считается основоположником современной литературы хинди. Наибольшую славу ему принёс уже первый рассказ «Она сказала» (*Us ne kahaа thaa*), опубликованный в 1915 г. В названии заложена интрига, так как читатель почти до финала рассказа гадает, что именно и кем было сказано? Написанный сразу после Первой мировой вой-

ны, рассказ повествует о судьбе панджабского юноши, который был призван на фронт в Европу. Он воевал, сохраняя верность долгу и чести человека, который держит слово, данное не только под присягой, но и своей любимой. В начале рассказа герой, еще 12-летний мальчик, влюбляется в девочку, и эта любовь длится до конца его дней. Их встречи происходят на рыночной площади, гудящей от шума и ругательств большого города. Разнообразие звуков и речи искусно передаётся писателем. Язык, смена стилей и другие художественные элементы, использованные в рассказе, способствовали его популярности, как и динамично развивающийся лирико-героический сюжет, в финале которого – самоотверженная гибель героя. Рассказ состоит из 5 главок, последняя из которых делится на 6 микро-эпизодов. Одна из ключевых фраз – краткий диалог детей: «Твоя помолвка состоялась?» – «Да». Несмотря на небольшой объем рассказа, писатель сумел не только показать почти всю жизнь главного героя и его любимой, но и объяснить, что истинно и ценно в этом мире.

«Она сказала» – именно под этим заголовком рассказ Гулери был опубликован в русском переводе Ю. Маслова в 1959 г. («Рассказы индийских писателей», т. 2). Особенности этого перевода достойны рассмотрения. Годом позже, в 1960 г., в Болливуде был снят фильм “Us ne kahaа thaa” (продюсер Бимал Рой, режиссёр Мони Бхаттачарджи). Главные роли исполняли Сунил Датт и Дурга Кхоте. Сюжет фильма, казалось бы, следует за основными событиями рассказа, сохраняется и главная сюжетная канва: встреча героев в детстве, при этом мальчик-задира обижает подружку, но спасает её от лошади. Однако динамизм, недосказанность, некоторые важные для рассказа сюжетные линии (немецкий шпион-провокатор в окопе индийских солдат и др.) утрачены. Самое главное изменение коснулось времени действия, которое было перенесено из начала века и Первой мировой войны, когда происходит действие рассказа, к годам накануне Второй мировой войны и самой войне, изображаемой в фильме. В рассказе герой воюет против немецких солдат, в фильме – против японцев. Фильм чёрно-белый, сопровождается музыкой и песнями, характерными для Болливу-

да эпохи 1950–60-х гг. Важно, что лирические стихи к песням написал прославленный поэт Шайлендра, чья поэзия украсила и такой известный фильм как «Третья клятва», снятый по рассказу Пх. Рену. Герои фильма уже не сикхи, изменились и их имена. Зритель видит и практически обязательные для индийского кино сцены празднования Холи и других индийских праздников. Однако главная идея рассказа – верность слову, которое дал главный герой своей любимой (заботиться о её муже на поле боя), сохраняется в качестве доминанты этой вольной экранизации. Эти и другие темы (верность мужу и дружбе, отношения индусов и мусульман) были по-новому развиты в своеобразном «ответе-продолжении» – рассказе Шайлеша Матиани «Она-то не сказала» (Us ne to nahiin kahaа thaa).

И. А. Таирова

Суфийские мотивы в творчестве

И. А. Бунина

Постигая тайны мусульманского Востока, изучая ислам, И. А. Бунина не мог не заинтересоваться крупнейшим явлением, выросшим на почве этой религии – суфизмом. Под понятием «суфизм» (по определению А. Шиммель) подразумевается «нечто таинственное, обычными путями или интеллектуальными усилиями не достижимое», «великий духовный поток, проходящий через все религии», «в широком смысле он может быть как осознание Единой Реальности – как бы мы её ни называли, Мудрость, Свет, Любовь или Ничто» [3]. Исторически это внутреннее, мистическое течение в исламе, откристаллизовавшееся в ряд «орденов» – школ, называемых по имени их основателей, к которым принадлежали многие великие арабские и персидские поэты и учёные (Ибн Араби, Руми, Джамал, Хафиз и многие другие).

Знакомство И. А. Бунина с суфизмом происходит благодаря изучению личности и творчества Саади Ширазского (между 1203 и 1210–1292 гг.), которого он называл «усладительнейшим из писате-

лей предшествовавших и лучшим из последующих» [2, 3, 500]. Тезкират Саади (описание жизненного и творческого пути и поэму «Гулистан») он часто брал с собой и многократно перечитывал. Позже книжные знания писателя о суфизме подкрепляются некоторыми традициями суфийских школ: Джелвети (в стихотворении «Тэмджид») и Мавлеви («Тень птицы»), увиденными поэтом во время путешествий по мусульманскому Востоку (1903, 1907 и 1913 гг.).

Будучи знакомым с поэзией Саади благодаря прозаическим переводам, Бунин не только цитирует афоризмы Саади в своих произведениях, дарственных надписях на книгах и в альбомах друзей, но и сам переводит его. Считать ли бунинские переводы переводами в строгом смысле этого слова или вольными переложениями из поэм Саади – вопрос спорный. Скорее всего, переводом можно считать стихотворение «Завет Саади» (заключительный фрагмент из поэм Саади «Гулистан» и «Бустан»): «Будь щедрым, как пальма. А если не сможешь, то будь / Стволом кипариса, простым и простым – благородным» (Трапезунд – Стамбул, июнь 1913 г.), соответствующее строкам персидского поэта – баб 8 (глава 8) № 113. Иначе обстоит дело с двумя последними строками в стихотворении «Закон»: «Во имя бога, вечно всеблагого! / Он, давший для писания тростник, / Сказал: блюди написанное слово / И делай то, что обещал язык. / Приняв закон, прими его вериги. / Иль оттолкни – иль всей душою чтить: / Не будь ослом, который носит книги / Лишь потому, что их велят нести» (1906–1907 гг.). Тут действительно бунинский поэтический язык, пропитанный словами Саади, создаёт свой шедевр, в котором две последние строки – суть переложение из того же «Гулистана» Саади (часть 8, гл. 8), а также перефраз коранического аята (62:5).

В стихотворении «Тэмджид» (1905 г.) экстастика суфийских учений выражается в воспевании давно ушедших традиций, некогда имевших место в Стамбуле, в его азиатской части Скутари (Ускюдар): на башне Махмуд-ефенди, монастыря дервишей ордена Джелвети, круглый год в полночь распевали (в утешение страдающим бессонницей) так называемый Тэмджид.

Когда Бунин посетил Константинополь в 1903 г., то видел радения дервишей (нищенствующих бродячих аскетов-мистиков) из братства Мавлави (Ордена крутящихся дервишей), основанного поэтом-мистиком XIII в. Руми и распущенного впоследствии декретом Кемаля Ататюрка (1925 г.). Свой восторг от увиденного Бунин запечатлел в произведении «Тень птицы» (1907 г.): «Этот вихрь вокруг шейха зародился там, в <...> “опьянении” суфийства с его мистическим языком, в котором под вином и хмелем разумелось упоение божеством» [2, 3, 516]. В поздней редакции «Тени птицы» Бунин вырезал важное продолжение, что «вихрь планет вокруг солнца, а потом вихрь миров вокруг Творца» [1, 3, 435] явились космическим прообразом ритуальных кружений константинопольских суфиев. Возможно, сделано это для того, чтобы избежать лишних нападков со стороны литераторов и не только. Кроме того, всё это, вероятно, напоминало Бунину радения русских сектантов («людей божьих»). Основным элементом их практик было то же кружение (в белых длинных одеяниях), вызывавшее изменение состояния сознания. В экстатическом трансе мистика и его тоске по Богу Бунин усматривал глубокое понимание суфиями природы «жизни» и «смерти» (дервиши каждый раз «умирали» – таким способом побеждая смерть), а это темы, которые проходят сквозь всё творчество Ивана Алексеевича, обладавшего способностью чувствовать не только своё, но и чужое: разное время, страны, других людей.

Таким образом, можно сделать вывод, что суфизм (непосредственно связанный с исламом) оставил свой особенный, ценный след в художественном творчестве русского поэта и писателя.

Основная литература

1. *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. / Подгот. текста и примеч. О. Н. Михайлова, А. К. Бабореко и др. М.: Художественная литература, 1965–1967.
2. *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 6 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. К. Бабореко, О. Н. Михайлова и др. М.: Художественная литература, 1987–1988.
3. *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Рапопорт. М.: «Алетейя», «Энигма», 1999. С. 13.

М. В. Фролова

Дангдут и мораль: рассказ «Одержимые танцы» Интан Парамадиты (2008)

Творчество индонезийской писательницы Интан Парамадиты (род. в 1979 г.) любопытно для изучения с помощью комплексных подходов *gender studies* и *horror studies*, охватывающих не только литературу, но и кинематограф, привлекающих к анализу методы психологии, политологии, социологии.

Рассказ «Одержимые танцы» (*Goyang Penasaran*, 2008) поднимает остроактуальные проблемы, не считающиеся уместными в приличном мусульманском обществе. Главной темой является маргинализация положения исполнителей в стиле *дангдут* (электронной музыки с элементами мелодики традиционных малайских оркестров и голливудских фильмов). С 60-х гг. эротический контент музыки *дангдут* способствовал популяризации коммерческого телевидения; а провокативный характер (тексты песен, наряды исполнительниц и их танцы на сцене) вызывал возмущение в религиозных кругах после падения режима Сухарто (1998). Скандалы с певицами *дангдут* привели к дебатам на горячие темы религии, демократии, морали, свободы самовыражения, в которые вступили индонезийские либералы и консерваторы.

«Одержимые танцы» можно воспринимать как барометр изменений политической ситуации: рассказ является гротескной типизацией, иносказанием о потенциальных событиях, которыми могут продолжиться бытовые конфликты между блюстителями морали и развратницами на сцене. Главная героиня, певица Салимах, выступает с пошлыми песнями и танцами для нетрезвой публики небольшого городка на Западной Яве, где *дангдут* и приветствуется, и порицается. Салимах находится в центре внимания всего мужского населения деревни, в том числе Хаджи Ахмада, возглавившего движение за религиозные и моральные ценности. Портрет Салимах создан по мифологической универсалии «Красивая женщина – Ведьма». Религиозные патриархальные круги объ-

являют войну разврату и Салимах. Своими оскорблениями мужчины добились того, что Салимах ушла из городка. Кульминация и финал рассказа символизируется на уровнях библейско-коранической традиции и местных мифов и ритуалов. Единственный оставшийся поклонник соглашается на исполнение мести – в обмен на эротический танец Салимах требует голову Хаджи Ахмада и получает ее. Племена Индонезии раньше практиковали «охоту за головами» своих врагов. Сцена последнего эротического танца передает возбуждение от убийства, схожее с сексуальным – клише многих книг и фильмов в жанре ужасов в духе примитивного фрейдизма. Травестийно-сниженный вариант «танца семи вуалей» Саломеи, потребовавшей себе отсеченную голову Иоанна Крестителя (Яхьи), выглядит как дешевый стриптиз при патологических обстоятельствах. В финале рассказа разъяренная толпа растерзала Салимах. Расчленение танцующей «богини» пародирует миф о ритуальном убийстве богини риса Девы Сри, из разрубленного тела которой проросли различные злаки. Текст демонстрирует обострившиеся противоречия секулярной культуры Индонезии и новой исламизации, охватившей страну с начала 2000-х. «Одержимые танцы» – фантасмагорическое отражение жарких споров о сексе, исламизации и морали, которые не стихают с периода реформ (1998–2004).

Африканистика

О. А. Гришина
Применение методов корпусной лингвистики для анализа экономических медиатекстов на суахили

Медиатекст – это текст массовой информации; термин является производным от понятия текста, определения которого зависят от специфики подхода к анализу данного понятия. При функционировании в сфере массовой коммуникации, текст расширяет свои границы, преодолевает рамки вербального уровня, обусловленные свойствами средств массовой информации, обрастает медийными надбавками и получает расширенное толкование. Можно определить медиатекст как текст, бытующий в сфере средств массовой коммуникации, относящийся к любому виду и жанру, посредством которого осуществляется процесс речевого общения в данной сфере.

Одна из основных задач средств массовой коммуникации – информирование читательской аудитории о событиях и изменениях, происходящих в различных сферах жизнедеятельности. Для выполнения данной функции лексическая база медиатекстов должна быть актуальной, своевременно реагировать на внешние изменения, находя способы передачи информации в корректной и достоверной форме о новых явлениях и событиях, что достигается благодаря расширению и обогащению языка за счет использования как внутренних, так и внешних ресурсов. Таким образом, именно медиатексты достаточно репрезентативны с точки зрения анализа «живого», современного языка, вычленения терминологии и выражений, актуальных на данный момент времени.

Целью предлагаемой статьи является систематизация медиатекстов на языке суахили, формирование корпуса, получение данных по частотности употребления n-грамм и анализ полученных данных для дальнейшего выявления однословных и составных экономических терминов.

В условиях глобализации информационного пространства все больше печатных изданий, в том числе и на суахили, имеют интернет-версии, что способствует росту читательской аудитории. Наличие обновляемой базы интернет-версий медиатекстов танзанийских СМИ позволяет использовать методы корпусной лингвистики для анализа языка медиатекстов. Под корпусом понимается систематизированное собрание текстов обычно в электронном формате, используемое для лингвистического анализа. В настоящее время существует небольшое число терминологических словарей на суахили по причине отсутствия достаточных технических и экономических ресурсов. Использование данных корпуса может применяться для выявления современной актуальной терминологии той или иной тематики.

При составлении корпуса использованы медиатексты интернет-версий изданий *Nabari Leo* *Сегодняшние новости* и *Mtanzania Танзаниец*, раздел *Biashara* на *Uchiumi Торговля и Экономика* за 2016–2017 годы. Для обработки медиатекстов использованы программы операционной системы FreeBSD семейства UNIX. Анализ медиатекстов позволил получить список частотности употребления слов, биграмм и триграмм. Последовательная проверка результатов продемонстрировала отсутствие в данных медиатекстах определений экономической терминологии в явной форме, что свидетельствует о том, что данные СМИ нацелены на аудиторию читателей, владеющих данной терминологией и не нуждающихся в дополнительных пояснениях. Путем анализа списка частотности употребления возможно выделить как единичные термины, так и составные, относящиеся к экономической тематике. Так, например, по списку частотности употребления выделяется термин *fedha деньги*, по списку биграмм можно идентифицировать словосочета-

ния *fedha taslimu наличные деньги*, *-pata fedha получать деньги*, *-weka fedha вкладывать/инвестировать деньги* и другие. По списку триграмм можно выделить следующие выражения: *mwaka wa fedha финансовый год*, *fedha za kigeni иностранная валюта*, *fedha za ndani внутренняя валюта* и другие.

Результаты, полученные путем анализа корпуса экономических медиатекстов при помощи системы UNIX, показали возможность использования данного метода для вычленения терминологии определенной тематики, которая может быть в дальнейшем обработана лексикографически и использована для составления корпусного словаря. Неоспоримым преимуществом анализа корпуса медиатекстов является использование в них «живого» языка с лексической базой, актуальной для определенного периода времени. Сами по себе медиатексты не могут предоставить термины в чистом виде, вычленение терминологии требует применения корректно настроенной компьютерной базы, последовательного анализа списков частотности употребления n-грамм и их контекстов употребления.

Н. В. Громова

Жанр «загадка» и его структурно-семантические особенности в языке суахили

Как известно, загадка представляет собой один из самых древних жанров, хотя среди исследователей этого феномена нет единства по вопросу жанровой принадлежности загадки из-за неопределённости её речевого и языкового статуса и многообразия выполняемых загадкой функций. Эта малая художественная форма полифункциональна: она выполняет не только социально-дидактическую функцию, но и ритуальноигровую коммуникативную функцию. В.И. Даль дает такое определение загадки – это «иносказанье или намеки, окольная речь, краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки». Автор словаря суахилий-

ских загадок К. Вамитила предлагает близкую дефиницию: «загадка – это традиционное иносказание, которое предлагается человеком для разгадывания с использованием различных знаний жизни и окружающего мира общества» [1: viii].

Функция загадок определяет их прагматику как особого вербального акта диалогического характера. По своей структуре (смысловой и синтаксической) загадка обычно состоит из двух частей: первая часть представляет собой некую логическую задачу, которая содержит явный или скрытый вопрос, на который следует найти ответ во второй части.

На языке суахили загадка это *kitendawili* < *ki-* (префикс 7 класса) + глагол *-tenda* «делать, совершать» + числительное *wili* «два»), что буквально значит «делающее двойко», что четко отражает двойственную структуру загадки. Ритуал загадки суахили предполагает следующее: спрашивающий произносит *kitendwili!*, слушатель откликается словом *tega!* «загадывай!». Второе название загадки *chemshabongo* «разбуди ум» подчеркивает её дидактическую функцию [2: 21].

Структурно-синтаксическая формула загадки может быть представлена коротким текстом, нередко ограничиваемым одним словом: *boga!* > *mjamzito* «тыква!» > «беременная женщина» Как правило, это может быть простое предложение: *amefunua jicho jekundu – jua* «он открывает свой красный глаз» > «солнце», сложносочиненное: *huonja kila kitu, lakini hali cho chote > ulimi* «он всё пробует, но ничего не ест» > «язык», сложноподчиненное: *ingawa sina bawa naruka kama ndege > tiara* «хотя у меня нет крыльев, я летаю как птица» > «воздушный змей» и др. При этом субъект высказывания представлен именем собственным, любым нарицательным словом, личным местоимением, местоименным показателем 1, 2 и 3 лиц ед. ч. и показателем 3 лица мн. ч., показателем хабитуалиса, за которым скрываются все лица и классы, а также неопределенно личным показателем.

Семантическая структура большинства загадок основана на метафоре. Например: *rafiki yangu ana mguu mmoja* «у моего друга одна нога» > *uooga* «гриб», *kila nikienda ananifuata* «куда бы я ни пошел, он следует за мной» > *kivuli* «тень». Передача элементов пред-

метно-образной сферы в поиске искомого значения осуществляется с помощью разнообразных механизмов смысловой трансформации. В данном случае происходит смысловой переход персонификации: соответственно от ноги человека к ножке гриба, от спутника человека к понятию 'тень'.

Семантическая структура загадок отличается многомерностью и многочисленным тематическим разнообразием. Семантическое содержание специфично, потому что характерно именно для данного народа, тесно связано с традиционным бытом и трудовой деятельностью общества и консервирует коллективный жизненный опыт. При этом в вопросе устанавливаются и фиксируются внешние отношения между объектами мысли, а в ответе предполагается нахождение искомого глубинного смысла, разъясняющего загадку: *tane tane traka Unguja* 'четыре четыре до Занзибара' > *matendegu* 'ножки кровати' (во время сна можно пересечь океан и добраться до Занзибара). С другой стороны, большинство загадок представляют собой универсалии: при различной тематике, языковой и композиционной структуре логические модели загадок в целом всё же одинаковы. Так, например, суахилийская загадка имеет синонимы в других языках, в частности в русском, а отдельные разночтения касаются только предметно-образной сферы содержания, не затрагивая смысла: *mke wangu ni mfupi lakini huvaa nguo nyingi* > *hindi* 'моя жена не высока ростом, но надевает много одежды' (= 'семь одежек и все без застёжек') > *hindi* 'кукуруза' (= 'капуста/ луковица'), *cheupe, chekundu, cheusi* > 'белый, красный, черный' > *zambarau* 'плод явской сливы' (при созревании слива проходит три стадии) (= японская загадка 'в зеленом домике белый домик, в белом – красный, в красном полно чернокожих' > 'арбуз').

Загадки создаются и в настоящее время. В современных загадках используются новые реалии (*hunioni lakini nakupikia* 'ты меня не видишь, а я тебя использую для готовки еды' > *gesi* 'газ', *adona wala hamezi* 'он клюёт, но не глотает' > *mashine ya kupigia chapa* 'печатная машинка').

И современные, и стародавние загадки продолжают выполнять традиционные прагматические функции при двойственности

их игровой природы: формально-ситуативную (т. е. диалог-составление) и языковую (т. е. использование приёма языковой игры).

Основная литература

1. *Wamitila K. W.* Kamusi ya Tashbihi, Vitendawili, Milio na Mishangao (Словарь сравнений, загадок, идеофонов и восклицаний). Longhorn Publisher, 2005, 288 p.
2. *Honero L. N.* Ufundishaji wa vitendawili katika shule za sekondari (Обучение загадкам в средней школе) // MULIKA, 1977, № 77, Chuo Kikuu Dar es Salaam, P. 18–24.

С. Л. Кравченко

Структурные типы фразеологических оборотов в амхарском языке

По своему строению фразеологические обороты в амхарском языке делятся на два больших разряда:

1) фразеологические обороты, структурно равнозначные предложению: *gəra gəbbaw* ‘он растерялся’ (букв. левая вошла в него); *kāngät bälāy sārra* ‘он поступил лицемерно’ (букв. от шеи вверх сделал); *ləbb gāzza* ‘он набрался ума’ (букв. сердце купил).

Среди фразеологизмов, структурно составляющих целое предложение, большую группу составляют обороты афористического характера (пословицы, поговорки, крылатые слова): *kāayn yāraqä käləbb yərəqal* ‘с глаз долой из сердца вон’; *əšši yəbälṭal käši* ‘уговор дороже денег’; *nägär bäməssale tāj bābərllē* ‘речь с пословицей, все равно что тэдж (хмельной напиток) в графине’; *bäzätāna yällām ṭena* ‘в девяносто лет здоровья нет’.

В этот разряд следует также отнести фразеологические обороты, представляющие собой разнообразные разговорно-бытовые штампы: *əgziabher yəmmäsgän* ‘слава Богу’; *tənəmm aydällām* ‘не важно, не стоит благодарности’ (букв. ничего нет); *tən yəhonal* ‘увы, что поделаешь!’ (выражает сожаление, букв. что будет, что произойдет?).

2) фразеологические обороты, по своему строению представляющие собой сочетание слов. Структурные типы данных фразеологических оборотов самые различные. Разберем лишь некоторые из них, которые являются наиболее типичными и регулярными:

– фразеологические обороты, представляющие собой сочетание прилагательного и существительного. В данных оборотах грамматически опорным является существительное, а прилагательное, которое в оборотах данной модели всегда препозитивно, выступает как зависимое слово: *tərf anjät* ‘аппендицит’ (букв. дополнительная кишка); *qāndam təl* ‘улитка’ (букв. имеющий рог червяк); *näč šənkurt* ‘чеснок’ (букв. белый лук). Часто по данной модели образуются фразеологизмы терминологического характера: *räqiq həwas* ‘микроб’ (букв. мелкий орган); *bəça yäba* ‘желтая лихорадка’.

В этот разряд также входят обороты, представляющие собой сочетания относительной глагольной формы с существительным. Первый компонент таких фразеологизмов семантически соответствует относительному прилагательному. Амхарский язык беден относительными прилагательными. Их функцию выполняет относительная глагольная форма: *yäminqäsaqäs nəbrät* «движимое имущество» (букв. которое движется имущество); *yämmaṅqäsaqäs nəbrät* «недвижимость, недвижимое имущество»; *yämotä qwanqwa* «мертвый язык» (букв. умерший язык);

– фразеологические обороты, представляющие собой сочетание формант *yä* + существительное + существительное. Данные фразеологизмы по своим синтаксическим функциям эквиваленты существительным: *yätrafik mäbrat* ‘светофор’ (букв. движения свет); *yähod bəsot* ‘обида’ (букв. живота ухудшение); *yägädäl mammito* ‘эхо’ (букв. пропасти зрачок); *yäsat ərat* «мотылек» (букв. огня ужин).

– фразеологические модели «существительное (без предлога, с предлогом, с предлогом и послелогом, с послелогом) + глагол» с лексико-грамматической точки зрения являются в основном глагольно-предикативными и в предложении выполняют функцию сказуемого. В таких фразеологизмах наблюдается большая степень

семантической слитности компонентов: *səra fätta* ‘потерять работу, стать безработным’ (букв. работу развязать); *əjj asnässa* ‘устраивать прием’ (букв. руку заставить взять); *bāhod yazä* «затаить» (букв. животом схватить); *läšumät bäqqa* ‘получить повышение’ (букв. для назначения удаваться).

В качестве опорного слова в данной модели всегда выступает глагол, однако самостоятельно он не является смыслообразующим. В некоторых фразеологизмах и существительное и глагол семантически равноправны: *bāhasab tāwaṭä* ‘погрузиться в мысли’ (букв. мыслью быть проглоченным); *əjj nässa* ‘кланяться’ (букв. руку отрубать). В других фразеологических оборотах данной модели в качестве смыслообразующего компонента выступает существительное, глагол же служит для выражения грамматических значений *wəssane awäṭṭa* ‘принять решение, выносить резолюцию’ (букв. решение вынуть). Фразеологизмы данной модели являются перифразами простых глаголов, которые содержат существительное того же корня, что и соответствующий глагол: *mälläsä* ‘ответить’ – *mäls säṭṭä* ‘давать ответ’; *wässänä* «решить» – *wəssane adärrägä* ‘выносить, принимать решение’ (букв. решение сделать).

– фразеологизмы междометного характера, характерной стилистической чертой которых является экспрессивно-эмоциональная выразительность, например: *qooy bəčča* ‘ну, погоди’ (выражает угрозу, букв. постой только); *tən uəhonal* ‘увы, что поделаешь!’ (выражает сожаление, букв. что будет, что произойдет?); *dähna qämmäsat* ‘так и надо!, будешь знать!’ (букв. хорошо попробовало ее).

О. Э. Милюкова

Омонимия и полисемия в языке кереве

По классификации языков банту М. Гасри язык кереве занимает позицию в зоне J и входит в группу J 20 хайя-джита. Существующие сведения о этом языке достаточно скупы. По данным Атласа

языков Танзании [Atlati ya lugha za Tanzania. Chuo Kikuu cha Dar es Salam, 2009], в 2009 г. общая численность носителей языка кереве составляла 200 941 человек, что соответствует 36 месту по числу говорящих на кереве из 150 языков, насчитываемых в Танзании.

Уникальным материалом для изучения языка кереве является роман-хроника танзанийского писателя родом с острова Укереве Анисети Китерезы (1896–1981) «Господин Мьомбекере, его жена Бугонока, Нтуланалва и Булихвали». В романе активно употребляется лексика и паремии на языке кереве с их последующим переводом на суахили. Отдельного внимания заслуживает составленный автором глоссарий с развернутым толкованием лексем на языке кереве, вошедших в повествование.

Роман является ярчайшим примером бытописательной прозы и дает детальное представление о хозяйственном укладе народа кереве. В связи со спецификой сюжета произведения, в центре которого жизнеописание отдельно взятой семьи на протяжении трех поколений, автор делает акцент на хозяйственно-бытовой лексике.

Изучение инвентаря лексем, в большинстве своем, отражающих быт этого островного этноса, демонстрирует наличие в языке кереве большого объема слов-омонимов и многозначных слов.

Значения омонимов не связаны общими семантическими компонентами и ассоциативными отношениями, это одинаково звучащие слова, зачастую образованные в результате расхождения первоначально единой семантики. Омонимия, как сложное и многогранное явление, имеет ряд своих особенностей и категориальных отношений. В отличие от так называемых «чистых омонимов», согласно мнению Ю. Д. Апресяна, многозначные слова имеют свои характерные черты. В качестве критерия отнесения к многозначному слову Ю. Д. Апресян предлагает следующее: общая часть многозначного слова должна быть нетривиальной, должно быть семантическое сходство.

Трудность разграничения полисемии и омонимии снимается тремя различными способами: лексико-семантическим (несовпадение синонимов), морфологическим (принадлежность к разным классам) и синтаксическим (согласовательная цепочка).

В качестве подтверждения приводим несколько примеров лексем, иллюстрирующих особенности первой и второй категории.

Примеры омонимов:

- endobo

- 1) гарпун для охоты на бегемотов (9/10 класс);
- 2) послед (*анат.*) (9/4 класс);

- enzubi

- 1) специальные камни, используемые для колдовства (9/10 класс);

- 2) ядовитая змея (9/10 класс, но согласование в синтагме осуществляется по нормам 1/2 класса);

- ikuga

- 1) женщина-знахарка, которая облегчает прорезывание молочных зубов у младенцев (5/6 класс, но согласование в синтагме осуществляется по нормам 1/2 класса);

- 2) ровесники по возрасту (2 класс);

- 3) бедствие (5/6 класс).

Примеры многозначных слов:

- enanga

- 1) деревянное блюдо для сервировки подливки;

- 2) вид музыкального семиструнного инструмента типа зезе.

Форма блюда и самого инструмента, повторяющие конфигурацию традиционной лодки-долбленки, позволяет говорить о слове enanga как о многозначном слове.

- omulamba

- 1) сок, отжатый из бананов (3/4 класс);

- 2) вкусный, не до конца созревший напиток из бананов, напоминающий пиво (слово 3-го класс, не имеющее формы множественного числа).

Тот факт, что оба напитка являются производными от продуктов, получаемых в результате переработки плодов банана, также дает возможность классифицировать слово omulamba как многозначное слово.

- ebyoyera

- 1) участок выбритых волос на голове невесты или её матери (7 класс, *singularia tantum*);

2) свадебное украшение (7/8 класс).

В данном случае, хотя значения и отличаются друг от друга, однако семантическая близость между ними осознаётся, их объединяет образ свадьбы.

Полисемия и омонимия используются в прозе А. Китерезы с разными функционально-стилистическими целями.

В. Я. Порхомовский

Формирование терминологических систем в младописьменных языках Африки в зеркале перевода¹

Складывание литературной нормы в младописьменных языках в настоящее время может рассматриваться как весьма активный и распространенный процесс в языках мира. Дело в том, что, по крайней мере, с конца XIX – начала XX в. заметно интенсифицировалось количественное и качественное развитие письменных форм коммуникации в различных сферах и жанрах. Для большого числа бесписьменных языков в самых разных регионах планеты были разработаны соответствующие системы письма. В традиционных обществах с существенным преобладанием устных традиций постепенно письменная сфера коммуникации стала играть все более существенную роль в возникающих социо-культурных парадигмах. В результате проблема соотношения устного и письменного аспектов в языке и речи приобретает особую актуальность (подробно об этом см. [1]).

Анализ процессов формирования письменно-литературной нормы включает рассмотрение различных аспектов и уровней языка. При изучении становления и эволюции новых терминологических систем особый интерес представляют ситуации, когда эти процессы можно проследить практически в режиме реального

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ, грант №16-04-00373 «Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций», 2016–2018.

времени на основе текстов, отражающих последовательные этапы их эволюции, например, в сфере юридической, административной и экономической терминологии при резком изменении социально-политического контекста в конкретной языковой среде. В рамках африканского языкознания такую возможность, видимо, предоставляет эволюция политической и социально-экономической системы в Эфиопии последних десятилетий.

Совершенно иная ситуация возникает при сопоставлении переводов одних и тех же текстов на какой-то язык, осуществленных на разных этапах формирования литературной нормы в этом языке. Здесь на первый план выходят переводы канонических текстов, требующие особой точности и адекватности перевода. Едва ли можно предполагать, что при первичном создании корпуса письменных текстов в младописьменным языке на протяжении сравнительно небольшого временного интервала будут делаться повторные переводы на этот язык каких-либо иных текстов кроме канонических. Следовательно, особое значение приобретают переводы Библии, поскольку переводы Корана в неарабской среде используются лишь для информационных целей, а в богослужебной практике допустим только арабский язык как священный язык Корана.

В контексте сказанного выше особый интерес для анализа формирования литературной нормы в целом, а также соответствующей терминологической системы представляет язык хауса, где имеются три независимых полных перевода Библии, сделанных на разных этапах складывания письменной нормы хауса:

1. *LITTAFI MAI TSARKI. Tsofon Alkawali da Sabon Alkawali. Lagos. The Bible Society of Nigeria. (First published 1932).*
2. *LITTAFI MAI TSARKI duk da AFOKIRIFA. Lagos. The Bible Society of Nigeria. (First published 1980).*
3. *LITTAFI MAI TSARKI. Juyi Mai Fitar da Ma'ana. The Bible Society of Nigeria. 2014.*

Необходимо отметить, что первый перевод Библии на хауса был сделан, когда письменно-литературная норма хауса только

начинала складываться. Вторая и третья версии отражают последовательные этапы становления этой нормы.

В докладе рассматриваются вопросы формирования терминологической системы хауса на материале сопоставительного анализа этих трех переводов.

Основная литература

1. *Porkhomovsky V.* L'oral et l'écrit dans la perspective synchronique et diachronique / Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus des séances de l'année 2016 ; juillet – octobre. Publication trimestrielle. Fascicule III, Paris, Diffusion de Boccard, Pp. 1229–1256.

А. П. Ренжин

Калькирование как один из способов пополнения словарного состава современного амхарского языка

Общественно-политические и экономические изменения в Эфиопии в конце XX – начале XXI в. нашли отражение в процессе активизации заимствований для номинации новых явлений, а также замены уже существующих в языке наименований. Среди слов, пришедших в современный амхарский язык из иноязычных источников, большой удельный вес приходится на те, которые возникли путем калькирования.

Калька, на наш взгляд, – это лексическая единица современного амхарского языка, сформировавшаяся по заимствованным из контактирующих языков деривационно-мотивирующим, семантическим и фразеологическим моделям, в которой отсутствует признак, показывающий чужезычность ее происхождения.

Лексические словообразовательные (структурные) кальки возникают в результате буквального перевода иноязычного слова-прототипа по частям: приставки, корня, суффикса. При этом лексические структурные кальки могут быть точными, т. е. по структуре и значению верные копии прототипа, и неточные, имеющие

иную последовательность компонентов сложных слов-прототипов. Например, амхарское слово *həwətawinnet* является точной калькой английского слова *vitalism*. И *vitalism*, и *həwətawinnet* имеют семантическое соприкосновение (учение о наличии в живых организмах нематериальной силы, управляющей жизненными процессами), структурное сходство *vit-al-ism* (*vit* – морфема в составе латинского слова *vita* ‘жизнь’, *al* – суффикс прилагательного, имеющий значение принадлежности к чему-л.), *ism* – суффикс абстрактного существительного), *həwət-awi-nnet* (*həwət* – жизнь, *awi* – суффикс прилагательного, обозначающий принадлежность к чему-л., *nnet* – суффикс абстрактного существительного). Лексема *məwaqərawinnet* (*məwaqə-awi-nnet*) является точной калькой английского слова *structuralism* (*structur-al-ism*).

Неточные кальки представляют собой рода отступления в копировании как структуры, так и значения иноязычных прототипов. Среди неточных калек в амхарском языке распространенным типом являются кальки – сложные слова, построенные по модели амхарского изафета, прототипами которых являются словосложения из двух существительных, например: *uətəreja bank* и *databank* ‘банк данных’.

Английский прототип *databank* является словосложением с орфографической цельюоформленностью, амхарская калька *uətəreja bank* – сложным словом, первый компонент которого оформлен префиксом *uə-*.

Семантическая калька представляет собой новое значение, возникшее в амхарском слове под воздействием семантики прототипа. Семантические кальки – это исконно амхарские слова, которые, кроме присущих им в амхарской лексической системе значений, получают новые значения под влиянием языка-контактора. Например, амхарское слово *məngəd*, обозначающее ‘путь, дорога’, под влиянием английского языка стало употребляться в значении ‘способ, метод’. Это калька английского многозначного слова *way*, имеющего значение ‘дорога, путь; сторона, направление; средство, метод, прием’. Амхарское слово *mədəb*, имеющее

значение ‘класс, категория’, под влиянием английского слова *class* употребляется теперь в значении ‘класс социальный, политический’: *yeseṛateñña medeb* ‘рабочий класс’, *uṣmedeb təgl* ‘классовая борьба’.

Участие семантических калек в пополнении лексического состава современного амхарского языка можно посмотреть на примере таких калек как *qəuu ʔor* – Red Army ‘Красная Армия’, *gəra kənf* – left-wing ‘левый (в политике)’. Семантическое развитие амхарских слов *qəuu* ‘красный’ и *gəra* ‘левый’, возможно, не привело бы к появлению у них общественно-политических значений, если бы соответствующих значений не было у английских *left* и *red* (семантическая калька русского слова ‘красный’).

Кроме полных калек в лексике современного амхарского языка можно найти и так называемые лексические полукальки, возникшие путем частичного перевода чужих прототипов. Например, ФЕ *ʂeṛe missile* ‘противоракета’ получилась в результате буквального перевода первого компонента английского слова *anti-missile* (*anti* = *ʂeṛe*) с сохранением оставшейся части непереуведенной.

Фразеологические кальки. К ним относятся возникшие в современном амхарском языке под влиянием иноязычных ФЕ-прототипов разные по степени устойчивости словосочетания.

Самой большой частью фразеологических калек являются составные термины. Различные виды метафорического переноса, характеризующие семантическую структуру ФЕ-калек, развились в языках-контакторах, а затем были перенесены в амхарский язык. Метафоричность ощущается, например, в таких кальках, как *uṣtesfa ʂəlanǰəl* ‘проблеск надежды’ (*англ.* *gleam of hope*), *qulf bota* ‘ключевая позиция’ (*англ.* *key position*).

Точные фразеологические кальки соответствуют семантике ФЕ-первообраза, члены-компоненты (их количество, качество и последовательность) точно копируют прототип: *qəzqazza ʔorənnət* = *cold war* ‘холодная война’. Амхарская калька и английский прототип равны и по семантическому соприкосновению (состояние

военно-политической конфронтации государств), и по структурному типу (словосложения из прилагательного ‘холодный’ и существительного ‘война’), и по последовательности компонентов.

Неточные фразеологические кальки в современном амхарском языке могут иметь синтаксическое, морфологическое или лексическое отступление. Морфологическое отступление, например, возникло при переводе прототипа в таком устойчивом словосочетании как *uɛgize mɔnda* ‘повременная оплата’ (*англ.* *time wages*). В английском прототипе существительное *wage* употреблено во множественном числе, а его перевод в амхарской кальке – в единственном числе.

Анализ собранного нами фактического материала свидетельствует о том, что калькирование является довольно продуктивным способом пополнения лексического состава современного амхарского языка.

Ю. Г. Суетина

Различия в переводах Библии на язык хауса (Евангелие от Матфея)

Наиболее архаичным является первый перевод (П 1), поскольку он создавался в 1930-х годах, когда литературный язык хауса еще только начинал складываться. Именно этим можно объяснить большое количество диалектизмов, которые в настоящее время не употребляются в литературном языке хауса. Так, в первом варианте ‘его звезда’ переводится как *tamraronsa* вместо *tauraronsa*, принятого в литературном языке и которое употреблено во втором и в третьем вариантах переводах, *amro* ‘жениться на’ вместо литературного *auro*. Следует подчеркнуть, что в первом варианте перевода Библии переводчики строго придерживались канонического текста, тогда как во втором (и особенно в третьем) они позволяли себе отойти от канонического текста, чтобы сделать его более доступным для читателя.

Рождество Иисуса Христа было так... (1/18)

1. *Haifuwar Yesu Kristi haka take* ‘Рождение Иисуса Христа так оно было’.

2. *Ga yadda haifuwar Yesu Almasihu take.* ‘Вот как было рождение Иисуса Христа’.

3. *Ga ydda aka haifi Yesu Almasihu.* ‘Вот как родился Иисус Христос’.

В первых двух примерах использована именная конструкция, тогда как в третьем – глагольная. В первом примере наблюдается инверсия наречия *haka* ‘так, таким образом’, которое обычно занимает место после предиката. Во втором и в третьем примерах использовано придаточное предложение образа действия.

В первом примере Иисус Христос дается как *Yesu Kristi*, где слово *Kristi* является заимствованием из английского языка *Christ* с добавлением конечного *-i*, поскольку имена существительные в хауса не могут иметь в ауслауте закрытый слог. В примерах 2 и 3 вместо английского заимствования используется арабское слово *Almasihu* ‘мессия’.

... по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде чем они сочетались, оказалось, что Она имеет во чреве от духа святого. (1/18).

1. *...sa'anda aka yi tashi tsakanin uwa tasa Maryamu da Yusufu* ‘когда было ухаживание между Марией его матерью и Иосифом’.

2. *...sa'ad da Yusufu ke tashin Maryamu, uwar Yesu* ‘когда Иосиф ухаживал за Марией, матерью Иисуса’.

3. *...lokacin da Yusufu yake neman Maryamu, mamar Yesu da aure* ‘когда Иосиф сватался к Марии, маме Иисуса’.

В первом и во втором примерах употреблено существительное *tashi* ‘ухаживание юноши за девушкой’. Но в первом примере употреблено безличное местоимение формы *suka* – *aka*, которое играет роль субъекта в данном предложении, а во втором роль субъекта выполняет имя собственное Иосиф. И в первом и во втором примерах употреблена лексема *uwa* ‘мать’, имеющая нейтральную окраску как обращение к лицу женского пола, а вот в третьем

примере эта лексема заменена другой – *тата* ‘мама / мать’ как женщина по отношению к рождённым ею детям.

1. ...*tun ba su gamu ba, aka iske tana da juna biyu* ‘пока они ещё не соединились, обнаружили, что она беременна’

2. ...*tun ba a dauke ta ba, sai aka ga tana da juna biyu* ‘еще пока ее не взяли, увидели, что она беременна’

3. ...*tun ba a daure musu aure ba, sai ya zama tana da ciki* ‘еще пока не заключили их брак, стало так, что она (была) беременна’.

В первом примере используется порода глагола на -и от исходной формы *gama* ‘соединять’ – ‘соединяться’. Во втором примере вместо глагола *gamu* использован другой глагол *dauka* ‘брать’. Интересно, что этот глагол является предикатом при безличном субъекте, т. е. из контекста трудно понять, кто же ее (Марию) должен был взять. И лишь в третьем примере четко говорится о заключении брака между Иосифом и Марией. Другой особенностью приведенных выше примеров является тот факт, что в первых двух случаях для выражения «быть беременной» используется эвфемизм *juna biyu*, тогда как в третьем прямо говорится о беременности: *tana da ciki*. Бросается в глаза и тот факт, что в первых двух переводах довольно часто используется в качестве субъекта безличное местоимение.

Во втором и в третьем вариантах перевода уточняются многие, неизвестные хаусанцам географические названия и титулы. Так, Вифлеем Иудейский в первом варианте передан дословно *Baitalahmi ta Yahudiya*. Во втором варианте уточняется: *Baitalami ta kasar Yahudiya* ‘Вифлеем страны / земли Иудея...’ И в третьем уточняется не только Иудея, но и сам Вифлеем: *garin Betelehem ta yankin Yahudiya* ‘город Вифлеем в области Иудея ...’

Во всех трех вариантах по-разному передано выражение ‘волхвы с Востока’.

1. *wadansu shefuna daga Gabas* ‘некоторые ученые люди с Востока’;

2. *wadansu masanan taurari...* ‘некоторые знатоки звезд с Востока’;

3. *wadansu masu ilmin gane taurari...* ‘некоторые имеющие знание понимать звезды...’

Третий вариант перевод снабжен также пояснениями, например, что такое ‘царствие небесное’ или ‘крещение’ или ‘сиддукеи’ и т. п.

М. Р. Урб

Фразеологизмы языка африкаанс с компонентом цветообозначения

Фразеологический фонд языка африкаанс чрезвычайно богат и представляет собой сложное сочетание исконных и заимствованных фразеологизмов. ФЕ занимают значительное место в лексической системе языка и придают ему глубину, красочность и выразительность. ФЕ африкаанс широко используются как в произведениях классической и современной художественной литературы, так и в СМИ и разговорной речи.

Фразеологизмы с элементами цветоименований в языке африкаанс представляют большой интерес, так как цветообозначения непосредственно участвуют в формировании языковой картины мира африканеров. Использование слов, обозначающих цвета, во фразеологизмах приводит к тому, что само понятие цвета переосмысливается, оно становится более абстрактным и многозначным. При этом возникает оценочность, которая может совпадать или не совпадать с самим значением цвета.

Многие «цветные» фразеологизмы являются исконными для языка африкаанс. В них отражаются быт, обычаи, традиции, исторические факты, реалии. Например, словосочетание *Blou trein* означает так называемый ‘Синий поезд’ или ‘Синий экспресс’, который является одним из всемирно известных пассажирских поездов класса люкс. Он является символом роскоши и респектабель-

ности. Очень часто употребляют и другое выражение *paleis op die spoor* 'дворец на колесах'.

Заемствования являются одним из основных источников пополнения фразеологического фонда языка африкаанс. Среди них большую часть занимают нидерландские и английские заимствования. Например, *swart Piet* 'черный Пит', *'n wit raaf* 'белая ворона', *tot jou blou word* 'до посинения', *'n wit olifant* 'чемодан без ручки'.

Фразеологизмы с компонентом *swart* 'черный' имеют в основном отрицательную коннотацию: *die Swart Dood* 'чума', *swartmark* 'черный рынок', *swart handel dryf* 'вести нелегальную торговлю', *swartsmeer* 'очернить, оклеветать, наехать', *die hande (swart)smeer* 'дать взятку', *swartskaaп (van die familie)* 'в семье не без урода', *swart lys* 'черный список', *jou swarte tater* 'подлец, негодяй', *'n swart kyk gee* 'смотреть волком', *swaar jare* 'тяжелые времена', *wie met roet speel, word swart* 'плохие друзья испортят и тебя', *so min soos die swart van iemand se nael* 'очень малое количество, почти ничего'. В положительном значении 'черный' встречается во фразеологизме *swart op wit* 'черным по белому'. В сравнительных оборотах *so swart soos git (roet, steenkool)* 'черный как агат/сажа/уголь' цвет имеет нейтральную коннотацию.

Фразеологизмы с компонентом *wit* 'белый', как правило, имеют и положительное, и отрицательное значение: *'n wit raaf* 'белая ворона', *'n wit olifant* 'чемодан без ручки', *met 'n witbrood onder die arm kla* 'жаловаться без причины', *witbroodjie* 'любимчик', *wittande* 'смеяться во весь рот, смеяться во все горло, улыбка до ушей', *wit voetjie soek* 'заискивать, завоевать расположение', *wittebrood hou* 'проводить медовый месяц'.

Значение фразеологизмов с компонентом *rooi* 'красный' чаще всего имеют негативную коннотацию. Красный цвет выражает отрицательные эмоции, тревогу, гнев, трудности: *in die rooi wees* 'работать с убытком, влезть в долги', *tot agter haar ore rooi word* 'покраснеть до корней волос от стыда', *Rooi word* 'стать коммунистом', *rooibaadjie* 'солдат британской армии; пеший турист' *rooi-nek* 'англичанин, английский солдат, деревенщина', *Rooitaal gooi*

‘знать английский язык’. Ряд фразеологизмов, содержащих элемент *rooi*, имеют положительную либо нейтральную коннотацию: *rooi wange hê* ‘иметь розовые щечки, здоровый румянец’, *so rooi soos ’n kalkoen* ‘красный как рак’, *soos ’n rooi draad deur iets loop* ‘проходить красной нитью’, *Rooi Kruis* ‘Красный крест’.

Синий цвет *blou* во фразеологизмах имеет разнонаправленную коннотацию: *blou bloed* ‘голубая кровь’, *blou kous* ‘синий чулок’, *tot jou blou word* ‘до посинения’, *’n Blou baard wees* ‘Синяя борода’, *so blou soos die hemel (berge)* ‘синий как небо (горы)’, *iets blou-blou laat* ‘оставить все, как есть’, *die vyand blouboontjies gee* ‘стрелять по врагу’, *die bloubottel kry* ‘пить касторовое масло’, *’n blou skeen kry / ’n bloutjie loop* ‘получить отказ; не достичь цели’, *blou Maandag* ‘черный понедельник’, *dis ’n blouperd van ’n ander kleur* ‘почти тоже самое, таким же образом’, *een keer in ’n blou jaar* ‘очень редко’.

Фразеологизмы с компонентом *groen* ‘зеленый’ также относятся к группе фразеологизмов с разнонаправленной коннотацией: *so groen soos gras* ‘зеленый как трава’, *groen wees (van afguns)* ‘позеленеть от зависти, черный от зависти, лопнуть от зависти’, *die groen lig gee* ‘открывать/дать зеленую улицу’, *dit word groen en geel voor jou oë* ‘в глазах потемнело’, *nie so groen wees dat ’n koei jou sal vreet nie* ‘не такой уж он и дурак, не лыком шит’, *Groene* ‘Зеленые’, *groenveld* ‘ранее не использовавшаяся земля / территория / участок’.

Фразеологизмы с компонентом *geel* ‘желтый’ в основном имеют отрицательную коннотацию. Желтый цвет символизирует трусость, ревность, нездоровье: *die geel pers* ‘желтая пресса’, *geelkoors* ‘желтая лихорадка’, *die geelbaadjie aanhê* ‘быть ревнивым’, *die geel bladsye* ‘желтые страницы’.

Цвета *grys* ‘серый’, *pers* ‘сиреневый’, *roos* ‘розовый’ редко встречаются в составе фразеологизмов: *grys wees voor jou tyd* ‘уменьше по годам’, *grys hare van iets kry* ‘это стоило седых волос’, *grys wees waar die hoender hom (die hand) gebyt het* ‘тертый калач / плут / бестия / пройдоха / каналья’, *pers wees van woede* ‘вспыхнуть от гнева, рагорячиться, разгневаться’, *pimpel en pers slaan* ‘избить до синяков’, *’n rooskleurige toekoms* ‘светлое будущее’.

В. С. Шатохина

**Синтаксическая структура пословиц
и поговорок суахили (к вопросу
о модальности)**

Наиболее важной чертой, которая отличает пословицы и поговорки от фразеологизмов, является их синтаксическая структура – они имеют форму предложения. Поэтому все пословицы и поговорки могут быть отнесены к определенному коммуникативному типу. Исходя из общей теории синтаксических типов предложений, можно различить два типа паремий суахили: к первому можно отнести паремии, имеющие вид простого предложения, например, **Kawaida ni kama sheria**. *Обычай – все равно что закон*. Ко второму типу – паремии в форме сложного предложения, например, **Simba akikosa nyama, hula nyasi**. *Если у льва нет мяса, он и траву ест*.

Одной из неотъемлемых функций глагола – предиката предложения является категория модальности. Трактовка понятия модальности в лингвистике очень разнообразна. Предлагаем взять за основу подход, изложенный А. В. Бондарко в его работе «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» [1]. А. В. Бондарко называет 6 языковых явлений, которые могут быть включены в понятие «модальность», и имеют различные средства выражения (грамматические, интонационные, лексические). Модальность как грамматическая категория подразделяется на два вида: объективная модальность, которая указывает на характер связей, отражаемых в содержании высказывания, и благодаря которой осуществляется соотнесение содержания предложения с реальной действительностью, и субъективная модальность, которая указывает на отношение говорящего к содержанию высказываемого и характеризует степень достоверности содержания высказывания с точки зрения говорящего (выражение намерения или условия, признаки долженствования, обязательности, гипотетичности, потенциальной возможности и т. д.) [2: 218].

В пословицах суахили, так же как и в предложении в языке суахили вообще, объективная модальность выражается посредством категории наклонения. Для паремий суахили наиболее характерно употребление предиката в изъявительном наклонении, которое выражается с помощью показателей *-li-*, *-ta-* (временные показатели), а также видовых / видо-временных показателей *-a-*, *-na-*, *-me-*, *-sha-*, *-ka-*, *hu-*. Например, **Penye moshi pana moto.** *Где есть дым, есть и огонь.*

Также можно обнаружить большое количество примеров с предикатом в условном наклонении, которое выражается в суахили с помощью показателей *-ki-*, *-nga-*, *-jaro-*, *-nge-* (*-ngeli-*), например, **Kikiwaka na moshi utazuka.** *Если что-то горит, то и дым появится.* Префикс *-ki-* в данном случае оформляет глагол-сказуемое придаточного условного предложения. Данный показатель представляется наиболее продуктивным среди пословиц при образовании условного наклонения. Так, например, одних только пословиц, начинающихся с условного придаточного предложения, где предикат представлен 2-ым лицом единственного числа, насчитывается 72, что составляет 3 % от общего числа паремий в сборнике, используемом нами для исследования [3].

Среди пословичного фонда суахили можно также найти примеры, где значение эмфатического условного наклонения выражено с помощью инфикса *-nga-* в сочетании с глаголом *-wa* «быть», что характерно именно для идиоматического контекста, например, **Kipya kinyemi kingawa kidonda.** *Новое – хорошо, даже если оно ранит.* Показатель *-jaro-* также можно считать показателем эмфатического условного наклонения, например, **Msafiri maskini ajapokuwa sultani.** *Путешественник беден, даже если он султан.*

Показатели *-nge-*, *-ngeli-* / *-ngali-*, являясь показателями условно-сослагательного наклонения, могут употребляться в языке суахили в различных комбинациях: могут входить в состав глаголов-сказуемых обеих частей сложного предложения, только одной его части, или же употребляются в однопредикатном простом предложении. При этом инфикс *-ngeli-* / *-ngali-* выражает меньшую вероятность выполнения действия. Для пословиц характерно употреб-

ление афикса -nge-, причем только в качестве инфикса в предикате придаточного предложения, что выражает значение чисто условного наклонения и передает большую уверенность в совершении действия, например, **Angenda juu kiboko makao yake pwani**. *Если даже бегемот поднялся на высоту, его жилище на берегу.*

По цели высказывания можно разделить паремии суахили на два коммуникативных типа: аффирмативные и негативные, например, **Heri mbwa aliyehai kuliko simba aliyekufa**. *Лучше живая собака, чемдохлый лев.* Нужно отметить, что ко второй группе паремий можно отнести и те, которые являются отрицательными лишь по своей грамматической форме, оставаясь при этом положительными по своей логической структуре, например, **Mwanamke mzuri hakosi kilema**. *И красивая женщина не без изъяна.*

И положительные, и отрицательные по своей грамматической форме пословицы и поговорки суахили можно разделить на три модальных подтипа. К первому, повествовательному подтипу, относятся те, что нейтрально сообщают о каком-либо факте, например, **Zana za vita ni silaha**. *Аппарат войны – это оружие.* Вторым подтипом – это пословицы и поговорки, представленные побудительными предложениями с различными оттенками волеизъявления, например, **Usiuze nyumba kununuu kiwanja**. *Не продавай дом, чтобы купить участок.* Третий подтип – это паремии, имеющие вопросительную модальность, например, **Mla ni mla leo, mla jana kala nini?** *Сегодня сыт тот, кто ест сегодня, а чем сыт тот, кто ел вчера? (= вчерашним днём сыт не будешь).* Паремии с вопросительной модальностью для языка суахили являются скорее исключением из правила.

Наиболее продуктивным среди пословиц и поговорок суахили является изъявительное и желательно-побудительное наклонение (оптатив), то есть преобладают высказывания, представленные повествовательными и побудительными предложениями.

Основная литература

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990, 264 с.

2. Аксёнова И. С., Топорова И. Н. Введение в бантуистику. Имя. Глагол. М., Наука, 1990, 270 с.
3. King'ei K., Ndalu A. Kamusi ya methali. Nairobi – Kenya: Prints Arts Limited, 2008, 372 с.

Экономика стран Азии и Африки
Круглый стол
**«Проблемы качества экономического
роста в странах Азии и Африки»**

В. В. Бойцов

**Экономический рост в современной
Малайзии: основные факторы и итоги**

Малайзия – одна из наиболее успешно развивающихся стран Юго-Восточной Азии. Среднегодовые темпы прироста ВВП за период с 1960 по 2016 гг. в ценах 2010 г. составили 6,3 %, что было заметно выше среднего для мирового хозяйства (3,5 %). Благодаря этому объем общественного производства в Малайзии вырос за указанное время в 30 раз. Это позволило поднять к 2016 г. производство ВВП на душу населения до 9 508 долл. США (по паритету покупательной способности валют – до 27 725 тыс. долл.) – самому высокому после Сингапура и Брунея показателю в регионе. В результате к началу второго десятилетия XXI в. Малайзия стала первой после тех же Сингапура и Брунея страной в ЮВА, которой не только удалось сократить, но и преодолеть нараставшее до того в течение многих десятилетий отставание их ВВП на душу населения от среднего для мирового хозяйства и к 2016 г. превзойти его в ценах 2010 г. на 615 долл. Следствием ускоренного и стабильного роста малазийской экономики стало увеличение ее вклада в мировое производство: если в 1960 г. он составлял менее 0,1 %, то к 2016 г. возрос до 0,4 %.

Приобрела более прогрессивные черты и отраслевая структура общественного производства. Так, доля обрабатывающей промышленности в ВВП возросла в Малайзии с 1970 по 2017 гг. в 2,2 раза, а сферы услуг – в 1,3 раза и к концу указанного периода достигла соответственно 22,3 % и 52,0 %. Ведущие позиции в этих подразделениях экономики также постепенно перешли к их наиболее

современным отраслям: в обрабатывающей индустрии, в первую очередь, к электротехнической и электронной промышленности, обеспечивавшим в том же 2017 г. 23,0 % стоимости всей продукции обрабатывающей индустрии и 44,6 % ее экспорта, и в сфере услуг – к выдвинувшимся на вторую (после торговли) и последующие позиции секторам финансовых и страховых услуг, операций с недвижимостью, а также информационно-коммуникационных и бизнес-услуг, которые в совокупности обеспечивают производство 36,0 % ВВП в этой сфере. Рост обрабатывающей промышленности и других индустриальных отраслей и сферы услуг позволили снизить зависимость хозяйства страны от производства сырья, что уменьшило долю природной ренты в ее ВВП с 17,0 % в 1970 г. до 4,8 % в 2017 г.

Вместе с ростом производства и позитивными изменениями в отраслевой структуре хозяйства произошло и заметное повышение его эффективности. В наиболее современных отраслях хозяйства наметилась тенденция к снижению их капиталоемкости. За период 2005–2013 гг. она уменьшилась в промышленном производстве на 0,8 % и в сфере услуг – на 0,4 %. Сократился и расход энергетических ресурсов на единицу производимой продукции. Если в 1990 г. для производства 1 000 долл. ВВП, рассчитанного по паритетах покупательной способности валют и в ценах 2011 г., расходовалось в нефтяном эквиваленте 287 кг энергетического сырья, то в 2014 г. – всего 193 кг. В то же время доля высоко- и среднеквалифицированного труда среди всех занятых возросла с 2007 по 2011 гг. с 85,7 % до 89,8 %, т. о. производство интенсивно насыщалось импортным высокопроизводительным оборудованием. Заметно повысилась совокупная производительность труда: за период 2006–2016 гг. в постоянных ценах 2010 г. – на 27,4 %. На рубеже 1990-х – 2000-х гг. стала намечаться все более устойчивая, тенденция к увеличению вклада совокупной производительности в прирост ВВП и соответственно тенденция к сокращению доли его экстенсивных факторов – реальных капиталовложений и применяемого труда. Если в 1996–2000 гг. вклад роста совокупной производительности в прирост ВВП Малайзии составлял 25,4 %, то в 2011–2015 гг. он увеличился до 29,8 %, тогда как вклад роста

реальных капиталовложений уменьшился с 49,5 % до 48,8 %, а применяемого труда – соответственно с 25,1 % до 21,4 %. В то же время в технологической структуре капиталовложений по-прежнему преобладают расходы на здания и сооружения (в 2015 г. 54,9 %), а не на машины и оборудование (36,3 %), что объясняется продолжающимся расширением ареала хозяйственного освоения территории страны.

Отмеченные позитивные изменения в экономике, наряду с другими хозяйственными, а также социальными и политическими факторами обеспечили рост конкурентоспособности малазийской экономики. В 2016–2017 гг. она занимала по этому показателю 25 позицию среди 138 экономик мира и вторую, вслед за Сингапуром, в ЮВА. В свою очередь, успехи в экономическом строительстве послужили базой для повышения качества жизни ее населения. Уровень бедности снизился с 49,3 % в 1970 г. до 0,6 % в 2016 г. Коэффициент Джини сократился за 2009–2015 гг. с 0,441 до 0,420 пунктов. Многие малайцы перестали довольствоваться не только начальным, но и полным средним образованием. В 2016 г. количество людей в стране со степенью бакалавра, по сравнению с 2000 г., возросло в 2,3 раза, со степенью магистра в 3,3 раза и со степенью PhD – в 9,6 раз. Согласно индексу процветания Института Лега-тум, обобщающему, наряду с экономическими и политическими, важнейшие социальные показатели, Малайзия в 2017 г. вышла на 42 позицию из 149 стран, в том числе на вторую в регионе после его лидера Сингапура.

Л. С. Бочарова

**Альтернативная энергетика как новое
направление экономического развития
ОАЭ**

Правительство Объединённых Арабских Эмиратов уделяет особое внимание вопросам достижения устойчивого качественного роста в условиях сохранения окружающей среды. В этой связи была раз-

работана энергетическая стратегия страны, предусматривавшая следующую целевую структуру электрической генерации к 2050 г.: 44 % – ВИЭ, 38 % – природный газ, 12 % – «чистый» уголь, 6 % – атомная энергетика. Инвестиции в создание и развитие этого сектора составят к 2050 г. 600 млрд дирхам (\$163 млрд). Если говорить о планах отдельных эмиратов, то следует отметить столичный эмират Абу-Даби, где доля ВИЭ к 2030 г. должна вырасти до 25 %, а к 2050 г. увеличиться до 75 %. В настоящее время основным источником электроэнергии в ОАЭ является природный газ. Он дает более 90 % генерации.

Реализация проектов в области ВИЭ в стране имеет под собой серьезные экономические обоснования. К 2030 г. имеющиеся энергетические мощности смогут удовлетворить только половину потребностей в энергии. По этой причине переход на новые источники энергии стал абсолютной экономической необходимостью для того, чтобы справиться с последствиями растущей численности населения и экономической экспансии. Сегодня ОАЭ сосредоточили свое внимание на альтернативных источниках энергии по нескольким причинам: продолжительные солнечные периоды и частые ветра и ураганы, высокий процент выбросов парниковых газов в результате извлечения и переработки нефти и газа, большие объемы жидких и газообразных углеводородов, используемых для производства электричества. Стратегия ОАЭ в области энергетики направлена на диверсификацию источников получения энергии.

В целях максимального использования широких возможностей сектора возобновляемой энергии и экологически чистых технологий в апреле 2006 г. была создана Abu Dhabi Future Energy Company (Масдар). Компания сотрудничает с международными партнерами и организациями, объединяя результаты последних исследований и проверенных временем технологий. Проект Масдар включает пять направлений: Masdar Power, Masdar Capital, Masdar Carbon, Masdar City и Masdar Institute. Специалисты Masdar Power разрабатывают и координируют стратегические проекты для коммунальных предприятий во всех сферах возобновляемой энергии, главными из которых является разработка технологий

производства концентрированной солнечной энергии, фотоэлектрической солнечной энергии и энергии морского и берегового ветра. В сотрудничестве с испанской компанией Abengoa Solar и французской Total Masdar Power реализовал проект по строительству крупнейшей в мире солнечной электростанции Shams-1 в районе Абу-Даби мощностью 100 МВт. Этого хватит для обеспечение энергией более 20 тыс. домов. В настоящее время на долю этой электростанции приходится 10 % от всей энергии, вырабатываемой на земном шаре по технологии CSP. Она позволяет сократить выброс в атмосферу углекислого газа на 193 тонны ежегодно, что эквивалентно выбросам 15 тыс. автомобилей или тому, что может быть поглощено лесом, состоящим из 1,5 млн деревьев. Эта электростанция является одним из четырех этапов реализации самой крупной в мире сети электростанций под названием «Солнечный парк имени Мухаммеда бен Рашида аль-Мактума». Совокупная мощность электростанций солнечного парка должна достичь 1 ГВт к 2020 году и 5 ГВт к 2030 году, а общий объем инвестиций оценивается на уровне 50 млрд дирхамов ОАЭ (около \$13,6 млрд). Кроме того, Masdar Power работает над обоснованием строительства ветряной электростанции мощностью 30 МВт. Посредством этих и других проектов компания способствует достижению цели, поставленной правительством Абу-Даби: обеспечить 7 % своих потребностей в энергии за счет возобновляемых источников.

Возобновляемая энергетика уже сегодня обеспечивает низкую стоимость электроэнергии во многих регионах планеты. В 2015 г. в Дубае (ОАЭ) цена 1 МВт/ч. составляла \$58,4. Сегодня она снизилась до \$29,9/МВт/ч. Для сравнения: в прошлом году в Перу был достигнут уровень \$48, в Мексике – \$36 за 1 МВт/ч. При этом солнечная энергия стоит дешевле ветряной, сообщает отчет Bloomberg New Energy Finance. Компания DEWA из ОАЭ получила предложения на строительство солнечной инфраструктуры по стоимости 2 цента за кВт/ч., а в Китае энергию от солнечной электростанции на 350 мегаватт оценили в 2,42 цента за кВт/ч. По сообщению Международного энергетического агентства, за последние пять лет стоимость выработки солнечной энергии сократилась на 80 %.

И. В. Карзанова, Е. Н. Касимовская

**Открытые инновации как драйвер
экономического развития: опыт
китайских компаний**

В 2016 году список Fortune Global 500 крупнейших компаний мира включал 98 китайских компаний – второе место после 128 компаний США. Этот стремительный рост масштабов деятельности и глобальной конкурентоспособности китайских компаний во многом связан с целенаправленной государственной политикой выращивания компаний – «национальных чемпионов», разносторонней поддержкой инновационной экосистемы и с использованием компаниями современных стратегий открытых инноваций.

С 1980-х годов Китай проводит экономическую реформу и политику «открытых дверей» для построения открытой рыночной экономики. Китайская экономика переходит от экспортно-ориентированной инвестиционной модели роста, к модели, ориентированной на внутреннее потребление и инновации. После трех десятилетий развития с двухзначными темпами экономического роста Китай переключается на новую инновационную траекторию роста с «новыми нормальными» темпами роста (5,5–6,5 %). Конкурентоспособность Китая как «мировой фабрики» исчезает по мере удорожания местной рабочей силы и транснациональные корпорации, в том числе китайские, начинают передислоцировать свою продукцию в страны с более дешевой рабочей силой. В таких условиях китайское правительство рассматривает науку, технологии и инновации в качестве нового драйвера экономического развития и всемерно развивает инновационную систему. Основными создателями инноваций являются компании, которые все чаще используют стратегии открытых инноваций, нацеленных на использование инновационных ресурсов не только самой компании, но и окружающей экосистемы. Китайская экономика успешно превращается из «инновационной губки», которая поглощает и адаптирует тех-

нологии передовых стран, в одного из мировых лидеров создания инноваций.

Китайские компании активно используют такие формы открытых инноваций как: поглощения (примеры: в 2010 г. китайская автомобильная компания Zhejiang Geely купила у американской компании Форд компанию Вольво со всеми ее технологиями; компания Lenovo недавно приобрела Motorola Mobility и IBM's x86 Server, приобретение компанией Dongfeng Motors контрольного пакета акций Peugeot-Citroën); активный поиск на рынке научно-технической продукции технологий; краудсорсинг посредством организации открытых конкурсов по темам, интересующим компании, для получения готовых технических решений (крупнейший производитель смартфонов Xiaomi создал интерактивную структуру MIUI, которая насчитывает 150 млн ежедневных пользователей, подающих компании свои идеи и запросы); организация акселераторов и бизнес-инкубаторов для выращивания стартапов, работающих на компании (компания Lenovo создала интернет-платформу "Lenovo New Business Development" для работы со стартапами); проведение хакатонов; создание открытых инновационных платформ нацеливающих исследователей, стартапы, потребителей и других акторов на решение инновационных проблем (крупнейший китайский производитель бытовой техники Haier создал портал HOPE – Haier Open Partnership Ecosystem); создание корпоративных венчурных фондов, инвестирующих в перспективные стартапы; сотрудничество с научно-исследовательскими институтами (компания Huawei реализует Huawei Innovation Research Program), и другие. В результате активного использования таких современных инновационных стратегий китайские компании создают конкурентоспособные современные продукты и услуги для отечественных и зарубежных потребителей.

Усиление вектора инновационного развития Китая подтверждается и динамикой глобального индекса инноваций (Global Innovation Index), разработанного в 2007 в INSEAD. Согласно последнему отчету (ГИ 2017 Report) Китай занимает 22-ю строч-

ку в глобальном рейтинге с показателем в 52.5, переместившись с 35-ой позиции с показателем в 44.7 всего лишь за пять лет. Для сравнения, у мирового лидера по инновациям, Швейцарии, данный показатель составил 67.7, Россия занимает 45-е место с показателем 38.8. В отчете особо отмечается феномен складывания в масштабах мира трех крупнейших субнациональных кластеров инновационной активности, измеряемой уровнем патентования. Один из этих кластеров – Шеньчжень-Гонконг. За период с 2006 по 2010 годы число выданных в Китае патентов удвоилось и составило 135 110. Причем на долю китайских национальных компаний приходилось 74 % расходов на НИОКР, 17 % расходов несли иностранные компании и 9 % – компании из Гонконга, Тайваня и Макао.

Основная литература

1. Давтян М., Щербакова Т., Карзанова И. Инновационная деятельность предприятия. М.: Изд-во РУДН, 2014.
2. Business in China: Innovation Fast and Furious. Chinese private firms are embracing innovation. Special Report. *Economist*, Sep. 10th, 2015. URL: <http://www.economist.com/news/special-report/21663325-chinese-private-firms-are-embracing-innovation-fast-and-furiou>
3. The Global Innovation Index 2017. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2017-report>

Л. Х. Матюнина

Теневые банки развивающихся стран: особенности развития (2011–2016 гг.)

Понятие «теневые банки» не имеет единой общепризнанной трактовки, концепция теневой банковской деятельности (ТБД) находится в стадии уточнения и дальнейшей разработки, база данных по теневым банкам только формируется, поэтому наши представления о масштабах, значении, плюсах и минусах теневого банковского сектора для экономики пока имеют приблизительный, оценочный характер, хотя постоянно углубляются и расширяются.

Изучением различных аспектов ТБД занимаются многие международные финансовые организации, среди них Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board, далее ФСБ), который по поручению большой 20-ки осуществляет мониторинг теневого банков на глобальном уровне и с 2011 г. публикует ежегодные доклады (Global Shadow Banking Monitoring Report).

ФСБ определяет ТБД как «кредитное посредничество, охватывающее юридические лица и деятельность (полностью или частично) за пределами традиционной банковской системы» (Global Shadow Banking Monitoring Report 2016: 1) и предлагает измерение ТБД в широкой и узкой интерпретации. При широком понимании масштабы ТБД (ТБДШ) определяются активами всех финансовых посредников, кроме банков, пенсионных, страховых компаний, государственных финансовых структур. Эта группа посредников обозначается как другие финансовые посредники (ДФП). Узкая интерпретация ТБД (ТБДУ) предполагает исключение из ДФП тех из них, которые не занимаются кредитным посредничеством по типу банковского. Таким образом, ТБДУ должно дать представление о масштабах деятельности небанковских посредников вне регулирования, которые в наибольшей степени подвержены рискам и способны дестабилизировать финансовую систему в целом. ФСБ при мониторинге ТБД в 2016 году опирался на данные (на конец 2015 г.) по отраслевым балансам 28 юрисдикций, из которых 11 – развивающиеся страны (РС). На 28 стран приходится 80 % мирового ВВП, около 90 % активов глобальной финансовой системы.

До последнего времени развитие ТБД ассоциировалось главным образом с развитыми странами, однако, с 2010-х гг. отмечаются высокие темпы роста ТБД в развивающихся странах (РС). Представляется интересным оценить особенности современного развития ТБД в странах с формирующимися рынками.

Теневой банковский сектор в РС не велик в масштабах мировой системы. Мировые активы ДФП (ТБДШ) оценивались в 2015 г. в 92 трлн долл., из них 84,7 % приходится на развитые страны, 11,9 % – на страны с формирующимися рынками. Подавляющая часть активов ДФП РС (8 трлн долл. из 11 трлн долл.) приходится

на Китай, который входит в группу стран-лидеров по величине активов ДФП (наравне с Великобританией, опережая Японию и Канаду). Обращают на себя внимание высокие темпы роста ТБДШ в РС, в результате доля РС в глобальных активах теневого сектора за 2011–15 гг. выросла с 4 до современных 11,9 %. Высокие темпы роста ТБДШ в РС могут быть связаны с диверсификацией финансовых систем, с низким стартовым уровнем развития небанковского посредничества, возможно, с улучшением финансовой статистики.

Активы ТБДУ оцениваются в мире в 34,2 трлн долл., т. е. только около 37 % активов ДФП связаны с деятельностью, создающей риски для стабильности финансовой системы. На РС (без КНР) приходится 4 % активов ТБДУ. Отсутствие данных по Китаю в последнем отчете ФСБ затрудняет анализ особенностей развития ТБДУ по группе РС.

В рамках национальных экономик относительная значимость ТБДШ РС заметно ниже, чем в развитых странах. Активы ДФП изменяются от 50–60 % ВВП в КНР до 2–5 % ВВП в Саудовской Аравии, Индонезии, Аргентине. При этом на ДФП приходится от 6 до 17 % активов финансовых систем. В развитых странах доля ДФП в финансовых активах в среднем находится на уровне 30–40 %, активы ДФПШ достигают 200–500 % ВВП.

Однако, относительно небольшие размеры банковского финансового посредничества в РС приводят к тому, что доля активов ТБДУ в финансовой системе вполне сопоставима с аналогичным показателем в развитых странах. Доля активов ТБДУ в активах финансовой системы изменяется от 1,6 % в Индонезии до 12–14 % в Ю. Африке, Бразилии, Индии (в среднем по миру 13 %). При этом от 70 до 90 % активов ТБДУ в РС (без Китая) приходится на взаимные, инвестиционные фонды, трасты по управлению недвижимостью. Все эти структуры оцениваются как «опасные» формы кредитного посредничества вне регулирования.

Таким образом, несмотря на сравнительно небольшие абсолютные и относительные размеры ТБД высокие темпы ее роста и структурные особенности создают известные риски для стабиль-

ного функционирования финансовых систем РС и требуют внимания регуляторов.

Основная литература

1. Global Shadow Banking Monitoring Report, 2011–2016.

В. А. Мельянцеv

Важнейшие составляющие, факторы и ограничители долговременного экономического роста арабских стран в глобальном контексте

1. Арабский мир, который тысячу лет назад по уровню развития существенно обгонял Западную Европу (по нашим расчетам, по подушевому ВВП и урбанизации – в 1,5 раза, по индексу человеческого развития (ИЧР) – вдвое, по доле грамотных – вчетверо), впоследствии по причинам прежде всего внутреннего порядка (усиление консервативных институтов, низкий уровень защищенности жизни и собственности), а также внешних вторжений и завоеваний сильно отстал и, в отличие от Китая, Индии, Бразилии, Мексики, НИС, Турции, Малайзии, Индонезии, так и не вступил по-настоящему на путь современного экономического роста.

2. Низкий уровень диверсификации экономики, инвестиционного климата, накопления физического и человеческого капитала, эффективности систем управления в арабских странах (АС) обусловили после первых десятилетий независимости существенное замедление в них темпов роста продуктивности их хозяйств, нарастание социальных и политических проблем. Хотя на АС приходится 5,5 % численности населения мира, их доля не превышает 1 % от общемировых расходов на НИОКР, 0,3–0,4 % поданных в мире заявок на патенты и глобального экспорта высокотехнологичных товаров. Но при этом на АС приходится $\frac{3}{5}$ всех беженцев и $\frac{2}{3}$ всех смертей в мире на полях сражений. А уровень политической стабильности в целом по АС снизился в 2000–2016 гг. в 2,5 раза и ныне вчетверо ниже, чем в среднем по миру.

3. Если в целом по развивающимся странам (РС) среднегодовой темп прироста (СГТП) абсолютных величин сдвигов в отраслевой структуре занятости вырос вдвое – с 0,6 % в 1950–1980 гг. до 1,2 % в 1980–2016 гг., то в среднем по АС он, наоборот, уменьшился вдвое – с 1,8 до 0,9 %. При этом в целом в них сократился СГТП ИЧР втрое (до 0,9 %), СГТП подушевого ВВП – в 6 раз (до 0,6 %), СГТП совокупной факторной производительности – в 20 раз (до 0,1 % в 1980–2016 гг., что меньше в среднем вдвое, чем в целом по Африке южнее Сахары и Латинской Америке, в 10–12 раз, чем в целом по развитым государствам, и в 20–25 раз, чем в КНР, Индии и НИС).

4. Произведенные нами эконометрические расчеты показывают, что низкая продуктивность и высокая нестабильность хозяйственных систем АС в значительной мере определяется их зависимостью от бартерных условий внешней торговли ($R^2=0,66$; $F\text{-Prob.}=0,001$); низкой долей расходов на высшее образование, НИОКР и ИКТ в ВВП (в 2010–2015 гг. 4,3 %, что вдвое меньше, чем в КНР и втрое, чем в Южной Корее); резким (в 2000–2016 гг. на 6 проц. пунктов) снижением качества их общественных институтов (низкий уровень показателя верховенства законов в АС тормозит СГТП их подушевого ВВП примерно на $1/5-1/4$).

5. По одной из рассчитанных нами моделей, замедленный рост ВВП в АС на четверть связан с низкими темпами роста мало диверсифицированного экспорта, наполовину – с низкой нормой расширенного накопления и на одну пятую с глубокой социальной дифференциацией (в 2010–2015 гг. средневзвешенный коэффициент Джини по распределению семейных доходов в АС (41,5 %) выше, чем в среднем по миру (38 %)).

6. Для преодоления острого кризиса в АС, повышения конкурентоспособности их экономик чрезвычайно важны (хотя это весьма нелегко сделать) либерально-демократические реформы, создающие работоспособные институты, способствующие диверсификации их хозяйственных систем, активизации частного сектора, повышению уровня квалификации и занятости населения.

Расчеты выполнены по материалам международной статистики.

А. А. Сучкова

**Международный туризм – инструмент
инклюзивного развития в странах Африки**

С 90-х годов прошлого столетия мы наблюдаем впечатляющий рост международного туризма в Африке. За тридцать лет число прибывающих в африканские страны туристов увеличилось почти в три раза. В середине 90-х гг. в среднем за год в Африку прибывало около 24 млн чел. В 2017 г. их, по предварительным данным Всемирной туристской организации (ЮНВТО), было уже 62 млн. В терминах среднегодового прироста это означало, что ежегодно количество туристов возрастало на 6 % в период с 1995 по 2014 гг., а в 2017 г. на 8 %, что на 1 процент превысило аналогичный мировой показатель. Конечно, средние показатели скрывают существенные межрегиональные и страновые различия, которые были особенно показательными в период с 2011 по 2014 гг., когда на фоне восьми процентного роста притока туристов в Южную Африку в Центральной Африке поток туристов сокращался в среднем на 12 % в год.

Увеличение туристического потока вызвало еще более значительным рост суммарных денежных затрат иностранных туристов во время путешествий в Африку. В номинальном выражении они росли в среднем на 9 % в год в период с 1995–2014 гг. и обеспечили в среднем 9 % от ежегодных экспортных поступлений и 46 % экспорта услуг африканских стран. Развитие туризма отразилось на его доле в ВВП, которая, с учетом связанных с туризмом отраслей, выросла с 6,8 % в 1995–1998 гг. до 8,3 % в 2015 г.

Несмотря на столь впечатляющий рост африканские страны посещает в 10 раз меньше иностранных туристов, чем Европу и в 5 раз меньше чем азиатские страны (без учета Ближнего Востока). При этом многие африканские страны обладают значительным туристическим потенциалом, прежде всего благодаря исключительному биологическому многообразию, привлекающему большое количество любителей дикой природы, на которых приходится значительная часть туристического потока в Африку.

На развитие туристического потенциала как инструмента экономического роста делается ставка в большинстве африканских стран. В национальные планы 49 государств Африки включены разделы, посвященные туризму. Хотя эти разделы различаются по степени разработанности и в деталях, их посыл в целом одинаков. В них рассматриваются возможные варианты диверсификации экономики в связи с туризмом и его связь с инклюзивным экономическим развитием. Последнее обеспечивается не только созданием новых рабочих мест (уже сейчас каждое 14 рабочее место в Африке в туризме и сопряженных с ним отраслях), но и более широкими возможностями для женщин и молодежи в возрасте от 15 до 24 лет, так как значительная часть работ в туристическом секторе не требует высокой квалификации и специальных профессиональных навыков. Кроме того, предполагается, что устойчивый туризм будет способствовать сохранению культурного и природного наследия и вовлечению в экономическую деятельность изолированных местных сообществ.

Подготовка туристических объектов формирует заказы в строительстве, транспорте, торговле, полиграфии, производстве сувениров и др., создает возможности для малого и среднего бизнеса. Приведем в качестве примера проект «Водопады Кисизи» в Уганде, реализованный в 2017 г. Министерством туризма при поддержке ЮНВТО. В ходе подготовки объекта были построены информационный центр, смотровые площадки, подвесной мост, туалеты, обустроены тропы, подъездные пути, установлены дорожные знаки и информационные щиты. За первые полгода водопады посетили около 8 тыс. чел., продажа билетов принесла 2,5 тыс. долл. Половина этой суммы была потрачена на лечение членов местного сообщества.

Сложные туристические продукты, которые предполагают строительство отелей и лагерей на особо охраняемых территориях, требуют значительных средств и привлечения крупных иностранных инвесторов. На IX Туристическом инвестиционном и бизнес форуме для Африки, который прошел в Мадриде 18 января 2018 г., было представлено 43 проекта. Стоимость проектов колебалась

в диапазоне от 50 тыс. долл. (передача технологий, маркетинговой информации и оборудования частной туристической фирме в Судане) до 125 млн долл. (создание экотуристических объектов в пустыне Сахара в Алжире). Предполагается, что реализация масштабных проектов окажет значительный мультипликационный эффект на экономики стран-инициаторов.

Основная литература

1. Economic Development in Africa/ Report 2017. UNCTAD. [Электронный ресурс]. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldcafrica2017_en.pdf
2. Kisiizi Falls Tourist Project Uganda Successfully Completed. [Электронный ресурс]. URL: <http://cooperation.unwto.org/news/2017-10-17/kisiizi-falls-tourism-project-uganda-successfully-completed>
3. Investour. Catalogue of Projects. [Электронный ресурс]. URL: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/catalogue_2018_investour_final_1.pdf

И. Л. Тимонина

К новому качеству роста: две структурных трансформации японской экономики

Проблемы качества экономического роста в наши дни как никогда актуальны как с теоретической, так и с практической точки зрения и находятся в контексте решения задач обеспечения устойчивого экономического роста. По мнению директора исследовательского департамента МВФ М. Обсфельда, хотя «мировой финансовый кризис, как может показаться, остался далеко позади ... нынешний подъем мировой экономики во многом объясняется мягкой макроэкономической политикой ... и текущий подъем, каким бы благоприятным он ни был, вряд ли станет “новой нормой” и сопряжен со среднесрочными рисками ухудшения ситуации». Это заключение можно трактовать как констатацию того факта, что мировая экономика, включая ведущие страны пока не перешла к новому качеству роста, которое бы обеспечило если не высокие темпы роста, то стабильность.

Качество экономического роста – чрезвычайно широкое и неоднозначное понятие. Но при любом подходе оно должно включать производимого продукта, факторов роста, качество жизни, включая стабильность социально-экономической ситуации. В современном понимании изменения в качестве роста для развитых стран, в том числе и Японии, это не вопрос перехода от некачественного к качественному росту, а от одного качества к другому.

Во второй половине XX века Япония уже совершала переход к новому качеству роста. Структурная перестройка экономики 1970-х – 80-х гг., по сути, означала переориентацию экономического механизма с экстенсивных на интенсивные факторы роста, переход от количественных целей и показателей к качественным. Японские компании при поддержке государства сумели резко повысить эффективность использования всех видов производственных ресурсов, перейти к более сбалансированной структуре инвестиций и производства. Инновации стали главным фактором роста. Достижения научно-технического прогресса создали огромный сегмент рынка электронной продукции, успешно освоенный японскими компаниями, благодаря чему Япония сумела сохранить средневысокие темпы роста и в 1980-е гг. При всей радикальности произошедших в тот период изменений, нововведения в целом успешно встроились в экономическую структуру зрелого индустриального общества, находящегося на стадии перехода к постиндустриальной системе. Сохранялись основополагающие элементы промышленной системы – работник, оборудование, продукт, а также основные звенья в цепи добавленной стоимости, что не очевидно и даже маловероятно для современного этапа качественной трансформации экономической системы Японии.

Новое качество роста определяется Четвертой промышленной революцией. В Японии выдвинута концепция так называемых «связанных отраслей» (Connected Industries). Она направлена на создание новой добавленной стоимости не только за счет повышения эффективности и оптимизации производственного процесса, но и за счет соединения отраслей обрабатывающей промышленности друг с другом, соединения информации, технологий, людей

и организаций. В результате, по замыслу, качество жизни людей также изменится и будет построено антропоцентричное суперумное общество (Society 5.0), где киберпространство и физический мир интегрированы.

Рассматривая обозначенные выше тренды с точки зрения перспектив построения новой модели социально-экономического развития Японии и обеспечения нового качества роста, отметим очевидные проблемы на этом пути – потеря большого числа рабочих мест, в том числе высококачественных и высокооплачиваемых, сжатие или, по крайней мере, стагнация потребительского рынка, невысокая вероятность обеспечения социально-экономической стабильности в средне- и долгосрочной перспективе.

Основная литература

1. World Economic Outlook Update. Brighter Prospects, Optimistic Markets, Challenges Ahead. January 2018. URL: <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2018/01/11/world-economic-outlook-update-january-2018>
2. Нынешняя идеальная экономическая ситуация не является «новыми нормальными условиями». URL: <http://www.imf.org/external/russian/np/blog/2018/012218r.pdf>
3. Connected Industries. URL: http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/connected_industries/index.html

Н. Ю. Ульченко

Турция: проблема смены парадигмы экономического роста

В апреле 2017 г. в Турции состоялся референдум, итоги которого позволяют в скором будущем перейти к президентской форме правления. Тогда в сфере экономической политики следует ожидать реализации той системы взглядов и убеждений, которой придерживается действующий президент Реджеп Тайип Эрдоган и ослабления позиций его противников.

Учитывая не только практические шаги в сфере управления экономикой страны, но также политические, религиозные взгляды

нынешнего президента, следует предположить, что ему близки установки национальной разновидности школы исламской экономики. Национальной интерпретации модели исламской экономики присущ выраженный идеализм, тесно связанный с экономическим популизмом, поскольку концептуально она претендует на возможно полное удовлетворение нужд всех граждан страны как членов исламской уммы. По существу речь идет о стремлении бесконечно долгого и неизменно эффективного использовать стимулирующую кредитно-денежную политику, утопичность которого уже неоднократно подтвердил собственный опыт страны: Турция придерживалась инфляционной модели роста, прерывавшегося систематическими валютно-финансовыми кризисами на протяжении значительной части XX в.

В предшествующие годы пребывания у власти происламская Партия справедливости и развития (ПСР) Эрдогана проводила ограничительную фискальную и кредитно-денежную политику, которая обеспечила Турции финансовую стабилизацию. Демонстрировавшиеся экономикой страны вплоть до 2007 г. высокие темпы роста позволили констатировать ее переход к его более качественному характеру, в частности, за счет структурных экономических реформ, которые активно проводились первыми правительствами ПСР.

В то же время, следует отметить, что общим итогом правления ПСР стало обеспечение институциональной инфраструктуры, по крайней мере, не препятствующей возврату к политике инфляционного роста. Под такого рода инфраструктурой имеются ввиду отказ правительства от введения бюджетного правила, жестко регламентирующего допустимый размер дефицита, прекращение в 2010 г. кредитного сотрудничества с МВФ, урезание полномочий независимых регулирующих агентств, которые по первоначальному замыслу должны были оградить экономику от принятия нерыночных политизированных решений, нападки Эрдогана на независимый статус ЦБ, торможение переговорного процесса с ЕС¹.

¹ Ibid. P. 3.

К настоящему моменту наряду с возможностями возврата к инфляционной политике, сформировались и факторы, предопределяющие его необходимость. Речь идет, прежде всего, о менее благоприятных условиях внешнего кредитования, что требует более активного использования внутренних и быстро действующих механизмов разогревания роста.

Как же изменилась в этих условиях доктринальные основы национальной экономической политики?

По меньшей мере, в турецком обществе официально стартовала дискуссия о необходимости продолжения политики бюджетного сдерживания, и о себе заявил целый массив сторонников ослабления бюджетных ограничений. Данное обстоятельство, очевидно, отражает и появление определенных сомнений у турецкой элиты, результатом которых стало фактически произошедшее смягчение бюджетной политики в 2016–2017 гг.

Если по итогам первого полугодия 2016 г. бюджет Турции продемонстрировал профицит в объеме 1 млрд тур. лир, то по итогам девяти месяцев 2017 г. объем дефицита достиг 32 млрд тур. лир. В годовом исчислении это соответствует росту на 163 %. Все это предопределяет необходимость дальнейших государственных займов в объемах, превышающих допустимые ныне действующим законодательством и ставит вопрос о его пересмотре. Последнее обстоятельство – это уже прямой возврат к фискальной практике Турции периода «разгула» инфляции.

Таким образом, в турецком обществе и элите присутствует запрос на возврат к использовавшейся в прошлом модели инфляционного роста, а значит остается под сомнением незыблемость принципа финансовой стабилизации и переход на модель более качественного роста.

Основная литература

1. *Acemoglu D., Üçer M.* Why Turkish growth ended. An institutional perspective. 18 November 2015. URL: <http://voxeu.org/article/why-turkish-growth-ended>
2. *Баиш Х.* Модель национальной экономики. Новая экономическая система. Казань, ПИК «Идел-Пресс», 2011, 159 с.

Н. Н. Цветкова

Качество экономического роста и инновации: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг в странах Азии и Африки

В современной мировой экономике все большую значимость приобретают не столько чисто количественные показатели экономического роста, сколько качество экономического роста. Оно в немалой степени определяется степенью развития в стране инновационных производств. Сегодня развивается Индустрия 4.0, можно говорить о настоящей революции в развитии робототехники, автоматизации, аддитивных технологий. Если страна примет участие в этой революции, то она может совершить качественный скачок в своем экономическом развитии. Так, в 1990-х гг. Китай, Индия и ряд стран Восточной и Юго-Восточной Азии активно включились в разворачивавшуюся информационно-коммуникационную революцию, в развитие таких инновационных отраслей, как производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. В результате Индия сегодня занимает лидирующие позиции в аутсорсинге ИТ-услуг и бизнес-процессов, а Китай стал мировым лидером в производстве и экспорте товаров ИКТ: компьютерного, телекоммуникационного оборудования, потребительской электроники, электронных компонентов для этих товаров. В целом за 2000–2015 гг. доля развивающихся стран в мировом экспорте товаров ИКТ возросла с 42,9 до 74,5 %, в т. ч. стран Восточной и Юго-Восточной Азии – с 38,7 % до 70,4 %. Эти два региона Азии заняли доминирующее положение в международном разделении труда в отрасли.

Круг стран, которые развивают производство электроники, становится шире. В их числе – Вьетнам, доля которого в мировом экспорте телекоммуникационного оборудования в 2015 г. достигла 6 %, он вышел на четвертое место в мире. Производство электроники развивается в Камбодже. В гонку включились и страны Африки. При этом в них активно действуют ТНК из стран Востока: южнокорейская «Самсунг электроникс», китайская «Хуавей». Од-

на из особенностей деятельности ТНК из стран Востока – это так называемые «бюджетные» инновации (frugal innovations), рассчитанные на потребителей с невысокими доходами, к тому же учитывающие их специфические потребности. Так, «Самсунг электроникс» разработала специальную технику для африканских стран, например, холодильники, которые долго сохраняют холод после отключения электричества. В Эфиопии стала осуществляться сборка мобильных телефонов «Самсунг» по контракту о производстве с местной компанией.

Инновации в производстве товаров ИКТ и ИТ-услуг способны оказать прорывное влияние на развитие отрасли, правда, неоднозначное: это приведет, с одной стороны, к росту производительности труда, но, с другой – к сокращению числа рабочих мест. Стимулы для перенесения трудоемких производств из развитых стран в развивающиеся страны с дешевой рабочей силой уменьшаются. Но действует целый ряд других факторов. Благодаря такой инновации, как аддитивные технологии, возможно мелкосерийное производство продукции «на местах». Рост доходов населения может способствовать повышению внутреннего спроса, значимости внутреннего рынка. Может возрастать значение импортозамещающего производства электроники и производства, ориентированного на рынки соседних стран (в рамках различных проектов региональной интеграции).

Основная литература

1. Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2015. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 10.01.2018).

Религии, философия и культура на Востоке

Л. О. Башелеишвили

**Епитимьи в памятниках древнегрузинской
литературы**

В своих сочинениях грузинские агиографы не раз отмечали, что человек слаб, и даже тогда, когда избирает путь нравственного совершенствования, он возвращается к тому, от чего прежде стремглав бежал. Исходя из вышесказанного, механизм наказания грешников был заложен в типиконах самих монастырей, и для каждого проступка была определена мера его прещения. Из кименных житий т. н. тринадцати сирийских отцов трудно определить, какая система наказания действовала в лаврах, основанных святыми старцами. Однако, Гиорги Мерчуле (X) в своём сочинении рассматривает вопросы, связанные в том числе и с наказанием: «А блаженный отец Григол чудотворец был таким управителем святых монастырей всего Кларджетского града, что достойные монахи [те] были под [его] добрым попечением, противившегося он обращал к покаянию, а неких совершенно справедливо изгонял из монастыря». Агиограф немногословен касательно епитимий, он лишь сообщает, что судьёй (груз. *msažuli*) был сам архимандрит, который определял тяжесть вины, склонял провинившегося к покаянию, был врачом душ, а, если комплекс мер не давал результата, инока выдворяли из монастыря. Выдворение считалось крайней мерой. Некий опизский монах вспоминал: «В своей жизни я трижды был выдворен из монастыря отцом Григолом из-за моего хождения кривыми путями». После каждого выдворения прп. Григол как добрый пастырь принимал обратно «блудного сына».

Если кто-либо от своего наставника слышал «неоспоримый, необсуждаемый приказ» (груз. *ucilobeli brzanebaj*), он должен был беспрекословно и даже «против собственной воли» повиниться и выполнить его. О том, что никто не требовал от монахов подчиняться несправедным делам вышестоящих чинов, Гиорги Мерчуле рассказывает в эпизоде дехиротонисании епископа Цкири, под крылом и надзором которого находилась вся Кларджетская пустынь. Этот епископ не раз попадал под «шквал» обличений со стороны той же пустыни. Отец Григол великолепно знал, что каждый должен оставаться в своём чине и «принять» надзор, осуществляемый епископом ближайшего города Анчи. И пустынь, и сам архимандрит не могли попустительствовать беззаконию, творимому ставленником Тбилисского эмира диаконом Цкири, рукоположенным в епископы с грубым нарушением вселенских правил. Поскольку обличение епископа не возымело действия, пустынники обратились с письмом к католикосу, царствующему Ашоту Куропалату, и инициировали созыв местного церковного собрания. Они обличили Цкири в нарушении вселенских правил и в бесчинстве. Пожалуй, это единственное сочинение, в котором рассказывается о применении этой высшей формы наказания к духовным лицам.

Согласно акад. Иванэ Джавахишвили, извержение из сана и разоблачение из священнических одежд происходило публично, в присутствии мирян. Ритуал проводили в епископальной церкви, обязательно перед алтарём. И это «снятие одежд» квалифицировалось как разоблачение (букв. отнимание силой, снятие священнических одежд)». Так прошло наказание епископа, хиротонисание которого происходило с письменного согласия всей Кларджетской пустыни. Что касается епитимьи рядового монаха, в этом случае достаточно было «обличения», «судейства» со стороны предводителя. Согласно агиографу, накладывая епитимью, старец Григол всегда помнил слова Спасителя, сказанные Им апостолу Петру: «Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе «до семи», но до седмижды семидесяти раз» (Мат. 18. 21, 22).

А. В. Бочковская

**Гуру-грантх в современной Индии:
пространство единения и раскола**

Сложносоставной характер священного текста *Гуру-грантх* (*Ади-грантх*, *Гуру-грантх-сахеб* – «Книга-гуру»; 1604 г.) отражает специфику сикхской общины, исходно объединявшей людей безотносительно их социального статуса, религиозной, кастовой, гендерной принадлежности. Эта 1430-страничная книга, которую именуют «одинадцатым сикхским гуру», включает более 6 тыс. гимнов-*шабадов*, в числе которых произведения сикхских гуру (Нанака, Ангада, Амара Даса, Рама Даса, Арджуна, Тега Бахадура; Гобинда Сингха); *бхагатов* – поэтов-мистиков традиций *бхакти* и суфизма (Фарида, Кабира, Равидаса, Намдева, Сурдаса, Джайдева и др.); а также *бхаттов* и *гурсикхов* – близких к сикхским гуру певцов и музыкантов (Калшара, Нала, Гьянда; Марданы, Балванда и др.).

Сикхские гуру принадлежали к торговой касте кхатри; в числе *бхагатов*, *бхаттов* и *гурсикхов* были как высшие (брахманы), так и низшие или «нечистые» касты (Кабир-ткач, Намдев-портной, Равидас-кожевенник, Садхана-мясник и т. д.). Географически – по месту рождения авторов – в *Гуру-Грантх* охвачена практически вся Северная, Западная и Восточная Индия. Такой «инклюзивный» подход сикхских гуру при составлении священного текста, очевидно, был призван отражать универсальный характер учения Нанака и его последователей, а также демонстрировать «социальный и духовный эгалитаризм» [2] или открытость сикхизма для различных течений и идей, созвучных традициям средневекового североиндийского *бхакти* [3]. Соответственно, в сикхизме с раннего этапа его истории очевидно сочетание «мейнстримной» линии, связываемой с деятельностью гуру, с немалым количеством идеологически схожих течений, которые существовали либо параллельно, либо в оппозиции основному руслу.

С нарастанием социально-кастовых разногласий в сикхской общине в XX–XXI вв. *Гуру-грантх* стала предметом раздора – поначалу в качестве физического объекта в связи с (не)возможностью ритуального использования ее низшими кастами. В последние десятилетия по мере формирования новой, протестной идентичности у многочисленных панджабских низкокастовых сикхов (*далитов*) и близких к ним кастовых групп стали появляться «альтернативы» *Гуру-грантх*, основанные на входящих в священный текст гимнах.

Так, сикхи-равидаси – последователи *бхагата* Равидаса, ранее воспринимавшие его гимны как часть общего священного текста, создали собственную книгу *Равидас Амритбани*, куда вошли как *шабады* Равидаса из *Гуру-грантх*, так и другие приписываемые ему произведения. Поначалу *Равидас Амритбани* располагалась рядом с *Гуру-грантх* в храмах равидаси; с 2010 г. она выступает в качестве самостоятельного священного текста в «религии равидаси», провозглашенной в том же году последователями известного *бхагата*.

В стремлении обозначить собственную, отличную от сикхской, идентичность, поклонники других *бхагатов* прибегают к разным формам самовыражения. Современные последователи Кабира (*кабир-пантхи*) построили несколько храмов в Северной Индии (в Чахпре, Варанаси, Райпуре). Поэтическое творчество *бхакта*-ткача популяризируется с помощью объявленного священным текста *Биджак*, а также сборников *Анураг-сагар*, *Кабир-бани* и пр.

Такого рода «контр-тексты» пока единичны; они различаются в той степени, в которой разнятся сами *далиты*, представленные в Панджабе многочисленными кастами и подкастами. В докладе рассматривается вопрос соотношения современных «протестных» текстов с *Гуру-грантх*, а также возможное использование священной «Книги-гуру» в качестве пространства (по аналогии с «пространствами / местами памяти» П. Норы [1]) для дальнейшего кастового размежевания сикхов в индийском штате Панджаб и за его пределами.

Основная литература

1. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, с. 17–50.
2. *Mann Gurinder Singh.* The Making of Sikh Scripture. NY: OUP, 2001.
3. *Singh Pashaura.* The Guru Granth Sahib: Canon, Meaning and Authority. ND: OUP, 2003.

Б. М. Волхонский**Об этноботаническом подходе
к анализу текстов традиционных культур
(на примере «Дхаммапады»)**

В докладе предпринимается попытка проанализировать систему образов растений в одном из основных канонических произведений палийского буддизма – сборнике изречений Будды Гаутамы «Дхаммапада».

Растительные образы разделены на три группы.

К **первой группе** относятся ареалы произрастания растений – чаще всего это лес, а также горы, водоёмы и т. п.

Вторую группу составляют образы, связанные с растениями вообще, без упоминания конкретных названий (деревья, цветы, плевелы и проч.), а также части растений (корни, опять-таки цветы, плоды, листья и т. п.).

Наконец, к **третьей группе** относятся конкретные виды растений, упоминаемые в тексте.

I. В большинстве упоминаний леса (пали *vana*) просматривается полемика с брахманской традицией, где жизнь в лесу (санскр. *vana-prastha*) является третьей стадией жизни, предшествующей окончательному отрешению от мирской жизни (*sannyāsa*). Показательны стихи 107 (почитание достойного человека лучше столетних возжиганий /жертвенного/ огня в лесу), 188–189 (прибежище в горах, лесах и проч. не безопасно и не освобождает от всех горестей), 344 (человек, ищущий спасения в лесу, но вновь возвраща-

ющийся в чашу желаний, снова попадает в ярмо), 283 (для обретения освобождения надо вырубить не одно дерево, а весь лес /похоти/).

II. Общие понятия растений без уточнения видовых названий встречаются в тексте неоднократно. Так, дерево (пали *rukka*), опрокидываемое ветром, уподобляется ищущему земных удовольствий человеку, которого сокрушает Мара (злой дух, персонафикация человеческих страстей) (ст. 7), и противопоставляется горе, которая в свою очередь уподобляется человеку, сдержанному в чувствах и не ищущему удовольствий (ст. 8). В стихе 338 дерево, не выкорчеванное с корнем, сравнивается со страданием, которое рождается снова и снова, если не искоренена склонность к желанию.

Глава IV «Дхаммапады» (стихи 44–59) специально посвящена цветам (пали *ruppha*). Цветы, лишённые аромата и не приносящие плода, определяются как бесполезные (ст. 51) и уподобляются страстям, ведущим человека в конечном счёте к смерти (ст. 47–48). Аромат цветов не распространяется против ветра в отличие от аромата /добрых дел/ добродетельных людей, который распространяется во все стороны (ст. 54).

В то же время благоухающие и приносящие плоды цветы сравниваются с хорошо сказанным словом (ст. 52), а цветы, используемые для создания гирлянд, – с добрыми делами (ст. 53).

Большинство же подобных образов содержит негативные коннотации: лиана душит дерево подобно тому, как дурной человек поступает во вред себе (ст. 162); плевелы уничтожают поля подобно тому, как страсть (ст. 356), ненависть (ст. 357), глупость (ст. 358) и желание (ст. 359) портят человека.

III. В тексте упоминаются названия конкретных видов растений: сандал (*candana*), *tagara* (кустарник, используемый для получения ароматного порошка), жасмин (*mallikā*), лиана *māluvā*, дерево *sāla* и ряд других. Большинство этих образов также работает на передачу комплекса идей, связанных с понятиями бренности бытия, страстей, желаний и в конечном счёте гибели.

Особняком стоит образ такого растения, как лотос (*padma*, или *pokkhara*). В буддийском ритуале это – одно из основных подношений Будде.

Особенность лотоса заключается в том, что, хотя само растение произрастает из грязи (ила, мусора и т. п.), цветок и листья остаются чистыми, а грязь и влага на них не задерживаются. В стихах 58–59 цветок лотоса, выросший из кучи придорожного мусора, уподобляется ученику поистине просветлённого, а в стихе 401 истинный брахман, свободный от гнева и похоти, сравнивается с листом лотоса, сбрасывающим с себя воду.

А. М. Дулина

**Легенда о «невесте солнца» Оохирумэ.
Вариации японского «императорского мифа»**

Сто пятьдесят лет назад в указе о реставрации императорской власти, который ознаменовал начало эпохи Мэйдзи (1868–1912), провозглашалось возвращение к истокам справедливого правления первого японского государя Дзимму.

Согласно ранним летописным хроникам, предок императорской династии Ниниги-но микото – внук богини солнца Аматэрасу – спустился с неба на гору Такатихо в провинции Химука на юге острова Кюсю с тремя священными регалиями – символом власти. Позже его потомок – государь Дзимму – отправился из Химука покорять Центральную Японию, где основал древнее японское государство Ямато. Так родом-завоевателем Ямато, вероятно, корейского происхождения, был зафиксирован «императорский миф» о происхождении династии правителей от богини Аматэрасу с целью легитимации своей власти.

В ранних хрониках и более поздних текстах указано еще одно имя богини солнца – Оохирумэ. В «Истории пути к просветлению Хатиман», составленной служителями святилища Кагосима на юге острова Кюсю, записана легенда о китайской принцессе по имени

Оохирумэ («невеста солнца»), которая зачала от солнечных лучей, за что вместе с родившимся ребенком была посажена в лодку и отправлена по морю прочь. Лодку прибило к берегу провинции Оосуми (современная префектура Кагосима) на юге острова Кюсю. Ее сыну в тех краях дали имя Хатиман и стали почитать японским божеством. Впоследствии сын и мать перевоплотились в легендарных правителей Японии – государя Оодзин и государыню Дзингу.

Эта легенда, судя по всему, является одной из ранних вариаций императорского мифа, согласно которой сын богини солнца прибывает на юг острова Кюсю из-за моря (горизонтальная космология), а не спускается туда с неба (вертикальная космология), с одной из священных регалий императорского дома – печатью.

В данном докладе на материале письменных памятников VIII–XIII вв. будут рассмотрены модификация легенды об Оохирумэ, способы инкорпорации богини солнца в пантеон японских божеств и альтернативные мифы о происхождении императорской династии Японии.

Б. А. Захарьин

«Ранжирование» покойников и соответствующие поминальные обряды в Индии эпохи вед

Культура Древней Индии не предполагала фиксированных границ между мирами живых и мертвых: живые должны были кормить, поить и заботиться о благополучии покойников, а последние могли – при определенных условиях – возвращаться и вмешиваться в жизнь людей. В Ригведе намечено – не вполне отчетливо – членение умерших на три разряда: «Пусть поднимутся **ближние** (*ávare*), поднимутся **дальние** (*párāsaḥ*) / (Поднимутся) **средние** (*madhyamāḥ*)...» (RV X.15.1). В трактовке Елизаренковой (перевод ее же), эти эпитеты, вероятнее всего, соотносились со временем смерти, но могли предполагать и размещение покойников в про-

странстве: на земле, в небе, в эфире [Елизаренкова 1999: 424]. Позднейшие Брихадараньяка и Чхандогья упанишады вносят большую ясность: «те, кто вершит «шраддху» в истине, в мирах Брахмана обитают, у них возврата назад нет (*ye śraddhām satyam upāsate ... brahma-lokeṣu ... vasanti, teṣām na punar āvṛtiḥ*); другие же после ряда трансформаций «рождаются на огне женщины ... и так именно [вечно в невысшие] миры возвращаются (*yoṣāgnau jāyante, lokān ... evam evānuparivartante*)». Есть и третьи – «те, кто не знают этих двух путей, делаются червями, мошками и кусачими созданиями (*ya etau panthānau na viduḥ, te kītāḥ patamgā ... dandaśūkam*)».

Третьему разряду существ сакральные тексты уделяли мало внимания, но ритуалы, связанные с «верхним» (= «богов») и «нижним» («предков») путями трактовались весьма подробно. Так, Шатапатха Брахмана увязывала первый из путей с богами, с нахождением солнца на севере, с весной, летом и сезоном дождей, когда солнце идет на подъем и всякая «скверна (*rāpa*)» устраняется им. Рекомендовалось именно в это время года сооружать жертвенник и делать это поутру, в светлую половину месяца (при растущей луне). Второй же, связанный с предками, путь, наоборот, соотносился с пребыванием солнца в южной части небосвода, с сезонами осени и зимы, с темной половиной месяца (когда луна идет на убыль), с послеполуденным или ночным временем суток.

Независимо от того, возжигал ли умерший при жизни посвященные богам священные огни (относясь тем самым к высшему разряду '*āhitāgni*') или же, как и большинство домохозяев, обходился одним лишь огнем домашнего очага, ритуальный обряд кормления и поения предков (*pitR-yajña*) должен был осуществляться ежедневно: перед жертвенником с огнем, зажженным от домашнего очага, с южной стороны размещались предназначенные предкам подношения (обычно клецки '*piṇḍa*'), которые сбрызгивались водой из особых сосудов. В дополнение к этому простому ритуалу сын умершего '*āhitāgni*' через 12 дней после кончины мог проводить и сложную обрядовую церемонию '*śrauta*', на которую созывалось множество народа и кратное трем – для трех поколений предков – число жрецов, при этом под пение стансов из

RV X. 15 умерших кормили рисом с топленным маслом и поили смешанной с сезамом водой. Аналогичная церемония могла проводиться и потомками того, кто не принадлежал к *āhitāgni*, но лишь спустя год после его кончины.

Умершие подразделялись на «предков» (*pitR*), к которым причисляли отцов, дедов, прадедов и более далеких родственников, и на «только что отошедших» (*preta*). Последние могли присоединиться к *pitR* лишь через год после их смерти при выполнении особого ритуала (*śrāddha*), состоявшего в «угощении» трех первых *pitR* едой и питьем, начально предназначенными для *preta*. Суть этого обряда, именуемого '*sapīṇḍīkaraṇa*', заключалась в том, что четвертый из поминаемых покойников (прадед или прабабка) при этом окончательно препровождался к «предкам» и, значит, «освобождал место» для «только что отошедшего».

Основная литература

1. Елизаренкова Т. Я. Ригведа. Мандалы IX–X, М.: Наука, 1999.

С. А. Кириллина

ал-Мадина ал-Мунаввара / Медина

**Пресветлая: опыт визуализации основных
сакральных объектов**

В фокусе внимания данного выступления находятся два ключевых сакральных памятника Медины – мечеть Пророка / *ал-масджид ан-набавий* и кладбище ал-Баки / *макбарат ал-баки*.

Облик мечети Пророка – второй святыни ислама после *ал-масджид ал-харам* / «заповедной мечети» в Мекке – с течением времени претерпел существенные изменения и многочисленные модификации. В основе современной мечети Пророка лежит одно из первых мест сбора для коллективных молитв в исламе – дом Мухаммада в Медине, строительство которого было завершено в 623 г. Изначально он представлял собой квадратный двор с двумя примитивными жилищами, расположенными на юго-востоке

(со временем число комнат было увеличено до 9 по числу жен основателя ислама). Мединское обиталище пророка Мухаммада – исключительно скромное в архитектурном отношении и крайне невыразительное в эстетическом плане сооружение – положило начало будущему великолепию исламских религиозных комплексов. В структуре мечети-двора зародилась идея соборной мечети как замкнутого стенами квадратного или прямоугольного участка с открытым центральным пространством, обведенным навесами на колоннах, и с произвольно устроенными входами, позволяющими входить в мечеть с разных сторон. Сформулированная к середине VII в. композиция мечети Пророка стала отправной точкой в развитии мечети колонного, или арабского типа. Место погребения пророка Мухаммада в комнате его третьей жены Аиши, где также похоронены первый и второй «праведные халифы» – Абу Бакр (632–634 гг.) и Умар (634–644 гг.) – ныне маркирует самый узнаваемый архитектурный элемент современной мечети Пророка – зеленый купол / *ал-кубба ал-хадра*.

Впервые постройка, представлявшая собой мечеть – дом Мухаммада, была расширена при его жизни, в 629 г. За этим последовала ее перестройка при втором и третьем «праведных халифах» – Умаре и Усмани (644–656 гг.). Новые этапы расширения мечети Пророка пришлось на правление омейядского халифа ал-Валида ибн Абд ал-Малика (705–715 гг.) и аббасидского халифа ал-Махди (775–785 гг.). В османскую эпоху инициатором ее радикальной перестройки выступил султан Абдул-Меджид I (1839–1861 гг.). Она началась в 1849 г. и продлилась 13 лет. Во второй половине XX в. *ал-масджид ан-набавий* стала объектом амбициозных строительных планов Саудидов. В 1951 г. по приказу короля Абд ал-Азиза (1932–1953 гг.) приступили к сносу примыкавших к мечети построек, чтобы освободить место для расширения площади мечети. Эта фаза перестройки, завершение которой контролировал преемник Абд ал-Азиза – король Сауд (1953–1964 гг.), продолжалась 9 лет. Начиная с 1984 г., при короле Фахде (1982–2005 гг.) наращивалось пространство для новых масштабных строительных работ. Последний крупный, десятый по счету проект по расшире-

нию мечети Пророка был начат в 2012 г. королем Абдаллой (2005–2015 гг.) и продолжен его преемником – королем Салманом (правит с 2015 г.).

Примыкающее к мечети Пророка *макбарат ал-баки* – самое известное мусульманское кладбище, на котором покоятся останки около 700 сподвижников Мухаммада, многих его родственников и потомков. Сейчас оно представляет собой огромное пустынное поле, что связано с деструктивными действиями Саудидов. После захвата Медины в 1805 г. ваххабиты сравняли его с землей. В 1812 г. Медина была отвоевана войсками наместника Османского Египта Мухаммада Али, сокрушившего первое государство Саудидов. Начиная с 1818 г., под патронажем османских султанов проводилась интенсивная реконструкция основных памятных мест Медины, включая восстановительные работы на кладбище аль-Баки. Однако в 1925 г. с санкции султана Неджда (1921–1927 гг.), будущего короля Саудовской Аравии Абд ал-Азиза ибн Сауда восстановленные Османами мавзолеи кладбища аль-Баки были вновь разрушены до основания.

В задачи выступления входит демонстрация визуальных рядов, объединенных в презентацию в рамках многофункциональной графической программы PowerPoint, которые призваны максимально предметно визуализировать данную тему путем привнесения в композиции слайдов репрезентативного историко-культурного и художественного материала.

Н. Р. Краюшкин

В поисках духовного знания: дамаский суфий ‘Абд аль-Гани ан-Наблуси и его путешествие по Великой Сирии 1693 г.

‘Абд аль-Гани ан-Наблуси (1641–1731) известен как автор более, чем 250 произведений, посвящённых, главным образом, вопросам мусульманского богословия и поэзии. Его же перу принадлежат четыре трактата в жанре *рихля* (путевые заметки), которые сам ан-

Наблуси назвал соответственно «малым» путешествием в долину Бика⁴ в Ливане, «средним» в Иерусалим, «большим» в Египет и Хиджаз и «последним» в ливанский город Триполи.

При подготовке данного доклада использовалась первая глава никогда не публиковавшейся работы дамасского мистика, в которой содержится описание его самого долгого странствия в святые для мусульман земли Мекки и Медины, – «аль-Хакика ва-ль-маджаз фи-р-рихля иля биляд аш-Шам ва-Миср ва-ль-Хиджаз» («Достоверное и образное описание путешествия по Великой Сирии, Египту и Хиджазу»). Почерпнутый материал из «сирийской» части данного произведения позволяет смоделировать отдельные элементы культурно-интеллектуальной жизни Великой Сирии конца XVII в.

Главной целью «большого» путешествия ан-Наблуси, осуществленного им в 1693 г., являлось чисто обрядовое совершение мусульманского паломничества – *хаджа*. В то же время стремление ‘Абд аль-Гани посетить основные интеллектуальные центры региона объясняется его желанием встретиться с признанными знатоками теоретических и практических сторон ислама (*улама*) и суфийскими мистиками, помолиться в далеких мечетях, а также предпринять «малые паломничества» (*зиярат*) к могилам мусульманских пророков и «святых». Другой важной психологической предпосылкой, побудившей ан-Наблуси совершить хадж, стала смерть его любимой матери за два месяца до начала пути.

Наравне с подобными внешними (*захир*) устремлениями сирийского шейха в самом названии трактата скрыта внутренняя (*батын*) причина его длительного и опасного путешествия в Хиджаз. Этим посылом являлся поиск знания (*илм*) и его главного источника – божественной истины (*хакика*), достижение которой возможно, согласно сирийскому суфию, через раскрытие «божества, проявляющегося в материальном мире посредством иносказаний» (*маджаз*). В этой связи, понятия познания и получения «духовной благодати» (*бараки*) стали взаимосвязанными, т. к. настоящее знание носит, по ан-Наблуси, прежде всего, духовный характер.

Анализ исследуемой части «большого» путешествия сирийского суфия позволяет классифицировать по значимости все основные центры Леванта по получению и передаче духовного знания – мечети, школы, захоронения «святых», а также суфийские обители. Кроме того, на примере многочисленных встреч одного из самых ярких интеллектуалов эпохи – ‘Абд аль-Гани ан-Наблуси не только с представителями духовной или политической элиты общества, но и с простым народом, можно говорить о содержании культурного обмена в арабо-мусульманском мире. В общем и целом, при относительной формализации многих моментов интеллектуальной жизни региона (самым ярким примером которой является ставший показательным обмен *иджазами*), интенсивность научного мышления в рассматриваемых областях Османской империи не спадала, способствуя известному еще представителям средневекового ислама всеобщему торжеству духовного знания.

Основная литература

1. *Кириллина С. А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press Lewiston, 2000.
2. *Ан-Наблуси, ‘Абд аль-Гани.* Аль-Хакика ва-ль-маджаз фи-р-рихля иля биляд аш-Шам ва-Миср ва-ль-Хиджаз. Аль-Кахира: аль-Хайя аль-мисрийя аль-‘амма ли-ль-киتاب, 1986.

А. В. Кудряшова

Японская традиционная культура «Путь Чая» в рисунках и гравюрах «нисики-э» конца XIX – начала XX вв.

В Японии в эпоху Мэйдзи (1868–1912) работало несколько сотен известных мастеров жанров «укиё-э». Творчество многих из них пришлось на тот период, когда страна только-только открылась западным влияниям, и поначалу в обществе наблюдалось заметное снижение интереса к своим национальным искусствам и ремеслам. Мастеров традиционной школы «укиё-э» по-прежнему

было немало, но работы их, созданные в традиционной манере, начали восприниматься как устаревшие и перестали быть востребованы. Почувствовав это, художники предприняли меры по поиску новых образов и стилей, пытаясь реализовать свой творческий потенциал на новом материале современных реалий. Постепенно к концу XIX – началу XX века в тематику работ художников «укиё-э» стали проникать мотивы, отражающие новый быт и уклад жизни людей, те западные веяния, которые Япония жадно впитывала в этот период.

В большинстве своем картины отражали повседневный быт, ситуацию на фронтах, исторические события, сказочные мотивы. Также среди работ художников большое место занимала портретная живопись – детский портрет, портреты красавиц, театральных актеров. На этом фоне было сравнительно немного произведений, тематикой которых стало японское традиционное искусство «Пути Чая» (яп. «тядо» или «тяною»). В европейских языках за этой традицией закрепилось название «японская чайная церемония». Наибольший интерес представляют рисунки и гравюры «укиё-э» эпохи Мэйдзи, сюжет которых, так или иначе, связан с «чайной церемонией». Большинство из них создано в достаточно яркой, красочной манере и относятся к разновидности жанра «укиё-э» – «нисики-э» («парчовые картины» от яп. «нисики» – «парча»).

Среди наиболее известных и значимых фигур мастеров того времени, изображавших в своих работах участников чайного действия, можно указать Мидзуно Тосиката (1866–1908), Адати Гинко (1853–1902) и Ёсю Тиканобу (1838–1912). Среди множества гравюр Мидзуно Тосиката (1866–1908) следует особо отметить серию «Тяною» («Чайное действие») – пятнадцать наиболее известных гравюр по «чайной» тематике, объединенных в единый цикл. Гравюры показывают основные этапы полного чайного действия «тядзи», начиная от этапа выбора и подготовки чайной утвари до завершающих сцен прощания участников чайной встречи. Интересно, что последовательность сцен соотносится не только с этапами «тядзи», но отчасти и с чередованием сезонов. И хотя соотношение с тем или иным сезоном не всегда очевидно, она четко

прослеживается по изображению пейзажа за окном, типу свитка в токонома, узору на одежде, который также соотносится с сезонными мотивами. Фигуры участниц чайного действа подчеркнута женственны и элегантны, кимоно спокойных, приглушенных оттенков, в большинстве своем без ярких узоров. Если судить по одежде, на каждой картине изображены разные люди, то есть гравюры не связаны единством персонажей. Основной смысловой доминантой является сквозная тема чайного действа как единого процесса, состоящего из строго определенных последовательных этапов.

Примером «чайных» работ Адати Гинко (1853–1902) может являться серия гравюр «Дзёрэйсики но дзу» («Благородные женские собрания») для иллюстрации учебных пособий с описанием изяшных манер, которым должны были обучаться молодые девушки перед замужеством. На большинстве картин Адати можно видеть сугубо женские образы, что хорошо иллюстрирует реалии того времени. Если в конце эпохи Эдо наставниками «Пути Чая» были в основном мужчины, то теперь все больше женщин стремились овладеть этим искусством. В эпоху Мэйдзи традиция «Пути Чая» начала претерпевать большие изменения. Древняя традиция перестала считаться элитарным искусством, недоступным простым людям. Молодые девушки по всей стране рассматривали посещение занятий чайной церемонии необходимым условием приобретения хороших манер и умения держаться в обществе. Знание теоретических и овладение практическими основами чайного искусства стало той школой, которую должна была пройти каждая японка перед тем, как выйти замуж.

Ёсю Тиканобу (1838–1912) наиболее «плодовитый» художник, написавший огромное количество работ, в том числе и по «чайной» тематике. На его картинах также можно видеть участниц «благородных собраний» – девочек и девушек в кимоно и с прическами по моде начала эпохи Мэйдзи. Бросается в глаза непринужденный стиль беседы участников чайной церемонии. Видно, что перед зрителем отнюдь не тот строгий ритуал, требующий философского осмысления и погружения в особое медитативное

состояние, который можно видеть на картинах Мидзуно Тосиката. В работах Ёсю Тиканобу особенно хорошо показаны движения человеческой души, переживания, эмоции участников чайной встречи. Ёсю часто изображает зимний тип очага «ро», вокруг которого рассаживаются гости. Среди чайной увари на его картинах, можно часто видеть подставку-стол «дайсу», что относится к наиболее формальному стилю чаепития, а также различные полки «тана». Особенностью гравюр Ёсю является частое использование им интересной формы печати в виде контура кошки или рыбы, заполненных иероглифами.

Художники выводят женские персонажи, любуясь их внутренней и внешней красотой. В работах одних преобладает внешний декоративный компонент, другие передают в своих работах живую и непринужденную манеру общения чайных собраний, что является характерной приметой того времени. Несмотря на то, что стиль каждого автора неповторим, все они демонстрируют уважительно-благоговейное отношение к чайному ритуалу как к одному из традиционных уникальных искусств Японии.

Основная литература

1. *Игнатович А. Н.* Чайное действо. Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере «Чайного действия»). М.: Русское феноменологическое общество, 1997, с. 286.
2. *Григорьева Т. П.* Японская художественная традиция. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», Институт востоковедения Академии наук СССР, 1979, с. 202.

В. Г. Курочкин

Дзиун Онко: и его критика учения буддийских школ эпохи Эдо

Дзиун Онко (1718–1805) – буддийский монах школы Сингон второй половины эпохи Эдо. Помимо важных философских разработок буддийского учения и создания собственного учения на основе

национальной религии Синто, был известен ещё и как выдающийся каллиграф и глубокий исследователь письменности Индии.

В сочинениях «Со:сай мондо» («Диалоги о деталях») изложил свои взгляды на учение существующих в Японии буддийских школ, обозначая сильные и слабые стороны каждой. В самом начале сочинения его собеседник Рэйнан задаёт вопрос о том, какая же из существующих школ истинная, раз все настаивают на своей исключительности.

Дзиун указывает, что сильным сторонам всегда сопутствуют слабые, а привязанность к одному из них делает человека слепым, обрекая на существование в низших мирах животных и претов.

Так на вопрос об учении Дзэн он говорит о склонности монахов этих школ пренебрегать заповедями буддийского благочестия, уступая в этом даже простым мирянам. Излишне формализованная практика длительных сидений и поверхностных размышлений над данным коаном заставляет сердце ещё больше блуждать в потёмках.

В отношении школы Тэндай Дзиун отмечает, что изначальное учение китайского патриарха Чжии было великолепным, но в последствии утонуло в распрях по поводу классификации сутр по их значению и важности (имеется в виду классификация «Пять времён восемь учений»).

Школу Сингон Дзиун критикует за излишнюю увлечённость молениями о благе в этой жизни и гаданиями, что приводит к упадку учения, переданного учителем Ко:бо: Дайси.

Признавая исключительную важность «лёгкого пути» школы Чистой земли и проповедей Хо:нэна, наряду с этим критикует подвижников данного учения за нравственную поверхностность и неустрашимость совершать дурные дела.

Подвижники школы Нитирэн предстают в сочинениях Дзиуна слепцами веры, отброшенными на «внешние» пути.

Основная литература

1. «Миккё: дайdzитэн». Изд-во «Хо:дзо:кан», 1931 г.
2. Сайт «Хоракудзи». URL: <http://horakuji.com>

В. В. Орлов

**Шерифы-воины, шерифы-миротворцы:
социально-политическая инверсия в
традиционном марокканском обществе**

Потомки пророка Мухаммада (*шерифы*) со времен арабских завоеваний обладали значительным авторитетом в мусульманских обществах, особенно на периферии «мира ислама» (*дар ал-ислам*). Немаловажную роль они сыграли и в марокканской политической истории. Участие провинциальных шерифских кланов в судьбах Дальнего Магриба стало особенно заметным в эпоху правления династий Саадидов (1510–1659 гг.) и Алауитов (с 60-х годов XVII в.), возводящих свою генеалогию к пророку ислама. Сведения, приводимые марокканскими арабоязычными источниками XVI–XIX вв., и результаты этнографических исследований, предпринятых европейскими учеными в XIX–XX вв., позволяют выделить черты духовно-политического статуса, общие для марокканских шерифов на всех уровнях общественной пирамиды. В то же время наблюдается и специфика общественной роли шерифов, глубоко различной на уровне локального коллектива (клана, племени, селения, оазиса) и в составе административной структуры марокканского султаната.

Главным аргументом шерифских кланов в политической борьбе всегда был третейский миротворческий арбитраж (*хукм*). Это общественное установление, известное народам Ближнего Востока с языческих времен, всегда служило важным средством контроля межплеменной враждебности и прекращения самопроизвольно вспыхивавшей кровной мести. Пример исламской интерпретации *хукма* подал в 622 г. сам Пророк, примиривший в Ясрибе (Медине) издавна враждовавшие племена аус и хазрадж. Собственно, необходимость в такого рода арбитраже и стала причиной приглашения ясрибцами Мухаммада и исламской общины в их оазис. Быстрый успех Пророка в этом сложном и многотрудном деле предопределил популярность исламского вероучения среди населения Ясриба.

В марокканских условиях авторитет шерифа был основан на заведомом признании его лучших качеств (миролюбия, независимости суждений и мудрости) и позволял противоборствующим сторонам примириться под нажимом его личной «дипломатии». При этом враждующие родоплеменные коллективы не видели в мирном исходе конфликта никакого ущерба для собственного достоинства. Однако божественная благодетельная сила шерифа, унаследованная от Пророка (*барака*), могла быть широко признана только в том случае, если его миротворческие усилия были действительны и составляли важный для местной социальной и юридической практики элемент (как и случилось в VII в. в Медине). Это обстоятельство заставляло шерифских лидеров прибегать к тонкой политической игре на амбициях, чувствах и обязательствах вождей племен и военно-политических деятелей.

В народной традиции Дальнего Магриба шерифский султан-Саадид (или Алауит) воспринимался как первый среди равных по отношению к шерифским кланам периферии. Взаимозависимость монархии и провинциальных шерифских семейств была обусловлена рядом обстоятельств: 1) обе шерифские династии Марокко происходили из окраинных полупустынных территорий и их восхождение к власти происходило в длительной и жесткой конкурентной борьбе с племенными элитами, видными «святыми» (*мурабитами*), лидерами мистических братств (*турук*); 2) власть марокканского монарха в XVI–XIX вв. последовательно внедрялась как раз через сеть межплеменных арбитров, действовавших в том числе и от имени султана-*халифа*; 3) шерифский султанат и институт третейского арбитража фактически монополизировали выражение коллективного самосознания и идентичности, уже с XVI–XVII вв. свойственных населению этой североафриканской страны.

В то же время на уровне традиционного марокканского государства наблюдалась инверсия смыслов и понятий общественной жизни племен. Местная самоидентификация опиралась на кровное родство и территориальные границы, тогда как принадлежность

к мусульманской общине (*умме*) определялась верой. Социальная структура племен была еще достаточно эгалитарна, тогда как государство (пусть даже слабоцентрализованное) предполагало иерархический порядок, где султан воспринимался как духовный символ. Дихотомия между военно-политической и духовной властью, то есть между вождем и шерифом, была значимой для общества на локальном уровне. Однако она переставала быть уместной на уровне султаната в целом. Здесь повелитель правоверных (*амир ал-му'уминин*) осуществлял власть и заставлял подданных признать ее, объединяя в своей персоне несовместимые на местном уровне феномены насилия и божественной благодати.

И. А. Петров

**Характерные черты индуcской общины
Хайдарабада**

Современный мегаполис Хайдарабад, находящийся в самом сердце полуострова Индостан, объединяет в себе элементы североиндийской (индоарийской) и южноиндийской (дравидийской) культур. Город известен в качестве центра индуcско-мусульманской традиции. В нём проявились противоречивые тенденции как синтеза культур, так и конфронтации общин. Хайдарабад является одним из немногих городов в Индии, в котором соотношение индуcского и мусульманского населения почти одинаково. Именно эти обстоятельства способствовали появлению в исследовательской традиции такого понятия, как хайдарабадская культура, которая представляет собой сочетание разнородных по своему характеру элементов, в том числе конфессиональных и этнических.

Индуcская община, наряду с мусульманской, является одной из крупнейших в Хайдарабаде и по численности населения занимает первое место в городе. Представители индуcской общины в массе своей используют языки телугу и урду, а хайдарабадские маратхи, гуджаратцы, марвари и каннада говорят соответственно

на маратхи, гуджарати, раджастан и каннада. В Хайдарабаде зафиксировано значительное количество индусских каст и этнокастовых групп, при этом бок о бок с местными, региональными кастами здесь проживают выходцы из других областей Индии. Среди местных индусов отдельно необходимо упомянуть наиболее значимые касты, такие как *камма*, *редди*, *капу* и *велама*. Самыми влиятельными кастами являются камма и редди, члены которых до недавнего времени доминировали в политической жизни штата Андхра-Прадеш до его разделения. Хайдарабад также стал родным домом для нескольких кастовых общин, пришедших сюда из Северной Индии. Так, представители касты *каятхов* (писцов) стали прибывать на территорию Хайдарабада ещё в XVIII в. и занимали высокие должности в княжеской администрации. Выходцы из касты *агарвалов*, которые происходят, по всей видимости, с территории нынешнего штата Хариана, поселились в Хайдарабаде уже в период независимости Индии.

Отдельно необходимо упомянуть о группах, которые входят в список зарегистрированных каст (*бхуи*, *лудха*, *гауда* и др). Особого внимания достоин тот факт, что в современном обществе реальная деятельность представителей определённых каст не всегда совпадает с тем занятием, которое традиционно приписывалось той или иной касте.

Индусская община, которая делится на последователей шивизма и вишнуизма, всегда отличалась разнообразием праздников. В Хайдарабаде отмечаются общеиндийские индусские праздники (например, *Холи* и *Дивали*), но есть такие праздники, которые пользуются особым почётом среди местного населения (*Боналу*, *Батукамма*, *Садар*).

Исторически сложилось так, что телугу, которые составляют большинство индусского населения Хайдарабада, в течение 200 лет были, по сути, разделённым народом: телугу, населявшие историческую область Телангана, входили в княжество Хайдарабад и развивались под управлением его князей, в то время как прибрежные телугу находились под властью англичан и являлись состав-

ной частью Мадраасской провинции. Политические деятели из числа телугу впервые заговорили о воссоединении своего народа в 1913 г., когда была проведена первая конференция по данной проблеме. Их план был осуществлён в 1956 г. с образованием единого штата Андхра-Прадеш. Тем не менее, длительное бытование в разном историческом контексте привело к возникновению многочисленных противоречий внутри телугу, что привело в конечном итоге в 2014 г. к созданию независимого от Андхры штата Телангана.

Основная литература

1. *Йетукуру Баларамамурти. Краткая история народа андхра.* М., 1956.
2. *Alam, J. The Burqa and the Rickshaw // Seminar 585 – May 2008,* с. 44–45.
3. *Krank, S. Cultural, Spatial and Socio-economic Fragmentation in the Indian Megacity Hyderabad. E-paper.* URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.568.4281&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 21.01.2018).

Д. В. Соловьева

Взаимоотношения марокканского двора и суфийских обитателей (XVII – начало XIX вв.): динамика и тенденции

Деятельность суфийских братств (араб. «турук», ед. ч. «тарика») и мусульманских святых (*мурабитов*) с XV–XVI вв. во многом определяла политическую жизнь не только Марокко, но и Магриба в целом. Региональный авторитет мурабитов и шейхов турук зачастую не ограничивался рамками религиозной сферы, и они превращались во влиятельных среди местного населения политических лидеров. В результате, как только центральная власть в Марокко ослабевала, образовывавшийся политический вакуум тут же занимали суфийские обитатели (*завийи*) и мурабиты. Так, в период ослабления династии Саадидов (1603–1659 гг.) влияние суфий-

ских лидеров усилилось. Этот период известен в историографии Марокко как «мурабитский кризис», когда шейхи завий сосредоточили в своих руках власть над различными регионами в Марокко: Мухаммад ал-Айяши в районе Гарб (северо-запад), завийа Дила в Среднем Атласе и Абу Хасун ас-Самлали в Тазеруалте (юг Марокко). В связи с этим, суфийские обитатели стали главными конкурентами алауитских *шерифов* (потомки Пророка), которые с 1630-х гг. включились в борьбу за господство в Дальнем Магрибе. Победа Алауитов и основание новой шерифской династии обозначили перелом в противостоянии двух идей, которое наметилось еще в эпоху правления Сааидов (которые тоже были шерифами), а именно: столкновение шерифской божественной благодати (*баракы*), обусловленной происхождением, с приобретенной бараккой мурабитов.

Тем не менее, суфийские обитатели, особенно те, которые находились на периферии, постоянно оставались фактором нестабильности для марокканских султанов. Эта тенденция проявлялась наиболее четко при ослаблении власти Алауитов, например, в период тридцатилетней смуты (1727–1757 гг.).

В то же время, анализ источников демонстрирует, что у марокканского двора и суфийских шейхов были и постоянные основы для взаимодействия. В частности, их объединяла необходимость ведения *джихада* против португальцев и испанцев, которые с XV века держали под контролем ряд городов марокканского побережья. Сааиды прибегали к помощи братства Джазулия, а Алауиты позволяли некоторым мурабитам присылать свои ополчения для ведения священной войны. Кроме того, султаны пытались заручиться поддержкой (или хотя бы нейтралитетом) влиятельных братств, поскольку их лидеры пользовались большим авторитетом среди населения. Таким образом, Алауиты в своих отношениях с суфиями пытались соблюдать баланс между применением силы и сотрудничеством, при котором последнее являлось не уступкой, а, скорее, формой контроля со стороны двора. Так, султан Сиди Мухаммад бен Абдаллах (1757–1790) стремился сохра-

нять мир с некоторыми завийами, всячески демонстрируя свое уважение к их святыням и вступая в члены братств). Попытка открытой конфронтации с братствами была предпринята Мулай Слиманом (1792–1822), что вылилось в открытый бунт завий и поддерживавших их племен.

Изучение источников и историографии позволяет предположить, что в отношениях между марокканским двором и завийами можно проследить следующую динамику: влияние суфийских турук было обратно пропорционально усилению центральной власти в султанате, и наоборот: периоды ослабления династии (кризис центральной власти при Саадидах – «мурабитский кризис» – тридцатилетняя смута при Алауитах) неизменно сопровождалась ростом влияния шейхов братств, а целостность государства зависела от того, насколько успешной была тактика, которую выработывали алауитские султаны в отношении завий.

М. Н. Старикова

Дискуссия о мусульманской «формуле развода» в современной Индии

Традиционная практика развода у индийских мусульман, подразумевавшая произнесение мужем три раза слова *талак* (урду *talāk* – развод), сохранилась практически в неизменном виде вплоть до XXI в. Такое положение дел вызывает множество споров среди наиболее образованных и либерально настроенных представителей общества – как мусульман, так и индугов, выступающих за пересмотр этого юридического вопроса, который формально относится к сфере мусульманского личного права.

Борьбу против мусульманской «формулы развода» также начали индийские феминистские организации и движения, деятельность которых стала заметна с 1990-х годов. Вопросами прав мусульманских женщин при разводе активно занимается Движение мусульманок Индии / *Bharatiya Muslim Mahila Andolan* (далее –

ДМИ). С момента своего основания в 2007 г. ДМИ постоянно сталкивается с последствиями применения «формулы развода», когда нередко женщины с детьми в одно мгновение остаются за дверями дома. В своём исследовании [1] аналитики ДМИ отмечают, что во многом данная практика обусловлена низким уровнем грамотности как мусульманских мужчин, так и женщин, а также недостаточной осведомленностью их в этом вопросе: известно, что коранические нормы указывают на необходимость толерантного поведения со стороны обоих супругов в непростые периоды их совместной жизни [2: 192]. Усугубляют ситуацию в Индии различные *фетвы*, звучащие из стен мусульманских религиозных учреждений и в немалой степени «санкционирующие» устную практику развода.

Во время священного мусульманского месяца рамадан в 2016 г. ДМИ передала в общеиндийскую Национальную комиссию по делам женщин меморандум с предложениями относительно «формулы развода», который подписали 50 тыс. женщин [3]. Также Маслим раштрия манч (Muslim Rashtriya Manch, Национальная мусульманская трибуна), представляющая мусульманское крыло индусской организации Раштрия сваямсевак сангх (Rashtriya Svayamsevak Sangh, Союз добровольных служителей родине), собрала около миллиона подписей под петицией о запрете практики «тройного *талака*», которую в 2017 г. подала в Верховный суд Индии.

Весной 2017 г. Верховный суд принял историческое решение о необходимости рассмотрения вопроса о правах мусульманок при разводе, а 22 августа того же года признал практику «тройного *талака*» антиконституционной и запретил её. Однако такое решение суда было воспринято в стране неоднозначно. Значительная часть индийских мусульман, и прежде всего, их религиозные лидеры выразили возмущение по поводу постановления суда и расценили его как вмешательство государства в религиозные дела общины. Негативно восприняли решение суда и некоторые другие

индийские общественные и политические организации. Тем не менее, в 2017 г. в Индии был сделан первый правовой шаг в пересмотре устаревших религиозных практик.

Основная литература

1. *Soman Z., Dr Niaz N. S.* No more “Talaq Talaq Talaq”: Muslim Women Call for a Ban on an UnIslamic Practice [электронный ресурс]. URL: <https://bmmaindia.files.wordpress.com/2016/01/triple-talaq-report.pdf>
2. *Asma Barlas.* “Believing Women” in Islam: Unreading Patriarchal Interpretations of the Qur’an. University of Texas Press, 2002.
3. Milestones in a 10 Years Journey: 2007 to 2016. 31.01.17 [электронный ресурс]. URL: <https://bmmaindia.com/2017/01/31/milestones-in-a-10-year-journey-2007-to-2016/>

Л. В. Хохлова

Касты в сикхской общине Индии и в диаспоре

Подобно другим школам бхакти, сикхи считают, что путь к спасению равно открыт для представителя любой касты, и освобождение достигается благодаря божественной милости и духовным усилиям индивида. В социальном плане отвергается идея ритуального осквернения при общении с представителями низших каст. Широко известна антикастовая направленность сикхского лангара (сотрапезничества) и различных ритуалов, символизирующих социальное равенство. Между тем при выборе брачного партнера как правило соблюдаются кастовые предписания, поэтому каста у сикхов сохраняется как устойчивая общность и институт социальной мобилизации. Практически сохраняется и отвергаемая в идеале кастовая иерархия.

Наиболее ранним источником сведений о пестром кастовом составе сикхской общины являются произведения Бхай Гурдаса, относящиеся к началу XVII века. Из них становится ясно, что сикхи не видят необходимости скрывать кастовую принадлежность

отдельных членов общины. Численный состав различных каст внутри сикхской общины впервые стал известен благодаря переписи населения, проведенной британской колониальной администрацией в 1881 г. Из 1 706 909 сикхов (вступивших в хальсу, т. е. общину, созданную гуру Гобиндом Сингхом) 66 % составляла земледельческая каста джатов; 6,5 % – каста плотников (таркхан), которые в сикхской общине называют себя рамгархия; 5,6 % чамары (рамдасия) – ремесленники, занятые обработкой кожи; 2,6 % чхухра (мазхаби) – уборщики; 2,3 торговая каста арора, 2,2 % торговая каста кхатриев, претендующая на кшатрийское происхождение. Менее 2 % составляли кузнецы (лохар) – 1,4 %; горшечники (джхинвар) и парикмахеры (наи) – по 1,2 %; раджпуты – 1,1 %; прочие составляли менее 1 %. Последняя перепись, включавшая вопрос о кастах, проводилась в 1931 г. К этому времени сикхская община численно выросла, однако численное соотношение каст существенно не изменилось.

Высшее место в социальной иерархии занимают джаты, представленные не только в аграрной сфере, но и в бизнесе, политике и других профессиях, и кхатрии, которые занимаются крупным и средним бизнесом, а также составляют сикхскую интеллектуальную элиту. К кхатриям примыкает занимающая несколько более низкий статус в социальной иерархии торговая каста арора. Низшее место как в Индии, так и в диаспоре предсказуемо занимают рамдасия и мазхаби, т. е. неприкасаемые, вступавшие в сикхскую общину в тщетной надежде повысить свой социальный статус. Что касается рамгархия, то их социальный статус существенно повысился, в особенности в сикхской диаспоре.

Сикхи – одна из самых мобильных индийских общин. Заметные сикхские диаспоры существуют в 37 странах, в том числе в США, Канаде, в Сингапуре, Гонконге, на Фиджи, Маврикии, в странах Восточной Африки др. Самая большая по численности сикхская диаспора находится в Великобритании – 432,5 тыс. человек. Миграция в Великобританию началась еще в конце XIX в., но наиболее массовый характер приобрела в 50-е годы XX в. Первыми переселялись мужчины, которые позже вывозили семьи и род-

ственников. Так закреплялась кастовая структура внутри сикхской общины. Среди мигрировавших из Индии преобладали джаты.

В 60-х и 70-х годах XX в. началась активная миграция сикхов из Восточной Африки, в особенности из Уганды во время правления Иди Амина. Это были рамгархия сикхи, которые в конце XIX – начале XX в. переселились из Индии в британские колонии – Кению, Уганду, Танзанию, где успешно участвовали в разных строительных проектах, в том числе в строительстве железной дороги между Кенией и Угандой. Прибывшие в Англию рамгархия продемонстрировали преимущества перед многими джатами, считавшими себя выше в социальной иерархии: свободно владели английским и хорошо вписывались в западный образ жизни. Между джатами, рамгархия, равидаси и некоторыми другими кастами возникли серьезные противоречия религиозно-культурного характера, проявившиеся в строительстве собственных гурдвар и различных социальных и культурных центров.

По проведенным среди сикхов Великобритании опросам, около 30 % идентифицируют себя с какой-либо кастой, из них 69 % – с кастой джатов, 23 % – с кастой Рамгархия, 1 % – с равидаси. При этом значительная часть равидаси заявляет о своей полной отделенности от основной общины сикхов.

На вопрос о том, «важна ли для вас каста», только 10,8 % британских сикхов ответили: «важна» или «очень важна», 66,8 % – «совсем неважна». Другие данные однако противоречат этим показателям: 30 % опрошенных заявили о сильном давлении на молодых при вступлении в брак со стороны старших в семье. Большинство глав семей настаивают на выборе брачного партнера в соответствии с кастовыми предписаниями, что способствует сохранению института касты как в среде сикхов Индии, так и в сикхской диаспоре.

Основная литература

1. *McLeod, W. H.* The evolution of Sikh community, Delhi, Oxford University Press, 1975.
2. British Sikh Report 2013/ URL: <http://www.britishsikhreport.org/bsr-questionnaire-2013>.

М. М. Якушев

**Кофе в описаниях русских паломников
XVIII – первой половины XIX в.**

Кофе играл важную роль в гастрономической культуре и повседневной жизни населения Османской империи и являлся главным ближневосточным церемониальным напитком, удостоенным внимания многих русских паломников-писателей.

Многие паломники посещали кофейные дома, где впервые пробовали кофе. По словам братьев Вешняковых, в турецких кофейнях, «в коих по всеместному в Турции обыкновению должно непременно дать места для ночевания всякому без различия веры, но и безденежно; деньги же берут за табак и кофе, есть ли кому угодно». По сведениям иеромонаха Мелетия, в кофейных домах Османской империи «подносится чашка кофе за одну пару с выкурением трубки табаку». Некоторые арабы потчевали поклонников кофе насильно за деньги. Вешняковы описали случай, когда во время их посещения Вифании и Гефсимании арабы «разносили кофе, каждый должен был взять чашку и заплатить две пары; нехотевшего пить от усталости, или крепко заснувшего били палками и выливали на них по чашке горячего кофе, ибо оной наливали из самоваров, требовали по две пары». По словам Н. В. Адлерберга, при входе в Иерусалим привратники потчевали его «кофе и трубками, и вслед за тем, разумеется, выпрашивали денег».

Иван Лукьянов, посетивший Святую Землю в начале XVIII в., заметил, что «турки пьют только воду да кагве, черную воду греют». Иеромонах Леонтий, побывавший в Святом Граде в 60-х годах XVIII в., назвал кофе «левандским» или «ориентальным», отметив, что в Палестине его угощали «полумаленькой чашкой кофе, по своему обычаю, сиречь без сахара», а в Египте его потчевали «чашками кофе втрое больших». Иеромонах Мелетий, посетивший Иерусалим в 90-х годах XVIII в., отметил, что «турки кофе употребляют без сахара и молока и то по одной чашке». Русский богомолец Н. В. Адлерберг, посетивший Святую Землю в 40-х го-

дах XIX в., заметил, что «кофе наливают в маленькие чашечки и разносят совершенно горячий, обыкновенно без сахара», а «10 турецких чашек равняется одной европейской чашке большого размера».

Центром притяжения русских паломников был храм Гроба Господня. Бронников удивился тому обстоятельству, что внутри храма Воскресения Христова «торговцы продавали маслины, разные фрукты, кофе, шербет и хлеб, и все разместились в левой стороне церкви ... в одном церковном отделении торговцы для продажи нанесли хлеба, фруктов, шербету и варили кофе, а сие весьма походило на рынок». Вешняковы также не ожидали увидеть внутри храма Гроба Господня торговцев, которые принесли «для продажи разные съестные припасы, и составили близ Святой кувуклии настоящий рынок; желающие покупали и ели; а в особом отделении варили кофе и продавали оной».

Паломники 30-х годов XIX в. также описали продуктовый торг в храме Гроба Господня. Так, Стефан сообщил, что арабы христиане вносили в храм «разные съестные припасы для продажи». А. Н. Муравьев отметил, что собор «превратился в обширный базар ... корзины плодов и припасов лежали посреди толпы поклонников, разбитой по семьям», а А. С. Норов заметил, что вся галерея за греческим соборным алтарем до католической церкви «делается торжищем съестных и питейных припасов, где с трубками и с кофеем в руках расхаживают ... стражи мусульманские, но даже и некоторые христиане».

Мусульманская стража, сидевшая у входа в храм Гроба Господня на мягком диване и выполнявшая функции охранников и мытарей, привлекала особое внимание русских паломников. Богомольцы называли их «арабами» или «турками». По большим праздникам, во время церковных процессий мусульманская стража следила за обеспечением безопасности и порядка в храме, а в обычное время от нечего делать ограничивалась курением кальяна, игрой в шахматы, питьем кофе, приготавливаемого на жаровне в дверях храма. По словам Вешняковых, во время их первого посещения храма арабы сидели «на диване с левой стороны близ

оних врат», во второй раз – «подле врат на мягком диване», курили табак, варили на жаровнях кофе и пили; по описаниям К. И. Бронникова, турки сидели «внутри церкви близ дверей на мягких диванах»; Стефан замечает, что турки сидели «внутри церкви подле двери на диванах»; А. Н. Муравьев также отмечает, что турки сидели «с трубками в преддверии» и пили кофе; А. С. Норов пишет, что турки сидели «при входе, в ложе привратника с трубками во рту» и играли в шахматы; Н. В. Адлерберг замечает, что сторожа храма сидели «на диванах и в самой церкви», пили кофе, курили трубки, разговаривали и считали деньги; Л. Кавелин отмечает, что турки сидели «в самой церкви, по левую сторону двери, на диване, покрытом богатым ковром» и занимались «курением наргиле», запивая его кофе, который готовился на жаровне «в дверях самого храма»; А. Симоченков отмечает, что слева от входа на коврах сидели турки, хранители ключей, «они были в чалмах с трубками в руках», перед ними стояли чашки с кофе.

Таким образом, в паломнических дневниках отмечалось, что кофе считался важнейшим напитком Святой Земли, занимавшим значимое место в гастрономической культуре Ближнего Востока, который можно было встретить повсеместно – начиная от кофейных домов и заканчивая храмом Гроба Господня. По сведениям русских богомольцев, кофе подавался гостям горячим в маленьких чашечках без сахара, сливок и молока, а вкусовые качества и ароматические свойства напитка приходились им по душе.

Круглый стол
**«Актуальные проблемы
Центральной Азии и Кавказа»**

О. Г. Акинина

**Исламский университет «Нур»
в Казахстане**

1. После обретения независимости Казахстаном в 1991 г. в его истории началась новая эпоха, характеризующаяся становлением и развитием суверенного, демократического правового государства. Положения Конституции республики, касающиеся свободы совести и религии, привели законодательную базу в соответствие с международными нормами. Заполнение духовного вакуума уже давно ощущалось как насущная необходимость теми людьми, которые десятки лет жили в атеистической среде. Крах этой идеологии привел к возрождению религиозности среди населения Казахстана. Однако в республике на тот момент практически не было подготовленных, грамотных священнослужителей, влияние которых на умы и сознание населения традиционно велико, особенно на Востоке. Важную роль в решении проблем, связанных с перспективами развития исламских процессов, должно было сыграть создание качественной системы исламского образования и его институционализация в масштабе центральноазиатского государства, где около 70 % верующего населения считают себя мусульманами.

2. В начале 90-х гг. в Казахстане было принято решение о создании в городе Алматы египетского университета «Нур-Мубарак», который бы занимался подготовкой дипломированных имамов, теологов, религиоведов и филологов-арабистов в области традиционного ислама. Как отмечал председатель Агентства РК по делам религий Кайрат Лама Шариф, «основной работой исла-

моведов и имамов является проведение пропаганды ислама традиционного для Казахстана ханафитского мазхаба, исследование его положений с научной точки зрения и ознакомление с ними мусульманской части населения страны». [1] Идея создания такого университета возникла во время визита президента республики Казахстан в Египет в 1993 г. Египетский президент Хосни Мубарак сделал шаг навстречу сотрудничеству в данной области. Начались консультации с казахской стороной, и в ходе оперативных контактов с официальными представителями Казахстана был разработан план создания университета, достигнуты договоренности о его задачах; сферах, в которых начнется совместная работа; специальностях, которые будут получать выпускники и т. д.

3. Однако прошел не один год, прежде чем университет исламской культуры «Нур-Мубарак», названный так в честь глав двух государств, распахнул свои двери. На основании межправительственного соглашения между Республикой Казахстан и Арабской Республикой Египет, ратифицированного в Парламенте Казахстана, и указа № 460-11 от 2 июля 2003 года, подписанного президентом Н. А. Назарбаевым, управление университетом было передано Духовному управлению мусульман Казахстана. Вскоре университет получил лицензию Министерства образования и науки РК и прошел государственную аттестацию, став на сегодняшний день единственным высшим исламским учебным заведением в Казахстане. Но в 2012 г. университет «Нур-Мубарак» по просьбе мусульман Казахстана изменил свое наименование на Казахско-египетский исламский университет «Нур» в связи с происходившими в то время в Египте событиями «арабской весны», которые привели к отставке египетского президента Хосни Мубарака.

4. В настоящее время в университете студенты обучаются по трем основным специальностям («исламоведение», «иностранные языки» и «религиоведение») и проходят подготовку по трехуровневой системе бакалавриата, магистратуры и докторантуры. В соответствии с канонами ислама в университете ведется раздельное обучение на мужском и женском отделениях. Общее количество

студентов в университете «Нур» составляет сегодня почти 600 человек. Обучение осуществляется преимущественно на казахском языке, хотя с недавнего времени был начат набор в группы с русским языком. В процессе учебы студенты всех факультетов изучают арабский и английский языки.

5. По данным Агентства по делам религий Казахстана, в период между 2004 и 2011 гг. университет окончили 262 студента по профессии «Исламоведение». Из них 163, то есть 62,2 % стали имамами, а 37 выпускников (14,1 %) начали преподавать в казахстанских медресе. В 2013 г. уже 667 студентов обучались на бакалавриате, 62 – в магистратуре, 14 – в докторантуре и 35 – на заочном отделении. [2] С каждым годом количество студентов увеличивается, тем более, что правительство начало выделять гранты на бесплатное обучение в этом вузе: 100 грантов в 2011 году, 128 в 2012 году, 150 в 2013 году, 200 грантов в 2014 году. [2]

6. Дальнейшее развитие исламского образования в Казахстане, связанное с перспективами создания единого сетевого Исламского университета для постсоветских центральноазиатских государств, имеет своей целью формирование центральноазиатской исламской интеллигенции и научно-интеллектуальной элиты, а также создание конкуренции зарубежным учебным заведениям как в сфере исламского, так и теологического обучения в светских вузах. Что касается институционализации исламского образования, то она предполагает разработку на государственном уровне концептуальной стратегии развития религиозного образования, повышение его качества и широкую интеграцию его стандартов в общество с учетом специфики Казахстана с точки зрения особого характера религиозности его народа.

Основная литература

1. Египетский университет «Нур-Мубарак» в Алматы переименован // Tengri news, 23 ноября 2012.
2. Пресс-служба Агентства «Новости» (казах.). Агентство по делам религий Казахстана, 2012.

Али Арамджу (Иран)

**Баха' ад-Дин Накшбанд и вопрос Зикра
(пение) в братстве Накшбандии**

Братство (тарикат) Накшбандийа изучалось и изучается учеными больше, чем любой другой суфийский орден исламского мира. Это связано с его уникальными особенностями как динамичной и активной силы глобального значения, особенно в политической сфере. Тем не менее, существуют и «белые пятна», особенно в части становления ордена и его раннего развития, так как большинство исследований посвящено позднему периоду его существования. На самом деле, до сих пор не дано ответа на вопрос, почему и как эта новая тенденция проявляется в традиции *х'аджаган*. Имеющиеся исследования по этому вопросу, к примеру, полностью игнорируют роль Баха' ад-Дина Накшбанда.

Мы в другом исследовании проанализировали не только его жизнь, но и историю его взаимоотношений с религиозными авторитетами Бухары, и затрагивает предпосылки формирования нового ордена, который мог возникнуть благодаря подходу Баха' ад-Дина к взаимодействию между суфиями и авторитетными богословами и к социальной функции последних¹. Но в данном исследовании, предпринята попытка дать ответ на этот вопрос:

1. Почему Баха' ад-Дин бросил громкий зикр (джали) и выбрал тихий зикр (хафи)?

2. Какое влияние оказала его связь с религиозными учёными Бухары на этом выборе?

Тема зикра (пение) была одним из серьезных дебатов в традиции Хваджагана и фактически сыграла ключевую роль в формировании новой волны Накшбандии.

Изначально в братстве отдается предпочтение тихому зикру, введенному в обиход прагматического суфизма в XII веке основателем самостоятельной школы среднеазиатского мистицизма, именуемой хваджаган, Абд ал-Халиком Гиджувани (ум. в 1220 г.).

¹ Баха' ад-Дин Накшбанд: практическое общение между *х'аджаган* и *улама*'.

Хваджа Абдул Халиг и его четыре халифата все практикуют зикр-э-хафи (молчание), но Хваджа Махмуд Фагнави, Халифа Хваджа Ареф Ривгари начал практиковать зикр-и-джахри (громкое пение). В то же время Хваджа Олайя, другой шейх Хваджагана, продолжал практиковать зикр-э-хафи². Корень этой разницы следует искать в структуре преемственности хваджагана. Поскольку, как правило, каждый из шейхов в течение своей жизни назначал несколько халифов (обычно четыре) в качестве преемников для себя, которые один за другим, должны приглашать людей к богу, области соревнований, особенно между учениками каждого из основных шейхов. Наряду с научным обзором различных манускриптов Маслака аль-Арефина, Девисс показал,³ что после Хваджа Абдула Халига, как возникли споры между Хаджаганом. Важно знать, что по-видимому, религиозные ученые выступали против такого рода Зикра (громкое пение). Действительно, они рассматривали его как своего рода новаторство и во многих случаях подвергали сомнению суфийских шейхов в этом отношении⁴.

В основном, избегая того, что считалось инновационным, было общим моментом, который мог бы объединить религиозных ученых и Баха' ад-Дина в качестве суфийского шейха. Скорее всего, усилия Баха' ад-Дина, направленные на то, чтобы приблизиться к религиозным ученым и получить их поддержку, были эффективны в принятии такого рода зикра. Следует отметить, что, Баха' ад-Дин, не только не практиковал громкого пения, но и добавил три принципа к «восьми принципам хаджагана»⁵, которые связаны с качеством молчаливого пения⁶.

² Devin DeWeese, Succession protocols and the early Khwajagani schism in the "Maslar al-Arifin", *Journal of Islamic Studies*, Vol. 22, No. 1 (January 2011), pp. 1–35.

³ Там же.

⁴ Сафи, *Рашахат айн аль-хаят*, с. 60. Абул Хасан Мохаммад Бакер, *Макамат-и хазрат-и х'аджа Накибанд*, с. 108.

⁵ «Хуш дар дам» (перс. هوش در دم осознанность в Дыхании); «Назар бар кадам» (перс. نظر بر قدم взгляд под ноги); «Сафар дар ватан» (перс. سفر در وطن путешествие в месте проживания); «Халват дар анджуман» (перс. خلوت در انجمن уединение в обществе) – внешнее пребывание с людьми, внутреннее – с Богом; «Йадкард» (перс. یادکرد поминание) – постоянное произнесение формул теомнемии, иначе называемое зикр; «Базгашт» (перс. بازگشت возврат) – мысленное возвращение

А. А. Гаджиева

**Концепт «рука» и его отражение
в арабском, казахском и русском языках
(на материале фразеологизмов)**

В представлении каждого народа есть исторически сложившаяся уникальная картина мира, выражаемая лексическими средствами языка. Картина мира – это, прежде всего, сформированный образ окружающего мира, базирующийся на особенностях менталитета и культуры данной языковой общности.

Для определения особенностей модели мира нами выбран концепт *рука* на материале фразеологизмов арабского, казахского и русского языков. На основе контрастивного описания соматизма *рука* в арабской, казахской и русской языковых картинах мира предпринята попытка выявить этноспецифичные значения данного концепта в составе фразеологических единиц.

В языковой культуре многих народов понятие *рука* обладает широким спектром значений, среди которых характерными являются: 1) деятельность, действие, создание; 2) дарить, давать, брать, отбирать, бить, ударить; 3) щедрость, скупость, помощь, милость, благо, сила, мощь.

В толковом словаре казахского языка даются следующие определения лексеме *қол* – *рука*: 1) часть тела от плеча до конца пальцев; 2) перен. рабочая сила, человек; власть, господство; писание; подпись. Разумеется, в казахском языке, как и во многих языках мира, прежде всего, реализуется значение «действие, деятельность». Это нашло отражение во фразеологизмах: *қол*

к Богу в процессе отправления экира; «Нигахдашт» (перс. نگاهداشت – сохранение, бдительность); «Йаддашт» (перс. یادداشت – запоминание). См. Сафи, *Раишахат айн аль-хаят*, с. 38–47.

⁶ «Вукуф-и замани» (перс. وقوف زمانی – *остановка времени*) – дорожить временем и рассчитывать каждый свой миг; «Вукуф-и адади» (перс. عددي وقوف – *ведение исчисления*) – концентрация на произнесении зикра, главное не количество произнесенных зикров, а их качество; «Вукуф-и кальби» (перс. قلوبی وقوف – *неподвижность сердца*) – сконцентрированность сердца и помыслов на произнесении зикра, не оставляя места ни для чего другого. См. *Раишахат*, с. 47–50.

ұшын беру букв. подать кончики рук – помогать кому-либо, протянуть руку помощи; *қол жұмсау* букв. пускать в ход кулаки – бить кого-либо, применять грубую физическую силу; *қолы-қолына жұқпайды* букв. рука руки не касается – о человеке, который быстро и хорошо выполняет работу.

В арабском языке понятие *рука* передается лексемой *yadun*. В русском и арабском языках значение «действие, деятельность» выражается следующими фразеосочетаниями: *madda yada l-musā‘dat* букв. протянуть руку помощи – помочь кому-либо; *'ahaza biyadi-hi* букв. взять кого-либо за руку – поддерживать кого-либо, помогать; *rafa'a yadahu 'alā* – поднять руку на... – русск. поднимать руку на кого-либо.

Фразеологические единицы с компонентом *рука*, характеризующие человека и его отношение к деятельности, могут, безусловно, отражать как универсальные концепты, так и национально-специфичные: араб. *ṣāhibu l-'ayādī l-baydā'i* букв. владелец белых рук – благодетель; *yaduhu ṭawīlā* букв. длинные руки – 1) способный; 2) вороватый; *yaduhu maftūḥatun* букв. его руки открыты – щедрый; *yaduhu khaṭīfa* букв. его руки легкие – нечист на руку; казахск. *қолы қысқа* букв. руки короткие – бедный; *қолы ашық* букв. руки открытые – щедрый; *қолы ұзын* букв. руки длинные – влиятельный, богатый; *суық қол* букв. холодные руки – вор, похититель; русск. *золотые руки* – умелый, мастер; *рук нет* – неловкость и неумелость.

Ассоциируясь с идеей воздействия, деяния и творения концепт *рука* символизирует власть, господство, управление, что отражается в следующих фразеологизмах: араб. *al-yad-u l-'ulyā* букв. высшая рука – 1) господство и главенство; 2) щедрость и великодушие; русск. *взять в руки* – держать в строгом повиновении, не давать воли; *руки коротки* – не имеет достаточной власти; *руки длинны* – об обладании влиянием, могуществом; каз. *қол астында* букв. под рукой – у него в подчинении.

Проведенный сопоставительный анализ фразеологических единиц с концептом *рука – қол – yadun* позволил сделать вывод о том, что в трех исследуемых языках преобладают значения, связанные с деятельностью, характеристикой и душевного состояния

человека. Это один из самых продуктивных соматизмов с большим семантическим потенциалом, что объясняется реализуемостью его различных аспектов, свойств и функций.

Основная литература

1. Қазақ сөздігі. Алматы: Дәуір, 2013, 1488 б.
2. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008, 878 с.
3. Ibn Manzur Lisān al-‘arab. Beirut, 1968. V. 9, 366 p.

А. А. Ганич Педагогическая деятельность азербайджанского просветителя Рашид-бека Эфендиева

Рашид-бек Эфендиев (1863, Шеки – 1942, Нуха) в истории азербайджанской педагогики и просвещения личность известная. Выпускник Горийской семинарии (1882 г.), Александровского учительского института в Тифлисе (1900 г.) он сыграл значимую роль в становлении азербайджанской педагогической мысли и методики преподавания родного языка.

Традиционно, начальное образование Р. Эфендиев получил в религиозной школе (моллахана) при Джум‘а мечети. Дома же он заучивал наизусть образцы классической персидской поэзии «Гюлистан» и «Бустан» Саади, «Лейли и Меджнун» Физули, сочинений Хафиза; под руководством отца знакомился с арабской морфологией и синтаксисом, логикой. Позже приступил к изучению русского языка и был отдан в русско-туземную школу.

Встреча в Тифлисе с великим азербайджанским просветителем Мирзой Фатали Ахундовым повлияла на его выбор учебного заведения и профессии. Именно Ахундов порекомендовал ему поступить на татарское отделение Закавказской учительской семинарии. В 1879 г. инспектор этого отделения А. О. Черняевский (педагог, автор первого учебника на азербайджанском языке «Вэтэн дили», вышел в 1882 г.) приехал в Нуху и отобрал Рашид-бека и

5 других учеников для учебы в семинарии. Знание русского и восточных языков позволило Р. Эфендиеву участвовать в образовательных проектах татарского отделения. Он был включен в комиссию по подготовке учебных пособий на азербайджанском языке для образцовой школы при татарском отделении. Параллельно занимался переводами малых произведений русской и восточной литературы, а также небольших стихотворений воспитательного характера для чтения учениками семинарии. Обладая драматическим дарованием, Рашид-бек осуществлял в семинарии театральные постановки в том числе на собственные пьесы, в которых были выпукло представлены недостатки и пороки местного общества.

По окончании семинарии Рашид-бек Эфендиев получил назначение на должность заведующего и учителя новой начальной школы в Куткашене (ныне – Габала). Здесь он проявил интерес к этнографии и археологии: изучал памятники истории и культуры Нухинского уезда, собирал образцы устного народного творчества, материальной культуры, описывал обычаи и обряды, особенности ремесла и торговли жителей этого района.

С 1892 по 1899 гг. он преподавал русский язык в азербайджанской школе «Омар мектеби» в Тифлисе, работая параллельно в должности секретаря Закавказского мусульманского духовного правления суннитского учения. Высокая профессиональная подготовка Р. Эфендиева получила положительные отзывы руководителя Кавказского учебного округа Н. Л. Лопатинского и профессора В. М. Розена, изучавшего в то время в Тифлисе историю и этнографию народов Востока. В результате Лопатинский привлек Рашид-бека к работе по составлению словаря русского и восточных языков, а профессор Розен – в качестве переводчика. Собранный Эфендиевым в свое время в Нухинском уезде этнографический материал был опубликован в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа».

Публикации в печати не ограничивалась СМОМПК. Свои очерки и статьи, посвященные методике преподавания и развитию народного просвещения, Р. Эфендиев публиковал в газете «Закав-

казское обозрение» («О мнении мусульман по поводу начального обучения грамоте»), «Народное просвещение у мусульман», «Положение мусульманских женщин и воспитание детей» и др.). В них он с просветительских позиций критиковал положение народного просвещения в Азербайджане, отсутствие в достаточном количестве школ, одновременно доказывая необходимость обучения на родном и понятном для учащихся азербайджанском языке. В 1889 г. опубликовал собственный учебник родного языка для начального обучения «Ушаг бахчасы». На обложке своей книги он написал: «Безграмотный человек с помощью этой книги быстро научится читать и писать». «Ушаг бахчасы» неоднократно переиздавался, а в 1914 г. был переведен на карачаево-балкарский язык и издан в Тифлисе. Считая просвещение женщин основным вопросом и условием их свободы, Рашид-бек Эфендиев писал о необходимости открытия школ для девочек.

С 1896 г. Р. Эфендиев учился заочно в Александровском учительском институте, по окончании которого в 1900 г. был принят в Закавказскую учительскую семинарию на должность учителя родного языка и мусульманского законовещения. Резкой критике Рашид-бек Эфендиев подверг методику преподавания в религиозных школах, где дети заучивали на арабском и персидском языках тексты без знания их конкретного содержания. Такое обучение он считал бесполезным, отвращавшим детей от учебы и грамоты. В свою очередь, он составил и издал в Тифлисе учебник магометанского вероучения суннитского толка в 2-х частях «Мухтасар Шариат».

Одновременно, вплоть до 1916 г., Рашид-бек руководил уроками по педагогическому опыту для студентов мусульманского отделения семинарии, работая и над соответствующими учебными пособиями. Его научно-педагогическая деятельность не ограничивалась только написанием учебных и методических книг. До 1911 г. он был занят составлением программ для начальной школы, а после по заданию Кавказского учебного округа готовил программы для средних школ и учительских курсов.

В 1916 г. Рашид-бек Эфендиев был назначен инспектором мусульманских школ Эриванской губернии, а в 1917 г. направлен

в Нахичевань для организации курсов по подготовке учителей. В 1920 г. стал директором педагогической школы в Нухе, продолжая не только педагогическую, но и переводческую и краеведческую деятельность. В 1924 г. был избран делегатом на съезд азербайджанских краеведов и ученым секретарем нухинского отделения Азербайджанского этнографического общества. В 1926 г. был назначен председателем Азербайджанского археологического комитета. В 1928 г. Р. Эфендиев избран делегатом I съезда Общества азербайджанских пролетарских писателей и председателем Нухинского отделения Азербайджанского исследовательского общества. В 1934 г. принял участие в работе I съезда писателей СССР. В 1960 г., спустя 18 лет после его смерти, в Шеки был открыт дом-музей Рашид-бека Эфендиева.

Основная литература

1. Мухтасар Шариат. Часть II. Учебник Магометанского вероучения Суннитского толка. Составил Вероучитель Закавказской учительской семинарии *Рашид бек Эфендиев*. Тифлис, 1911.
2. *Ганич А. А.* Азербайджанские тюрки в конце XIX – начале XX века: идентичность в поисках традиции // Международный форум «Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи»: Сборник выступлений и статей. Бишкек, 2017, с. 367–374.
3. *Ханджанбекова Ф.* Рашид бек Эфендиев. Просветитель, педагог, драматург, этнограф. URL: <http://www.1news.az/news/rashid-bek-efendiev-prosvetitel-pedagog-dramaturg-etnograf-foto> (access: 30.10.2017).

Д. В. Жигульская

Роль Ахмед-бека Агаева в развитии концепции тюркского национализма

Ахмед-бек Агаев – выдающийся азербайджанский мыслитель, занимавший в конце XIX – первой половине XX в. особое место в политической и интеллектуальной среде Кавказа и мусульманской России, а затем Османской империи и республиканской Турции.

Взгляды Ахмед-бека Агаева, который получил хорошее европейское образование, серьезно отличались от убеждений многих

его мусульманских современников. Родившись в азербайджанской семье, в которой приверженность к шиитским традициям была довольно сильна, в молодом возрасте он познакомился с российской и западной общественной мыслью, пройдя обучение в Санкт-Петербурге и Париже. После возвращения из Франции в российский Азербайджан Агаев примкнул и сыграл важную роль в развитии реформистского движения джадидизма.

Стоит отметить, что на протяжении своей общественной деятельности, взгляды Ахмед-бека Агаева претерпевали серьезные изменения под влиянием различных факторов. После революции 1905–1907 гг. в Российской империи и под давлением царского режима Ахмед-бек Агаев был вынужден эмигрировать в Османскую империю.

За долгие годы, на протяжении которых Ахмед-бек Агаев стал свидетелем распада Османской империи, а также становления и укрепления республиканского режима, его взгляды варьировали от иттихадистского пантюркизма до «западничества», провозглашавшего превосходство западной цивилизации над восточной, от кемалистского национализма до либерального индивидуализма и оппозиции однопартийному режиму.

В докладе подробно рассматривается эволюция взглядов Ахмед-бека Агаева, особое место уделяется анализу его роли в развитии идеологии тюркского национализма.

И. В. Зайцев

Исламские рукописи в Астрахани

Самая крупная коллекция рукописей и старопечатных книг в арабском шрифте в Астрахани хранится в Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике. Старейшая рукопись собрания – трактат Мухаммеда ибн Фарамурз ибн Али, переписанный джумада II 956 г. (август 1548 г.) неким Сулейманом б. Мустафой б. Мухмудом, возможно с автографа автора, датированного зу-ль-када 874 г.х. (май 1470 г.). Эта рукопись скорее всего происходит с территории Малой Азии.

Только одна рукопись собрания («Мирадж ан-нубувват») на персидском переписана неким Ниметуллахом Хаджитархани (т. е. связанным происхождением с Астраханью) в 1245 / 1829–30 гг. Другие манускрипты связаны с регионами Кавказа: например, трактат по праву на персидском языке (1134 / 1721–22 гг., переписчик Халиль б. Ибрахим). Старопечатные книги на арабском в основном представлены каирскими образцами булакской печати. Некоторые из них также имеют пометки выходцев с Кавказа (Дагестана), которые возможно, оказались в Астрахани не по собственной воле.

Помимо Музея, имеются манускрипты в частных собраниях города, Государственном Архиве Астраханской области, а также в Астраханской областной научной библиотеке им. Н. К. Крупской, где хранится иранский список «Калилы и Димны», датированный месяцем зуль-хиджжа 1241 г.х. (июль 1826 г.).

В целом можно сказать, что рукописи и старопечатные книги в коллекциях города еще раз свидетельствуют о важной роли Астрахани как культурного центра, где пересекались и взаимно обогащались культурные влияния из Поволжья, Ирана и Кавказа.

Л. Г. Исмаилова

**Азербайджанские пословицы:
происхождение, синонимы, перевод**

Азербайджанцы называют пословицы «слова отцов», а звучит «аталар сёзю». Передавая мудрость, самобытную культуру, мировоззрение и историю народа, они делают нашу речь образной, выразительной и эмоционально влияют на человека.

Советский тюрколог и филолог Афрасияб Векилов отмечал, что уже в средние века использовали в речи пословицы и поговорки [1]. Первым издателем азербайджанских пословиц и поговорок был преподаватель тюркского языка Эриванской мусульманской школы Мамед Вели Гамарлинский [2]. Он ценил пословицы как,

богатейшую сокровищницу народного творчества, и считал, что нужно постоянно изучать их.

Откуда пословицы берут свое происхождение? Любая пословица создавалась определенным человеком в определенное время и при определенных обстоятельствах. Во-первых, в азербайджанском языке можно встретить заимствованные пословицы, например: «Не откладывай на завтра, что можно сделать сегодня» – «*Vi günün işini sabaha saxlama*». Но есть и азербайджанская пословица: «*Əldən qalan, əlli il qalar*» в переводе «Невыполненное дело еще пятьдесят лет пролежит». Во-вторых, коранические пословицы, например: «*Oğul odur, din içində din bəsləyər*», «*Allah heç kimi arxasız qoymasın*», «*Allah sağ əli sol ələ möhtac eləməsin*», «*Allah var, rəhmi də var*».

Большая часть азербайджанских пословиц и поговорок сложена в форме стиха. Многие из пословиц сочинены в форме двустишия, но встречаются пословицы и поговорки из пяти-шести строк. Четко выражена ритмика стиха. Эти поэтические приемы во многом способствуют быстрому запоминанию пословиц и поговорок и, конечно, их широкому распространению.

В пословицах народ славит трудолюбие, мастерство. Лень же осуждается, а лодырей и болтунов высмеивают. Пословицы посвящены семье, дружбе, скупости, обману, предательству, коварству, щедрости, ревности.

Əl əli yuyar, əl də üzü.

Рука руку моет, а руки лицо.

*İgidlik ondur, doqquzu qaçıb
qurtarmaqdır.*

Мужество – десять, девять из
которых – спастись бег-
ством.

Yerin də qulağı var.

Даже у земли есть уши.

Meşə çaqqalsız olmaz.

Лес не может существовать
без шакалов.

<i>Vəfali dost yad olmaz, görməsə yüz il səni.</i>	Верный друг не станет чужим, даже если он тебя не видел сто лет.
<i>Qurddan qorxan qoyun saxlamaz.</i>	Волков бояться – в лес не ходить.
<i>Yaxşılığı elə, at dəryaya; xalq bilməsə də, xaliq bilər.</i>	Сделай доброе дело, брось его в море; даже если народ не узнает, то Творец увидит.
<i>Ev alma, qonşu al.</i>	Не покупай дом, купи соседа.
<i>Qonşu qonşu olsa, kor qız ərə gedər.</i>	Если сосед хороший, (даже) слепая девушка выйдет замуж.
<i>Qonşu qonşu olsa, bağ çəpəri nəylər?</i>	Если соседи хорошие, то к чему забор?
<i>Yaxşı qonşu pis qohumdan yaxşıdır.</i>	Лучше хороший сосед, чем плохой родственник.
<i>Tülkü iki dəfə tələyə düşməz.</i>	Старая лиса дважды поймать себя не даст.
<i>Yaxşılıq yerdə qalmaz.</i>	За добро добром и платят.
<i>Yer var danışarlar, yer var udarlar.</i>	В добрый час молвить, в худой промолчать.
<i>Axmaq başın cəfasını ayaqlar çəkər.</i>	Дурная голова ногам покоя не дает.
<i>Hər deyilənə inanma.</i>	Не всякому верь, запирай крепче дверь.

<i>İt hürər, karvan keçər.</i>	Собака лает, владыка едет.
<i>Gözələ baxmaq savabdır.</i>	На красивого глядеть хорошо.
<i>Yerin də qulağı var.</i>	Даже у земли есть уши.
<i>Alan apardı, satan uduzdu.</i>	Что продано – прожито, что куплено – нажито.
<i>Asta vur, rasta vur.</i>	Стреляй редко, да метко.
<i>Ayağını isti saxla, başını sərin.</i>	Держи брюхо в голоде, голову в холоде, а ноги в тепле.
<i>Biri işləyir, on biri dişləyir.</i>	Не много работников, да много ломотников.
<i>Bir əli yağda, bir əli balda.</i>	Одна рука в меду, другая в патоке.
<i>Dil başı saxlar.</i>	Язык голову кормит.

Любая азербайджанская пословица и поговорка имеет соответствующий русский эквивалент. При переводе необходимо правильно и грамотно передать ее основное содержание, используя русские пословицы.

В азербайджанском языке много пословиц и поговорок. Азербайджанцы любят употреблять их в речи.

Основная литература

1. *Векilov A. П.* Народная поэзия Азербайджана / Под ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Советский писатель, 1978, т. 2, 448 с.
2. *Набиев А.* Взаимосвязи азербайджанского и узбекского фольклора. Язычы, 1986, 286 с.

А. Ш. Кадырбаев**«Революция трех округов»: образование и крах Восточно-Туркестанской республики. 1944–1949**

Очередное восстание мусульманских народов Восточного Туркестана (Синьцзяна) против власти Китая началось осенью 1944 г. после того, как китайская администрация Синьцзяна, представлявшая тогда правящую в Китае партию националистов – Гоминдан, издала указ о реквизиции 10 тысяч лошадей на военные нужды у кочевников-скотоводов – казахов, чьи выступления на синьцзянском Алтае и Тарбагатае активно поддержали широко-масштабным восстанием в Илийском округе уйгуры и дунгане, получившие мощную поддержку в политическом, организационном и военном аспекте со стороны СССР, что предопределило довольно быструю победу «революции трех округов» и, как следствие ее, – образование 12 ноября 1944 г. Восточно-Туркестанской республики (ВТР) в пределах Алтайского, Тарбагатайского, Илийского округов. К власти в ВТР пришла разнородная коалиция политических сил. Наиболее влиятельными были три группировки, внутри которых также не было единства. Первую представляли лидеры казахской общины Восточного Туркестана, ставшие застрельщиками «революции трех округов», отряды которой в силу родоплеменной структуры казахов и их обладания стрелковым оружием, а также мобильности кочевого образа жизни, первое время являлись наиболее боеспособными, хотя и не самыми многочисленными среди повстанцев. Из их среды вышли предводители восстания Далелхан Сунгирбаев (Сокурбаев) и Оспан (Осман, Коспан)-батыр. Группа Оспан-батыра контролировала весь синьцзянский Алтай и часть Тарбагатая. Но противоречия между лидерами отдельных казахских родов и племен превалировали над общенациональными интересами народов Восточного Туркестана. Тем не менее, казахи представляли серьезную угро-

зу синьцзянским китайским властям. Вторая группа опиралась на городское и сельское оседлое население, главным образом, на уйгуров, составлявших основное население трех округов. Она объединялась на основе панисламизма в борьбе с китайской властью в крае и ее лидерами были, как правило, выходцы из знати и мусульманского духовенства, такие как Алихан-тюре, чьи лозунги основывались на «борьбе за чистоту веры», «единстве тюркских народов», «изгнании кафиров» (т. е. «неверных») из региона, имея антикитайскую и антикоммунистическую направленность и лишая себя, тем самым, не только поддержки самых влиятельных для Восточного Туркестана внешних сил, прежде всего, СССР, но и части союзников внутри региона – дунган и местных монголов. И, наконец, самая влиятельная, хотя и небольшая, но поддерживаемая СССР группа просоветски настроенной интеллигенции, за которой стояли нелегальные организации просоветского и прокоммунистического толка, связанные с советскими спецслужбами.

Если на первом этапе существования ВТР доминировала вторая группа, то под давлением СССР уже к 1946 г. просоветская, т. н. «революционная группа» во главе с уйгуром Ахметжаном Касими пришла к власти в ВТР, а в вооруженных формированиях казахов произошел раскол – Д. Сунгирбаев примкнул к ВТР, Оспан-батыр решил вести самостоятельную борьбу с Китаем, сначала с гоминдановским, а затем и с коммунистическим. Коалиция повстанцев распалась, и ее заменили коалиция ВТР с гоминдановским правительством Чан Кайши после мирных переговоров и соглашения с ним, устраивавшего СССР. Над политикой ВТР был установлен фактический контроль СССР при непосредственном участии советских советников. Сначала ВТР договорилась с Чан Кайши и в Синьцзяне 1 июля 1946 г. было сформировано коалиционное правительство во главе с его представителем Чжи Чжуном, в состав которого также вошли А. Касими и его сторонники Д. Сунгирбаев, татарин Бурхан Шахиди, уйгур Абдукерим Аббасов, киргиз Исхакбек Муминов и другие. Однако, непрекращающиеся волнения в Восточном Туркестане, противостояние

во властных структурах ВТР, нежелание Чан Кайши обсуждать вопрос не только о независимости, но и об автономии Синьцзяна в рамках китайского государства, привели к распаду коалиционного правительства. В мае 1947 г. А. Касими и его сторонники покинули Кульджу, где сформировалось правительство Масуда Сабри, и переехали в Урумчи. Началось противостояние между Урумчи и Кульджой, казахами и уйгурами, поскольку первые, считавшие себя застрельщиками «революции трех округов», сочли себя обделенными властью в ВТР, обострились отношения между уйгурами разных районов Восточного Туркестана. СССР, в свою очередь, оказался в непростой ситуации, поскольку и его агенты влияния в лице А. Касими с приверженцами склонялись к обретению Восточным Туркестаном государственной независимости от Китая, апеллируя при этом к СССР, к тому же втянутого с этого времени, хотя и не на прямую, в гражданскую войну в Китае между гоминдановцами Чан Кайши и коммунистами во главе с Мао Цзэдуном. Исход этой войны тогда было трудно предсказать, хотя СССР перевооружил и обучил войска компартии Китая после своей победы над Японией и его оккупации Маньчжурии, передав все захваченное советскими войсками вооружение бывшей миллионной японской Квантунской армии боевым отрядам китайских коммунистов. Поэтому СССР затруднялся на том этапе со своими политическими приоритетами в Синьцзяне. Позиция ЦК ВКП(б) в отношении этого региона до 1949 г. была неопределенной, были даже инициативы, исходившие от лидеров республиканских компартий СССР, в частности секретаря КП (б) Казахстана Ж. Шаяхметова о необходимости «дальнейшего развития национально-освободительного движения некитайских масс в этой провинции» (т. е. Восточном Туркестане).

Но, после победы китайских коммунистов в гражданской войне и их прихода к власти в Китае, провозглашения в октябре 1949 г. КНР, руководство СССР, опасаясь усиления англо-американского влияния в Восточном Туркестане и попыток создания на его территории «исламского государства», по соглашению с КНР

приняло решение оставить регион в составе теперь уже коммунистического Китая, который тогда шел в фарватере советской политики. Руководители ВТР во главе с А. Касими были приглашены на собрание Всекитайского собрания народных представителей и вылетели в Пекин через территорию СССР, где и погибли, согласно официальному сообщению, в авиационной катастрофе. Но есть версия об их гибели в застенках НКВД СССР. Так трагично оборвалась судьба людей, безоговорочно возглавлявших по указанию властей СССР национально-освободительное движение в Восточном Туркестане.

20 октября 1949 г. войска китайских коммунистов вошли в Урумчи. Было сформировано Синьцзянское провинциальное правительство во главе с Бурханом Шахиди, настроенного прокитайски. Восточно-Туркестанская республика пала. Но влияние СССР сохранялось в Восточном Туркестане до второй половины 1950-х гг., когда Синьцзян прекращает свое существование как квазинезависимая провинция Китая и не только де-юре, но и де-факто становится территорией КНР.

Основная литература

1. Султанов Т. И., Сыздыкова Ж. С., Кадырбаев А. Ш. и др. История Центральной Азии. М., 2016, 360 с.

Т. М. Караев

Истины прошлого – ключи к пониманию настоящего, а может и будущего...

Несмотря на кажущуюся изученность Кавказа, истории и культуры населяющих его народов, остается множество неисследованных периодов и проблем. По-прежнему, мало работ, посвященных Кавказу как уникальному единому региону. В этой связи актуальными остаются слова А. Н. Грена о том, что «...никто не пытался изложить связно историю Кавказа, эти *acta martyrum* целых рас человечества, чтобы в связной картине представить со-

циальную и политическую жизнь страны, в которой, как в фокусе сталкивались интересы Востока и Византии, России и Персии» [1]. Актуальны также слова обращения академика Н. Я. Марра к царскому правительству о том, что Кавказ нуждается в комплексном, разностороннем изучении. Актуальными остаются слова сосланных на Кавказ декабристов, назвавших его лабораторией под открытым небом. К изучению Кавказа было привлечено внимание как европейских, так и российских ориенталистов. Интересна история первых экспедиций на Кавказ, которые были организованы вовсе не с гуманитарной исследовательской целью, поскольку их главной мотивацией являлся экономический вопрос. В тексте «Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553–1649 г.» говорится, что «персидские экспедиции велись на широкую ногу и давали крупные барыши» [2]. В этом же источнике указано, что Англия, имевшая к тому времени развитые суконные и иные производства искала пути для реализации своих товаров. Более того, королем Филиппом и королевой Марией 6 февраля 1555 г. было учреждено общество предпринимателей, занимающееся поиском «стран и островов, государств, донныне неведомых», с которыми можно было установить торговые отношения.

Примечательно, что первые путешественники, исследователи называли Кавказ страной, краем, то есть единой территорией. И позже исследователи подходили к теме «Кавказ» как к единому целому. В этом смысле, вполне научно сформулирована тема «кавказцев – яфетидов» Н. Я. Марром.

Предметами торговли, кроме сукна, стали шелк-сырец, драгоценности, пряности, орехи, рис, сера. Из донесения дипломата Дансэ (Франция 1583г.) следует, что агенты английской кампании налаживают торговлю с Россией, ведут торговлю «персиянами и армянами ... от которых получают большое количество шелка-сырца, а потом дорого продают его».

Одновременно с экономическим интересом формируется и политическая концепция европейских стран и России относительно Кавказа. Складывается и культурологический интерес к Кавказу, как к региону с пестрой лингвистической и конфессиональной

картой. Исследователей привлекала проблема сохранения этноразнообразия на Кавказе, несмотря на компактное проживание в нем разных народов. Экзотически окрашенные описания Кавказа европейскими путешественниками постепенно стали заменяться целенаправленными исследованиями, стали появляться первые научные сведения об истории и культуре кавказских народов.

В работе «Кавказ в древнейшей истории нашей страны» Е. И. Крупновой отмечается, что оригинальность и неповторимость памятников культуры Кавказа объясняются географическим положением кавказского перешейка, лежащего на границе Европы и Азии «на скрещении древнейших путей из Восточной Европы в Персидскую и Малую Азию». Он считает, что именно «территориальная близость и наиболее ранние факты взаимосвязей населения Кавказа с древнейшими центрами высоких цивилизаций всего Ближнего Востока, при наличии богатых потенциальных возможностей ... обусловили зарождение ранних форм производящего хозяйства» [3].

Как и столетия назад, современный Кавказ и окружающий его мир представлены друг другу в экономической и политической сферах. Остается уязвимой сфера культуры. Исследования в этой области ведутся хаотично. В последние десятилетия на лицо формирующийся этнонационализм с подтекстом национальной исключительности, титульных и нетитульных народов и т. д. В то же время в истории философии, общественной мысли и литературе кавказских народов найдены истины по многим вопросам социальной философии. Они должны стать не музейными экспонатами, а ключами к открыванию ответов на современные вопросы.

Основная литература

1. *Грен А. Н.* Краткий очерк истории Кавказского перешейка. Языческий период. Киев, 1895.
2. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553–1649 гг. Изв. А.Н., 1933, № 10.
3. *Крупнов Е. И.* Доклад «Кавказ в древнейшей истории нашей страны», Баку, 8 апреля 1965 г.

Е. Н. Касимовская

**Культурные ценности современного
Казахстана: переходный характер
и направления эволюции**

Республика Казахстан являет собой пример страны, для которой распад СССР обернулся новыми возможностями и перспективами. За прошедшее время в стране были созданы институты рыночной модели развития, заложены основы гражданского демократического общества. Это, а также благоприятная мировая конъюнктура цен на энергоносители, способствовали тому, что в течение последних 20 лет экономика Казахстана демонстрировала достаточно высокие темпы роста, выросли подушевые доходы населения, уровень благосостояния в целом. Меняются и прежние ценностные ориентации, сформировавшиеся в условиях иного социально-экономического строя, однако эти изменения идут гораздо более медленными темпами. Многократно доказано, что национальная культура напрямую влияет на уровень социально-экономического развития страны. Поэтому так важно понимать, в каком направлении идет эволюция прежней системы ценностей. Один из наиболее известных и масштабных международных проектов по отслеживанию изменений в системах ценностей различных стран и регионов, Всемирный Обзор Ценностей (World Values Survey), содержит данные по 97 странам мира с 1981 года. Но вплоть до последнего времени аналитические материалы этого проекта не содержали данных по РК: обследования на территории РК впервые были проведены лишь в 2010–2011 гг. Методика Всемирного Обзора Ценностей основана на двух измерениях, объясняющих более 70 % кросс-национальных вариаций ключевых переменных: ценности выживания / самовыражения и традиционные / секулярно-рациональные ценности. Однако, как известно, существует достаточно широкий круг альтернативных концепций соизмерения / сопоставления национальных культур и систем ценностей.

Одна из них – модель Г. Ховстеде, позволяющая количественно сопоставлять культуры на основе пяти индексов: индекса дистанции власти – Power Distance Index (PDI), индекса индивидуализма / коллективизма – Individualism versus Collectivism (IDV), индекса мужественности / женственности – Masculinity versus Femininity (MAS), индекса избегания неопределенности – Uncertainty Avoidance Index (UAI) и индекса долгосрочной ориентации – Long-Term Orientation (LTO). На основе данных параметров был разработан опросник и проведено первичное исследование с целью выявления культурных различий возрастных групп населения Казахстана (до 32 лет, 33–52 года и старше 52 лет). Расчеты индексов производились в процентном соотношении по системе, аналогичной Г. Хофстеде, по шкале от 1 до 120. Сравнение полученных количественных оценок качественных суждений респондентов в различных возрастных группах позволили проследить направления изменений в системе культурных ценностей современного Казахстана: по четырем из пяти параметров (кроме индекса избегания неопределенности) наблюдаются различия в разрезе поколений, причем значения индексов растут. Это позволяет сделать вывод об идущем процессе эволюции системы культурных ценностей в современном Казахстане. Полученные в ходе данного исследования результаты вполне коррелируют с показателями Всемирного Обзора Ценностей по РК. В частности, на вопрос о доверии людям 38,3 % опрошенных высказались «за», а 61,7 % предпочитают осторожное отношение. Ответы на вопросы о важных для ребенка качествах, которым его должна научить семья, оказались довольно противоречивыми с точки зрения соотношения ценностей выживания / самовыражения и традиционных / секулярно-рациональных ценностей: как важные были отмечены чувство ответственности (75 %), терпение и уважение (60 %), трудолюбие (84,7 %), и как относительно неважные – независимость (43,7 %), воображение (12,4 %) и послушание (32,9 %).

Проведенное исследование свидетельствует, что современное казахстанское общество переживает период перехода от системы

культурных ценностей, свойственной прежней социально-экономической парадигме развития, к иной системе, отвечающей реалиям сегодняшнего дня. Это выражается в нарастании индивидуалистского начала, дистанции власти и долгосрочной ориентации у населения независимо от возрастных групп.

Основная литература

1. WORLD VALUES SURVEY Wave 6 2010-2014 OFFICIAL AGGREGATE v.20150418. World Values Survey Association (www.worldvalues-survey.org). Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid SPAIN.
2. *Касимовская Е. Н., Сейдигалиева А. К.* К вопросу об эволюции культурных ценностей в постсоветском пространстве: опыт количественного анализа на примере РК // *Инновационная наука как основа развития современного государства: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции г. Санкт-Петербург, 10–11 ноября 2017.* СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2017, с. 278–283.

Т. К. Кораяев

Хивинское историописание XIX в. как продолжение тюрко-иранской хроникальной традиции

Словосочетание «хивинское историописание» (как, собственно, и «Хивинское ханство») в достаточной мере условно. Обозначения «хивинцы», «хивинские ханы», «хивинские набеги» и т. п. в западной историографии маскирует неточное понимание историко-географических и культурно-политических реалий региона так, как он представлялся самим своим обитателям (или, по крайней мере, образованной элите). С этим связан и довольно произвольный характер определения хронологических рамок существования пресловутого «ханства» (начало XVI – начало XX в.).

Сложившееся словоупотребление затеняет специфическую идентичность Хорезма как целого, вне зависимости от действующей резиденции правителя или царствующей династии, которая в полной мере продержалась вплоть до советизации 1920-х годов,

а во многом сохраняется и сейчас. Такая устойчивость не отменяет, вместе с тем, того факта, что на протяжении тысячелетий этнолингвистическая ситуация в этом громадном оазисе могла радикально изменяться, а вместе с ней трансформировалась и письменная культура. Можно говорить о культурно-языковой тюркизации Хорезмийского оазиса (завершившейся к XV в.), как о важнейшей вехе в историческом сознании местного населения, во всяком случае, его правящей верхушки. Ее патронаж по отношению к местным мусульманским интеллектуалам, наиболее щедрый в эпоху монгольской по происхождению династии Кунгратов, практически совпавшую с «большим» XIX в. (1790-е – 1910-е годы), проявился, в частности, в быстром становлении полноценной традиции придворной хроники на местной форме чагатайского языка. Этот процесс неразрывно связан с двумя ключевыми фигурами: дядей и племянником, учителем и учеником, выходцами из узбекской знати, уроженцами одного селения (Кият, в окрестностях Хивы), выпускниками крупнейших хивинских медресе.

Шер-Мухаммад Амир-Аваз-бий оглы уже в юности отличился как искусный переписчик: сохранились выполненные им высококачественные копии сочинений Навои, датированные 1790-ми годами, в т. ч. исправленная версия руководства по просодии «Мера размеров» (*Мизан ал-аузан*). В 1800 г., после смерти отца, 22-летний Шер-Мухаммад поступил в качестве приказного писца (*фарманнувис*) на службу к Аваз-Мухаммаду Кунграту, фактическому правившему ханством с титулом *инак* (условно «регент»). Это позволило ему свести знакомство с наиболее видными из богословов (*улама*), поэтов и мастеров Хорезма, а впоследствии выдвинуться и самому в роли стихотворца, под псевдонимом (*тахаллус*) *Мунис*. Составление им 1-го сборника своих стихов (*Диван-и Мунис*) и наставления в искусстве переписывания «Грамотность в обучении» (*Савад-и та'лим*) в 1804 г. совпало по времени с важным переворотом в политической истории страны: сын его покровителя, инака Аваз-Мухаммада, Ильтузер захватил власть и провозгласил себя ханом, положив начало кунгратскому династическому режиму в собственном смысле слова.

Новый властелин уже в 1806 г. заказал молодому писцу-поэту хроникальный свод, посвященного хорезмийским владыкам с древнейших времен. Обширному труду «Парадиз преуспевания» (*Фирдаус ал-икбал*) предстояло стать одной из вершин тюркоязычного историописания Центральной Азии. В том же году Ильтузера убили, но Мунис, успевший довести повествование до начала XVIII в., продолжил свои труды по поручению его брата и наследника Мухаммад-Рахима (1806–1825 гг.). Тот, кроме того, в 1819 г. доверил ему перевод-переработку пользовавшейся широчайшей популярностью в тюрко-иранском мире летописи Мирх^анда (1433–1498) «Кушчи безмятежности» (*Раудат ас-сафа*). К этому времени Мунис уже прославился как эрудит, оставивший ценные сочинения в столь разных сферах, как поэтика (антология «Задуманный друг влюбленных», *Му'нис ал-ушиак*, 1815–1820 гг.) и искусственное орошение (трактат «Протоки», *Арналар*); последнее обстоятельство объясняется тем, что, помимо своих придворных обязанностей, он исправлял должность верховного распорядителя водоснабжением (*мираб*) в Хорезме.

Окончания работы над хроникой и переводом не суждено было увидеть ни заказчику, ни автору: первый скончался в 1825 г., второй – в 1829 г., доведя «Парадиз преуспевания» до 1812 г., а «Кушчи безмятежности» – до конца I тома. Однако структура *Фирдаус ал-икбал* была задана. Он состоял из введения-*мукаддима*, 5 глав-*баб* (I: от первочеловека Адама до патриарха Ноя; II: от праотца Иафета до его потомков – прародителей кунгратского племени; III: правление в Хорезме ветви Куриласов – предшественников Кунгратов; IV: предки Ильтузера; V: жизнь Ильтузера и начало царствования его брата) и заключения-*хатима*, слагавшегося из кратких справок об *улама*, суфийских угодниках (*аулийа*), эмирах, беках, поэтах и искусных ремесленниках Хорезма.

Завершить начатое предстояло 20-летнему Мухаммад-Ризе Эрнийаз-бег оглы, также придворному панегиристу с тахаллусом *Агахи*, пользовавшемуся покровительством преемника Мухаммад-

Рахима, Аллах-Кули (1825–1842 г.), который назначил его мирабом. Агахи по масштабам своей деятельности значительно превзошел своего родственника и предшественника, которого в равной мере затмил и поэтической славой. На протяжении царствований Аллах-Кули, а также его преемников Рахим-Кули (1843–1846 г.), Мухаммад-Амина (1846–1855 г.), Сайид Мухаммада (1856–1864 г.) и, наконец, просвещенного государя Сайид Мухаммад-Рахима (1865–1910 г.), чьим наставником его вполне можно назвать, из-под его плодovitого пера вышла целая серия последовательных очерков хроникального плана. Среди них – «Державные кущи» (*Рийад ад-даула*, 1844 г.), «Сливки летописей» (*Зубдат ат-таварих*, 1845–1846 г.) «Султанский сборник событий» (*Джами' ал-ваки'ат-и султани*, 1857 г.), «Цветник державы» (*Гулишан-и даулат*, 1865 г.), «Свидетель преуспевания» (*Шахид-и икбал*, 1872 г.). Не прервалась его усилиями и переводческая деятельность, примерами которой стали многочисленные переложения персоязычной классики жанра. Кроме *Раудат ас-сафа'* и ее продолжения, составленного в 1850-е – 1860-е годы воспитателем иранского шаха Насир-ад-Дина Каджара, Риза-Кули-ханом Хидайатом, среди них почетное место занимают «Необыкновенные события» (*Бадаи' ал-вака'и'*) Зайн-ад-Дина Васифи (XVI в.), «Акбаршаховы разряды» (*Табакат-и Акбаршахи*) Мухаммад-Мукима Хирати (XVII в.) и «Надинова миропокорительная летопись» (*Тарих-и джахангуша-йи Надири*) Мухаммада Махди Астрабади (XVIII в.).

Таким образом, первая половина XIX в. ознаменовалась одновременно пиком могущества кунгратской Хивы, когда, подчинив соседние мелкие владения (аральское, каракалпакские и др.), ее ханы укрепили центральную власть упорядочением налогообложения и увеличением доходов казны (1810-е – 1820-е годы), но вскоре столкнулись с предвестиями российской экспансии (экспедиция В. А. Перовского, 1839–40 г.). Исключительно обширное и многостороннее наследие Муниса и Агахи – яркое свидетельство того, что и в культурно-интеллектуальном отношении

Хорезм (как минимум его придворная среда) на пороге утверждения гегемонии Российской империи переживал заметный подъем, который, несмотря на территориальные потери и установление внешней зависимости, продолжился при последних Кунгратах – вплоть до Исфандийара (1910–1918). Видной чертой этого подъема можно считать выразившееся в активизации оригинального и переводного летописания стремление подвести итоги традиционным формам исторического сознания, которые черпали свои образцы в персоязычной хронистике тимуридского периода, творчески перерабатывая ее каноны.

Т. М. Махаматов

**Экзистенциалистская философия
Чингиза Айтматова**

Чингиз Айтматов получил всемирную известность как великий писатель, гуманист тюркских народов XX века. Появление такой величественной не только литературной, но духовной фигуры в советскую эпоху – очень противоречивую во всех отношениях – подтверждает следующие слова К. Маркса. «Относительно искусства известно, – пишет он, – что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации» [1: 47].

Ч. Айтматов – уникальный писатель современности. Его уникальность заключается в великолепном синтезе достижений мастеров слова XIX и XX вв. Бальзак, Золя, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др. великолепно, тонко и детально описывают свою эпоху, соответствующие характеры ее представителей; В. Гюго, Ч. Диккенс, Дж. Фаулз – раскрывают социально-психологическую интригу; Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Герман Гессе, Франсуаза Саган, Габриэль Маркес, Альбер Камю, Ж.-П. Сартр –

великие исследователи экзистенциального мира человека. Чингиз Айтматов в своих произведениях творчески соединяет все эти стороны литературного мастерства, проявляя, тем самым, всестороннее знание истории и реальность своей эпохи, своей родины и окружающих его людей, их неповторимым внутренним мир, тончайшие нюансы человеческих переживаний, страданий и ожиданий.

Об этом гениальном литературном мастерстве Чингиза Айтматова, написано очень много исследовательских работ литературоведческого характера. Однако, о философском составляющем в его произведениях до сих пор нет более менее солидной работы. Как известно, все великие писатели являются и философами человеческой жизни. Таковым следует рассматривать и Ч. Айтматова.

Луи Арагон о повести Чингиза Айтматова «Джамиля» говорил: «Для меня это самая прекрасная на свете повесть о любви». Не зря в Италии айтматовские повести «Ранние журавли» и «Пеггий пес, бегущий краем моря» удостоены почетной премии *«за глубокий гуманизм и раскрытие человеческого духа»*.

Упомянутые повести, а также великолепнейшая повесть «Белый пароход» не только дополняют ряды произведений по философии экзистенциализма, но развивают понятие экзистенции. Здесь стоит вспомнить Момуна и его внука из повести «Белый пароход», своеобразную диалектику их духовного мира, особенности детской экзистенции. Если добавить внутренние коллизии героев «Буранного полустанка» и «Плахи», то мы видим экзистенциалистскую философию Чингиза Айтматова, которая не только не уступает философии А. Камю, Ж.-П. Сартра и других великих экзистенциалистов, но по своей тонкости, реалистичностью и многосторонностью превосходит ее.

Как философскую стоит рассматривать проблему ограниченности мышления, которая в 80-е годы именовалась как манкуртизм. Чингиз Айтматов показывает разные уровни формирования человеческой ограниченности: физический – это, когда древние кочевники жуаньжуаны своих пленных насильственно

превращали в манкуртов; социально-политический – это результат сталинского тоталитаризма; общепланетарный – это, когда создается космический ракетный «Обруч», который лишает землян от возможного контакта с инопланетянами, от мечты о будущем.

Своеобразная философия покаяния, борьбы добра и зла, можно сказать разрабатывается в романе Чингиза Айтматова «Плаха», романе предупреждения каждого и всех. Как пишет писатель и литературовед Н. Потапов, «творчество Айтматова все шире распахивает перед нами дверь в сферу проблем, от которых зависит социальный и духовный прогресс всех народов земли, завтрашний день планеты» [2: 38].

Одним словом, Чингиз Айтматов – великий современный философ, кладезь интереснейших социально-философских проблем, идей, ожидающий своих исследователей.

Основная литература

1. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд., т. 46., ч. 1.
2. Потапов Н. Айтматов Ч. Т. // Собрание сочинений: В 3-х т. М.: Мол. гвардия, т. 1, 198 с.

Д. Я. Рахаев

Д. С. Клдиашвили и грузинское национальное движение в конце XIX – начале XX века

Давид Самсонович Клдиашвили родился 11 сентября 1862 г. в Западной Грузии, в имеретинском селении Симонети. Первоначальное обучение получил в Кутаиси, в гимназии, затем, в 1872 г., был направлен в Киевскую военную гимназию. В 1880 г. после завершения окончил Киевской военной гимназии Д. Клдиашвили поступил в Московское военное училище, по окончании которого получил назначение на военную службу в г. Батуми. По собствен-

ному признанию, «заново выучил грузинский» (после долгого пребывания вдали от родины).

Стремление к литературному творчеству Давид Клдиашвили проявил еще в ученические годы. Будучи учеником Киевской военной гимназии он стал писать рассказы, принимал деятельное участие в рукописных ученических журналах. В московском военном училище он уже был инициатором рукописного литературного журнала и одним из его активнейших сотрудников. В эти годы он переводил на русский язык произведения грузинского писателя-народника Н. Ломоури.

Ко времени приезда Д. Клдиашвили в Батуми этот город, недавно отвоеванный у османов, переживал небывалый рост. Строительство Баку-Батумской железной дороги, керосинопровода между Баку и Батуми, учреждение ряда крупных торгово-промышленных компаний и т. п. в короткий срок превратили Батуми в важный портовый город Российской империи.

Д. Клдиашвили активно включился в общественную жизнь динамично развивающегося города. Он выступил одним из инициаторов организации грузинского драматического театра в Батуми, воскресных школ для рабочих, бесплатных школ для детей городской бедноты, касс взаимопомощи для рабочих и т. д. С начала 1880-х гг. в грузино-язычной прессе стали появляться корреспонденции Д. Клдиашвили из Батуми по актуальным вопросам общественной жизни. Одновременно он начал публиковать свои переводы на грузинский язык произведений русской, французской и немецкой литературы.

С начала 1890-х годов Д. Клдиашвили выступил в печати уже с оригинальными художественными произведениями. Его первые рассказы «Жернова» (1893) и «Проклятие» (1894) описывают повседневную жизнь пореформенной грузинской деревни, нашли положительный читательский отклик и благосклонную оценку литературных критиков. Окрыленный первыми успехами Давид Самсонович публикует одно за другим следующие свои произведения: «Соломан Морбеладзе» (1894), «Мачеха Саманишвили»

(1897), «Невзгоды семьи Камушадзе» (1897) и др. Грузинский театр в Батуми активно включал новые произведения молодого писателя в свой репертуар.

Особый интерес представляет рассказ Д. Клдиашвили «Жернова», герой которого – молодой обедневший грузинский дворянин Давид Каругделадзе. Собираемый образ грузинской аристократической молодежи конца XIX века, выведенный в образе Каругделадзе, раскрывает перед читателем психологическое состояние сословия, утратившего по воле российского правительства практически все свои права и привилегии, но по большей части так и не сумевшего включиться в бурный торгово-экономический рост Закавказья в позднеимперский период.

В годы Первой русской революции Клдиашвили за участие в Батумских событиях 1905–1907 годов был уволен с военной службы. В Первую мировую войну был возвращён на службу и направлен на Кавказский театр военных действий. Сражался против османов, дослужился до подполковника. После Февральской революции 1917 г. демобилизован, вернулся в родное село.

Кроме повестей и рассказов, творческое наследие Д. Клдиашвили содержит три пьесы, относящихся к числу лучших образцов грузинской классической драматургии. Пьесы Д. Клдиашвили «Счастье Ирины» (1897), «Невзгоды Дериспана» (1903) и «Ненастье» (1914) ярко отображают основную творческую линию писателя – судьбу грузинской аристократии и грузинского крестьянства накануне и в годы Первой мировой войны. В это же время Д. Клдиашвили публикует повести и рассказы «Микела», «В приходе», «Ростом Манвелидзе» и другие.

В пьесах и рассказах Д. Клдиашвили отражены повседневные жизненные ситуации. Крайняя бедность обнищавших дворян создает некий контраст с их высокопарной речью. Этот трагикомический эффект еще усиливается их желанием покрасоваться перед другими и скрыть истинное положение вещей. Они с подчеркнутой вежливостью приветствуют друг друга, справляются о жите-бытье, рассыпаются в комплиментах, бахвалятся и стараются

показать себя перед незнакомыми, в присутствии же родных брюзжат, говорят о своих бедах, жалуются на невыносимую жизнь и т. д. И это является частью их ежедневного бытия.

В начале 1920-х гг. Д. С. Клдиашвили несколько лет ничего не писал. В 1925–1926 гг. написал мемуары «На моем жизненном пути». В 1930 г. Давиду Клдиашвили было присвоено звание Народного писателя Грузинской ССР.

Умер Давид Самсонович Клдиашвили 24 апреля 1931 г. Похоронен в Тбилиси, в пантеоне «Мтацминда».

Ж. С. Сыздыкова

Узбекистан: новая парадигма в региональной политике

Узбекистан – государство, расположенное в самом сердце Центрально-Азиатского региона (ЦАР) с населением более 32 млн человек, которое на протяжении последнего десятилетия показывает высокие темпы экономического роста. Следует отметить, что единственная страна в Центральной Азии (ЦА), которая имеет границу с Афганистаном и поэтому для сохранения безопасности и стабильности в регионе, важнейшее значение имеет внутренняя и внешняя политика Узбекистана.

По итогам внеочередных всенародных выборов 4 декабря 2016 г. с результатом 88,61 % голосов новым президентом Узбекистана стал бывший ранее премьер-министром Республики Шавкат Мирзиев. За время нахождения на посту президента Ш.М. Мирзиев предпринял немало шагов, направленных на укрепление стабильности и добрососедства в ЦАР. Стоит отметить, что самые первые визиты президент Узбекистана совершил именно в приграничные страны Центральной Азии в Туркмению, Казахстан, Киргизию.

Первый государственный зарубежный визит президент Узбекистана Ш. Мирзиев совершил в Туркменистан. На переговорах

с президентом Туркменистана обсуждались вопросы расширенного сотрудничества между странами, прежде всего, в экономической сфере. В качестве наиболее важных были выделены такие отрасли, как сельское хозяйство, топливно-энергетический комплекс, металлургия, туризм, и, конечно же не остался в стороне вопрос использования водных ресурсов. На встрече президенты двух стран выработали общую позицию по ключевым вопросам безопасности в регионе, подтвердив, что стабильности в Афганистане можно добиться только путем переговоров, также на повестке дня были вопросы по борьбе с терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком и организованной преступностью, укреплению региональной безопасности. Главы государства присутствовали на открытии моста Туркменабад-Фараб через Амударью – составной частью международного транспортного коридора «Новый шелковый путь».

Следующий визит был совершен в Казахстан. Во время встречи с президентом Узбекистана Ш. Мирзиевым президент Казахстана Н. Назарбаев заявил, что «Между Узбекистаном и Казахстаном сегодня нет нерешенных проблем: ни территориальных, ни пограничных, ни политических, ни экономических. Мы открыты, как чистый лист для того, чтобы заполнить благими делами на благо наших народов». Президентам также удалось решить одну из застарелых и сложных проблем между странами, использование воды трансграничных рек, что способствует благополучию жителей региона, а значит и укреплению связей между народами.

Итоги государственного визита в Киргизию, эксперты оценили, как «исторические». Стороны подписали Совместное заявление и Договор об узбекско-киргизской государственной границе. Также было принято решение довести уровень двусторонней торговли до 500 млн долл. Речь зашла и о реализации плана по строительству железной дороги «Узбекистан-Кыргызстан-Китай», что, безусловно, способствует расширению взаимовыгодных связей между государствами. И повысит привлекательность стран Цен-

тральной Азии в качестве важного транзитно-коммуникационного звена, связывающего Восток и Запад. Были подписаны Договора о Государственной границе между Узбекистаном и Кыргызстаном стало поистине знаковым событием.

В области внешней политики и безопасности Ш. М. Мирзиевым поставлены задачи, направленные на «укрепление независимости и суверенитета государства, дальнейшего укрепления места и роли страны в качестве полноправного субъекта международных отношений, вхождение в число развитых демократических государств», а также «создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства». Президент Узбекистана Шавкат Мирзиев предложил учредить консультативный совет глав государств Центральной Азии, позволяющий на высшем уровне обсуждать региональные проблемы и находить наилучшие пути их решения.

Примечателен тот факт, что, выступая на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Шавкат Мирзиев предложил принять специальную резолюцию ГА ООН в поддержку усилий государств Центральной Азии по обеспечению безопасности и укреплению регионального сотрудничества. «Главным приоритетом своей внешней политики Узбекистан сегодня определяет регион Центральной Азии. И это – осознанный выбор отметил Мирзиев.

Возможно, что инициативы Узбекистана получат поддержку в регионе и 2018 год станет поворотным в области регионального сотрудничества для стран Центральной Азии, а их лидеры соберутся вместе впервые более чем за десять лет.

Президент Узбекистана сочетает новый курс во внешней политике с реформами во внутренней политике страны. Принята Стратегия развития Узбекистана на 2017–2021 гг., согласно которой планируется проведение колоссальных реформ, модернизацию в общественно-политической, торгово-экономической и валютно-финансовой сферах. Фактически это концептуальный документ представляет собой программу, в соответствии с которой Ш. Мирзиев в качестве президента намерен реформировать страну.

Основная литература

1. *Кадырбаев А. Ш., Сыздыкова Ж. С.* Страна в Междуречье. М.: Социум, 2017.
2. URL: http://www.ng.ru/cis/2017-11-28/6_7124_kazakhstan.html
3. URL: <http://strategy.regulation.gov.uz/ru/document/2>

Ж. С. Хулхачиева**Коммуникативно-деятельностный подход
к обучению кыргызскому языку
(на примере УМК по кыргызскому языку)**

В настоящее время идеи коммуникативной направленности и деятельностного подхода к обучению иностранному языку получили широкое распространение среди дидактов, методистов и преподавателей. Их роль в решении важных проблем отбора содержания обучения, разработки технологии введения учебного материала и контроля овладения им оказалась эффективной для учебного процесса, что привело к использованию и описанию коммуникативно-деятельностного [Арутюнов 1990] и компетентностного подходов в качестве центральной концепции учебника иностранного языка.

В современной методике преподавания иностранного языка учебник неизменно оказывается в точке пересечения профессиональных интересов всех участников системы обучения, которые видят и видят в нем наиболее простой и эффективный путь к повышению качества учебного процесса.

Выбранная в качестве основной концепции коммуникативно-деятельностной направленности, определяет модель построения учебника: «цели – средства – действия – результаты», т. е. исходя из его предназначения (цели) – средств для достижения цели (учебный материал) – действий над материалом (упражнения и задания) – оценки результатов этих действий (средств контроля)» [Арутюнов 1990: 38].

Именно с этих позиций и была построена работа по разработке учебно-методического комплекса для обучения кыргызскому языку как иностранному.

УМК по обучению кыргызскому языку представляет собой особый тип учебных материалов, который не сводится к простой сумме его составляющих, а обладает спецификой, позволяющей отнести его к особой категории учебных материалов, способной в силу своего дидактического потенциала воплощать инновационные подходы в процессе преподавания и изучения иностранного языка.

Взаимодополняющими компонентами УМК являются:

1) программа по дисциплине «Иностранный язык (язык международного общения)». Дисциплина изучается на 1–2 курсах;

2) учебник «Практический курс кыргызского языка» для начального этапа обучения русскоязычных студентов, находящихся вне языковой среды изучаемого языка;

3) хрестоматия;

4) книга преподавателя;

5) учебно-методическое пособие «Упражнения по развитию навыков устной речи для работы в мультимедийной аудитории»;

6) учебно-методическое пособие «Культура речи: основы речевого этикета кыргызского языка»;

7) контрольно-измерительные работы для уровня А1, А2, В1, В2 и шкалы их оценивания;

8) Европейский языковой портфель для студентов-филологов / переводчиков / преподавателей, используемый для самооценки прогресса в изучении кыргызского языка.

Включение перечисленных выше компонентов в структуру УМК обусловлено необходимостью достижения определенных коммуникативных целей, поэтому назначение каждого из них функционально маркировано.

Разнообразие компонентов УМК предоставляет возможность каждому студенту, который обладает той или иной доминантой в плане особенностей учебной деятельности, оптимально использовать свои индивидуальные резервы.

УМК ориентирован на коммуникацию, цели обучения формулируются как задачи общения, которые студенты должны уметь решать средствами иностранного языка. Поэтому первый и самый

важный аргумент кроется в необходимости реализовать каждый из компонентов глобальной цели – формирование межкультурной коммуникативной компетенции и реализации принципа коммуникативно-деятельностного обучения, согласно которому в учебном процессе должны получить отражение не только потребностно-мотивационные характеристики обучающихся, но и их индивидуально-личностные психологические характеристики.

Основная литература

1. *Арутюнов А. Р.* Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М.: Русский язык, 1990, 104 с.
2. *Култаева З. Б.* Поговорим по-киргизски. Бишкек, 2004.
3. *Байтерекова Ж. С. и др.* Практический курс кыргызского языка. Учебник. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009, 516 с.

Экология культуры Востока

Е. Ю. Бессонова

К вопросу взаимодействия с аудиторией японских средств массовой информации

Японские средства массовой информации всегда оказывали влияние на свою аудиторию, формировали информационное поле и общественное мнение. Несмотря на существующую в мире тенденцию к сокращению бумажных изданий, тиражи японских газет продолжают держаться на высоком уровне, так в 2017 г. тиражи газет составляли 42 128 189, то есть в среднем на семью приходилось по 0,75 газеты (сравн. с 2000 г. – соответственно 53 708 831 и 1,13) [1]. Японский читатель воспринимает информацию в соответствии с тем, как ее подают авторитетные СМИ. Сейчас газеты, телевизионные компании помимо своего первоначального информационного пространства заняли прочные позиции и в Интернет-пространстве. Но и сам Интернет-ресурс стал средством массовой информации, выполняющим функции не только информирования аудитории, но и формирования информации.

Японский язык накладывает свой отпечаток на японские Интернет-ресурсы. Сложность японского языка, а именно смешанная письменность (иероглифы, катакана, хирагана), трудная грамматика (устойчивые грамматические конструкции и т. п.) может ограничить доступ к текстовым ресурсам Интернета. Например, считается, что только японцы, завершившие обучение в старшей школе и закончившие высшее учебное заведение, способны прочитать газетный текст. Чтобы не ограничивать свою аудиторию лишь высокообразованным населением, в японском Интернете доступен

большой объем информации, предназначенной для тех, кто еще не освоил иероглифический минимум и не овладел японским языком в полном объеме. Такие ресурсы имеют пометку kids или easy. В новостном сегменте особенно заметен сайт NEWS WEB EASY (<http://www3.nhk.or.jp/news/easy>). Данный раздел был разработан для учеников японской младшей и средней школы, а также живущих в Японии иностранцев. Тексты состоят из 6–7 предложений, все иероглифы подписаны фуриганой (чтением), многие слова снабжены гиперссылками на толковый словарь японского языка для младших школьников, есть функция выделения цветом имен собственных. Новости сопровождаются звуковой поддержкой (диктор медленно читает письменный текст). На данном сайте политические новости представлены редко, но основные события мировой политики обычно бывают отражены. Особое внимание уделяется темам культуры, социальной жизни, подготовки к Олимпиаде 2020 г. Сайты японских министерств, японского парламента, некоторых общественных организаций также имеют разделы предназначенные для детей, например, сайт Министерства иностранных дел Японии (www.mofa.go.jp/mofaj/kids/shigoto/index.html), сайт Министерства земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии (www.mhlw.go.jp/kids/), сайт Министерства по делам почты и телекоммуникаций (www.kids.mpt.go.jp/), Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии (www.mhlw.go.jp/kids/), японский парламент (www.sangiin.go.jp/japanese/kids/html/himitsu/index.html) и др. Также есть большой выбор специальных сайтов, которые дают возможность перевести иероглифический текст в текст с подписанными иероглифами. В этом плане можно говорить о высокой культуре взаимодействия японских средств массовой информации со своей аудиторией, что позволяет привлечь разные слои населения к просмотру предлагаемой информации. Эпоха медиатизации отражается в формах обучения японскому языку иностранных студентов. Студентам, изучающим японский язык, необходимо научиться хорошо ориентироваться в информации, которая подается японскими средствами

массовой информации, быстро находить нужную информацию в многочисленных Интернет-ресурсах, иметь возможность прочитать новость не только из одного источника, но сопоставить информацию из нескольких источников.

Основная литература

1. Сайт ассоциации японских газет 日本新聞協会 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pressnet.or.jp/data/circulation/circulation01.php>
2. Бессонова Е. Ю. Об изучении характерных особенностей текстов онлайн-новостей на японском языке, представленных в Интернет пространстве // Сборник «Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции» (Москва, 15 апреля 2013 г.), серия «Востоковедение и африканистика». М.: ИД «Ключ-С», 2013, сс. 60–62.
3. Бессонова Е. Ю. Комплексное использование Интернет-ресурсов в рамках проведения тематических занятий по японскому языку // Сборник «Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе» (октябрь, 2017 г.). Вып. 17. М.: Издательство «Ключ-С», 2017, сс. 3–11.

К. В. Ермаков

Чхве Икхан (1897 – ?) как исследователь идей корейского конфуцианца Чон Дасана (1762 – 1836)

В минувшем году исполнилось 120 лет со дня рождения Чхве Икхана (1897–?) – человека, внёсшего неоценимый вклад в систематизацию и популяризацию наследия Чон Дасана (1762–1836), конфуцианского энциклопедиста и теоретика реформ государственного управления средневековой Кореи. По сути, Чхве Икхан (в работах отечественных востоковедов советского периода упоминается как Цой Ик Хан) стоял у истоков изучения творчества корейского мыслителя.

В отрочестве будущий корифей исторической науки получил конфуцианское образование. Именно оно сделало для него

возможным впоследствии находиться с Чон Дасаном, как бы сейчас сказали, «на одной волне». С 1934 по 1938 гг. в издательстве «Син Чосон са» выходило многотомное собрание трудов Чон Дасана «Ёюдан чонсо» – «Полное собрание сочинений Ёюдана» (Ёюдан был одним из псевдонимов конфуцианского учёного). Чхве Икхан откликнулся на крупное событие в научной жизни целой серией (свыше шести десятков) публикаций в газете «Тона ильбо». На протяжении полугода – с конца 1938 по середину 1939 гг. – «колумнист» исправно делился с читателями впечатлениями о прочитанном, исподволь пытаясь найти взаимосвязь с злободневными событиями и осмысливая действительность через призму высказываний одного из столпов корейского конфуцианства. Таким образом, Чхве Икхан, выросший сам на конфуцианской классике, сделал изложенные на древнекитайском языке идеи Чон Дасана, что называется, достоянием масс.

С другой стороны, полученное в юности образование западного образца (Чхве Икхан изучал английскую литературу в YMCA – «Юношеской христианской ассоциации», позднее учился на факультете политологии и экономики университета Васэда в Японии) не позволило ему оставаться в стороне от общественной жизни. Большую часть своей биографии Чхве Икхан совмещал научную деятельность с политической: участвовал в антияпонской национально-освободительной борьбе, дважды отбывал за это срок в исправительных учреждениях, однако не «исправился», а, напротив, увлёкся левыми идеями и примкнул к коммунистам.

В 1948 г. Чхве Икхан перебрался на Север, где был депутатом Верховного народного собрания 1-го созыва (1948–1957 гг.), параллельно ведя научно-преподавательскую работу и печатаясь в журналах «Ёкса че мундже» («Всеобъемлющие вопросы истории», в советской литературе фигурировал под названием «Вопросы истории») и «Ёкса квахак» («Историческая наука»). Именно к этому времени относится издание наиболее значимых работ учё-

ного, в том числе и посвящённых Чон Дасану. Среди них можно выделить коллективную монографию «Чосон понгон мальгий сонджин хакчадыль» («Передовые учёные конца феодальной эпохи в Корее»). В 1954 г. она вышла на корейском языке, а двумя годами позже – на русском под заголовком «Передовые учёные Кореи XVII–XIX веков». В 1955 г. публикуется пятисотстраничное «программное произведение» Чхве Икхана: «Сирхакпхавачондасан» («Школа *сирхак* и Чон Дасан»). Будучи основана на материале публикаций в газете «Тона ильбо», книга значительно от них отличается. Целью монографии было вписать Чон Дасана и его мировоззрение в идеологический каркас КНДР, найти для конфуцианского теоретика место в антифеодальном движении масс и подчеркнуть его значимость для нового общества. В этом труде автор изображает героя своего повествования уже не как отдельно взятую личность, а как яркого представителя целого идейного течения.

Одной из последних публикаций учёного стала вышедшая в 1957 г. «Антология произведений Чон Дасана» – «Чондасан сонджип».

Далее сведения о Чхве Икхане обрываются. Можно предположить, что историка и убеждённого коммуниста постигла судьба многих его сограждан в ту турбулентную эпоху конца 50-х годов, сопровождавшуюся целым водоворотом событий: разгромом некоммунистических партий в конце 1958 – начале 1959 гг., ликвидацией фракций в руководстве ТПК в 1956–1959 гг. и установлением единоличной диктатуры Ким Ир Сена.

В июле 1962 года Институт философии Академии наук КНДР выпустил коллективный труд под названием «Тасан чонъягён тхансэн пэкчунён кинём нонмунджип» («Юбилейный сборник статей к 200-летию со дня рождения Чон Ягёна (псевдоним – Дасан)»). Восемь учёных, среди которых были титулованные мэтры северокорейской науки, подробно разбирали различные аспекты воззрений Чон Дасана: от его философских и социально-экономических взглядов до вклада мыслителя в изучение родной исто-

рии и языка. Однако имени Чхве Икхана – одного из пионеров и основоположников «дасановедения» – в списке авторов не оказалось. Это если не прямое, то очень убедительное косвенное подтверждение того, что к тому времени он был как минимум снят с занимаемых должностей, а то и вовсе репрессирован.

Учитывая чуткость, с которой советские исследователи были вынуждены принимать в расчёт новые веяния в северокорейской политической жизни, не стоит удивляться, что начиная с 60-х годов Чхве Икхан перестал цитироваться и в работах отечественных корееведов.

По понятным причинам к югу от 38-й параллели долгие десятилетия также было не принято ссылаться на труды учёного. Интерес к историку-коммунисту резко возрос в 80-е годы на волне демократизации и ослабления цензуры: в 1989 году в Сеуле была переиздана его главная книга о Чон Дасане. В наши дни в Республике Корея одного из основоположников «дасановедения» продолжают переиздавать, изучать и переосмысливать. Думается, что и в отечественном востоковедении настало время «вернуть» произведения Чхве Икхана в научный оборот.

В. Н. Зайцев

**Фактор этнокультурной идентификации
в политической истории Ирана 1918–2018 гг.**

Ко времени окончания Первой мировой войны Иран был отсталой, зависимой от европейских держав страной. Значительная часть его территории вышла из-под контроля крайне ослабленной центральной власти, некоторые районы были оккупированы иностранными войсками. Государство находилось на грани распада и утраты суверенитета. Столетие спустя Иран стал одним из самых мощных и влиятельных государств региона Среднего Востока, страной с динамично развивающимися экономикой и культурой.

Политическая история этого столетия в Иране, насыщенная острейшими общественными противоречиями, кризисами, переворотами, восстаниями и мятежами, иностранной военной оккупацией 1941–1946 гг., реформами, революцией 1978–1979 гг., была также отмечена изменениями в этнокультурной идентификации разных частей его населения. В этих циклических изменениях, напоминающих движение маятника, можно выделить несколько стадий.

1. В годы правления последних Каджаров самым распространённым в Иране типом идентификации было понятие о принадлежности к мусульманской умме в целом или её частям – шиитской, суннитской общинам, различным исламским сектам и орденам. Наряду с этим существовала довольно стойкая субидентификация по этническому признаку или по принадлежности к какому-либо племени или группе племён.

2. После Первой мировой войны в ходе более чем десятилетней борьбы за восстановление суверенитета и территориальной целостности страны в общественном сознании постепенно формировалось представление о сопричастности единому иранскому государству с общей для всего населения историей и культурой. При этом локальные и этнические формы идентификации режимом первого Пехлеви игнорировались.

3. С началом процесса модернизации, предпринятой в 20–30 гг., официальной идеологией государства стала основанная на исторической мифологии разновидность великодержавного национализма. Подданным монархии Пехлеви внушали, что они прежде всего законные наследники могущественных иранских империй древности (этот мотив определил в 1925 г. выбор имени новой династии, отсылавшего к эпохе Парфянской державы, а в 1935 – решение об официальном именовании страны в международных документах Ираном, а не Персией, как это было принято за его пределами).

Все жители страны были объявлены иранцами, а существующие этнокультурные различия между ними считались проявлением богатства и многообразия иранской традиции. В культуре страны, особенно в сфере образования, целенаправленно утверждались светские начала и поощрялось изучение доисламского наследия Ирана.

4. В течение нескольких лет после отстранения Резы-шаха от власти в условиях присутствия в Иране войск СССР, Великобритании и США великодержавная основа официальной идеологии вместе с утратой реального контроля центральной власти над некоторыми районами была временно ослаблена, и вновь оживились сепаратистские устремления (автономистские движения в Иранском Азербайджане и Курдистане), которые силам центрального правительства удалось подавить.

5. По мере формирования в 50–70 гг. авторитарного режима Мохаммада Резы-шаха Пехлеви идеологической базой второго этапа модернизации (широкой программы реформ 60–70 гг. названной «белой революцией») стало дальнейшее развитие доктрины о величии и бессмертии иранского духа, которая определила основное направление развития городской культуры – преимущественно светское и открытое для современных западных влияний. Догмат о единстве иранской нации лежал в основе национальной политики режима. Иранский опыт реформ, официально провозглашённый движением к «великой цивилизации», интенсивно пропагандировался за рубежами страны. Иран стал претендовать на самостоятельную геополитическую роль в регионе Персидского залива, (что некоторые исследователи определяли термином *субимпериализм*). Одновременно возрастала экономическая и политическая зависимость страны от Запада, в основном от США.

6. Системный кризис, приведший к свержению монархии и учреждению исламской республики, свидетельствовал о противоречивых результатах реформ в целом и в частности о том, что традиционная, преимущественно исламская самоидентификация подавляющего большинства (в основном крестьянского) населения страны за годы «белой революции» не претерпела глубокой эрозии, а светские западные нормы жизни, не проникли в его толщу. Это позволило руководству Исламской республики предпринять массированную исламизацию не только системы государственного управления, но и всех сторон жизни общества. Традиционные исламские ценности были поставлены во главу угла. Политическое руководство страны предлагает её жителям считать себя прежде всего правоверными и законопослушными гражданами государства, стремящегося к осуществлению исламских идеалов справедливости. Западные культурные влияния осуждаются как враждебные этим идеалам. Этнокультурные различия в стране, как и при монархии, не признаются основанием для каких либо посягательств на унитарный характер государства. При этом религиозные меньшинства (исключая бахаитов) по закону равноправны с верующими мусульманами и имеют представительство от своих общин в меджлисе. Давление Запада на ИРИ (разного рода санкции и антииранская риторика) служит её руководству стимулом к мобилизации населения на защиту суверенитета и независимой политики страны.

7. Социально-политические противоречия, порождённые как сложностью процессов развития Ирана на нынешнем этапе модернизации, так и продолжающимся внешним давлением (со стороны США, Израиля, Саудовской Аравии) в основном в связи с усилением военно-политической активности ИРИ в регионе ведут к росту протестных настроений в обществе, наиболее распространённых в среде образованной городской молодёжи. Выражая недовольство высоким уровнем безработицы, инфляции и коррупции,

ростом социального неравенства в стране (как это было во время протестных выступлений во всех крупных городах Ирана в конце декабря 2017 – начале января 2018 г.), многие из них также требуют ограничения роли духовенства в политической сфере и отмены ряда основанных на исламских нормах ограничений в культуре, быту и в системе массовых коммуникаций. Оставаясь лояльными гражданами Исламской республики, они тяготеют к светской модели социального поведения и требуют большей открытости страны миру

В. Г. Курочкин

Кукай (774–835) – японский каллиграф и философ языка

Монах Кукай (774–835), помимо того, что является символом и воплощением буддийского учения, основателем школы «Гайного учения истинных слов» (школа Сингон японского буддизма), он также представляет собой фигуру философа-лингвиста, поэта, а также политического деятеля эпохи императора Сага. Обладая незаурядными деловыми качествами, он стал лидером обществ храмов Дзингодзи и Тодзи в Киото, а когда он основывал храмы на горе Коя, обратил в учение богов той местности и стал выполнять роль активного посредника между буддизмом и синто.

Вероятно, храмы того времени представляли собой некие священные обители, выполнявшие одновременно функции отеля и музея. А раз Кукай был лидером подобных обителей, то несомненно это был человек широкой и насыщенной деятельности. Осознавая это, сложно дать ему какую-либо объективную характеристику, которая бы на сто процентов соответствовала бы его действительной персоне.

Творчество его носит глобальный характер. Он активно использовал письменные знаки и стилистические вариации Индии, Китая и Корейского полуострова, а также, что важно в понимании его искусства, придавал знакам всевозможные формы в зависимости от их звучания, ассоциирующиеся с разнообразными явлениями и объектами природы.

В настоящее время понятие «каллиграфия» охватывает узкую и специфическую сферу творчества. Подлинная глубина этого искусства утрачена, а само действие превратилось в простое прописывание иероглифов. С этой точки зрения Кукая можно по праву назвать великим и выдающимся художником.

Для Кукая каллиграфа Индия была далека и во временном и пространственном значениях. Эта страна, где возник буддизм и его позднее ответвление – ваджраяна. Система религиозных верований ваджраяны вызревала в виде собрания поучений Сутры Аватамсака (Сутра Цветочной Гирлянды), которые дали свои плоды на юге Индии. На пике своей трансформации от философии Аватамсаки к «тайному» учению ваджраяны, эта форма буддизма попадает в Китай, где приобретает самостоятельную форму. При этом элементы, свойственные индийскому буддизму не исчезают под влиянием китайской духовной культуры. Таким образом, учение, которое Кукай привёз в Японию, несло следы влияния обеих культур.

К сожалению, Кукаю не удалось достичь Индии, и двадцатилетний план его обучения в Чанъане сократился до двух лет, но даже за этот небольшой промежуток времени он с лихвой смог соприкоснуться с индийской культурой, потому как сам город Чанъань был ещё и крупным международным центром того времени. В Китае были знакомы с индийской письменностью бондзи (сиддхам – одна из североиндийских форм письма, использовавшаяся для записи санскрита. Сиддхаматрика восходит к письменности брахми (через письмо гупта). Из неё развилась письменность деванагари и другие азиатские письменности, в частности тибетское письмо. В настоящее время сиддхаматрика сохранилась

только в Японии). Каждый знак бондзи – совокупность графических элементов, образованных в единую «семенную» литеру. Каждая литера бондзи имеет определённое символическое значение, может обозначать божества буддийского пантеона (например, будду Вайрочана, Амида, а также различных бодхисаттв). Таким образом, бондзи имеют ещё и иконографическое, образное значение, и сама литера уже становится буддой или соответствующим божеством. К примеру, изначально в сутре Аватамсака фигурирует будда Вайрочана, который впоследствии приобрёл приставку «маха» (великий), став буддой Махавайрочана, или Дайнити Нёрай в японском буддизме. Этому будде также соответствует своя литера бондзи. У этой формы записи есть огромный потенциал для трансформации и обозначения новых явлений религиозно-философского опыта.

Рассматривая письменное творчество Кукая с этой точки зрения, он перестаёт быть просто талантливым каллиграфом, его фигура приобретает объём и глубину. В его стиле письма можно рассмотреть «заплатки» и связующие элементы, характерные для бондзи. Так, рассматривая письменные знаки текста «Поучения глухим и слепым», можно заметить стилистические видоизменения иероглифов начальных и заключительных строк этого памятника.

В культурологическом смысле сложно рассматривать каллиграфическое искусство в связке с «тайным» учением японского буддизма, так как обычно эту роль играет учение школ Дзэн. Каллиграфический опус в этих школах часто выполняет функцию выражения просветления. Каллиграфия играла первостепенно значение в так называемой «Культуре пяти храмов».

С «тайным» учением японского буддизма часто связывают развитие философии языка. Примером этому служат строки стихотворения «Ироха» и способ упорядочивания знаков каны «Годзюон» («пятьдесят звуков», «пятидесятизвучие»). Каллиграфический стиль Кукая был настолько индивидуален, что получил определение «Дайси рю» («стиль великого учителя») и никак не мог стать

основой для повсеместного подражания, потому как помимо прочего, в нём отображались его религиозно-философские воззрения.

Основная литература

1. «Ку:кай корэкусён». Изд. «Тикума гакугэй бунко:», 2011.

О. А. Машкина

Императорская экзаменационная система (Кэцзюй) и современные вступительные экзамены (Гаокао) в Китае: эволюция и трансформация

Система императорских экзаменов – «кэцзюй» – просуществовала в Китае более 1000 лет. Она возникла как протест против традиции продвижения родовой аристократии во властные структуры. Однако по форме представляя собой демократический механизм отбора талантливых соискателей на чиновничьи должности из представителей разных слоев общества, по сути, система была элитарно-селективной, поскольку фактически была доступна только тем, кто мог на протяжении десятилетий рассматривать подготовку к экзаменам как основное кредо и жизненное занятие, т. е. главным образом, оставалась доступной для обеспеченных людей и сама была средством получения высокого социального статуса и благосостояния. Отдельные исключения, когда чиновничьи высоты достигали выходцы из низших слоев общества, не противоречат общему представлению о том, что китайская меритократия – «правление достойных» – удел избранных, выражающих интересы не «демоса», а централизованной государственной власти.

Основные дидактические принципы, на которых базировалась система «кэцзюй», это – обучение через зазубривание, некритическое усвоение древних трактатов, верховенство гуманитарного знания над естественно-научным. Предпринимаемые китайскими ре-

форматорами попытки перехода от оторванных от жизни форм и содержания экзаменационных сочинений к злободневным темам современности, оказались малоуспешными. Многие проблемы обучения и оценки его результатов: акцент на теоретическое познание в ущерб развитию практических навыков, схоластика вместо логики, педагогическая авторитарность, подавляющая креативность и инициативность учащихся, недостаток внутренней мотивации на обучение без нацеленности на экзамены – перекочевали в практику современного китайского образования, поэтому оценка исторической и культурологической роли системы императорских экзаменов с позиций сегодняшнего дня является актуальной проблемой не только для Китая, но и для мирового образования в целом. На состоявшейся в 2005 г. в г. Сямэне (КНР) международной конференции «Система императорских экзаменов и ее изучение» высказывалась небезосновательная точка зрения, что формализованная система экзаменов в европейских университетах вводилась в начале XVIII в. не без учета опыта императорских экзаменов, с которым познакомили Европу побывавшие в Китае миссионеры.

В КНР централизованная система государственных вступительных экзаменов «гаокао» была введена в 1977 г. За 40 лет применения она подвергалась многочисленной критике со стороны экспертов и даже была награждена заслуженным эпитетом «экзаменационный ад». Но можно вполне обоснованно задать вопрос: в чем заключаются основания для прочности этой системы? Китайские исследователи указывают разные причины, в том числе, такие, как доступность для молодых жителей, независимо от места проживания и социального происхождения, открытость и прозрачность критериев оценки. Однако более внимательное знакомство с правилами реализации «гаокао» показывают ее изъяны по сравнению с практиками поступления абитуриентов в вузы других стран. На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос заключается именно в преемственности традиций и ценностей китайского общества.

Victor Pogadaev, PhD
Jean Michel Severy, MA

**P. Ramlee and Leonid Utesov:
parallels of creativity**

P. Ramlee (1929–1973) from Malaysia and Leonid Utesov (1895–1982) from Russia are both multitalented personalities and became the legends, each in his own country, primary in the entertainment field but to the great extent also in the context of national culture as a whole. Both of them are “self made men” and became top entertainers exclusively because of their talent, imagination and workmanship. Their fame, although, goes beyond the national boundaries due to the unique character of their talent and universal character of their art.

P. Ramlee proved to be “the best from the best” by all his creative life. From an ordinary actor to the very noted director, composer and singer – that’s was his way. His life was short but he managed to do amazingly much. As a film actor and director, P. Ramlee created a new type of the hero: very kind and charming “little man”, who never loses the optimism and the belief in the future. The ability to combine entertainment with the critical attitude towards social injustice makes his films very relevant up till now. Being a very talented person P. Ramlee found the most important topics for Malay society and skillfully used them as a background for making vivid, pure professional entertainment films. His contribution to the national music culture is unprecedented. Very touching and sentimental melodies combined with his heartfelt voice fascinate the public up till now.

The same is with Leonid Utesov who is the legend and pride of the Russian (Soviet) culture. Regardless of his lack in musical background, he became the most popular singer of his time. In a country where jazz was declared “music of the fats”, he managed to not only establish, but to also preserve for many years to come, the first of the Soviet jazz. Up to the end of his life, Utesov became an irreplaceable leader and a soloist of the self-created band. He was the first performer of a wide array

of songs which left the whole country singing. Unlike P. Ramlee, his involvement in the world of cinema was quite modest. But some of the movies, especially “Cheerful Guys”, (1934) in which Utyosov starred in the main role, with his band, was a great success and considered among the best in the world.

Due to some circumstances, mainly of political nature (the relations between Russia and Malaysia were established only in 1967), P. Ramlee is undeservedly quite unknown to the mass Russian public as well as Leonid Utesov to the public in Malaysia. The only two articles about P. Ramlee in Russia written by Dr. Victor Pogadaev appeared just at the beginning of this Millennium: in “Pocket Encyclopedia of Malaysia” (2000) and in the journal “Asia and Africa today” (2001). The name of Leonid Utesov is quite obscure for Malaysians up till now.

Hopingly this paper will not only pay tribute to both P. Ramlee and Leonid Utesov but also help to promote a livelier cultural dialog between two countries.

И. И. Семенов

«Храбрость» юн как основа этики в учении Мэнцзы

Добродетель «храбрости» юн 勇 занимает особое место в философии Мэнцзы. Китайский мыслитель не включает ее в число своих основных четырех, а в более широком плане – восьми, сгруппированных по четыре, добродетелей, но она, по существу, оказывается неотъемлемой частью каждой из них. Американский исследователь Ли Ерлей объясняет несколькими причинами такое «исключение храбрости из Мэнцзыева списка четырех центральных добродетелей». Ему кажется, что у Мэнцзы критерием отнесения к «центральной добродетелям» было их определение как изначально природных склонностей, к которым он ее не причислял, и потому не считал «образцовой», опасаясь к тому же подчеркнуть значение храбрости в свой «жестокий век», «когда воинские

идеалы и авантюры сеяли разрушения и зачастую искаженные представления о человеческом совершенстве» (с. 145).

Но вряд ли стоит отделять храбрость от природы человека *син*. У Конфуция, как известно, было примечательное высказывание о связи этой добродетели с человечностью: «Кто человечен, тот всегда бывает храбр, но храбрый не всегда бывает человечен» (*Луньюй*, 14.4). Здесь выявляется определенная связь между этими добродетелями, храбрость выступает более общим, чем человечность, понятием, или, если использовать логические термины, человечность, входит в объем храбрости, подчиняется ей, как, скажем, сосна непременно является хвойным деревом, но хвойное дерево необязательно подразумевает сосну, оно может быть елью, пихтой и т. д. Конечно, у Конфуция не было в уме этой терминологии, но своим афоризмом он давал понять, что именно из храбрых происходят человечные, что храбрость – качество более первичное, изначальное, одно из необходимых условий, основ настоящей человечности.

Мэнцзы прямо не ссылается на это высказывание первоучителя, но, по существу, разворачивает заключенную в нем мысль в один из своих центральных и самых больших диалогов – 3.2. Мы уже характеризовали его основные идеи и композиционные особенности. Проводя дальнейшее их обобщение, можно говорить о том, что здесь высшее человеческое качество «премудрость» *шэн* выводится из исходной для него добродетели храбрости *юн*. По большому счету, и сам диалог можно разделить на две части, первая посвящена разработке понятия храбрости, вторая – премудрости. Такому разделению не мешает и вклинившаяся между ними «риторика» *цымин*, которая тоже находит соответствие в *Луньюе*, причем в том же высказывании 14.4, что и процитированный выше афоризм, в предваренном и параллельном ему изречении: «У добродетельного всегда есть что сказать, но у кого есть что сказать, тот не всегда бывает добродетелен». По контексту, риторика как словесное оружие в отстаивании своей позиции относится к части, посвященной храбрости.

Примечательно объяснение этого иероглифа в древнем китайском словаре *Шовэнь цзецзы* Сюй Шэня (58–147 гг. до н. э.), сохранившем немало архаической семантики. Значение *юн* определяется термином «порыв» *ци*, а его ключевыми знаками указываются «сила» *ли* 力, в варианте старого письма – «сердце» *синь* 心, в другом же написании он еще обозначается идеограммой «использование алебарды» *зе юн* 戈用. Таким образом, в нем отмечаются неотделимая от *ци* волевая устремленность, сила, относящаяся прежде всего к внутреннему состоянию, и их связь с военным делом.

Все эти семантические стороны и нюансы вполне просматриваются в главе 3.2, в которой Мэнцзы делает определение понятия храбрости исходным пунктом рассмотрения своего главного тезиса о непревзойденной премудрости Конфуция. Но это храбрость не воина, а «благородного мужа», *цзюньцзы*, в ней на первый план выходит нравственное мужество.

Основная литература

1. *Мэнцзы* в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / Исслед, пер. с кит. прим. прил. И. И. Семененко. М.: Наука; Вост. лит., 2016.
2. Ранняя конфуцианская проза. «Луной». «Мэнцзы» / Пер. с кит. и предисл. И. И. Семененко. М.: ИВЛ, 2016.
3. *Yearley Lee H. Mencius and Aquinas: Theories of Virtue and Conceptions of Courage*. Albany: State University of New York Press, 1990.

Н. Е. Спектор

Поликультурное образование: хобби или необходимость?

«Фестивали, наряды, обычаи, церемонии, ритуалы и убеждения, которые в прошлом придавали человечеству его фольклорное и этнографическое разнообразие, постепенно исчезают или же сужается сфера их существования, тогда как основная часть общества

отказывается от них и усваивает другие формы жизни, в большей степени соответствующие реалиям нашего времени» [1]. С таким видением современных тенденций выступил лауреат Нобелевской премии по литературе 2010 г. Варгас Льюис. Можно ли утверждать, что глобализация, исчезновение границ стимулируют современное поколение молодых изучать и интересоваться другими культурами в силу врожденной любознательности, в качестве увлечения? Или все-таки это жизненная потребность? Мы склоняемся ко второму ответу.

Возрастающая взаимосвязь глобальных процессов в XXI в. создает у молодых людей стимул для изучения и усвоения других культур, поскольку способность говорить на нескольких языках, понимать представителей других народов и чувствовать себя уверенно в иной социо-культурной среде превратились в важные факторы профессионального и жизненного успеха. В этой связи возникает очень актуальная задача: разработка технологий этнокультурного воспитания подростков и молодежи и приобщение воспитуемых к этническим ценностям, под которыми мы понимаем совокупность жизненных установок, идеалов, традиций, которые сами члены этноса считают наиболее характерными для своего народа и, в конечном счете, для предназначения человека вообще. Эта задача особенно актуальна для страны с многоязычным и мультикультурным пространством, на территории которого проживают люди, исповедующих разные религии и ценности. Наряду с Россией, к такому типу государств, несомненно, относится и Израиль.

Рассмотрим некоторые примеры решения проблем этнокультурного и мультикультурного воспитания. В г. Беер-Шева в 2006 г. была основана двуязычная школа, в которой учатся еврейские и арабские школьники в смешанных классах. По мнению учредителей школы, создание двуязычного образовательного пространства, основанного на взаимном уважении, может разрушить стену страха и невежества, отделяющую арабский и еврейский народ. Но пока такого рода практика не стала общей нормой. В современном

Израиле только с 2016 г. утверждена обязательная учебная программа на устном арабском языке для 5–6 классов. В 2017 г. среди учащихся 10-х классов был проведен мониторинг с целью выяснения их отношения к арабскому языку и обществу в целом. Оказалось, что те ученики 10-х классов, которые учили арабский язык в начальной школе, имеют более позитивное отношение к арабскому языку и к арабскому обществу Израиля, чем их сверстники, которые ранее не изучали арабский язык.

Очевидно, что изучение мира другой культуры помогает понять других людей, формирует толерантность и таким образом создает основы общего образа жизни в полиэтнической среде. На наш взгляд, наиболее эффективно формирование основ этнокультуры происходит через развитие эмоционально-ценностного отношения человека к малой родине, осознание своей этнокультурной принадлежности к ее истории и культуре; через активное и позитивное участие в сохранении всего лучшего, что накоплено предшествующими поколениями. Это в свою очередь означает, что лучшей защитой наших культур и языков является их энергичное продвижение на всем пространстве мира.

Основная литература

1. *Варгас Льюса*. Глобализация и культура идентичности / Новости гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. URL: <http://noblit.ru/node/1435>

Р. З. Хайруллин

Целостность и эгоцентричность мировоззрения народов Севера

Учеными, исследующими традиционные общества и культуры, признано, что мировоззрение аборигенных народов существенно отличается от мировоззрения народов, ведущих современный образ жизни. Ученые признают также, что наряду с различиями в мировоззрении аборигенных народов некоторые общие для них ценности существуют. Традиционные аборигенные культуры все-

гда отражали коллективистический подход к взаимной помощи, внутригрупповым и внутрисемейным отношениям, и целостные отношения с природой и другими людьми. Также эти культуры к числу ценностей относили духовность, почитание старших, расширенную семью или клановую систему.

Подобно другим, коренные народы пытались определить для себя фундаментальные истины и понять свое место во Вселенной. Происхождение мировоззрения коренных народов связано с их близостью к окружающей среде. В основе их мировоззрения лежат шесть взаимосвязанных метафизических представлений: все в мире существует в соответствии с принципом выживания; акт выживания осуществляется в соответствии с пульсами (ритмами) естественной энергии и циклами земли; эта энергия – часть некоего великого замысла; все существующее в мире предназначено для того, чтобы обеспечивать баланс, гармонию и полное благосостояние жизни; все существующее в мире есть продолжение великого замысла и, соответственно, содержит ту же самую сущность, как источник, от которого оно происходит; и эта сущность понимается как «дух», который связывает все существующее друг с другом и с мирозданием. В ответ на эти представления, принятые как истины, коренные народы создали образ жизни, соответствующий урокам мироздания. Это воплотилось в символические, близкие, духовные и священные отношения с землей, и эти принципы были отражены в отношениях между людьми и с окружающей средой. Системы смыслов и социального устройства эволюционировали таким образом, что сформировали соответствующий образ жизни; в результате земля матери, семья, клан, нация, мир, Вселенная – все стали частью круга жизни (the circle of life). Коренные народы не видят себя отдельно от окружающего мира; скорее, они являются продолжением этого мира.

Представление аборигенных народов о жизни как сакральном и духовном путешествии нашло отражение и в «центрированности» как цели, направленной на приведение в равновесие духовного и физического и построение жизни в строгом соответствии с ее

естественными законами. Рассуждая о специфике мировоззрения коренных народов, можно представить его как процесс приобщения к знаниям и постижения истины коренными народами как духовное, сакральное и направленное на самосовершенствование путешествие. Этот процесс, или путешествие, требует глубокого почтения и уважения к земле, наряду с пониманием законов мироздания и взаимозависимости всех вещей и явлений. Цель такого познания состоит в том, чтобы обеспечить гармонию и баланс между всеми живыми существами и гарантировать передачу знаний о том, как достигать и поддерживать это равновесие следующему поколению. Такие представления отражают духовную традицию, но их практическая сторона направлена на выживание. Исторически это знание использовалось, чтобы регулировать характер отношений к ресурсам окружающей среды и формировать поведение, гарантирующее длительное выживание.

Коренные народы, подобно другим, использовали символику как средство познания себя, их отношения к друг другу и к окружающей среде. Предки коренных народов создавали истории и легенды и вводили в общине определенные церемонии, символы, ритуалы, обычаи и традиции как средства зашифровывания и передачи этих знаний будущим поколениям. Они были выражены как ценности и системы представлений и передавались через традиционное обучение, предписанные роли, структуры семьи и т. д.

Мировоззрение аборигенных народов содержит три главных ценностных конструкта. Первый – важность духовности и связи между духовностью и природой, включая метафизические аспекты этих отношений. Второй конструкт, связанный с первым, – концепция холизма (holism). Эти две ценностные конструкции отражают важность взаимосвязей между физическим и духовным миром, между индивидуумом и окружающей средой, между разумом, телом и духом, что является самым важным в благополучии человека. Эти принципы находят отражение, например, в медицине, что иллюстрирует взаимосвязи между эмоциональными, умственными, физическими и духовными аспектами благосостояния. Что-

бы эффективно лечить человека, нужно понять отношения между индивидуумами и их непосредственными экономическими и социальными условиями и окружающей средой. Разделение специалистами сфер воздействия на клиента противоречит основным принципам холизма, что нашло отражение в мировоззрении аборигенных народов.

Третий ценностный конструкт в аборигенном мировоззрении – коллективизм. Учеными отмечается расширенное представление коренных народов о семье, что является особенно важным для аборигенных общин.

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Востоковедение

Тезисы докладов научной конференции

Москва, 16 апреля 2018 г.

Редактор: д. филос. н. *Н. С. Кулешова*

Верстка: *Н. В. Булатова*

Подписано в печать 20.01.2018. Формат 60×88 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times.
22,5 п. л. Тираж 122 экз. Заказ № 002.

Научно-исследовательское,
информационно-издательское предприятие «ТЕЗАУРУС»
121248, Москва, Украинский бульвар, 3/5, корп. 2, комн. правл.

Издательство «Языки Народов Мира»
113319, г. Москва, Ленинский проспект, 95

Отпечатано в типографии издательства «Языки Народов Мира»
E-mail: yaznarmir@mail.ru